

ДОЛДИН Н.И. КОЛЫХАЛОВ В.А.

А
Т И
О Р
Р И
И Б
С И
С

П О Б Е Д А

П О Б Е Д А - 70

Мы помним!

Над Россией все небо померкло,
Над Россией большая беда.
Эшелоны уходят в военное пекло,
А назад возвратятся когда?

Похоронки, летят похоронки...
Почернела душа матерей.
Шлют проклятья фашистам вдогонку,
Провожая своих сыновей, дочерей.

Полыхали зарницы кровавою раной,
Не для всех наступал рассвет.
Эту скорбь не унять словами-
Только криком на целый свет!

У станков - старики и подростки
И случался в полях недород.
Русских песен родных отголоски
Нас спасали, да вера в народ.

После этой немыслимой боли
Нам дороже всего во сто крат.
Золотистые перлы восходов,
Ослепительный мирный закат.

Будем помнить! Как пули косили,
Как слеталось на нас воронье.
Берегите великое имя «Россия»
И огромное доброе сердце Её!

Сирота Сибири

Воспоминания выпускников и воспитателей,
учителей и директоров о жизни и судьбе
беспризорников и сирот, воспитанников приютов,
детских домов и интернатов Сибири

МЫ ПОМНИМ МЫ ПОМНИМ МЫ ПОМНИМ

ББК 74.03(253)5
УДК 37:93(253)

Сирота Сибири — Томск: Издательство «Ветер», 2015. — 584 с.

Ветераны детдомовского движения Томской области и Департамент по вопросам семьи и детей Томской области выражают искреннюю благодарность Валентине Васильевне Ермаченко — Исполнительному Директору Томского отделения «Российского Фонда Мира», Николаю Александровичу Вяткину — депутату Законодательной Думы Томской области, Сергею Анатольевичу Жвачкину — Губернатору Томской области за внимание к проблемам беспризорников, воспитанников и выпускников детских домов и интернатов; за поддержку воспоминаний детей войны — выпускников и воспитателей, директоров и учителей детских домов; за содействие и благотворительную помощь при подготовке и издании книги «СИРОТА СИБИРИ», посвященную 70-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной Войне.

© Издательство «Ветер», 2015

*70-летию Победы народа Советского Союза
в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов*

Памяти отцов, которые погибли на полях сражений

*Памяти Матерей, Отцов, братьев и сестер, которые
погибли во времена репрессий, гонений и ссылок*

*25-летнему Юбилею создания организации «Союза ВДДИ» —
«Союза воспитанников детских домов и интернатов
Томской области»*

*Воспоминания «СИРОТА СИБИРИ» посвящаются ветеранам
детдомовского движения на территории Томской области
1990–2015 годов, памяти соратников единения выпускников
и воспитанников детских домов и школ-интернатов
Советского Союза и России:*

*Аввакумовой Римме Петровне, Гаврилову Владимиру
Ивановичу, Буиманову Владимиру Дмитриевичу, Волкову
Георгию Ивановичу, Кашаеву Владимиру Михайловичу,
Новожиловой Лидии Федоровне, Пелявину Юрию
Александровичу, Переверзеву Валерию Альбертовичу,
Соловьевой Наталье Викторовне, Яхину Якову Захаровичу
...и многим, многим другим активным сторонникам
и участникам движения под девизом:*

«СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!»

ВЫПИСКА ИЗ МАТЕРИАЛОВ СОЮЗА ВДДИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Слет выпускников детских домов и интернатов Томской области проходил с 28 по 30 сентября 1990-го года в пионерлагере «Чайка» г. Томска. Принимали участие в Слете более 300 человек, представители 43 детдомов. Гости Слета ВДДИ: из г. Днепрпетровска — «Клуб взрослых детдомовцев» — сопредседатели Арошенин Михаил Михайлович и Баженова Людмила Ивановна, а также депутат горсовета Ребрин Анатолий Федосеевич. В августе 1990-го года у них прошел Всесоюзный Слет выпускников детдомов под названием «У Днепровских порогов». Гости были представители детдомовцев других городов: Симферополя, Абакана, Киверцы, Минска, а также детдомовцы из районов Томской области. Подготовил и провел собрание актив выпускников детских домов и интернатов при участии Томского отделения Детского фонда им. В.И. Ленина.

Избран Совет объединения выпускников детских домов и интернатов в количестве 32 человек и три Сопредседателя Правления, а именно:

1. Лунина Елена Григорьевна, от Детского Фонда, т. 22-30-70,
2. Егоров Виктор Иосифович, г. Северск, т. 4-92-95,
3. Терехов Борис Иванович г. Томск, т. 26-78-24.

Первое заседание Совета объединения выпускников детдомов (оргбюро) состоялось 30 сентября 1990-го года.

Протокол № 1 от 30 сент. 90-го г. (оргбюро):

Повестка дня:

1. Доработка Устава Союза детдомовцев.
2. Распределение обязанностей членов оргбюро.
3. Вопрос о трудоустройстве и жилье выпускников — инф. Шевченко Е.С.

Принято решение:

Союз детдомовцев остается при Томском отделении Детского Фонда им. В.И. Ленина, но имеет свою статью расходов и доходов.

Оргбюро приняло следующие направления в работе Союза:

1. Группа поиска — Кочева В.А., Соловьева Н.В., Пшеничкин А.Я.
2. Группа переписки и связи — Прушинская Н.П., Венедиктова В.А.
3. Группа милосердия — отв. Гаврилов В.И., Макар Н.А.
4. Группа доверия — отв. Свиридов М.И., Нехорошева П.Я.
5. Группа агитации и пропаганды — Переверзев В.А., Домнин Н.Г.
6. Экономическая группа — Егоров В.И., Кашаев В.М., Аулова Н.Я.
7. Группа шефства — отв. Шевченко Е.С., Холодов В.И.

Дежурный день Луниной Е.Г.:
вторник с 9-00 до 18-00 часов,
обед с 13 до 14 часов.

28–30 сентября 1990-го года. Участники 1-го Слета выпускников детских домов и интернатов Томской области

1990 г. Выпускники Колташевского детского дома

А ЧТО ЗА ПОРОГОМ?

Вениамин КОЛЫХАЛОВ,

писатель Сибири. 28 мая 1991-го года

ДЕТИ АРБАТА. О них написано и наговорено больше, чем о юном поколении сибиряков. По грозной воле вершителей судеб, по беспощадному приговору «троек» исчезли в жуткой пучине беззаконий отцы, матери, братья, сестры. Нагрянувшие на Россию лжетеоретики, шулера от политики играючи тасовали жизни-карты. Вовлекали в гражданские войны. Подстрекали на красный террор. Переселяли народы. Рассказывали. Раскрестьянивали. Люди погибали от свинства и штыков. От тифа и зверства палачей. Преступлений не счесть. Сколько их сокрыто в землях и водах нарымских и по всей Сибири?!

Сибирь для государства — огромное лобное место. С великого перелома здесь исковеркано, искалечено столько человеческих судеб, столько изничтожено «врагов народа», что для перечня имен не хватит мемориальных досок. Заведомо очернялись, подвергались гонениям преданные отечеству офицерство, дворянство, интеллигенция. Здесь вершили расправу над вольным казачеством и крепко сидящим на земле крестьянством. И множились, множились сироты.

Потом отгрохотала война. Четыре тяжких года длился подвиг на полях битв, в тылу. И вновь покалеченные детские души. И вновь сироты. Вновь детские дома. Они до сих пор существуют. Их до сих пор много. Это вечный укор обществу, дряхлой системе. Кремлевские мечтатели не переводятся. Прорывается новый тоннель к светлому будущему...

Какой рынок мы ждали? Если спекулянтский — он давно воцарился, окреп. Подогревается многими государственными законами, разными пунктами и подпунктами. Между строк подобных законов можно прочесть: успевай — наживайся! Это для определенных кругов. Для всего народа прочтение другое: *спасай себя, кто может.*

Недавно читал письма бывшего воспитанника детского дома поселка Тогур Колпашевского района. Скорбные строки. Рукой человека двигали безысходность, отчаянье, смертная тоска. Много пришлось перенести земляку лишений и унижений в сибирской глубинке, если вырвался крик души: помогите получить статус беженца и перебраться за границу. Письмо адресовано нашему «Союзу Воспитанников Детских Домов и Интернатов» (Союз ВДДИ). Правление разберется, постарается помочь товарищу по судьбе сделать все возможное, чтобы он обрел на родной земле уверенность в жизни, душевное равновесие.

«Союз ВДДИ» изыскивает возможности, чтобы облегчить участь малоимущих, социально незащищенных. Средств пока мало. Предприятия, кооперативы не торопятся «отстегивать» суммы от своих накоплений. Большинство детдомовцев не отчаивается. Со временем они откроют малые предприятия. Найдут иные пути для пополнения пока тощей казны. Правление ведет поиск воспитанников, покинувших гнезда детских домов и интернатов в разные годы. Дело трудное. Что происходит с питомцами за оставленным порогом детских домов и школ-интернатов, мало кого волнует. Зачастую следы теряются на большаках жизни. Разве трудно в детдомах, интернатах завести Книгу Судьбы?..

Хотя бы в течение двух–трех лет, а может, и более — проследить путь воспитанников, как и чем обернулись для них учеба, трудоустройство, жизнь. Неужели надо пускать следопытов, чтобы они искали адреса детдомовцев, затерянных в безбрежье кусучего бытия, в песках забвенья? Надо не отслеживать воспитанников — сразу точно знать их координаты, прочность жизненных позиций. Теперь же группы «Поиск» и «Переписка» находятся в затруднительном положении. Не всегда удается напасть на след мальчишек и девчонок и старших товарищей по многодетным домам.

Кому не хватает кадров в детских домах, интернатах — обращайтесь в правление «Союза»: бывшие воспитанники готовы работать воспитателями, поварами, нянечками. Они помогут. Они быстро проникнут в ранимые души ребят. В одной из школ области был на празднике: для многих звенел последний звонок. Позже родилось стихотворение, в котором есть такие строки:

*Многим соколятам и орлятам
Школа крылья крепкие дает.
Между первым классом и десятым
Только испытательный полет...*

Дальше начинаются иные высоты. Надо уметь покорять их. Безотцовщине каждый виток жизни дается с великим трудом. Пусть сиротство черпает силы в единении выпускников. Знайте, есть при областном детском фонде такое братство. Вливайтесь в него. Пишите письма. Заходите в трудный и в радостный час.

Выполняю социальный заказ Детдомовского Братства, поэтому и написал письмо-обращение и напоминание: беспризорных у общества быть не должно.

ДЕТДОМОВЦЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ

В годы военных испытаний подростки, отцы и старшие братья которых ушли на фронт, подставили свои слабые и неокрепшие плечи, работали за взрослых, заботились о слабых детях. Дети, чьи отцы погибли, оказались трудовым резервом страны. Архивные документы — свидетели жизни воспитанников и выпускников детдомов и интернатов — детей войны.

СПРАВКА

Томского Горно о состоянии детских домов
в городе 1 января 1945 г., г. Томск (в сокращении)

На 1 января 1945 г. в системе Томского горно имеется 7 детских домов, считая 3 дома специальных (для слепых детей, глухонемых и детский дом с особым режимом). Санитарно-гигиеническим условиям ни один детский дом города не отвечает полностью, тем требованиям, которые должны быть предъявлены к детскому учреждению.

Всех учащихся в детдомах 681 человек, из которых не успевают в учебе 78 человек, отличников — 58 человек. Во всех детских домах имеется детское самоуправление. Детсоветы играют большую роль в организации учебно-воспитательной и хозяйственной работы детдомов. Они контролируют учебу ребят, оказывают помощь отстающим, организуют дежурства, помогают в хозяйственной работе детдома.

Обеспеченность детей одеждой и обувью во всех детдомах неудовлетворительная. Во всех детдомах не хватает обуви и одежды на 50%. 102 человека учатся при детдомах № 12 и 9, так как не могут из-за отсутствия обуви и одежды ходить в школу. Во всех детских домах имеется только одна смена постельного белья, а в детдоме № 12 на 120 человек детей имеется 51 одеяло, 55 простыней, 60 подушек, 50 матрацев. Кроме того, белье все ветхое. Необходимо отметить, что очень часто получается очень некачественный товар. Например, ботинки, сапоги, которых хватило на 3–4 недели.

По решению бюро Томского горкома ВКП(б) от 13 сентября 1944 г. обязаны приготовить для детских домов следующие товары: юбок — 500 штук, свитеров — 500 штук, чулок — 3000, трусов — 1600 штук, веревки — 250. Получено от них: юбок — 700 штук, свитеров — 330 штук, чулок — 830, трусов — 560 штук и веревки — 250.

С 25 ноября 1944 г. для питания детей детдомов установлена следующая норма расхода продуктов на ребенка в месяц: мясо-рыба — 2700 г, жиры — 1100 г, крупа или макароны — 2250 г, сахар — 1000 г, сыр 200 г, сметана 3000 г, хлеб — 500 г в день, мука для подбелки — 300 г, хлеб для мясного или рыбного фарша — 13 г, сухофруктов — 3000 г.

Кроме того, расход картофеля, овощей, крупы, молочных продуктов, жиров, мяса и других продуктов, получаемых от своего подсобного хозяйства, производится по своему усмотрению сверх установленной нормы. Детдома на зимние месяцы топливом не обеспечены. До января месяца почти во всех детдомах топливо совершенно отсутствовало и не было электрического освещения. В январе электричество включили всем, но бывают частые выключения из электрической сети.

*Заведующий Горно (Зайцева) ЦЦНИ ГО.
Ф.80. Оп.3. Д.487. Л.1-2об. Подлинник. Машинопись*

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗЫРЯНСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В сентябре 1942-го года эвакуировали из блокадного Ленинграда детей-сирот и детей, родители которых сражались на фронтах Великой Отечественной войны, в с. Зырянское Томской области. Суровые будни жизни в эвакуации не сломили коллектив детского дома и его молодого директора Евгению Андреевну Мамонтову — ныне ветерана, жителя Невского района Санкт-Петербурга.

Конец 30-х годов... В Чердатах начато строительство двухэтажного здания школы-семилетки. Завершить строительство помешала война. Но школа успела выпустить своих первых учеников. Это был 39–40 год. В 1941 году школа-семилетка, потеснившись, представляет площади для размещения детского дома для детей, прибывших из фронтовой зоны...

В 1942 году в Зырянский район прибывают дети из блокадного Ленинграда, которые также были размещены в Чердатском детском доме. В 1943 году Чердатский детский дом был окончательно сформирован и заявил права на свое существование. К этому времени в нем проживало 250 детей разного возраста...

В 1965 году детский дом был расформирован, и на его базе открылась вспомогательная школа-интернат. Первому директору детского дома № 5 Евгении Андреевне Мамонтовой, вывезшей осенью 1942-го года эшелон с детьми из блокадного Ленинграда в сибирское село Зырянское, посвящены строки:

*Шел состав в Сибирь. В теплушках — дети,
на ногах стоявшие с трудом...
но не на ребят, похожих внешне,
а на изможденных стариков,*

*До костей в блокаду истощавших,
(кое-кто ходил пешком под стол),
вместо диких воплей источавших
под обстрелом тихий-тихий стон...*

Валерий Шумилин

Евгения Андреевна МАМОНТОВА,
*жительница Невского района Санкт-Петербурга,
участник блокадного противостояния*

«В 1941 году я училась на последнем курсе Ленинградского Педагогического института имени А.И. Герцена. В декабре 1941-го в бомбоубежище сдавала государственные экзамены, в феврале 1942-го года получила диплом учителя физики.

9 сентября 1942-го года 6 воспитателей и 50 детей из детского дома № 5 были эвакуированы из Ленинграда. Дети были больны дистрофией. Их родители умерли в блокадном Ленинграде, погибли под бомбежками или сражались на фронте. Самому младшему было три года, а самому старшему — двенадцать. Старались не разлучать детей из одной семьи, если они уцелели. В нашем детском доме было несколько детей из таких семей. (О том, как наш эшелон бомбили по дороге в Сибирь, позднее написал В. Шумилин).

25 сентября 1942-го года эшелон прибыл в Новосибирск. К нашему детскому дому добавили еще 100 детей. На барже плыли по Чулыму. 3 октября 1942-го года прибыли в село Зырянское. 13 октября я стала директором Зырянского (Ленинградского) детского дома. Мне было 23 года, я была самой молодой из воспитателей, единственная имела высшее образование.

Барак, который был выделен под детский дом, первое время был без фундамента. Для отопления взрослые вылавливали бревна из Чулыма, пилили и кололи их, а дети по одному полону переносили дрова к детскому дому. Летом мы завели подсобное хозяйство. У нас было 10 коров, 7 лошадей. Для них взрослые заготавливали сено. На 5 гектарах сажали картофель, сеяли просо и гречиху. Воспитатели работали по 12 часов в группе с детьми, а на следующий день по 12 часов на подсобном хозяйстве. Без выходных.

Дети, ослабленные блокадой, не болели инфекционными заболеваниями. Нам удалось сохранить всех детей. 50 из них вернулись в Ленинград. Остальные остались в Томской области, уехали в другие города. Сейчас многих из них уже нет, а остальные каждый год встречаются у меня дома».

Сейчас директор детского дома Шайдо Татьяна Николаевна заочно, через Интернет и переписку, познакомилась с Евгенией Андреевной Мамонтовой. Свой архив Евгения Андреевна передала в Зырянский детский дом. По ходатайству Татьяны Николаевны в 2005 г. за свой вклад в сохранение жизней детей-блокадников Евгения Андреевна удостоена медали «100-летие профсоюзов России».

*Авторы: Сергеева Мария, Шишкин Алексей, Шахматов Влад.
Начальная школа № 689 Санкт-Петербурга.
Руководитель Крастина Т.М. 2006 г.*

«РОДОМ ИЗ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА»

Машеньке было 6 лет, когда началась война. Большая и дружная семья Васильевых жила в Ленинграде. Отец, ушедший на фронт, вскоре погиб в бою. И на семью одна за другой посыпались блокадные беды: от голода умерла мать, потом одна за другой Машины сестренки. Маша осталась жива, потому что ходила в детские ясли. У военного лихолетья много ликов беды, один из них — обездоленное детство...

При первой возможности раненых и детей начали вывозить через Ладожское озеро на Большую землю. Осень 1942-го года, она навек запомнилась шестилетней девочке, ее сверстникам. О том, что они пережили, лучше всего расскажут строки стихотворения, написанного участником этих событий, ленинградцем В. Шумилиным.

*«Ах, если б можно жизнь начать сначала
И никогда о том не вспоминать,
Как нас в бомбежку Ладога качала,
Как мы спаслись — рассудком не познать.
Друг к другу молча в ужасе прижались,
Когда навстречу ринулись беде:
Суда с детьми в пучину погружались,
А куклы... куклы плыли по воде!»*

Оставшихся в живых после жестоких бомбежек (на Ладоге и в дороге фашистские изверги специально охотились за транспортом с красным крестом) ленинградских детей приютила, согрела, накормила Сибирь.

Поздней осенью детей-сирот привезли в Зырянку. Вспоминая годы, проведенные в сибирском селе, Мария Михайловна через 30 с лишним лет скажет: «Мы всю свою жизнь помним и будем помнить всех тех, кто заменил нам матерей, отцов, бабушек и дедушек». Зырянку она считает своей второй родиной, но Ленинград забыть не может...

После окончания войны Мария Михайловна приехала в Томск, здесь окончила ремесленное училище № 1, поступила на Сибирский электромоторный завод. Здесь нашла свою судьбу — вышла замуж, появились на свет два сына. Многие на заводе знают эту милостивую, энергичную женщину, Марию Михайловну Попкову, ее мужа Александра Ивановича и двух сыновей, которые трудятся в цехе № 1 рядом с отцом. Лишь немногие знают, какой черный след в жизни Марии Михайловны оставила война. И рана эта не заживает никогда.

Долгие годы Мария Михайловна питала надежду, что разыщется все-таки кто-нибудь из их большой семьи. Может быть, что-то она напутала, и не все ее сестрички и братья умерли. Когда ребята подросли, поехали всей семьей в Ленинград. Вспомнила улицу, где жили, вспомнила дома, мимо которых ходила с мамой и папой. Но их дома не было, на месте построено новое здание. Не нашла и родных... Нет никого ближе и дороже у Марии Михайловны, чем бывшие детдомовцы, с кем столько пережито в суровое время войны.

Фашистская чума не истребила, не могла истребить всех ленинградцев. У тех, кто жив, выросли дети, которые уже сами могут постоять за свободу Родины. Сергей Попков, старший сын Марии Михайловны, служил на границе. Честно нес службу рядовой Попков. О нем, о его товарищах, задержавших нарушителя, писала армейская газета. А сейчас младший сын, Володя, служит в рядах Советской Армии. Крепко держит оружие, доверенное ему. В сердцах сыновей

живет материнская боль, материнская память, звучат стихи,
любимые матерью:

*Седины нам накладывает вьюга,
В сердца вселяя грусть по временам.
Как прежде, мы по-прежнему друг друга
Зовем по кличкам, как по именам...
Запомните, мы родом из блокады,
И потому нас старость не берет.*

Е. Пономаренко

*Е.А. Мамонтова на практике
в школе до войны*

*Попкова Мария Михайловна,
1935 г. р. Выпускница
Ленинградского Зырянского
детского дома*

Коллектив Ленинградского Зырянского детского дома

МЫ СРАЖАЛИСЬ ЗА ВАШЕ БУДУЩЕЕ

«Я видел войну. Фронтовые испытания научили меня нести людям радость и добро!»

*Федор Тимофеевич
Бондаренко*

ДЕТСТВО

Я, Бондаренко Федор Тимофеевич, родился 12 января 1926-го года в Купинском районе Новосибирской области. В документах написано — в деревне Нижний Боган, а мама утверждала, что я появился на свет в Апалихе. Был четвертым ребенком по счету. После меня еще родились четыре сестры и четыре брата. Всего было нас двенадцать. Родители занимались сельским хозяйством. Мама, Ульяна Терентьевна, оказалась в Сибири, переехав из Воронежской области по столыпинской реформе, папа, Тимофей Кузьмич, был коренным сибиряком. *В начале 1930-х гг. как зажиточных нас переселили из Новосибирской области на север, в Каргасокский район Томской области.* Мой папа не унывал, он был очень умным человеком, работающим, умеющим приспособиться к обстоятельствам. Ему удалось взять с собой плотницкие и столярные инструменты, чтобы легче обжиться на новом месте. Так мы оказались на спецпоселении в деревне Большой Подъельник Каргасокского района.

Рос я мальчиком любознательным, живым, озорным, хотел сразу все понять и уметь. Любил быть в гуще событий и не быть последним. Как и все дети, играл в прятки, десять палочек, лапу, бабки (кости от животных), городки, кулика на столбике,

Родители — Ульяна Терентьевна и Тимофей Кузьмич

*Мама — Ульяна Терентьевна
Бондаренко. 1941 г. май*

*Федор 15 лет, 8 класс, старшая
сестра Татьяна Тимофеевна*

*1944 г. апр. 9 класс,
Федор Тимофеевич Бондаренко — 1 ряд, второй слева*

догоняшки, в третий лишний, ручеек и другие игры. Соревновались в беге, прыжках в длину, высоту, в плавании, лазанию по канату, работе на турнике (перекладине), брусках, в прыжках через «козла» и «кобылу», лыжные гонки...

К праздничным датам каждый класс готовил свои художественные номера самодеятельности. Я читал стихотворения, пел в хоре, играл на балалайке и в интермедиях. Писал лозунги (порошок зубной + молоко), писал заметки и рисовал в классной стенгазете. В четвертом классе я уже четко понимал, что плохо и что хорошо. В конце учебного года был виден результат: учебный год закончил на «отлично».

Родители были верующими, перед едой обязательно все крестились, но когда папа узнал о полете Гагарина в космос, то молиться перестал. Я же считаю себя атеистом, хотя в душе каждый из нас о Боге думает. В рядах КПСС не был, а в комсомол на фронте вступил, был секретарем батареи.

В 1941 году наша семья перебралась в деревню Мизуркино, ближе к районному центру. Места там красивые: полноводная река Обь с многочисленными притоками, озера и поймы, обширные луга для покоса и пастбищ, кедрач дремучий с множеством зверей (медведи, волки, лисы, белки, соболи, бурундуки и другие) и птиц (глухари, копылухи, тетерева, казары, боровые сороки и пр.), непролазная тайга с небольшими и бескрайними болотами, усыпанными клюквой, морошкой, а на возвышенных местах — брусникой, черникой, голубикой.

По берегам рек и лугам росли: смородина, черная и красная, черемуха, боярышник, калина и рябина — только собирай, не ленись! В каждом доме рыбы было вдоволь, рыбачили на реке и озерах. Жизнь набирала силы, молодежь поднималась на ноги.

ИЗВЕСТИЕ О НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Электричества и радио в Мизуркине не было, все новости привозили на обласках и лодках из Каргаска, что находился в 18 километрах вниз по течению Оби.

22 июня 1941-го г. немецко-фашистские полчища без объявления войны вторглись на нашу территорию. Над Родиной нависла смертельная опасность. О нападении фашистской Германии на Советский Союз жители деревни узнали только утром 23 июня. Весть о войне громом и молнией пронеслась по домам. Люди стихийно стали подходить к конторе рыболовецкой артели. Все понимали, что настала большая беда. На общем собрании было решено — призывному году немедленно выехать в райвоенкомат, а их рабочие места восполнить женщинами и подростками.

— Сын, бросай пока учебу, и будем помогать фронту, чем можем. Скорей всего рыбой. Создается артель государственного лова рыбы (ГОСЛОВ), — сказал отец, — в нее и запишемся, а после войны ты продолжишь учебу. Хотя фашистские изверги бомбят наши города и села, уничтожают все живое, грабят дома, колхозы и совхозы, поверь мне, что германца мы одолеем, как бы ни было нам трудно и тяжело.

Время показало, что слова отца, бывшего красноармейца Гражданской войны, оказались пророческими.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА! ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Мне было 15 лет, и я вышел на работу в образовавшийся «Гослов» вместе с отцом. Все думы были о том, как помочь армии. Ежедневно, несмотря на жару, осеннюю слякоть или 40-градусные морозы, мы добывали рыбу, солили и отправляли обозами в город Томск. На всех работников «Гослова» была наложена «бронь» — нужно работать в тылу.

В теплое время года ловили рыбу неводами стрежевыми и курьевыми, сетями, атармами (в весенний разлив реки Оби), фитилями, мордами, катцами, самоловами, плавежными сетями. Летом рыбу сдавали на засольные пункты, а в холодное время года морозили ее, укладывали в плетеные корзины (100x80x60 см), погружали на сани-розвальни, формировали обозы и гужевым конным транспортом, с остановкой на постоянных дворах (переночевать, накормить, напоить лошадей), увозили.

В зависимости от погоды обозы с Каргаска до Томска добивались за две–три недели, преодолевая путь в 500 километров в морозы, снегопады и метели. В обратный путь обозы шли, нагруженные товарами народного потребления, и везли раненых из госпиталей. Вокруг саней с ранеными собиралась толпа женщин, которые спрашивали: — Вы не видели моего Степана или Ивана. Вы же уходили в армию вместе?

А мы, подростки, допытывали фронтовиков о пулях:

— Сколько пуль враг выпускает? — Как сколько? Вот у меня нет ноги, а у Николая нет рук. Вот и соображай.

Мы не отставали с вопросами: — Ну, хотя бы примерно скажите, сколько пуль на один квадратный метр?

— Если примерно, то пуль 25 будет точно. У них же, сволочей, автоматы да пулеметы.

Мы прикидывали этот метр в своем воображении, двадцать пять пуль, и делали вывод: не проскочишь между пулями, но, может, ранят, я — в госпиталь, вылечусь и опять в бой с врагами. Если не Я, то КТО?? Так мы думали и просились на фронт.

Чем мы виноваты, что сжигают наши города и села, грабят добро, убивают стариков и детей, насилуют женщин? Это бесчеловечно, так жить нельзя! Родину надо спасти от извергов, и мы шли в военкоматы, чтобы нас отправили на защиту Отечества! А если пока не берут на фронт, будем ловить рыбу и отправлять защитникам Родины.

НА ФРОНТ! РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

Я твердо решил, что обязательно пойду воевать, бить проклятых фашистов. Учась в школе, мы знали, что наша молодая Советская Россия — единственная в мире страна рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, окруженная странами капиталистическими, которые не дадут жить нам спокойно. Война обязательно будет, только не знали, когда это произойдет, и мы к ней готовились — развивались умственно и физически: бегали, прыгали, лазали по канату, работали на турниках (перекладине), брусках, плавали, ходили на лыжах, т. е. занимались спортом.

В 5 классе я был уже Ворошиловским стрелком, потом сдал на значок ГТО («Готов к труду и обороне»), ГСО («Готов к санитарной обороне»), ГХО («Готов к химической обороне»).

И 30 апреля 1944-го года, прямо со школьной скамьи (я заканчивал 9-й класс), не говоря о том, что я — рыбак «Гослова» и имею «бронь», воспользовавшись общей суетой, царившей в Каргасокском военкомате, я оказался в команде для отправки на фронт. Заметил, что стоят ребята-призывники в очереди на стрижку, присоединился к ним и дальше от них уже не отставал.

Не успел я попрощаться с родителями, братьями и сестрами. Они даже не подозревали, что я добровольцем поеду на войну, и, проплывая на пароходе «Карл Маркс» мимо родной деревни, мысленно попросил у них прощения: «Я поехал защищать Родину. Жив останусь, сообщу. Простите меня...»

г. Томск 15 февраля 2015-го года

ПРИХОДИТЕ В НАШ ДОМ

Валентина АНИКИНА,
выпускница 1952 года

Сегодня, точнее 17 сентября 1988-го года, в детском доме № 9 г. Томска была организована встреча выпускников-воспитанников детского дома, на которую я, Аникина Валентина, выпускница 1952-го года, летела из г. Горького самолетом. До Томска билетов не было, хотя приобретала я этот билет заранее, поэтому я решила добраться до Новосибирска, но в Новосибирске застряла и ни на чем не смогла добраться до Томска.

День был субботний, людный, никто не хотел внять моим мольбам и просьбам, никто не хотел даже выслушать либо взглянуть на открытку, которая хоть как-то удостоверяла льготу на мой проезд. А когда, наконец, тот, кого я убеждала и слезно просила помочь мне добраться до Томска, понял, все оптимальные сроки прибытия на эту желанную встречу истекли. По расчетам

выходило, что добраться до Томска я смогу только в 23 часа. Естественно, в такое время меня никто ни на какую встречу не ждал, и я вынуждена была купить билет на обратную дорогу, потому что представила себе мытарства, которые ждали меня в самом Томске. Горько на душе, и написала я об этом не для того, чтобы пожаловаться, а для того, чтобы мой голос, полный благодарности, соучастия, услышали те, с кем очень хотелось встретиться.

Для всех Солнце светит одинаково, но вдвойне оно светит тем, у кого есть Родина, родной дом. Таким домом для меня и других пятерых девочек (Татьяны Бочкаревой, Антонины Алиной, Валентины Грималюк, Тамары Махневой, Марии Сапоговой) был 9-й детский дом, который не только вырастил нас до 18-летнего возраста, но и дал нам путевку в жизнь, ибо у всех нас были дипломы об окончании педучилища.

36 лет прошло с того далекого, но памятного нам года. За это время прошла моя трудовая деятельность на ниве народного просвещения (работаю я в школе и по сей день) на горьковской земле, вдали от родного города и детского дома. Но краски того, что дал для меня детский дом, остались самыми яркими, ибо это — краски детства и Родины.

Мне хотелось рапортовать своему детскому дому о том, что я, Аникина Валентина, добросовестно трудилась все эти годы, честно жила, была требовательна к себе и людям, уважала людей, памятуя такую истину: по праву человека, за плечами которого жизнь, полная проб и ошибок, нелегких путей, которые все-таки я преодолевала, потому что никогда не была игрушкой в руках судьбы, я хотела обратиться к воспитанникам 80-х годов, ныне живущих в детском доме.

Дорогие ребята! Любите свой дом, дорожите тем, что у вас есть сегодня. Никакая самая хорошая мебель и прочий комфорт, который создают для вас и шефы, и те, кто работают с вами, не сделают этот дом родным и теплым, если вы не почувствуете себя хозяевами всех благ, которые создаются для вас.

Помните, что в вашей трагедии не виноваты работники детского дома. Ваше будущее счастье — в ваших руках, ибо «дорогу

осилит идущий». Поэтому вашим наипервейшим долгом является, прежде всего, добросовестное отношение как к умственному, так и к физическому труду. Приучайте себя с детских лет к бережному отношению к тому, что имеете. Помните прекрасные слова, они помогут вам в трудную минуту:

*«Как беспокойно на душе!?
Добрее надо быть, добрее.
Как беспокойно на душе?!
Умнее надо быть, умнее...»*

*«Стремись вперед всегда без остановки,
В любой житейской сложной обстановке
Умей не растеряться и гляди на горизонт,
Он вечно манит и зовет нас впереди.*

*Умей в начале жизни убедиться:
Гниет в пруду стоячая водица?
Есть конь — верхом, а нет коня — пешком.
Ступай вперед, учись, трудись
И славен будь добрым трудом!»*

Воспитателям желаю добра и здоровья, терпения и хороших, достойных уважения воспитанников детских домов и интернатов.

P.S.: Извините за сумбурное послание. Горечь, несостоявшаяся радость сковали ум. Пришлось писать на вокзале, стоя, за несколько минут до отправления моего поезда в г. Горький. Хотелось бы, чтобы некоторые строчки из письма в книге о выпускниках напечатали.

*Пусть навечно в сердцах
И в душе этот миг остается.
Как экзамен с названьем:
«Кем стал ты на этой земле?»*

*Приходите в наш дом!
Приходите, здесь ждут вас и помнят.
С замиранием сердца
На вас ребяташки глядят.*

*Вы им очень нужны,
И поверьте, что это не просто.
Что любовь их сыновняя —
Лучшая всех из наград!..*

ОБРЕТЕНИЕ КАШАЕВА

Вениамин Анисимович КОЛЫХАЛОВ

23.04.91 г.

На Шегарке-реке работливый дед Павел имел «личную» мельницу. Медленно вращались без устали жернова. Весело лопотала у запруды вода. Далеко окрест разносился сытный запах мучной пыли. Тянулись подводки помольщиков. Довольные убран-ным урожаем мужики без спора и ругани устанавливали очеред-ность: чье зерно засыпать в бункер. Степенный, рассудительный мельник в просторной рубаше навывпуск зорко следил за немудря-щими механизмами мукомольного заводчика. По веснам рьяно защищал плотину от размыва. Кажется, вечно будет сыпаться

в мешки запашистая мука, а стайки голубей раскормленных и воробьев никогда не перестанут вспархивать с крыш и ограды. Стали долетать слухи, что власти принялись основательно шерстить зажиточных мужиков, бесстыдно отбирать нажитое богатство. Надвигались колхозщина и ссыльщина. Чернели, сгущались грозовые тучи. Начался повсеместный насильственный сгон крестьян в артели.

И гром грянул. Не обнадеживающий, сулящий зеленым нужный дождь. Прокатился ураган небывалой силы, страшного разора. Вырывались вековые корни крестьянства. Крепкую корневую систему безжалостно рубил наотмашь острый топор пресловутой коллективизации. Мельницу у дедушки Павла отобрали, передали в собственность наспех сколоченному колхозишку. Собственника раскулачили, сослали. Страшились: пустит мельник «петуха», быстро «прокукарекает» бесплатное артельное приобретение. Судьба сама распорядилась строго: через год в половодье беспризорную мельницу смыло. Никто не сторожил плотину, не подправлял. Паводок отомстил. Хозяин по воле непримиримых властей отбывал ссылку. Свежеиспеченные колхознички не углядели за мукомольней.

Принудиловщина катилась дальше. Не стало у крестьян своих жнеек, молотилок, мельниц, кузниц, земельных наделов. Произошел неслыханный случай: трутни одолели пчел. Прослеживаю жизненный путь бывшего детдомовца Владимира Кашаева. Думаю: не случись того далекого явного грабежа деда Павла, как бы сложилась судьба мальчугана из деревни Федоревки Шегарского района. Ведь за одним насилием последовало другое. За одним порванным звеном цепи нарушились и другие. Раскулачили главу семьи, стали подбираться к сородичам, имеющим крепкое хозяйство: лошадей, коров, овец, птицу. Горел у властей зуб на трудолюбивую семью единоличников. Не терпелось поскорее разбавить их мирное подворье безвкусной колхозной водицей. Самой отчаянной супротивницей всеобщего строя была в деревне сноха мельника Татьяна Митрофановна.

Подбирались к ней руководилы и так и эдак. Отнекивалась она. Отбрыкивалась. Пугали. Грозили. Обещали послать по этапу

вослед за раскулаченным свекром. Женщина эффектно приподнимала подол, ухмылялась: «Вот вам колхоз!» — «Пишись в артель!» — орали законники. — Все равно доконаем! Откольница! Усадьбу заберем. Землю по крыльцо обрежем!» Хохотали, скалили зубы. «Оставим тебе земли на развод — под могилку!»... Доконали гады. Накаркали вороны...

Не вынесла Татьяна Митрофановна каторжной житухи в колхозе. Насильственно втянули ее в строй самой последней, да в числе первых отпустили вынужденно в мир иной.

Когда умерла мать, Володе не было и пяти лет. Гляжу в корень его исковерканной судьбы. Роковые случайности. В размеренный деревенский уклад грубо вмешались темные силы, расшатали древо жизни крестьян. Словно опущенные семена, гонимые резким холодным ветром, разлетались мальчишки и девчонки по различным приютам и детским домам. Страна обездолила и наспех замаливала свои грехи.

Знакомство наше состоялось тридцать лет назад. Из разных детдомов стекались ребята в деревянное общежитие горнопромышленного училища Томска. Ныне — СПТУ-1. Владимир азы электротехники постигал. Я овладевал слесарным мастерством. Оба пристрастились к парашютному спорту. На прыжки выезжали рано, вставали в четыре часа. Нас выручал безотказный Иван Иванович Тихонов, комендант, — будил в назначенное время. Нам просто повезло, что человек, заменяющий отца, жил в общежитии, и мы находились под его добрым присмотром.

Небо тянуло друга больше, чем меня. Кашаев выполнил на «отлично» семьдесят пять прыжков, получил первый разряд по парашютному спорту. Вдобавок изучил самолет, наслаждался покорением высоты на учебном ястребке ЯК-18.

Потом была совместная стройка — ГРЭС-2. Возводили третью очередь. На ударной комсомольской ударяли по труду и заключенные. Они выполняли бетонные, кирпичные, плотницкие работы. На головокружительную высоту их не потягивало.

На перекурах делились с нами впечатлениями: «За страх платят вам? — Нет.»

«Пусть наматают нам еще по сроку — мы туда не полезем».

Самая высокая отметка там имела пятьдесят четыре метра. Через полтора года высотно-монтажных работ меня призвала армия. Владимир в общей сложности шесть лет занимался электромонтажом на ГРЭС-2. Его помнят — подстанция, котельная, турбинный цех.

Десять лет бригадирствовал в «Сибэлектромонтаж» управлении. С нулевого цикла начинал строительство приборного завода. Через шесть лет вместе с другими сдавал объект под ключ. Вел электромонтаж на жилмассиве приборного завода, в поселке Бактин, на многих томских предприятиях. В настоящее время — слесарь научно-исследовательского института высоких напряжений. Его жизнь — тоже постоянное высокое напряжение. До пенсии восемь лет, а трудовой стаж уже исчисляется внушительной цифрой — 37. На рабочем месте он и слесарь, он и механик. Обслуживает множительную технику. Много в ней сложных узлов. Вверенная машина сумела обрести второе дыхание: вместо положенных семи лет исправно служит десять. Мастерство — самое дорогое обретение.

Выражая полное доверие и понимание, обычно говорят о человеке: с ним можно идти в любую разведку. Такого высокого отзыва заслуживает и Владимир Кашаев. Новая общественная организация — Союз воспитанников детских домов и школ-интернатов (Союз ВДДИ) выдвинул из своих рядов претендента на парламентское кресло кандидатом в депутаты областного Совета Кашаева Владимира Михайловича. Понимаю, весьма надоели народу выборы-довыборы, баталии кандидатов, перечень их платформ. Заседаний, говорильни в областном парламенте много, дел маловато. Жизнь ухудшается. Приходится вертеть на ремне новую дырку, подтягивать животы.

Владимир Кашаев состоит в Правлении Союза ВДДИ. При его непосредственном участии разрабатывались Устав и обращение к избирателям. Там, в частности, говорится: *«...Не обязательно быть предсказателем, чтобы предположить, что ждет (в настоящее время) многих бывших воспитанников детских домов, особенно пенсионеров, многодетных, инвалидов.*

Ни для кого не секрет, что выпускники детских домов уже сейчас являются в нашей стране самой социально незащищенной частью общества. Переход к рынку еще более усугубит и без того нелегкое положение этой малообеспеченной категории людей...». Увы, это так.

Союз ВДДИ Томской области уяснил: без своего активного участия в битве за существование придется туго. Нуждается в защите природа. Нуждается в защите детство. И миллионы людей, стоящих у черты и за чертой бедности. Экология призвана рассматривать не только взаимоотношения человека и окружающей среды, но и взаимодействие людей между собой. Тут изъяснов — тьма. Набатный колокол должны слышать все.

В прошлом году посетил Средне-Васюганский детский дом. Впечатление осталось удручающее. Корпуса обветшали. Новое здание строится черепашьими шагами. Переводить в долгострой детские и дошкольные учреждения — грешно. Неужели Каргасокские власти забьют тревогу тогда, когда на ребячьи головы начнут обрушиваться потолки и стены?! На территории детдома красуется инвалидное изваяние: пионер-уродец. Ему и на шею кто-то намотал провод. Полузадушенный юнец подчеркивает изничтоженной временем фигурой отцовско-материнскую заботу взрослых о своих питомцах.

Рано благодарить государство за такую заботу. Оно в долгу перед детьми. Не должно забывать и о птенцах, выпархивающих из гнезд детских домов. Поэтому так нужны в областном парламенте люди, прошедшие академию, нужны и люди, прошедшие суровые испытания безотцовщины. Они всячески будут поддерживать законы и постановления, направленные на защиту трудового народа, материнства и детства.

ДЕТДОМОВСКОЕ БРАТСТВО

Зинаида КУНИЦЫНА,
журналист. Сент. 2001-го года

«НЕДАВНО знакомая, работающая в столовой техникума, поведала историю о том, как **родная тетка одного из студентов, которого она опекает как сироту, пришла со странной претензией. Она заявила, что ее племянник слишком много... кушает**», — из письма Галины Теушаковой.

Как выяснилось, ее беспокойство было вызвано отнюдь не заботой о фигуре подопечного. Парень как раз был очень даже худенький. Просто у внучки опекуниши предстоял день рождения, и она хотела за счет племянника набрать продуктов для угощения гостей. Работники столовой стали присматриваться к парнишке и заметили, что его эксплуатируют подобным образом постоянно. Тетка даже квартиру дочери сдала квартирантам, а ее с внучкой поселила у себя, чтобы вместе пользоваться средствами, выплачиваемыми государством сироте. А парень боялся противоречить, чтобы не потерять последних близких людей. «Как подумаешь, — пишет читательница Теушакова, — сколько находится еще людей, готовых обидеть сироту, так становится не по себе. Писали же в прессе, как их обманывают, отбирая путем мошенничества полученные квартиры. Целый бизнес на этом паразитирует. Неужели нет какой-нибудь общественной организации, при помощи которой выпускники детских домов помогали бы друг другу? Им это сподручнее, ведь свои проблемы они, что называется, знают изнутри.»

Как удалось установить, такая общественная организация в Томской области есть. Называют ее «Союз воспитанников детских домов и интернатов» — (Союз ВДДИ). Мы попросили ответить на вопросы нашей читательницы председателя Правления Союза ВДДИ Томской области Николая Долдина.

— Наш Союз, — рассказывает Николай Иванович, — был создан в сентябре 1990-го года по инициативе кандидата наук, преподавателя политехнического университета Анатолия Яковлевича

Пшеничкина и других равнодушных к проблемам сирот людей. До этого мы как-то случайно находили друг друга, общались, как близкие родственники. Здесь важны и сочувствие, и совет, и пример в жизни. У каждого бывшего детдомовца — обычно сложная судьба. Они трудно адаптируются в окружающей жизни. Нередко и супругов себе находят из своей же среды. Но, когда пришли рыночные отношения, выживать стало совсем сложно. Вот мы и решили создать собственную организацию. Она, кстати, в отличие от многих других, не имеет налоговых льгот. Но нам удалось привлечь внимание губернатора В.М. Кресса и получить от него кое-какую помощь.

Не для простого времяпрепровождения Союз ВДДИ был создан. В нем — четыре сектора. Всего в организации официально числится двести человек, а на учете — более двух тысяч выпускников. Когда люди приходят за помощью со стороны, им не отказывают — всякого рода формальности в сиротском деле не в счет.

Первый из четырех секторов объединяет ветеранов Союза. Его возглавляет Римма Петровна Аввакумова. Среди его актива есть очень интересные люди, жившие в детских домах еще в военные и довоенные годы, бывшие в свое время сиротами и беспризорниками, пережившие немало драматических моментов в своей жизни. Мы регулярно встречаемся, отмечаем праздники, помогаем друг другу.

Второй сектор (социальной и правовой защиты) под руководством Галины Захаровны Шрайнер бесплатно консультирует и дает советы бывшим детдомовцам по вопросам получения жилья, трудоустройства, учебы. Его участники могут вместе с обратившимся пойти в администрацию и областную прокуратуру, написать заявление в суд или в правоохранительные органы.

Третий сектор — молодежный. Возглавляет его бывший выпускник из Асиновского детдома Сергей Персов. Он называется «Отроки». Недавно, например, его активистам удалось оказать реальную помощь в получении комнаты Елене Скударновой. Но чаще всего им приходится «воевать» с желающими воспользоваться сиротской беззащитностью, когда мошенники или

вымогатели пытаются лишить их жилья. Кстати, и тому парню из письма они могли бы помочь, если, конечно, он захочет. Дело это — деликатное, решаться должно такими органами, как опекунский совет. Он существует при областной администрации.

— Четвертый сектор в Союзе — производственный, — говорит Николай Долдин. — Им руководит Борис Терехов. При секторе создан производственно-торговый центр. Сначала мы планировали на самом деле заниматься производством, солить и консервировать грибы, заготавливать ягоды, орехи. Но это дело не пошло, поэтому вынуждены были переориентироваться на торговлю. По поручению губернатора В.М. Кресса ОГУП «Областной сельскохозяйственный торговый дом» построил для нас на рынке возле площади Южной торговый павильон, в котором занимается Сергей Персов. Вместе с ним работают четыре-пять бывших детдомовцев. Злопыхатели рассказывают об этом предприятии легенды. Особенно это выгодно конкурентам, ведь мы не задираем цены.

Живет производственно-торговый центр очень скромно. Впрочем, материальную помощь особо нуждающимся он в состоянии оказать. Для этого надо написать заявление на имя председателя Союза ВДДИ. Его рассмотрят и примут соответствующее решение. Суммы, как правило, выделяются небольшие. Однако за последние месяцы одному человеку все же помогли в покупке квартиры, другому — в оплате за учебу.

Так и живет Союз ВДДИ Томской области, крепя братство. Не поворачивается язык назвать братство детдомовцев сиротским.

«ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ДОМА»

Первый «сиропитальный» приют в России открыл в 1706 году новгородский митрополит Иов. «Святым» митрополитом руководил трезвый расчет: монастыри получали в дар от государства землю без крепостных и нуждались в рабочих руках. И сироты становились крепостной рабочей силой.

В 1715 году был издан Указ об открытии «госпиталей» для «засорных младенцев». За каждого принесенного ребенка власть назначила плату — 2 рубля. Дешево рассчитывало правительство приобрести рабов! Вокруг этих госпиталей развился посреднический промысел. Специальные комиссионерши привозили туда детей целыми партиями. Страшные были учреждения, эти воспитательные дома! Уход за детьми там был такой, что из 100 детей умирало 50–60 человек даже в лучшие годы. В обычное время смертность была 80–100 процентов. А те, кто выживал, выходили в жизнь физическими и нравственными калеками.

В воспитательном доме в Москве (теперь — здание Дворца труда) была такая ужасающая смертность детей, что дом этот получил прозвище «фабрики ангелов». После 1864-го года часть воспитательных домов перешла в ведение земства. Местные власти пытались отдавать детей на воспитание в семьи за плату 3 рубля в год. Однако это мероприятие не уменьшило смертности детей.

ДЕТСКИЕ ПРИЮТЫ В ТОМСКЕ

Приюты как форма призрения покинутых детей впервые возникли в начале XVIII века при монастырях. Первый немонастырский приют открыт в С-Петербурге в 1837 году при Демидовском доме «призрения трудящихся» для дневного надзора за детьми, «оставленными матерями, идущими на заработки».

Рост безнадзорности и беспризорности детей беднейших слоев населения побудил правящие круги России увеличить количество приютов в стране, для руководства которыми в 1838 году создается Комитет главного попечительства под руководством графа Строганова. Через год, под руководством члена этого Комитета писателя-демократа В.Ф. Одоевского, разработано «Положение о детских приютах», в основу которого было положено требование: «не выводить детей из того сословия, к которому они предназначены по своему званию». Главная задача приютов заключалась в том, чтобы с раннего детства приучать детей к труду, повиновению и опрятности. Надзор и управление приютами в столичных городах возлагались на особые Советы, а в

губерниях и уездах — на губернские и уездные попечительства. Большинство детских приютов входило в Ведомство учреждений императрицы Марии. При этом же Ведомстве действовал особый приют для подготовки смотрительниц, выпускницы которого направлялись для организации и руководства приютами в губернские и уездные города.

В Сибири существовали различные типы учреждений призрения детей, которые чаще всего содержались на благотворительные взносы. В Томске весной 1843-го года инициативная группа горожан начинает работу по подготовке и открытию первого приюта с целью «призрения детей и привития первого нравственного образования низших классов общества».

В Комитет Главного попечительства приютов от имени общественного губернского управления сообщается, что действительная статская советница Завилейская жертвует для приюта свою загородную дачу, а ее отец, томский предприниматель Андрей Попов, сделал первоначальный взнос из своих средств — 8 тысяч рублей ассигнациями.

В ответном письме, за подписью графа Строганова, приветствуется открытие детского приюта, но рекомендуется дачу госпожи Завилейской продать, а на вырученный капитал нанять в городе помещение, чтобы дети бедного населения могли ходить в приют ежедневно. Кроме того, предлагалось для поддержания приюта использовать не только единовременные и постоянные приношения имущих граждан, но и находить средства с помощью устройства благотворительных спектаклей и концертов, базаров и лотерей.

Особая рекомендация касалась подбора и назначения смотрительницы приюта, которая должна иметь соответствующую подготовку к этой деятельности, так как на нее ложатся обязанности, которые не могут быть выполнены без предварительной подготовки. Смотрительница должна знать, как проводить занятия с детьми, преподавать им различные предметы и управлять приютом.

Для приюта, открываемого в г. Томске, Главным попечительством была избрана девица Екатерина Ивановна Рекс,

окончившая образцовый приют, снабжавший смотрительницами все губернские города. В сопроводительном письме указывалось, что девица Рекс совершенно способна к управлению заведением, которое ей будет вверено. Поведение и способности ее совершенно удовлетворительны. Она снабжена необходимыми пособиями и будет полезной при устройстве приюта. Смотрительнице полагалась особая комната в приюте, право пользоваться пищей и 300 руб. ассигнациями жалования ежегодно. При необходимости она сама подыскивала себе помощницу.

Девица Рекс, пользуясь отъездом ее брата С.И. Рекс на место службы в Томск, прибыла вместе с ним к новому месту назначения в конце 1843-го года.

В январе 1844-го года в Томске организовано Губернское попечительство детских приютов в составе: гражданского губернатора С.П. Татарского, Епископа Томского и Енисейского Афанасия, председателя томского губернского управления А. Виноградова, председателя томской казенной палаты П. Гаузенберга, председателя губернского суда коллежского советника Н. Сомова, городского головы И. Филимонова и правителя дел А. Ефремова. Супруга коллежского советника, золотопромышленника И.Д. Асташева — Александра Павловна — «с особым удовольствием» приняла на себя обязанности попечительницы приюта и готова была содействовать устройству столь благотворительного учреждения.

Загородная дача Завилейской была продана за 3100 руб., и в одном из районов города нанят для приюта деревянный дом, рассчитанный на 25–30 детей. К.И. Ливанову, директору приюта, поручено отыскать среди бедных жителей, желающих поместить своих детей в приют. Отношение к приюту в городе неоднозначное: состоятельные люди не видели в нем пользы и были равнодушны, а среди бедных, еще до открытия приюта, распространилась молва о том, что после обучения в приюте мальчиков отдадут в кантонисты (военные поселения), а девочек — работницами на фабрику. Открыт приют 21 мая 1844-го года и, по соизволению Государем Цесаревичем, наименован Мариинским в честь Высочайшего имени ее Императорского Высочества. Наблюдателем

(директором) томского детского приюта от имени Цесаревны назначен статский советник Н. Логинов (С-Петербург). Сохранились отчеты деятельности Мариинского приюта за 1845–1847 гг., которые свидетельствуют о том, что с 1844 по 1845 гг. в приюте проживало 24 воспитанника от 4 до 8 лет (9 мальчиков и 14 девочек), да ежедневно приходящих — 4 детей. За двоих детей приплачивали родители, остальные содержались бесплатно.

Существовал приют на благотворительные взносы имущих граждан. Значительные суммы вносили супруги Асташевы и другие состоятельные жители Томска. В зависимости от своих возможностей и рода деятельности граждане жертвовали не только деньгами, но и вещами, продуктами питания.

В нанятом помещении приют просуществовал не более года. Большой пожар, случившийся в Томске летом 1845-го года, не пощадил и его деревянное здание. Попечительница приюта А.П. Асташева размещает оставшихся без крова детей во флигеле своей усадьбы, который был перестроен в соответствии с новым назначением: особая столовая, спальни для мальчиков и девочек, комнаты для смотрительницы и ее помощницы. Кроме того, А.П. Асташева снабжает детей и служащих приюта необходимой одеждой, обувью и посудой.

В новом помещении у приюта появилась возможность увеличить число воспитанников на 27 человек. Большинство из них приходят в приют только на день. В приюте учат читать и писать, считать и вычислять на счетах. Дети изучают Закон Божий, молитвы, Священную историю, символы веры. Особое внимание уделяется хоровому пению, так как оно «умягчает нравы и приносит успокоение сердцу». Через хоровое пение приходит к детям принятие всех служб, молитв и народного гимна — «Боже, царя храни!» Для занятий с детьми приобретаются учебные пособия, шерсть, нити для рукоделия. Воспитанники учатся вязать чулки, шарфы, шапки, плести кружева, изготавливать ватные одеяла.

Приют был доступен для граждан всех сословий, но чаще это были дети из мещан (мастеровые люди свободных званий), немало детей было из обедневших дворян, чиновников и низших военных чинов. Посещали приют дети крестьян, крепостных

(живущих по паспорту), церковных служителей, кузнецов. По возрасту это дети от 4 до 8 лет. Выпускались из приюта — в десятилетнем возрасте, но иногда «по уважению и крайней бедности родителей и по видимой помощи, приносимой приюту, дозволено находиться в приюте двенадцатилетним». Постоянно проживали в приюте дети совершенно бедных горожан, сироты из деревень и даже из других городов Восточной Сибири. Количество воспитанников приюта возрастало ежегодно. Так, если в 1845 году в приюте числилось 25 воспитанников, то к концу 1846-го года их стало вдвое больше, а к концу 1847-го года достигло 80 человек.

Изменилось и отношение к приюту со стороны томичей. Если в первый год его существования родители опасались за будущее своих детей, то, как свидетельствуют ежегодные отчеты о деятельности приюта, за короткий срок «видимая польза приютского воспитания быстро увлекла за собой мнение всех классов жителей губернии. Даже более образованное купечество намерено отдавать детей своих с платою».

«Достижения детей стали возможны в силу благодеяния попечительницы А.П. Асташевой, обновившей жизнь детей и ставшей им второй матерью. Смотрительница приюта госпожа Рекс своими неусыпными трудами и примерным вниманием к своим обязанностям приобрела общую доверенность в публике. С полным усердием и похвалой исполняли свои обязанности и ее помощницы: госпожи Аникина и Кочетовская.

Управление приюта признает повсеместную пользу от учреждения детского Мариинского приюта и отмечает, что учреждение их в Сибири принесет пользу для главной массы народа, требующего в детях своих просветления и своевременного очищения от природной грубости их, невежества и всех прочих наклонностей. Четырехлетнее же влияние и заботливости Попечительницы об усовершенствовании вверенного ей заведения упрочили народное мнение и известность Томского Мариинского приюта в соседствующих губерниях».

На этом заканчиваются ежегодные отчеты, отражающие период организации и первых лет работы детского Мариинского приюта на территории усадьбы Асташевых. К сожалению,

о последующих годах работы этого учреждения мало что удалось выяснить.

Из других источников известно, что А.П. Асташева оставалась попечительницей приюта до конца своей жизни (1853 г.), после чего его содержание принял на себя И.Д. Асташев. Капитал приюта к этому периоду достиг 31618 рублей. 23 июля 1865-го года И.Д. Асташев приобрел земельный участок, на котором на свои средства выстроил двухэтажное каменное здание стоимостью 25000 рублей и подарил его Мариинскому приюту. Ныне это здание расположено на углу ул. Люксембург 17 и пер. Совпартшкольный. При И.Д. Асташеве на полном содержании находилось 25 детей и 75 детей, приходящих на день, которых он снабжал зимним теплым платьем, а аптеки бесплатно отпускали лекарства. Воспитание детей приходящих обходилось в 30–40 рублей, а пансионеров — в 50–70 рублей в год. За свою благотворительную деятельность И.Д. Асташев был пожалован орденом Св. Анны 2-ой степени (1848 г.), а в 1859 году получил орден Владимира 4-ой степени и, кроме того, назначен почетным попечителем Мариинского приюта.

С 1869 по 1874 годы приют находился на содержании наследника И.Д. Асташева — сына Вениамина, который расходовал на эти цели в год по 3–4 тысячи рублей и пожертвовал земельный участок, где его отец построил здание для приюта.

В дальнейшем содержании приюта значительная роль принадлежала супругам Цибульским. Захарий Михайлович Цибульский, общественный деятель, меценат, почетный гражданин Томска еще с 1847-го года, по своему желанию возложил на себя обязанность старшины приюта и уже через год получил Высочайшую благодарность «за ревностное содействие делам приюта». Высочайшие «особые благоволения» он получал неоднократно и в последующие годы, а в 1871 году ему пожаловали орден Св. Святослава II степени за постоянные жертвования в пользу приюта. В 1875 году, по предложению полковника В.И. Асташева, Цибульский дал согласие содержать Мариинский детский приют на собственные средства, а его жена, Ф.Е. Цибульская, была назначена попечительницей приюта. С этого периода в Мариинский

детский приют принимали только девочек (60 человек), а мальчики, нуждающиеся в признании, воспитывались в Томском Владимирском приюте.

З.М. Цибульский содержал приют до 1886-го года. Вместе с женой он устроил для детей загородную дачу за 5281 рублей и произвел на земле приюта новые постройки на сумму 24000 рублей. В течение ряда лет супруги Цибульские пожертвовали 143 тысячи рублей на приют. За оказание щедрой помощи и увеличение уставного капитала приюта в 1881 году они были удостоены Высочайшей благодарности Императрицы. Стараниями Ф.Е. Цибульской была значительно улучшена программа обучения воспитанниц, расширенная до размеров курсов сельских учительниц. С 1875-го по 1888 годы такое звание было присвоено 40 выпускницам, а это в 10 раз больше по сравнению с 1875 годом.

Капитал приюта составил 130 тысяч рублей к 1 января 1889-го года, воспитанниц было 46 человек в возрасте от 4 до 18 лет. В приюте была небольшая больница на 5 коек. За 50 лет существования в приют принято 1224 ребенка, из них умерло 30, это свидетельствовало об относительно хорошем уходе за детьми. Для сравнения: в подобных учреждениях других территорий смертность детей доходила до 40 процентов.

Томский детский Мариинский приют был известен в столичных городах России не только по результатам благотворительной деятельности горожан. Работы рукодельниц приюта отправлялись в Петербург в дар Государыне Императрице и по достоинству оценены. В разное время приют посещали Великие князья Владимир (1862 г.) и Алексей Александровичи (1879 г.). Детский Мариинский приют, хотя и содержался на благотворительные взносы, но находился под началом губернаторской власти.

Кроме детского Мариинского приюта в Томске существовали и другие учреждения подобного типа. В 1855 году Тюремным комитетом был открыт приют исключительно для детей арестантов. В честь Великого князя Владимира Александровича, посещавшего приют, был назван Владимирским. В 1869 году этот приют был преобразован так, что в нем воспитывались не только дети арестантов, но и дети свободных горожан. Приют посещали

100 детей: 50 мальчиков и столько же девочек. Обучение здесь шло по программе начальной школы. Штат работников состоял из смотрительницы, ее помощницы, надзирателя для мальчиков, священника приютской церкви, двух учительниц, врача, фельдшера, регента (учителя пения), учителя сапожного и переплетного мастерства и прислуги. На выходе из приюта воспитанники получали по 50 рублей, а наиболее способным детям выдавали средства для дальнейшего обучения. Содержалось это заведение за счет процентов с капитала приюта, взносов почетных членов, прибыли от ежегодно устраиваемых лотерей. К этим средствам добавлялась плата от Тюремного комитета за содержание арестантских детей по 80 рублей в год за каждого. Общий капитал приюта к 1 января 1875-го года достиг 63167 рублей. Недвижимое имущество оценивалось в 40000 рублей.

Братья Королевы в 1874 году открыли в Томске приют для детей, в котором воспитывались 20 мальчиков. Содержались дети в приюте до 12 лет, после чего возвращались родственникам или отдавались для обучения в ремесленное училище. За 20 лет существования приюта Всеволод и Евграф Ивановичи Королевы потратили на содержание приюта 20000 рублей.

При Томском Благотворительном обществе в 1886 году был создан приют, средства на содержание которого пожертвовал неизвестный гражданин. Через председателя общества М.А. Гилярова он передал 39100 рублей с условием, чтобы 4000 рублей были израсходованы на постройку здания, которое бы носило название «Приют, устроенный и содержимый на пожертвования благотворителя Богу известного». В созданном приюте дети обучались как изготовлению обычных вещей, так и созданием изящных предметов, продавая которые в 1911 году заработали 1263 рубля. При Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре существовал детский приют трудолюбия, в котором находилось 53 девочки в 1912 году. Их обучали кройке и шитью, вязанию, типографскому и переплетному делу, а также ведению домашнего хозяйства. Особая роль в создании учреждений для воспитания детей бедных слоев населения г. Томска принадлежала обществу «Ясли», организованному гражданскими лицами. Возникновению

этого общества предшествовало существование детских приютов при церковных попечительствах. Об одном из таких приютов опубликован материал томского журналиста Э. Стойлова (газета «Красное Знамя» № 43 от 20 июня 2000-го г.).

«...Ясли», располагавшиеся в двухэтажном кирпичном особнячке по теперешнему адресу: пр. Фрунзе 14, представляли в 1900 году уже совершенную по тому времени форму организации такого учреждения... В них находились дети в возрасте от пяти недель до семи лет с 5–6 часов утра и до 8 часов вечера. Надзирательница осматривала приносимых детей, сомнительных в отношении здоровья отправляли в больницу с особым бланком. Принимались только дети с привитой оспой. Детей мыли каждый день, одевали в приютское платье. Детям давали ржаной кофе с молоком и хлебом, в обед давали суп с мясным фаршем и молочную кашу, на ужин молочную кашу и кофе. За дневное содержание плата составляла 5 копеек, ничтожно малая даже по тем временам». Приют осуществлял дневное призрение детей, различный уход, снабжение пищей и одеждой

Так как средства на содержание детского приюта и деятельности общества «Ясли» были ограничены, то сразу же начинается сбор пожертвований. Для этой цели в разных учреждениях и у частных лиц были выставлены кружки для пожертвований и рассылались письма, которые приглашали горожан к оказанию помощи детям. Приют ежедневно посещали от 15 до 40 детей. По званию преобладали дети крестьян, мещан и чиновников. По вероисповеданию были православные, католики, иудеи.

Из отчета общества «Ясли» за 1910 год видно, что приют в центре города остро нуждается в средствах для крупного ремонта здания, особенно необходимо провести водопровод. Ибо водовозу переплачивать приходилось ввиду частой стирки детского белья. За этот год было 285 приемных детей в приюте. Общее число посещений составило 5451, т. е. 19 детей в день. По сравнению с 1909 годом упало число на 770 посещений. Объясняется это тем, что в помещении приюта почти все лето производился ремонт, а также тем, что успешно функционировал детский приют на «Песках». В эти годы в Томске наблюдается интерес

к созданию приютов дневного пребывания детей дошкольного возраста. Местное общество попечения о народном образовании, учрежденное П.И. Макушиным в 1909 году, избирает особую комиссию. Она предложила в фойе здания бесплатной библиотеки устроить школу для детей, а в зале — детский сад. Кроме того, комиссия предполагала ходатайствовать об уступке Пушкинского сада под детскую площадку. Общество «Ясли» посчитало, что для решения намеченного плана необходимо объединиться, так как у Общества попечения о народном образовании не хватает средств, а у общества «Ясли» имеются деньги, но нет помещений. Была ли эта, значимая по тем временам, инициатива реализована, не удалось выяснить.

Купцы Р.Х. и А.Н. Пушниковы в 1898 году открыли в Томске Мариинский сиропитальный приют, в который принимали круглых сирот и подкидышей. Приют располагался по ул. Белозерской 32 (ныне дом № 26). В нем содержались дети до 6 лет, а после этого отдавались частным благонадежным людям либо во Владимирский приют. При приюте состояли смотрительница, доктор и няньки. Данное заведение отличалось высоким уровнем смертности. Так за 1893–1895 гг. в приют поступило 102 младенца, из которых 84 детей умерло. После 1911-го года в Пушниковском сиропитальном приюте стали содержать детей до 14 лет. Старших детей обучали по программе начальных училищ. Девочек обязательно учили всем видам рукоделия. Попечительский совет приюта в своих действиях подчинялся губернскому попечительству. Членами попечительского совета состояли А.Е. Кухтерин и городской голова Н.М. Некрасов. Городская управа в конце года выдавала приюту значительные средства на содержание сверх плана, так что приют был наиболее обеспеченным.

В 1905 году в приюте начала работать воспитателем Анна Степановна Мягкова, а уже с 1906-го года она становится его заведующей. По свидетельству ее современников, это была умная волевая женщина, которая развивала у детей приюта трудолюбие, аккуратность и музыкальные способности. Вместе с ней в приюте работали ее взрослые дети Мария, Екатерина и Иван. Это была известная семья, в которой царили тепло,

взаимопонимание и стремление к знаниям. Ее сын Иван Мягков впоследствии стал известным исследователем Сибири. Одним из воспитателей приюта была Мария Григорьевна Сергиева, в последующие годы работала врачом клиники Савиных. После 1917-го года Пушкиновский приют преобразован был в школу-коммуна № 10 г. Томска, в которой А.С. Мягкова остается директором. Долгое время она заведовала детскими домами № 4 и № 5 г. Томска. Более четверти века она отдала труду на педагогической работе. За многолетнюю добросовестную работу с беспризорными детьми А.С. Мягковой в 1928 году присвоено звание «Герой труда». В поздравительном адресе ее воспитанников есть такие слова: «Ваши советы и Ваш труд для детей, Анна Степановна, дали нам возможность прийти к самостоятельной жизни... Мы сумеем оправдать Ваши заветы» (газета «Народная трибуна» № 46 от 4 марта 1993-го года).

Детским приютам, которые существовали в г. Томске почти 75 лет, принадлежит значительная роль в развитии учреждений народного образования. При отсутствии необходимого количества начальных школ приюты взяли на себя функцию обучения грамоте детей бедных слоев населения и подготовку их к трудовой деятельности. В существовании приютов были заинтересованы различные слои населения. Для неимущих людей это была реальная возможность дать детям приобщиться к знаниям, приобрести трудовые навыки. Для состоятельных граждан — проявить свои гражданские качества и, по мере своих сил и возможностей, оказать благотворительную помощь нуждающимся детям. Детские приюты, логично, можно рассматривать как прообраз детских дошкольных учреждений, так как в приютах воспитывались дети от 3 до 8 лет, и общая программа обучения детей предусматривала возрастной подход к воспитанникам младшего возраста. К концу XIX века уже наметилась тенденция открытия отдельных учреждений для детей раннего и дошкольного возраста, которая в XX веке получила свое дальнейшее развитие.

*Ираида Романовна Ряценок,
доцент Томского государственного
педагогического института*

Открытие приюта для бездомных детей (из газеты «Сибирский вестник» № 86 от 22.04.1903 г.)

В воскресенье, 20 апреля, совершено освящение одного из симпатичнейших учреждений — приюта для бездомных и нищих детей города Томска, основанного городским общественным управлением в ознаменование десятилетия со дня посещения г. Томска Его Императорским Высочеством Наследником Цесаревичем, ныне благополучно царствующим Государем Императором Николаем Александровичем. К часу дня в помещение приюта на Белозерской улице прибыли г. губернатор князь С.А. Вяземский с супругой, старший советник губернатора М.А. Еремеев и представители городского управления. Ровно в 1 час дня прибыл Его Преосвященство преосвященнейший Макарий. Всех прибывших любезно встречали попечительница приюта баронесса М.Г. Дельвиг и Директор приюта И.В. Хмелев. Перед началом молебствия Его Преосвященство обратился к присутствующим с прочувственным и назидательным словом, в коем указал на задачи вновь учреждаемого приюта, а также и на средства к осуществлению таковых. Молебствие совершено Его Преосвященством в сослужении ректора семинарии архиепископа Иннокентия и архиепископа Ионы.

По окончании молебствия присутствующим было предложено шампанское и чай. Г. Губернатор провозгласил тост за Государя и весь Царствующий дом, покрытый громогласным «Ура!». Затем Его Сиятельство обратился с кратким приветствием к Его Преосвященству и к городскому голове. Городской голова предложил тост за Его Сиятельство г. Губернатора и за Его Преосвященство с пожеланиями многолетия.

Г. Губернатор предложил тост за городского голову и общественное управление, городской голова — за учредителей и жертвователей приюта и за лиц, стоящих во главе его, за попечительницу приюта баронессу М.Г. Дельвиг и за княгиню Е.А. Вяземскую. Во время чая был предложен подписной лист для пожертвователей приюту: собрано 250 рублей.

Теперь о самом приюте. Благодаря благосклонному вниманию попечительницы приюта баронессы М.Г. Дельвиг мы детально осмотрели приют. Здание двухэтажное с подвальным помещением, сухим и светлым; в нем будут помещаться кухня, умывальня и столовая. В первом и втором этаже по 7 чистых, светлых комнат. Приют предполагается на 25 человек детей, пока принято 4 детей, хотя прошений подано масса. Несмотря на короткое время (последняя неделя поста), оборудование приюта производит приятное впечатление и не оставляет желать лучшего. Пожелаем и мы полного успеха и процветания юному учреждению, продолжения благотворной деятельности руководящих лиц.

Корр. М. Николаев

ЖИЛЬЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Губернатор Томской области Виктор Кресс заявил, что в 2012 году из областного бюджета на обеспечение жильем детей-сирот будет выделено 150 млн. рублей. Это в 2,5 раза больше, чем объем финансирования текущего года, который составил 60 млн. рублей

«Жилье для детей-сирот — это системная проблема, которая в России не решена даже в регионах с высокой бюджетной обеспеченностью, таких, как Москва или Санкт-Петербург, — отметил Виктор Кресс. — Я еще в 2009 году вносил предложение запустить федеральную программу, аналогичную обеспечению

жильем ветеранов Великой Отечественной войны. Мы надеемся, что Федерация начнет подключаться, но уже сейчас существенно увеличиваем финансирование из областного бюджета».

Сегодня в Томской области 850 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые имеют право на получение жилья. В ближайшие годы, по прогнозам областного департамента по вопросам семьи и детей, их число увеличится до 2,5 тыс. — очередь ежегодно растет более чем на 150 человек. В 2011 году квартирами будут обеспечены порядка 110 детей, в 2012 — более 200.

«Мы должны ставить задачу не сокращения, а ликвидации очереди, и для этого нужно работать всем уровням власти, искать новые подходы», — подчеркнул Виктор Кресс. Губернатор привел пример Кожевниковского района, где строятся малогабаритные квартиры-студии для детей-сирот. Он также напомнил, что и в Томске сегодня появилось экономичное жилье площадью 18–22 кв. м. «Конечно, положенные сироте по закону 17 квадратных метров — это немного. Но это крыша над головой, ребенок не остается на улице! Поэтому нужно искать проекты, проработать все меры, чтобы максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы», — поставил задачу глава региона.

Сведения о приюте в Томске 1920-го года

В подотдел Правления Томского
отдела Социального обеспечения

Сведения о 1-ом Городском приюте Дело 108 лист 37

Название приюта: 1-ый Городской, для бездомных детей Приют

Время открытия приюта: с 1903-го года

Задачи: воспитание и образование призреваемых

Количество: 38 человек

Состав призреваемых:	Возраст	от 4 до 18 лет
	Младший	7 чел.
	Средний	21 чел.
	Старший	10 чел.

Источник содержания:

Содержался Приют на средства Городского самоуправления

Состав служащих

Должность	Фамилия И. О.	Возраст	Образование	Семейное положение
1. Заведывающая приютом	Резанцева Мария Викторовна	40 л.	Среднее и окончила Московские Педагогические Курсы с Фребелевским Отделением	имеет дочь 9 лет 1 марта 1920 г. р. 1 дек. 1919 г.
2. Помощница Заведывающей	Чернавина Лидия Николаевна	19 л.	Окончила 8 кл. Женск. Гимн.	одинокая 1 дек. 1919 г.
3. Учительница	Петрова Аполлинария Васильевна	27 л.	Окончила 8 кл. Гимназии	одинокая 2 окт. 1919 г.
4. Дворник	Дубау Иосиф	41 л.	Низшее	одинокий 15 авг. 1918 г.
5. Кухарка	Дробышева	34 л.	Неграмотная	имеет сына 2 лет 1 дек. 1919 г.
13 янв. 1920 г.	Заведывающая Приютом			Л. Чернавина (подпись)

ТЕПЛО СЕРДЕЦ ДЕТСКОГО ДОМА № 2

...Первый выпуск факультета дошкольного воспитания в Томском педагогическом институте оказался и последним. Факультет был переведен в Казанский педагогический институт. Это было вызвано отсутствием специалистов высшей квалификации, способных обучать студентов методике дошкольного образования, соответственно факультет не пользовался авторитетом у молодежи, о чем писала газета «Красное знамя» 12 июля 1938-го года. «Очень плохо обстоит дело с дошкольно-педагогическим факультетом, куда подано всего три заявления». [31]

Среди студентов второго курса, переведенных в Казань, — Н.И. Галахарь, В.Я. Голосова, А.С. Андрушко. Н.И. Галахарь вспоминала, что встретили их по новому месту учебы хорошо, но вначале местные студенты говорили: — «Пойдем посмотрим на сибирских дикарок». Однако вскоре убедились, что «дикарки» и внешне хороши и учились успешно. В 1941 году томички, обучающиеся в Казанском пединституте, возвратились домой и в последующие годы занимали ключевые посты в системе дошкольного воспитания города и области. В.Я. Голосова руководила детским садом, была методистом городского методического кабинета, А.С. Андрушко длительное время преподавала в дошкольном педагогическом училище, Н.И. Галахарь заведовала методическим кабинетом, руководила дошкольным учреждением в годы Великой Отечественной войны, долгие годы заведовала санаторным детским домом № 2 г. Томска. Все они стали «Отличниками народного просвещения», имеют правительственные награды.

Перевод в Казань факультета дошкольного воспитания ТГПИ почти на 50 лет лишил возможности томичей на месте получать высшее специальное образование, а потребность в таких работниках оставалась большой, так как в Томске не только открывались новые детские сады, но шло и упорядочение воспитательно-образовательного процесса в них. Впервые

в Томске (1937 г.) были построены специальные типовые здания для санаторных детских садов № 1 по ул.Пушкина и № 14 по ул. Красноармейской...

...Во время войны в Томск эвакуировались не только детские сады промышленных предприятий, но и отдельные дошкольные учреждения со своими педагогическими коллективами. Так, в город приехали два детских сада: один из Смоленска, другой из Ленинграда. Томичка Н.И. Галахарь стала руководить объединенным детским садом. В сентябре 2006-го года в газете «Томский учитель» (орган Ученого совета ТГПУ) опубликован ее рассказ о своей работе.

«Нина Иннокентьевна, откуда и как были эвакуированы дети?»

— Детей привезли в Томск из разных городов. Так, 50 ребятшек доставили из Смоленска, 25 детей — из блокадного Ленинграда. Когда в Томск передислоцировался завод «Богатырь», то нам передали еще восемь малышек. Наш детский сад фактически был детским домом — дети здесь находились постоянно. Их родители либо воевали на фронтах, либо работали на предприятиях в других городах в прифронтовой полосе. Детей своих они с оказией смогли отправить в Сибирь. Их путь сюда, к нам, был трудным и неблизким. Что им только не пришлось испытать! Так, смоленские дети, прежде, чем попасть на поезд с эвакуированными, примерно две недели прятались на городском кладбище. А ленинградские дети! Они были самыми маленькими — трех-четырёх лет, и на ручке у каждого была привязана деревянная бирка с именем и фамилией. Крайне истощенные, они напоминали маленьких старичков.

Самым тягостным было то, что дети разучились улыбаться. Поэтому персонал делал все возможное, чтобы согреть детские души. Но еще долго малыши прятались под кровать, если за окном раздавался заводской гудок.

— Имелась ли связь с родителями воспитанников?

— Связи были, но далеко не со всеми. Воспитатели сочиняли им письма от имени их маленьких детей. Приходили и ответные письма, вот одно из них: «Товарищи воспитатели! Большое

спасибо вам за письмо о моем сыне Гене Гордееве. Я всегда был уверен, что он находится в надежных руках советских воспитателей. Передайте Гене, что его мама и папа делают все возможное, чтобы скорее победить врага».

— Как складывалась Ваша судьба после войны?

— *После окончания Великой Отечественной войны мне пришлось возглавить детский дом № 2. Его директором я проработала с 1948 по 1974 годы. Дети у нас воспитывались с трех до семи лет.* Случалось, и часто, что, кроме детдомовской, они не знали другой семьи. Они накрепко привязывались душой к воспитателям, считая женщин своими мамами. Но перед школой детей переводили в другие детские дома, и расставание было трудным. Они потом присылали нам письма, в которых нередко спрашивали, когда же они вернутся назад. А повзрослев, навещали нас. Однажды к нам зашел парень в солдатской форме. Мы с трудом узнали в нем нашего Ваню Плетнева.

Оказалось, что он демобилизовался из армии, и ему некуда было идти. Вот и пришел он к нам, как к себе домой. Какое-то время работал у нас подсобным рабочим, потом устроился на одно из предприятий города. И так продолжалось год за годом. Наши воспитанники подрастали и уходили в жизнь своими дорогами. Каждый уносил в сердце частицу детдомовского тепла, сохраняя навечно в памяти этот родительский дом.

Приятно, что в 1971 году мне вручили орден Трудового Красного Знамени. И сейчас я часто вспоминаю годы, отданные детям. Нет, не зря я выбрала профессию педагога».

...В городской исполком часто приходили письма томичей с просьбой помочь нуждающимся многодетным семьям. Если речь шла о дошкольниках, то мне поручалось создать специальную комиссию, проверить условия воспитания детей в семье и, по возможности, помочь. Обследуя условия жизни детей в проблемных семьях, приходилось решать не только вопрос устройства ребенка в детский сад, но и изыскать возможность помочь материально, так как иногда малышам не в чем было выйти на улицу. Как-то стало известно, что в районе Белого озера проживает семья, нуждающаяся в помощи. Знакомиться с условиями

жизни семьи я пошла вместе с Н.И. Галахарь, директором детского дома № 2.

В семье пятеро малышей от младенца до первоклассника. Из одежды и обуви — одни обноски. Надо было устраивать детей в дошкольные учреждения, но как решить вопрос с одеждой? На помощь пришла Нина Иннокентьевна. Оказалось, что в то время в детском доме шло списание вещей, срок носки которых истек.

Как правило, списанные вещи уничтожались в присутствии комиссии но избежание злоупотреблений. Н.И. Галахарь пообещала как-то договориться с членами комиссии о том, чтобы часть детской одежды, еще годной к носке, не уничтожали, а передали в нуждающуюся семью.

Через несколько дней она позвонила и сказала, что кое-что приготовлено для детей. Это «кое-что» было связано в два больших узла, которые на телеге отвезли в семью. Там было все необходимое и для лета, и для холодного времени года: пальтишки, шапочки, обувь и белье.

Как-то к нам зашел заместитель председателя горисполкома И.Я. Яворский и рассказал, что, проверяя по долгу службы дорожное строительство, обратил внимание на то, что вместе с одной работницей находился ее сын 3–4 лет. Дома его было не с кем оставить, а в детский сад она его и не пыталась устроить. Иосиф Яковлевич попросил помочь ей. С трудом уговорили одну из заведующих принять ребенка.

Получив направление в детский сад, мама как-то смущенно положила на край стола что-то завернутое в клочок старой газеты, сказав: А это Вам! Купите себе конфет, — и быстро вышла из кабинета. Развернув сверток, я увидела там монеты — 78 копеек. Присутствующая при этом Анна Зиновьевна сказала: Да не смущайтесь! Это ведь не взятка, а от чистого сердца...

Из книги «Страницы истории развития дошкольных учреждений в Томске». И.Р. Рященко, 2010 г.

*Нина Иннокентьевна
Галахарь, директор
детского дома № 2
г. Томска*

*Ираида Романовна Рязценко —
инспектор ГорОНО (1958 г.)
и доцент Томского государственного
педагогического института (2010 г.)*

*1963 г. Накануне дня космонавтики в детском доме № 2
г. Томска*

Безпризорники-сироты на просторах Российской империи

1937 г. Ребята детского дома института физических методов лечения

1930 г. Слушатели курсов подготовки работников дошкольных учреждений

1937 г. Группа студентов дошкольного отделения Педагогического института г. Томска накануне перевода в Казань для дальнейшего обучения.
Н.И. Галахарь — сидит слева, В.Я. Голосова — вторая справа, верхний ряд

1943 г. Педагогический коллектив детского дома, созданного из двух детских садов, эвакуированных из г. Смоленска и г. Ленинграда.
Н.И. Галахарь, заведующая — нижний ряд в центре

В БОЯХ ЗА РОДИНУ ВЫПУСКНИКИ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Собирая материалы по истории детских домов Томской области, я долго не мог найти хоть что-либо о бывших детдомовцах, участвовавших в Великой Отечественной войне. Хотя я точно знал, что бывшие детдомовцы воевали: сам участвовал в проводах в 1943 году из Кругловского детского дома (Колпашевский район) двух бывших воспитанников, которые после детдома работали у нас подсобными рабочими. Провожали мы их всем детдомом до пристани Березовка, где посадили на пароход, идущий в Томск. Имен и фамилий я их, к сожалению, не помню. Вернулись ли они с войны или героически погибли — тоже не знаю.

В детском доме у нас одной из любимых книг была повесть «Атаман Пузырь», изданная Западно-Сибирским краевым издательством в 1936 г. Авторами ее были бывшие воспитанники трудовой коммуны УНКВД «Чекист» Е. Дульнев, Б. Иртышский, В. Корнев. Коммуна располагалась в пригороде Томска в районе нынешнего г. Северска. В повести описывается история перевоспитания бывших несовершеннолетних беспризорников и правонарушителей 20-х годов, которых собирали по всей Сибири. Книгу мы зачитывали до дыр, ее героям подражали, т. к. судьба героев повести нам, детдомовцам, была близка, и наша жизнь детдомовская чем-то была похожа на жизнь в коммуне «Чекист».

Недавно с интересом перечитывал любимую повесть, изданную Томским книжным издательством в 1960 г. И в «Послесловии» авторов обнаружил несколько историй участия бывших воспитанников трудовой коммуны «Чекист» в Великой Отечественной войне. Прототип главного героя повести Валентина Спичкина старший сержант Иван Бочкарев в годы войны, будучи командиром орудия, исходил тысячи километров по военным дорогам, проявил себя бесстрашным и находчивым артиллеристом. На подступах к границам Венгрии он с группой бойцов орудийного расчета взял в плен немецкого генерала. За что был

удостоен правительственной награды. После войны Бочкарев вернулся в Томск. Работал на стройках каменщиком. Не один дом «помнит» тепло рук почетного строителя города Ивана Бочкарева.

Сергей Корочкин был прообразом обаятельного Витьки Золотого. Сергей начал свой путь в коммуне в сапожной мастерской подмастерьем. Был он отличным танцором и участвовал в художественной самодеятельности коммуны. Выступал с концертами перед трудящимися Томска, Новосибирска, Москвы. Накануне войны Сергей по комсомольскому набору из Томска был призван в ВМФ и попал в Краснознаменную Амурскую военную флотилию. Службу на боевом корабле матрос Корочкин начал дальномерщиком. Но вскоре был отозван политотделом в матросский ансамбль песни и пляски. В 1945-м мичман Корочкин в составе Второго Дальневосточного фронта участвовал в боевом походе против японских захватчиков. За боевые заслуги перед Родиной мичман Корочкин награжден правительственными наградами. После войны был солистом в Дальневосточном флотском ансамбле песни и пляски.

Василий Блинков — Вася-сорванец из повести «Атаман Пузырь», вихрастый курносый пацан, несколько раз пытался бежать из коммуны в родные Минеральные Воды. Но каждый раз его возвращали. После выхода из коммуны Вася Блинков работал шофером в одном из совхозов Новосибирской области. Позднее окончил с отличием пехотное военное училище. Войну коммунар «Чекиста» встретил на передовой. Храбрый офицер Блинков дошел со своей частью до Будапешта. Был не раз ранен, но снова возвращался в строй. Он был награжден многими боевыми орденами и медалями. После войны Василий Павлович работал на Томском шпалопропиточном заводе мастером.

Один из героев повести «Атаман Пузырь» Василий Васильевич Васин (вероятно, это не настоящие фамилия и имя, а придуманные им в далекие беспризорные времена) после трудовой коммуны 15 лет прослужил в рядах Советской Армии. Если коммуна была для него хорошей школой, то армия, особенно в годы Великой Отечественной войны, стала академией. За боевые заслуги он был награжден многими орденами и медалями.

После войны, демобилизовавшись, В. Васин окончил Томский политехнический институт. Работал в лаборатории института, был партгруппоргом.

Коммунар «Чекиста» Иван Погодаев не попал на фронт. Была бронь. После выхода из коммуны с аттестатом зрелости И. Погодаев стал оперативным работником милиции. За отличную службу его назначили начальником отделения милиции Туганского райисполкома Томской области. Затем его выбрали председателем колхоза имени XX партсъезда в этом же районе.

Авторы повести «Атаман Пузырь» все стали журналистами. Были активными участниками Великой Отечественной войны. Они награждены многими боевыми наградами. Ерминингольд Васильевич Дульев пал смертью храбрых воинов под Москвой. После демобилизации Виктор Тарасович Корнев работал корреспондентом в Новосибирске, Борис Васильевич Иртышский был корреспондентом ТАСС по городу Ленинграду. Бывший воспитанник, а затем воспитатель Чичка-Юльского детского дома Леонид Федорович Антюфьев ушел добровольцем на фронт и погиб смертью храбрых.

В 1991 году посчастливилось мне побывать в гостях у бывшего воспитанника Владимировского приюта, который располагался рядом с тюрьмой (9-й корпус ТПУ) на Тюремном переулке (ныне ул. Аркадия Иванова), Александра Владимировича Алисова. Оказывается, одно время воспитателем у него был (как сейчас бы сказали — по совместительству) Андрей Григорьевич Савиных (студент-медик), будущий знаменитый хирург с мировым именем. Более 30 лет отдал службе в рядах Советской армии майор в отставке Алисов. В атаке ходить ему не пришлось — он занимался обеспечением боевой техники войск горюче-смазочными материалами. Орденами и многими медалями отмечены заслуги Александра Владимировича. По стопам отца пошли и три его сына — Борис, Юрий и Михаил, и два внука — Сергей и Анатолий, сыновья старшего сына Бориса, генерал-лейтенанта артиллерии. Целая офицерская династия. К сожалению, очень многих участников Великой Отечественной войны, бывших детдомовцев области, мы не знаем. И, вероятно, не узнаем: без отца и без

матери — кому их помнить? Но мы, бывшие детдомовцы, помним. И памятник Неизвестному солдату в Москве, и памятник погибшим воинам-томичам в Лагерном саду — это и им памятники...

Анатолий Яковлевич Пшеничкин,

Кандидат геолого-минералогических наук, Заслуженный геолог РФ, выпускник 1951 г. Кругловского детского дома. 9 мая 2010 г.

ОТЦА ЗАБРАЛИ У МЕНЯ...

Римма Петровна АВБАКУМОВА (Воробьева),

выпускница детского дома № 9 г. Томска

...Моего отца Воробьева Петра Александровича, 1884-го года рождения, осужденного 25 сентября 1937-го года тройкой УНКВД по Запсибкраю за контрреволюционную деятельность, арестовали 17 сентября 1937-го года. Мне тогда было всего 3 годика. Я, конечно, глубоко этот день не помню, так как была еще слишком маленькой. Поэтому события тех далеких трагических лет описываю со слов моей мамы Евдокии Фоминичны.

Этот сентябрьский вечер 37-го был теплым. Отец вернулся с работы и отдыхал дома. Мама повела меня погулять на улицу. Я, конечно, резвилась и играла с другими детьми нашего двора, а мама сидела и разговаривала с соседями. В это время к нашему дому по ул. Подгорной, 9 (в настоящее время дом снесен) подъехала машина черного цвета, из которой вышли двое мужчин в одинаковых серых костюмах. Они направились к нашему подъезду.

У мамы невольно замерло сердце: она уже знала, что приход таких «визитеров» обычно заканчивается арестом людей. Из нашего дома такая участь уже постигла нескольких самых интеллигентных, умных и порядочных мужчин, которых увозили на таких машинах. У мамы стучало, вырываясь из груди, сердце. За кем приехали в этот раз? Кто следующий? Мужчины подошли и спросили, кто в доме является председателем домкома. Моя мама

как раз и была именно им. Мужчины потребовали пройти с ними в квартиру № 9. У мамы буквально отнялись ноги — это был номер нашей квартиры. Значит, это пришли за моим отцом.

Соседка помогла маме подняться со скамейки, и мама повела этих мужчин к себе домой. Я осталась на улице с соседкой. Вначале был обыск, а потом отца увели. Когда его выводили на улицу, отец шел посередине, а с двух сторон его сопровождали мужчины. Отец прошел мимо меня, он даже не взял меня на руки — такого никогда не было. Я была поздним ребенком, и меня родители очень любили и баловали. Я с криком «Папа, папа!» бросилась за ними. Они шли, не оглядываясь. Мама бежала за мной, а я с криком и слезами бежала за отцом, упала, разбила коленки и еще больше заплакала.

Тогда один из мужчин сказал отцу, чтобы тот простился с ребенком. Отец взял меня на руки. Я крепко-крепко обняла его за шею, и с криком «Папа, папа!» целовала его лицо, обливаясь слезами, как будто мое детское сердечко чувствовало, что я его больше никогда не увижу. Отец не мог разжать мои руки, так крепко я за него держалась. Потом маме сказали забрать меня у отца. Мама еле оторвала меня от него. Отца посадили в машину, и больше мы его не видели.

Мама ходила в НКВД, передавала передачи. Отец в записке попросил маму принести мою фотографию. Через месяц маме сказали, чтобы она больше не приходила. На ее запросы, где он, никто ничего не говорил. Потом сказали, что его отправили из города. Мама в течение четырех лет писала, разыскивала отца, даже написала письмо самому Сталину. Но ответы на ее просьбы не приходили. А через три года арестовали саму маму, и я осталась жить одна в нашей комнате. Два месяца меня кормили соседи, в это время уже шла война.

В доме меня все жалели, кроме одной жены следователя. Я ее боялась больше всего, и когда она приходила на кухню, я убегала домой. Она меня называла «врагом народа», говорила, что мои родители — «враги» и чтобы меня не кормили. Я до сих пор помню эту злую вредную следовательницу. Когда отца арестовали, она издевалась над мамой. Остальные соседи жалели

меня и подкармливали. Затем бабушка Гусарова из нашего коридора стала оформлять меня в детский дом. Вначале я попала в детприемник, затем меня определили в детский дом № 9 по ул. Бакунина.

В этом детском доме я пробыла 5 лет. Я безмерно благодарна коллективу девятого детского дома. Это были очень трудные годы, когда все пять лет шла война. И кто знает, как бы сложилась моя жизнь без детского дома. Здесь нас одевали, учили, кормили три раза в день, хотя, конечно, мы голодали. Хлеба в день давали всего два тоненьких кусочка. Летом на даче мы знали названия всех съедобных трав, но и ими мы не могли заглушить голод, все время хотелось кушать, есть...

Мы ходили в госпиталь, помогали ухаживать за ранеными, кормили, стирали и гладили бинты. Я им пела любимую «Катюшу», для этого меня ставили на стул. А еще я пела им песню «Мама». Раненые бойцы давали мне кусочки сахара-рафинада. Это было такое счастье сосать с наслаждением кусочек сахара! А еще мы любили дежурить на кухне. Когда резали хлеб, оставались крошки. Бывало, аккуратно соберешь их в ладошку, потом положишь в рот и сосешь — такое блаженство! Хлеб военной поры многие запомнили на всю оставшуюся жизнь.

Я очень любила читать. У меня в матерчатой сумке лежали 8 книг, которые я берегла, а также фотографии мамы и моя. Все это богатство носила с собой, оставить было негде, и однажды у меня эту сумку украли. Боже мой, какое это было горе, я плакала все дни, а потом находила свои порванные фотографии. Среди нас были и такие, озлобленные войной и голодом, дети.

Помню, у меня была наставница из старших детей Наташа Тухина. Она всегда жалела меня, заступалась, когда меня обижали. Я много лет переписываюсь с этой доброй подругой нашего детства, она сейчас живет в г. Екатеринбурге (Свердловск).

Когда окончилась война, в то утро мы еще спали. Пришла воспитательница на смену и сказала нам с радостью, что войне конец. Что здесь началось! Сколько было всеобщей радости: мы бегали, громко кричали «Победа!!!», «Ура!!!», бросались подушками, распахнули все окна. Все сразу же стали ждать

своих родителей с войны. Я тоже ждала, мне ведь не говорили, где мои родители, какова их участь.

Дети военного лихолетья... Что же оставила нам память о минувшей войне, как выживали осиротевшие дети? Ведь у нас был свой особый мир, который чужд и непонятен современной молодежи. Когда кончилась война, было легче, но не намного, по-прежнему было голодно, хотелось домой. Но это уже не воспринималось так трагически, как в суровые годы войны. Мы жили надеждой, с особым нетерпением ждали родителей...

И вот летом в 1948 году мы были на даче. Утром меня вызвала к себе директор детского дома Анна Матвеевна Худякова и сказала, что меня нашла мама, что она завтра придет ко мне. Я всю ночь не спала, и утром сидела уже на дороге, которая шла к нам из города. Сидела, наверное, часа четыре. Я не позавтракала, мне сильно хотелось есть, но я упорно вглядывалась вдаль на дорогу. И вот на горизонте показалась фигура женщины, которая шла ко мне навстречу. И что-то такое знакомое было этой походке. Я не видела маму пять лет с момента, когда ее арестовали. Но, видимо, родное узнаешь сразу, когда так сильно и долго ждешь.

Я бросилась бежать ей навстречу. А мама остановилась, как будто бы у нее отказали ноги, она тихо осела на дорогу. Я всем тельцем прижалась к маме, и мы долго, крепко сжимая друг друга в объятиях, сидели на дороге и, не стесняясь слез, плакали...

Через три месяца мама забрала меня из детского дома. У нас не было квартиры, нас приютила к себе мамина приятельница. Маме приходилось начинать жизнь с чистого листа. Все вещи и наша комната пропали — ведь мы всего лишились, когда арестовали маму. Было очень тяжело, но мы были вместе, преодолевая все трудности жизни, понимая, что надеяться надо только на себя.

Мама и я ждали отца. Мне мама долго не говорила, где он. Я всем говорила, что мой отец погиб на войне. И только когда мне исполнилось 17 лет, мама сказала, что наш отец арестован по линии НКВД, и чтобы я об этом никому не говорила.

Прошло много лет, мама умерла в 1967 году, так ничего и не узнав о трагической судьбе моего отца, своего мужа. Только

с приходом к власти в 1961 году Н.С. Хрущева началась широкая масштабная реабилитация арестованных «врагов народа». Отец тоже был признан невиновным. Из документов, которые мне выслали органы КГБ, я узнала, что отца арестовали в сентябре 1937-го года, а 8 октября его расстреляли. Напрасно мама писала И. Сталину, чтобы узнать о судьбе отца, за что сама пострадала, ее арестовали и сослали в Магадан, где каждый день земля была усыпана трупами.

Люди здесь умирали от голода, холода и цинги. Мама не могла спокойно рассказывать о тех страшных днях. Она вернулась из ссылки вся больная, ноги и руки опухли так, что их нельзя было нормально согнуть. Но надо было как-то жить, работать и поднимать меня на ноги. Зачем память так настойчиво возвращает нас в те далекие годы? Наша память — наша совесть. Хочется низко поклониться моим сверстникам, воспитателям детского дома, детям войны и воспитанникам детских домов тех далеких лет, которые были вместе со мной в детском доме.

Многие наши воспитанники прожили честную трудовую жизнь. Вырастили детей, помогают поднимать внуков. Мы достойно выдержали все испытания и не сдались.

Мы, ветераны-детдомовцы, до сих пор встречаемся в нашем Союзе ВДДИ. Скоро, в 2015 году, ему исполнится 25 лет. Дружба, искренняя привязанность, забота друг о друге, чуткость, готовность поделить последним хлебом, трудолюбие — вот далеко не полный перечень нравственных качеств тогдашних сирот-воспитанников детских домов.

25 лет наш Союз помогает выжить многим нашим выпускникам детских домов. Будем и дальше продолжать нашу неутомимую работу в Союзе Воспитанников Детских Домов и Интернатов, пока хватит сил и здоровья. Пусть нет у нас обеспеченной старости, но это уже не наша вина. Все выдержим — нам не привыкать!

Пусть наша трудовая жизнь и активная старость будет ярким примером для нашей молодежи!

*Римме Петровне Аввакумовой,
пути земные 1 окт. 1934 г. – 6 сент. 2014 г.*

Они уходят

*Они уходят, с нами не прощаясь,
Не высказав своих последних слов.
Возможно, в дальний путь не собирались,
В ту светлую дорогу грез и снов.*

*Они вчера нам мило улыбались,
Глаза их излучали яркий свет,
И как всегда, нас в гости дожидаясь,
Мечтали дать свой дружеский совет.*

*Они, как все мы, очень жить хотели,
И каждый миг им радость приносил,
Все, что хотели сделать, не успели,
У них еще так много было сил.*

*В какой-то миг у сердца оборвалось,
Им Сила свыше срок свой назвала.
Душа в смятении с болью заметалась,
Прощанья слов сказать нам не смогла...*

*Татьяна Афанасьева,
6 сент. 2014 г.*

 Прокуратура Совета ССР
 ПРОКУРАТУРА
 ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
 г. Томск, ул. Ленинская, 11
 № 07.94 № 13-410-94

г.р. Томск-12,
 пр. Зарова, 57 кв. 37
 Александров Р. П.

№ _____ от _____ г.

П Направлено справку о признании Вас пострадавшей от политических репрессий.
 Приложение: справка

Ст. промфинанс прокурора области
 старший советник юстиции

В.А. Бузыманов

 Прокуратура Российской Федерации
 ПРОКУРАТУРА
 ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
 г. Томск, ул. Ленинская, 11
 № 07.94 № 13-410-94

С П Р А В К А
 о признании пострадавшей от политических репрессий

Гр. Александрова Римма Петровна, 1904 года рождения, уроженка г.р. Томск, подавала заявление о признании ее 130856 от 7 августа 1960 года и справедливости о браке с гр. Александровым Е.М., 1-04 № 262004 от 25 июля 1974 года является дочерью Борбобая Петра Александровича, 1884 года рождения, осужденного 25 сентября 1937 года Трудовой Дисциплинарной Коллегией за контрреволюционную деятельность (ст. ст. 58-2-10-11 УК РСФСР) в высшей мере наказания и расстрелянного.

13 июня 1963 года Верховный суд Томской области постановил полностью реабилитировать Борбобая Петра Александровича.

На основании ч. 3 ст. 21 Закона 19 от 28 октября 1991 года "О реабилитации жертв политических репрессий" Александрова Римма Петровна признана пострадавшей от политических репрессий.

Зам. прокурора Томской области
 Государственный советник
 3 класса

И.И. Кругов

 Прокуратура Российской Федерации
 ПРОКУРАТУРА
 ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
 г. Томск, ул. Ленинская, 11
 № 07.94 № 13-410-94

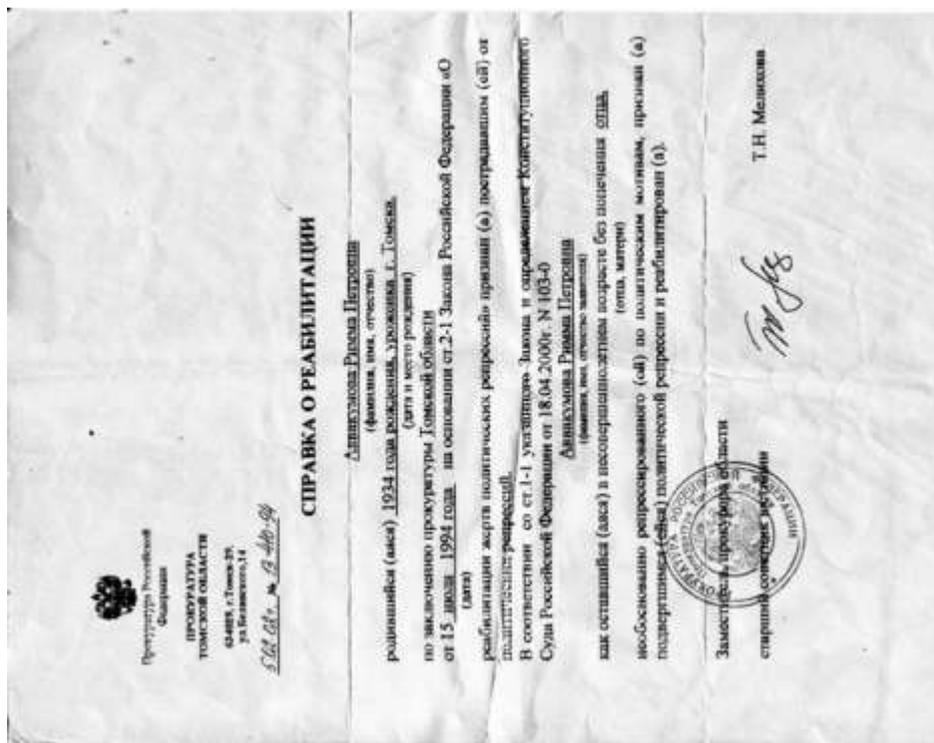
634050 г. Томск,
 ул. Агатайская, 782-4
 гр. Александровый Р. П.

Направлено справка о реабилитации.

Приложение: справка.

Прокурор области
 старший советник юстиции

Р.К. Чураку

Воробьев Петр Александрович 1884–1937 гг.
Офицер, верный присяге «Служу царю и Отечеству России».

Списки жертв политических репрессий «Мемориал»

Воробьев Петр Александрович

Родился в 1884 г., Минская губ., Бобруйский уезд, д. Плесы; белорус; образование начальное; б/п; ТМИ, землекоп. Проживал: Томск. Арестован 18 сентября 1937 г. Приговорен: 25 сентября 1937 г., обв.: «Союз спасения России». Приговор: расстрел. Расстрелян 8 октября 1937 г. Реабилитирован в июне 1961 г. Источник: Книга памяти Томской обл.

СПРАВКА начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири». 17 июня 1937 г.

Реквизиты Тема: Репрессии. Направление: Суды и правоохранительные органы. Тип документа: Справки и отчеты Государство: СССР Датировка: 1937.06.17 Метки: НКВД 1937

Архив: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 26. Л. 1–3. Машинописная заверенная копия. Источник: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание Документы и материалы Том 5 1937–1939 Книга 1. 1937 Москва РОССПЭН 2004. Стр. 256–257.

Справка № 142 начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири

УГБ УНКВД на территории Западно-Сибирского края вскрыта кадетско-монархическая и эсеровская организации, которые по заданиям японской разведки и «Российского Обще-Воинского Союза» готовили вооруженный переворот и захват власти. Кадетско-монархическая организация, именовавшая себя «Союз Спасения России», была создана бывшими князьями — *Волконским и Долгоруковым*, бывшими белыми генералами — *Михайловым, Эскиным, Шереметьевым и Ефановым*, по заданиям активных деятелей РОВСа за рубежом — *Оболенского, Голицина и Авралова*. Контрреволюционная организация создала крупные филиалы в городах: Новосибирске, Томске, Бийске и Нарыме, куда вошло белое офицерство и кадетско-монархические элементы из числа бывших людей и реакционной части профессуры и научных работников.

Контрреволюционная организация руководствовалась указаниями Харбинского и Пражского филиалов РОВСа и официальными японскими представительствами в СССР. Связь с зарубежом контрреволюционная организация осуществляла путем нелегальных переходов границы. Эсеровская организация возглавлялась так называемым «Сиббюро ПСР», в составе — *Петелина, Осипова, Занозина, Евстигнеева и Горох*. По заданиям «Центрального бюро

ПСР» и японской разведки, организация широко развернула вербовочную работу и создала целый ряд террористических и шпионско-диверсионных формирований — в Новосибирском, Томском, Барнаульском, Тогучинском, Ояшинском и других районах. Эсеровская организация, так же, как и организация «Союз Спасения России», готовила повстанческие кадры для вооруженной борьбы с Советской властью. На этой основе в 1935 г. между «Сиббюро ПСР» и штабом «Союза Спасения России» был заключен блок. Руководство всей боевой и повстанческой работой эсеров, по договоренности с *Петелиным*, взял на себя *Эскин*. Базой для формирования повстанческих кадров штаба «Союза Спасения России» и «Сиббюро ПСР» являлись кулаки-спецпереселенцы, размещенные в Нарымском округе и городах Кузбасса. Командные кадры для руководства повстанческими формированиями вербовались из числа белого офицерства. Если учесть, что на территории Нарымского округа и Кузбасса расселено 208 400 чел. высланного кулачества и находится в административной ссылке 5350 чел. бывших белых офицеров, активных бандитов и карателей, станет ясным, на какой широкой базе была построена повстанческая работа.

Повстанческие формирования создавались по принципу войсковых подразделений (дивизии, полки, батальоны). Показаниями капитана *Эскина*, *Долгорукова* и бывшего штабс-капитана *Пироцкого*, уже вскрыты 26 таких войсковых подразделений, сформированных ими в районах Нарымского округа и в Кузбассе. Штабом был разработан план восстания, приуроченного к началу войны, и на все эти повстанческие формирования был назначен командный состав из числа участников — бывших белых офицеров. Вооружение повстанческих формирований штаб намечал произвести путем захвата артскладов СибВО. Обвиняемый по настоящему делу, бывший начальник отдела военных сообщений штаба СибВО, старый японский агент, активный участник эсеровской организации — *Берзин* показал о принятых им мероприятиях и плане захвата артскладов СибВО. По делу «Союза Спасения России» и «Сиббюро ПСР» арестовано 382 чел. Выявлено агентурно-следственным путем 1317 чел. участников организации.

Начальник УНКВД Западно-Сибирского края Миронов.

В документах карательных органов 1937-го года данный «заговор» обозначался вначале как «эсеров-монархический», затем как «эсеров-ровсовский» или «ровсовский». По надуманной версии его «ядро» составляли две организации — «Сиббюро ПСР» и «Союз спасения России». «Сиббюро ПСР» — несуществующая организация, материалы о которой, согласно определению Военного Трибунала СибВО от 15 июля 1958-го года, «были сфальсифицированы бывшими работниками органов НКВД, вследствие чего были необоснованно арестованы и репрессированы многие ни в чем не повинные граждане» (Архив Управления ФСБ по Новосибирской области. ДП-3767. Л. 111). Первые аресты по указанному «делу» карательные органы произвели в октябре–ноябре 1936-го года, арестовав ряд бывших в прошлом известных деятелей ПСР И.Х. Петелина, И.Л. Гороха, В.С. Осипова-Занозина и др. Практически все они еще в начале 1920-х годов отошли от активной партийной деятельности и являлись одними из инициаторов проведения легального съезда бывших членов ПСР (1923), признавших советскую власть. И.Х. Петелин и др. обвинялись в том, что, по заданию «Всесоюзного объединенного бюро ПСР, в течение 1932–1934 гг. создали «Сиббюро ПСР» и руководили через него «сетью антисоветских эсеровских организаций», занимаясь «шпионажем и диверсиями». В результате длительной «обработки» арестованные (за исключением И.Л. Гороха) дали «требуемые» признательные показания, согласно которым «Сиббюро ПСР» уже с середины 1935-го года установило через немецкое и японское консульства в Новосибирске связь с разведками этих стран. Центром другой мифической «контрреволюционной монархической организации «Союз спасения России»» сибирские чекисты объявили г. Томск, а его организаторами — бывших князей А.В. Волконского, М.М. Долгорукова и бывших белых генералов В.С. Михайлова, Н.А. Эскина и др. По сценарию данная организация объединяла бывшее офицерство и кадетско-монархические группы. Считалось, что сама организация была создана в 1934 г. по заданию эмигрантского «Российского общевойснного союза», имела повстанческий

характер. Позднее «кадетско-монархическая повстанческая организация совместно с «Сиббюро ПСР» приступила к формированию отрядов, прежде всего в районах дислокации спецпереселенцев». (Из истории земли Томской. Год 1937... Томск, 1998. С. 135–136, 147). За принадлежность к мифическому «эсеро-монархическому заговору» весной–летом 1937-го года на территории Западной Сибири были произведены массовые аресты, затронувшие не только «руководителей» несуществовавших организаций, но и практически всех сколько-нибудь известных политических ссыльных, находившихся в городах и селах региона, прежде всего социалистов-революционеров. Подверглись аресту и затем расстрелу все бывшие в разные годы члены ЦК ПСР: Е.А. Иванова-Иранова, М.С. Цетлин, Г.Д. Каценеленбоген, В.Л. Утгоф (не дожидаясь ареста, осенью 1936-го года покончил с собой Д.Д. Донской). За принадлежность к «Союзу спасения России» был арестован и расстрелян отбывавший ссылку в Томске известный поэт Н.А. Клюев, та же участь постигла известного ученого-почвовода, бывшего активного деятеля ПСР Р.С. Ильина. Что касается крестьян-спецпереселенцев, то они были объявлены повстанческой «низовкой» РОВС, среди них летом–осенью 1937-го года прошли массовые аресты. В спецпоселках Западной Сибири в 1936 г. подверглось осуждению 720 чел., в 1937 — 2 105, в 1938 г. — 1 671 чел. (ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1, Д. 89. Л. 212–213). Не менее половины из них были осуждены тройками УНКВД за «принадлежность» к «эсеро-ровсовскому заговору» (прим. С.А. Красильникова).

Справка ГУ ГБ НКВД СССР «Контрреволюционная организация правых в системе Наркомзема СССР». 11 июня 1937-го года. Сводка об осужденных судебной тройкой при УНКВД по Западно-Сибирскому краю по «эсеро-ровсовскому заговору». 4 окт. 1937-го г.

КРУГЛОВСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ

Анатолий Яковлевич ПШЕНИЧКИН,

1936-го г. р., выпускник 1951-го года детдома

В детский дом попал в сентябре 1943-го года вместе с братьями Володей (1938 г. р.) и Петей (1941 г. р.). Вначале нас определили в Колпашевский детприемник, а в конце мая 1944-го года, когда стали ходить пароходы, всех троих перевели в Кругловский детский дом, который располагался в селе Круглое Колпашевского района. Но потом младшего, Петю, в августе перевели в Тогурский детдом. В Кругловском детдоме я окончил 7 классов школы и поступил в Томский техникум в 1951 г. В 1953 г. нашу группу геологов перевели в горный техникум Осинниковский, который окончил в 1955 г.

До 4 класса я учился плохо, был «непослушным мальчиком», и меня воспитатели часто за это наказывали. Но с 4 класса, как говорится, «взялся за ум», полюбил математику и литературу. Очень много читал. Книги давала учительница литературы Болотова, которая окончила ТГУ. Математику у нас вел добрейший учитель Шехель Михаил Иванович, страстный охотник. Он иногда брал меня на охоту на уток, т. к. у меня была собака-лайка Дамка. Держать собак в детдоме не разрешалось. Мне щенка подарил деревенский друг Бородин Юра. Все ребята знали, что у меня есть собака. Меня воспитатели ругали за нее. Требовали, чтоб я ее убрал из детдома. Ловили ее, но она была нами, пацанами, натренирована, и как мы крикнем «воспет!», она сразу убежала и скрывалась. В 6 классе я Дамку отдал Михаилу Ивановичу Шехель. До детдома у меня в Колпашево тоже была собака. Звал я ее «Рыжий». Когда нас определили в детдом, то Рыжего взял бывший начальник кордона на Болотной улице. Он мне рассказывал в начале 60-х годов, когда я его встретил в Томске, что мой Рыжий вместе с ним ходил на медведей, и с его помощью Морозов убил 2-х медведей.

Когда к нам в детдом перевели заместителем директора (а потом он стал директором) Федорчука Андрея Никифоровича (по-моему, в 1948 или 1949 г.), то жизнь в детдоме резко изменилась. Во всех сферах. Его методика воспитания была основана на

системе Макаренко. Он создал отряды. Командиры отрядов. Совет отрядов детдома. На первых порах он назначал «начальников». Потом демократическим путем выбирали их. Меня он назначил, уж не знаю почему, в совет отрядов детдома ответственным за учебу, где я и пробыл до выхода из детдома в 1951 г. Отряды, особенно в летнее время, занимались хозяйственными работами: посадка картофеля и овощей, прополка, уборка, заготовка дров и сена для детдомовского стада коров и быков; помощь в сельхозработах колхозу. Кажется, колхоз назывался «Путь Ильича». Председателем колхоза был Чуйков. В колхозе летом мы занимались в основном прополкой. А осенью старшие ребята работали на уборке урожая и заготовке сена. С приходом Федорчука у нас резко повысилась дисциплина, кружки организовались.

Духовой, хор, драматический кружок. Этим всем руководил хороший музыкант, который играл на всех струнных, духовых инструментах, Пархоменко. Его откуда-то пригласил Федорчук. Мы вдруг все заболели спортом, особенно футболом и волейболом. На территории детдома было болото. Мы его осушили, разбили футбольное поле, сделали волейбольную площадку, обустроили полосы препятствий. Первый раз на спартакиаду детских домов области в Томск мы поехали в 1949 г., заняли где-то 20–25 место. На второй год — одно из первых. А с 1951-го года Кругловский детдом постоянно, пока его не расформировали и не перевели в Тогур, занимал первые места.

В детдоме нас обучали труду. Я занимался в сапожной мастерской — подшивкой валенок, ремонтом ботинок. Я даже сшил «от и до» одну пару сапог. Занимался зимой и в столярной мастерской. Ребята любили здесь строгать, пилить, делать табуретки, столы. А для спартакиады в Томске я сделал столовый с инкрустированной столешницей гарнитур: стол и 4 фигурных кресла. Под руководством столяра Похлебина Федора Федоровича моя работа на выставке в Томске была отмечена наградой. Работал одно время я и в кузнице молотобойцем, несмотря на свой хлявый вид. А кузнец у нас был высокий кряжистый мужик. Он на покосе одним навильником целую копну сена забрасывал на стог. Меня на покосе часто забрасывали на стог для завершения стога. Пришлось работать

мне и пастухом. Пас телят, коров и свиней детдомовских. Любимое мое, да и большинства пацанов занятие — это сенокос, который у нашего детдома располагался на правом берегу Оби, у речки Чаржа. Воспитателей там не было. А был завхоз Марухин, который нами руководил. Он был строгий, но справедливый. На сенокосе мы отъедались. Было мясо — кололи бычка, рыба постоянно. Да и мы сами рыбачили. Ягоды, особенно много было черной смородины и черемухи. Черемуху мы ели прямо с косточками.

В детдоме у нас были дети из Белоруссии, Ленинграда, даже два брата грузина — Татико и Арчико (фамилии их не помню). Их в 1947 и 1948 годах забрала их тетка, которая приехала в Круглое из Грузии. Была такая сцена. Мы с ребятами (человек семь) по дороге из детдома шли в кедряч за шишками. Навстречу поднялись две женщины, одетые во все черное и босые, через плечи перекинуты сумки-баулы. Спрашивают нас:

— Где тут Круглое, детдом?

Мы им говорим, что надо еще идти с километр.

— А там есть грузины? — спрашивают. — Да, двое — Татико и Арчико.

— Да, вот они, — мы показываем на двух смуглых пацанов. Женщины запрыгали, запричитали.

— Ай! Вай! — пляшут, поют по-грузински, обнимают Татико и Арчико, целуют их. Сбросили свои баулы с плеч, высыпают из них яблоки, виноград, сыр. — Угощайтесь, ешьте, дети. — А сами смеются и плачут. Они пробыли у нас для три. Одели Арчико и Татико в красивые матроски и увезли в Грузию.

Кажется, в 1948 г. мы из детдома провожали человек 10–12 ребят и девчонок из Белоруссии. Провожали их всем детдомом до пристани Березовка. Многие дети плакали — жалко было на них смотреть. Наш класс был, по-видимому, самый сильный в истории Кругловского детского дома. После окончания 7 класса, насколько я помню, 7 человек поступили учиться в техникумы, 4–5 ребят — в технические училища, 7–8 человек окончили институты, один (это я) стал кандидатом наук.

Вот наш 7-й класс выпуска 1951-го года:

1. Базаугин Степан Дмитриевич.
2. Бондарь Анатолий Федорович.
3. Волков Юра — техникум и строительный институт.
4. Волкова Надя — педтехникум, пединститут.
5. Волкова Люба — педтехникум и пединститут.
6. Субботин Володя — педтехникум.
7. Родикова Рита — педтехникум, пединститут.
8. Родиков Гера.
9. Беклемишев Гриша.
10. Пшеничкин Толя — горный техникум, университет.
11. Токарева Лида — педтехникум, пединститут.
12. Зубарева Нина — живет сейчас в г. Донецке, Украина.

Из поселка учились:

1. Жиданов Коля.
2. Бородин Юра.
3. Печенкины — две сестры, дочери завхоза детдома.

Выпускники 7 класса — 1950 г.

1. Майоров Саша.
2. Гаврящова Женя.
3. Крючкова Валя.
4. Гребенюк Миша.
5. Устинов Петр.
6. Мещерянов Вася — окончил индустриальный техникум.
7. Ланцаков Илья.
8. Сухущина Нина.
9. Дорофеева Рая.
10. Назарова Ира.
11. Ивченко Маша.
12. Авсеева Аня.
13. Николиева Аня.
14. Евтищенко Женя.

Кого еще из ребят помню:

1. Засухин Витя.
2. Монойленно Юра, говорят, утонул в Тогуре.
3. Петров, мы его звали «Петруха», он всегда ходил один.

4. Кологривов Юра, упал с кедра и разбился насмерть.
5. Коткины Юра и Вася — двоюродные братья.
6. Иванов Коля (по прозвищу «Смоленский», хорошо рисовал).
7. Спесивцев Шура, после детдома работал на «Лампочке» в Томске.
8. Маннанков Никита.
9. ХОХЛОВ ВОЛОДЯ по кличке «Хохол».
10. Ушлаков Миша, отравился вехом, похоронен в Круглом.
11. Гуртовенко Ваня.
12. Митрофанова Нелли.
13. Кузнецов Коля.
14. Чебоненко — братья Юра и Коля.
15. Митрофановы.
16. Чучерин Коля, вместе с моим братом Володей Пшеничкиным в 1952 г. был отправлен в колхоз д. Старо-Короткино.
17. Кортусова Дуся.
18. Коровин Вася.
19. Мурзина Галя.
20. Скоробогатовы Лиза и Лиля.
21. Сорокина Юлия.
22. Бородин Николай Пантелеймонович, живет в г. Новосибирске.
23. Культинов Анатолий Мартемьянович — жил после детдома в Челябинской области, г. Миасс.
24. Маркелов Виктор Маркелович, выпускник 1949-го года. Живет в г. Абакане, родители были из рода князей, фамилию, имя и отчество ему дали в Тогуре, куда он попал в двухлетнем возрасте.

Из работников детского дома еще помню

1. Наумов Шура — был немой, рабочий.
2. Завялов Александр — конюх.
3. Чернова Катя, была свиначкой в детдоме.
4. Борщов Вениамин.
5. Чуйков — председатель колхоза «Путь Ильича» в с. Круглое.
6. Марухин — завхоз детдома.
7. Кайдалова — воспитательница.

8. Каширский Михаил — разнорабочий, фронтовик, обучал нас езде на лошадях, которых дали детдому после войны.

9. Болотов — директор единственного магазина в с. Круглое, которому мы приносили пойманных щук в обмен на конфеты «Киевская помада».

10. Юрист Майя — выпускница 1953-го года, окончила Томское музучилище в 1960 г., а потом консерваторию во Владивостоке.

Может, некоторые фамилии и имена неправильно написаны. Помню, что директором, когда нас привезли в детдом в 1949 г., был Иосиф Александрович Устинов.

СУДЬБА МОШКИНОЙ ОЛЬГИ

Ольга Нелюбина (Мошкина) и Лидия Резаева, выпускницы детских домов № 9 г. Томска и Новиковского

Детства своего я не помню. Я его узнала из архивных документов. Меня нашел добрый человек, инспектор АГЕЕВА на Томской пристани осенью 1933-го года 2 сентября и передала в дом малютки г. Томска, который находился на углу улиц Карташова и Белинского. Она считала, что меня подбросили-оставили спецпереселенцы, которых угнали на Север в Нарымский край. Наверное, на шее у меня была бирочка, где было написано, что я — Мошкина Ольга Витальевна, возраст один год и восемь месяцев. По паспорту день рождения у меня считается 1 июля 1932-го года, а когда я обратилась в Дом ребенка, то там нашли документы в трех книгах с записью, что

я родилась 15 января 1932-го года. В доме малютки я жила до трех лет. Помню, как мы спали на соломенных матрасах и как нам ставили горшочки в кровать, как нас, детей, садили на пол и давали розовые конфетки и репу. Я почему-то всегда плакала. Когда исполнилось мне три года, нас повезли в дошкольный детдом № 4, в белых шапочках, на лошади с телегой. Там нас встретили очень хорошо, мы сидели на персидском ковре, и нам показывали сказку «дедка за репку» и читали сказку о золотой рыбке. Сильно жалко было деда рыбака, а бабушку — нет. Летом нас отправляли на дачу за город, там было хорошо жить. Воспитатели уложат нас спать, а сами под окнами сидят и так хорошо поют, что мы быстро засыпали. Я не знаю, с какого возраста, но я любила мыть посуду, убираться в комнатах. И как-то раз я вытирала столики и стулья и невзначай уронила с этажерки головку Ленина. Я так напугалась, думала меня убьют, но обошлось, ничего не сказали. Ведь нам так внушали все хорошее про Ленина.

У нас была воспитательница тетя Лиза, она меня любила, и когда я плакала, то она заворачивала меня в мокрую простынь, чтобы я не плакала. Я помнила доброту тети Лизы, и после детдома долго мы с ней общались, пока она не умерла. В 1941 году весной меня отправили в школьный детдом № 16. А началась война, и директора детдома Воробьева забрали на фронт, а мы всем детдомом провожали его воевать. Хороший он был директор. Каждый выходной день нам стряпали и пекли большие пироги с картошкой, и я до сих пор люблю такие пироги.

Подросла я немного, и меня отправили в детдом № 9, где я прожила до лета 1946-го года. Здесь директором была очень жестокая женщина, так как заставляла простаивать на линейке всех детей из-за баловства мальчишек. На лето мы переезжали на дачу в Куташово. У нас было большое хозяйство: лошади и коровы, свиньи и быки. А огороды были большие, и мы с первого класса школы на даче все делали сами. Пололи и окучивали грядки, даже охраняли поля с картошкой. Было нам страшно охранять картошку: залезем на дерево и сидим-дрожим, ждем воров, а они не приходят. Видно, жалко детдомовских детей было обижать. Все мы очень любили копать картошку. Уж тут-то мы наедемся вдоволь печеной на костре картошки! В детском доме уборщицы не было, и мы сами мыли полы, а на кухне дежурили по порядку. В общем, приучали

нас с детства к труду, и это нам очень помогло потом, в самостоятельной жизни. Спасибо за это воспитателям детдома.

Помню, все праздники проходили весело, так как способных детей у нас было много, каждый выступал со стихом либо песней, а то и с танцами под музыку. За это всегда давали вкусные подарки, несмотря на то, что шла Отечественная война. В детдоме был тогда свой духовой оркестр, который всегда играл по праздникам. У нас были хорошие воспитатели, медсестра тетя Лизочка, повар тетя Лида. Мне запомнилась особенно воспитательница Клавдия Александровна Татаурова, заслуженный ветеран труда. Таких людей теперь и не найдешь. Чего только она не умела делать: пела и рисовала, шила и вышивала, и всему этому она учила нас до четвертого класса. Благодаря ее заботе я и теперь с удовольствием вышиваю по рисункам и вяжу любые вещи для своих друзей и знакомых. А по вечерам зимним она, как артистка с ролями, рассказывала и читала нам всякие сказки и рассказы.

Хотели меня отправить в ремесленное училище в 1946 году, а Клавдия Александровна взяла меня к себе домой. Говорит, ты все умеешь делать и будешь мне хорошей помощницей. Направила меня учиться в профтехшколу, где я получила профессию строчевышивальщицы. Так мы и жили с ней четыре года. После окончания профтехшколы я не работала по специальности, а в 1950 году поступила работать на швейную фабрику и проработала здесь до 1990-го года сорок лет. Работала с большим удовольствием, никогда не отказывалась от любого дела на фабрике. За такое отношение к труду надавали мне столько всяких значков: медаль Ленина и медаль Ветерана труда, знаки Победителя социалистического труда, много памятных подарков и разных грамот. Со всеми работниками фабрики часто ездила в колхозы и совхозы добровольно и там получала благодарности за помощь в сельском труде. Правда, неудобно хвастать перед людьми, но в моей жизни все это было и запомнилось на всю жизнь. И теперь с благодарностью я вспоминаю, в первую очередь, детский дом и воспитателей, всегда говорю спасибо им за обучение и воспитание доброе. Ведь это они меня приучили к труду, дали образование, а мне это пригодилось на фабрике и в жизни.

*Ольга Витальевна Нелюбина,
1 июля 2010-го года, г. Томск*

ДОБРО ДЕЛАТЬ СПЕШИ

Валентина ВОРОНОВА (Кочева)

*Посвящается 80-летию детского дома № 9 г. Томска
Воспитателям и техническому персоналу детского дома
№ 9 г. Томска, учителям, всем, кто бескорыстно дарил нам тепло
своих сердец, самым преданным моим друзьям по военному дет-
ству посвящаю эти страницы.*

СТРАНИЦЫ ИЗ ПРОШЛОГО

В марте месяце 1921-го года был организован (открыт) детский дом № 9. Он принял первых своих питомцев, сирот, беспризорников, что остались без родителей в результате гражданской войны и пролетарской революции.

Кто не общался с беспризорниками, тот не поймет, как бывают отзывчивы и благодарны они, с виду ершистые и злые. Если уж к ним с добром и по совести, то и они ответят тем же.

Сиротское сердце более чувствительно и отзывчиво на любые явления в жизни (будь то доброта или зло), чем сердца сверстников, живущих с родителями. Всякое, даже незначительное участие к их судьбе запоминается ими надолго, на всю жизнь!

В 30-е годы детдом пополнялся в основном за счет детей из числа людей репрессированных, так сказать, «врагов народа».

Но какие это были интересные дети! Благородные, талантливые, с высокими понятиями о чести, справедливости и доброте, с твердыми навыками труда, рукоделия, рисунка, некоторые владели музыкальными инструментами и с интересом учились. Эти качества детей «врагов народа» отмечали воспитатели, работавшие тогда в детдоме.

Именно они, дети 30-х годов, являлись, так сказать, родоначальниками благородных неписаных законов, по которым жили и мы позже в детдоме № 9. Помню их заботу и шефство над младшими воспитанниками, трудолюбие, аккуратность, стремление к знаниям, любовь к чтению, прекрасному, особую честность во всем.

Некоторые старшие воспитанники 30-х годов запомнились на всю жизнь. Это Алла Бржезицкая, Тамара Цаунит, ее братья Юра и Слава, сестры Завершинские, Галя Никонорова, Валя Трапезникова, Гутя Максимова, Галя и Гена Жук, Лида Шмелева, Аня Попова, Алла Покатило, Валя Серебрякова («Бряка»), Тамара Кравченко, Валя Помыткина и др.

Поколение 30-х и 40-х годов оставило после себя добрую память в детдоме. Именно этот контингент детей установил порядок, твердые традиции, по которым мы жили и позже. Конечно, воспитатели играли не последнюю роль в детдоме. Но они, воспитатели, работали по 5 часов в сутки и, конечно, не смогли бы глядеть за всеми. А старшие дети находились в детдоме постоянно, т. е. все 24 часа, обогревая под своими крыльями малышей-подшефных, показывая своим примером, как нужно поступать в том или ином случае. Они учили нас каждую минуту, каждый час своим примером «делай, как я». И таким образом сложились наши неписанные законы:

1. Будь честен и справедлив.
2. Не обижай младших.
3. Защищай слабых.
4. Умей постоять за себя и товарища.
5. Трудись на совесть, не сачкуй.
6. За добро плати добром.
7. Будь ловок и смел.
8. Лежачего не бьют.

9. Научи товарища тому, что умеешь делать сам.

10. Стремись к знаниям. Учеба — твое спасение в жизни.

11. Двое дерутся — третий не лезь (так выяснялись отношения).

30-е годы породили новых сирот — детей «врагов народа». Отовсюду в Томск хлынули партии детей. Их везли из Новосибирской области, с Украины. Прибалтики. Много было томичей. Дети были разных возрастов: первый год жизни, дошкольники и школьники. Срочно потребовались места для этих сирот, чьи родители были расстреляны или этапированы в лагеря на долгие годы. Существовало нечеловеческое предписание свыше: детей из одной семьи помещать по разным детдомам. Так терялась последняя связь с родными. Фамилии, отчества, даже имена заменялись. Ведь многие дети еще не умели говорить. Некоторые знали только свое имя (это 1,5–2-летние). Родители не знали, где их дети, а дети не ведали о том, что у них есть родители. Так среди детей моего поколения появились фамилии: Комиссаровы, Генераловы, Капитановы, Майоровы, Нелюбины, Нехорошевы, Непомнящие, Безымянные, Неизвестные.

В личные дела детей 30-х годов вместо сведений о родителях стояло унижительное слово «неизвестно». Место рождения — «неизвестно». Год рождения определялся на глазок. День рождения — «неизвестно». Мне пришлось пожить в доме малюток, в детдоме № 3, в детдоме № 2, а позже и в детдоме № 9 (1941–1948) г. Томска.

Нужно сказать, что в детдомах мы жили дружно, как в большой семье. Но анкетные данные многим моим однокашникам испортили дальнейшую жизнь, отрицательно повлияли на дальнейшую их судьбу. Одних не принимали в вузы, т. к. они — дети «врагов народа». Другие не смогли по своему выбору завести семьи. Печально, но факт, что, добывая себе право на жизнь, некоторые стали преступниками...

Поведаю читателю невыдуманную историю. Среди детей «врагов народа» были у нас дети Цаунита, латышского стрелка, беззаветно защищавшего Советскую власть, ею же разжалованного, репрессированного и расстрелянного. Старшей, Тамаре,

было 8 лет. Среднему, Юре — 6 лет. И маленькому Славику — 10 месяцев. Вот тогда все они были оторваны от матери и жили в детдомах г. Томска. Мать этапировали в лагерь на 10 лет. Отца расстреляли. Дети были в разных детдомах, но в 1943 г. их соединили в детдоме № 9. Пришло, наконец, разрешение, которое позволяло теперь жить в одном детдоме детям из одной семьи. Это шла Великая Отечественная война. Она же способствовала воссоединению детей из одной семьи.

Тамара, старшая, была очень интересной девочкой с яркой внешностью, умом и талантом. Училась хорошо, большая рукодельница (еще от мамы), много читала, прекрасно рисовала. Она была очень заботливой сестрой. Ухаживала за братьями Юрой и Славиком. Делилась с ними всем, чем можно было поделиться в условиях детдома. Директрисе было жаль одаренную и красивую девочку, и Тамаре первой посчастливилось учиться в педучилище, живя в детдоме.

В 1947 году Тамара окончила педучилище. Все 10 лет, будучи в детдоме, она имела переписку с матерью. В 1947 г. закончился 10-летний срок ее заключения, и они (все оставшиеся Цауниты) с нетерпением ждали встречи с родным человеком, с матерью. Встреча должна была произойти в Оренбургской области. Две радости в одном 1947 году. Дочь получила диплом учителя, мать — свободу!

Все мы очень любили Тамару за ум, талант, справедливость, доброту, внешнее обаяние и очень хотели походить на нее, дружить с ней. И, конечно, свою любимицу провожали в самостоятельную жизнь всем детдомом. Тамара уезжала из детдома, ставшего ей родным на 10 лет жизни и учебы в нем, оставляя 120 названных сестер и братьев. Она вралась к маме.

Помню, как всем детдомом мы провожали ее. Тамара взяла с собой 10-летнего Славика, самой же ей было всего 17 лет. Им с братом выдали недельный паек: несколько булок черного хлеба, рыбные консервы «Мелкий частичек», конфеты-подушечки, — все это было сложено в наволочки, т. к. не было ни сумок, ни рюкзаков. В чемоданчик из фанеры уложили 2 смены белья. Вот и все богатство, что мог тогда дать ей детдом.

Из Куташова пешком мы шли до станции Томск-I. Оттуда Тамаре предстояло ехать к маме. Тоскливо и радостно было наше расставание. Плакали и смеялись. Жаль было расставаться с нашей гордостью — Тамарой, но и радость переполняла всех. Тамара едет к маме! Она взяла с собой 10-летнего Славика в неведомый мир. Юра же (средний брат) уже был в РУ.

Неделю добиралась Тамара до мест назначения. Поезда тогда ходили медленно, билеты достать было трудно. Первая самостоятельная дорога, где все зависит от тебя. Через 10–15 дней после проводов Тамары в детдом пришло письмо, где она сообщала, что увидеть маму ей так и не пришлось. Она опоздала. Мать умерла, не дождавшись своих детей всего 6 дней. К могильному холмику приехали Тамара со Славиком, чтобы, не поздоровавшись, попрощаться с мамой... От мамы ей в наследство достался большой моток цветных ниток «мулине». Мама была прекрасной рукодельницей. Получив такое печальное известие, мы всем детдомом оплакивали злую судьбу-разлучницу. Но что поделаешь? Жить как-то надо!

Тамара устроила Славу в московский детдом, сама пошла на работу в одну из школ столицы. Прописалась у тетки. Тамара работала и училась на вечернем отделении Московского пединститута. Проводывала младшего братика Славу. Но нет худа без добра, как говорится. Там, в Москве, она встретила бывшего воспитанника детдома № 9 Сашу. Саша учился в Институте международных отношений. Их симпатии, еще со времен детдома, переросли в настоящую любовь.

Саша тоже был очень талантливым мальчиком. Он прекрасно рисовал, отлично владел игрой на фортепьяно, стремился к знаниям, серьезно учился. Собой он был очень хорош. Высокий, стройный, кудрявая светлая шевелюра, выразительные глаза, к тому же скромный, интеллигентный. Очень они подходили друг к другу. Учились, работали, встречались, мечтали о том, как они будут жить, когда пожениются. Все между ними было оговорено и решено на будущее. Только бы скорей закончить учиться, получить высшее образование.

1952 год — год защиты диплома Саши, год осуществления планов на будущее. Саша должен был ехать за границу по окончании института, а потом должен был жениться. Анкета будущей жены проверялась в КГБ. Он с радостью сообщил своей невесте Тамаре об этом. Но анкета будущей жены Саши «не прошла» в КГБ. А сроки уходили. Сашу ждала работа в посольстве, за границей. Но прежде он должен был жениться, оставляя на Родине «в залог» жену.

Таковы были правила для тех, кто уезжал на работу за границу. Саше пришлось срочно искать невесту и оформлять брак с той, чья анкета подойдет в КГБ. Так и случилось, что рухнули планы и надежды на большую любовь с Тамарой. Еще один страшный удар уготовила им судьба. Как только выдержала Тамара?! Тамара приехала в Томск, на свою малую Родину, покинув столицу, где так безжалостно и жестоко наказала ее судьба. Не согнулась наша гордая Тамара под ударами судьбы! Выстояла, пережила. Помогла детдомовская закалка. Вышла замуж, родила 2 детей, прекрасных дочек. Выучила их. Ее девочки получили высшее образование в Томске. Ирина (старшая) окончила медицинский институт. Людмила — университет. Но это было уже позже. А пока вернемся к событиям по хронологии.

Наступил 1953 год — год смерти «отца народов» И.В. Сталина. Наступило время политической оттепели. Родителей Тамары реабилитировали посмертно. Тамаре же выдали какую-то сумму за конфискованное имущество и месячную зарплату отца. Эти горькие деньги она вложила в подарок своим девочкам в память о своих безвинно погибших родителях.

Пишу эти строки вовсе не затем, чтобы тебя прошибла слеза, хотя они стоят у меня в глазах и сейчас. Подкатывает ком к горлу, сжимается сердце от боли и безысходности. Люди! Не будьте равнодушными и жестокими к судьбам своих и чужих детей! Боритесь против лицемерия и лжи, против жестокости!

Я несколько отступила от порядка повествования, но возвращаюсь к 30-м годам жизни моего дома, куда прибыли дети «врагов народа». В детдоме были прекрасные воспитатели, руководители кружков, хорошая мастерская для мальчиков, подсобное хозяйство в Куташове.

Много талантливых, неординарных ребят и девочек довелось мне встретить в детдоме. С какой-то особой жадностью они стремились к учебе, очень хотели не просто учиться, а именно хорошо учиться. Многие имели навыки живописи и музыки, владели кистью и музыкальными инструментами, хорошо пели и танцевали. На редкость талантливыми были воспитанники 9-го детдома 30-х годов. И немудрено, ведь многие из них были выходцами из приличных и интеллигентных семей. Дети врачей, профессоров, военных начальников, артистов, сельских тружеников, раскулаченных за то, что были не просто тружениками, а талантливыми, умелыми, неординарными личностями (как об этом мы узнаем теперь, через десятилетия). Воспитатели, работавшие подолгу в детских домах, дружно отмечали неординарные способности воспитанников 30–40-х годов. Ведь это были дети нормальных родителей из нормальных семей, не по своей воле вырванные из родных гнезд и помещенные в детские дома.

Поэтому на всех выставках технического и художественного творчества работы воспитанников детдомов 30–40-х годов отличались особым талантом, выдумкой и мастерством. Многие дали и мастера-воспитатели этим детям в детдоме. Здесь они продолжали учиться музыке, живописи, танцу, пению, вышивке, приобщались к труду. Как-то получилось, что наши воспитатели все умели, всему были основательно обучены в учебных заведениях. Например, Тагаурова Клавдия Александровна, окончившая гимназию, имела твердые навыки нотной грамоты и игры на фортепьяно, умела работать с хором, прекрасно разбиралась в живописи и учила всему этому воспитанников детдома, у кого был к этому особый талант и тяга. Не отказывала в этом и остальным, кто хотел приобщиться к миру прекрасного.

Помню сказку «Снегурочка», поставленную ею в детдоме. Декорации, музыкальное сопровождение, хоровое пение и хореография к сказке — все готовилось под руководством Клавдии Александровны. С этой сказкой мы выступали в Доме офицеров и на смотре во время школьных каникул в 1946 году. Было задействовано в ней что-то около 50 человек сразу: хор, хореографическая группа, солисты и др.

Клавдия Александровна умела, кроме этого, шить, вязать, плести необыкновенные вещи из соломки, камыша, прутьев, телеграфной бумажной ленты. Она прекрасно знала природу, растительный и животный мир, окружающий нашу дачу в Куташове. С ней мы собирали различные лекарственные травы в годы войны, сдавая готовое сырье в аптеки по 2 тонны (в сухом виде) каждый сезон. Она лечила детей травами, владела мастерством различной вышивки, мережки, лепки, папье-маше и всему этому щедро обучала нас. В детском доме Клавдия Александровна работала учителем начальных классов (обучали прямо в детдомах, т. к. детям не в чем было ходить в школу), была воспитателем и руководила несколькими кружками. Целую неделю она жила и даже спала в классной комнате на столах, т. к. работа с детьми заканчивалась намного позже отбоя. Отбой — в 11 часов, но она до 2 часов ночи клеила, лепила, рисовала, мастерила с небольшой группой ребят. Все праздничное и повседневное оформление в детдоме в те годы было сделано руками одаренных детей под руководством Клавдии Александровны. Сделано мастерски, на большом художественном уровне. Домой она появлялась 1–2 раза в неделю. Все остальное время она отдавала нам, детям детдома.

С ней было интересно. Мы с нетерпением ждали по вечерам (это было редко, но незабываемо!) рассказов Клавдии Александровны, таких как «Маленький оборвыш», «Сибирячка» и др. Такие вечера она дарила всем детям. А было это так. В одной из самых больших комнат детдома собирались сразу все. Усаживались за партами по 4–5 человек. Кому не хватало мест за партами, несли с собой стулья и табуретки или устраивались прямо на полу. Собирались, таким образом, сразу по 100–120 человек, то есть практически все дети, не занятые дежурством. И замирали. Было тихо так, что слышно, как пролетит муха, и Клавдия Александровна начинала свой рассказ. В течение 3–4 часов подряд слушали мы ее, не шелохнувшись. Ведь других развлечений не было: ни кино, ни телевизора, ни книг. Рассказчиком Клавдия Александровна была эмоциональным, артистичным. Останавливалась на самом интересном месте, и мы с нетерпением ждали нового вечера, когда будет продолжение рассказа.

Но такие вечера были редкими, т. к. нужно было много работать всем: и воспитателям, и детям. В детдоме в годы войны мы делали буквально все сами: мыли, стирали, гладили, дежурили по кухне, носили воду из Ушайки в гору на Бакунина. (Водопровод не работал, перемерзал, канализация тоже). А наносить воды на мытье полов 3-этажного помещения, на кухню для 150 человек, на стирку белья (а стирка была ежедневно) — это большой труд. Носили ведрами на руках. Особенно изнурительной эта работа была зимой, рукавичек-то не было, а морозы стояли, словно на заказ, испытывая нас на выносливость, таких маленьких, плохо одетых. Лошадей в ту пору не было у нас.

Сами на себе возили уголь в холодные ночи (1943–1944 гг.). А было-то нам по 11–13 лет. Ночью часа в два раздавалась команда дежурного воспитателя: «Подъем! Пришел состав с углем!» Быстро поднимались в потемках (электричества не было, керосина тоже), старались одеться, пока еще горела лучина в руках дежурного воспитателя. Гурьбой высыпали на улицу. По свободному принципу сами делились на компании 5–7 человек в зависимости от тары, которую придется заполнить углем и везти в гору. Использовалось в качестве тары все: бочки, ведра, ящики и др. Это устанавливалось на большие сани и саночки, в них впрягалась компания ребят и возила уголь с улицы Розы Люксембург в детский дом на улицу Бакунина, 7. Тянуть уголь в гору тяжело-вато. Ноги скользили, руки мерзли. Валенки были не у всех, кто в ботинках на берестяной подошве (были такие в годы войны), кто-то в опорках, кто в чем.

Почему вставали быстро? Да потому, что ждали этот уголек — единственный источник тепла, который расходовали очень экономно, чтобы хватило на всю зиму. Почему не хныкали и не роптали, тянувши ношу в гору голыми руками, без рукавиц в морозные ночи? Да потому, что понимали, что уголь нужен нам, чтобы приготовить пищу и обогреться.

Известно, что холод хуже переносится, чем голод. Шла война — там, на фронте было труднее — это мы тоже понимали, и еще понимали многое, чего непонятно теперь детям.

Но уж когда ехали порожняком с горы, то вся компания помещалась на санках, которые тянули в гору с углем. Держась друг за друга, съезжали мигом с горы. Тут нужны были еще и ловкость, и сноровка, чтобы вовремя затормозить и не слететь с крутого берега в Ушайку. Это нам удавалось с трудом. Даже в такую тяжелую работу в холодные зимние ночи вносились элементы веселья, чего так недоставало нам в годы военного детства. Не было праздного катания на санях с горы, не доставало на забавы времени тогда, зато мы с лихвой использовали его во время работы, когда вывозили уголь. Никому и голову не приходило сачковать или прокатиться на пустых санях с горы дважды, не притянув свою долю угля домой, в гору.

Только строго после выгрузки угля можно были прокатиться с горы. А там трусцой, чтобы не застыть, добежать до вагонов, где работники детдома насыпали нам уголь в тару лопатами, выгружая вагоны. И так всю ночь, пока не вывезем то, что занаряжено для детдома. После такой ночи расходились на дежурство по самообслуживанию: мыли полы, убрали помещения, чистили картофель, носили воду, стирали, гладили, готовили уроки, посещали занятия. Шли обычные будни, заполненные до отказа трудом. И тем желаннее были вечера, о которых речь шла выше, когда можно было послушать Клавдию Александровну и просто отдохнуть. Так была организована наша жизнь зимой, а летом ждала уже другая работа. Но об этом, уважаемый читатель, чуть позже. Наши наставники были на редкость умелыми, внимательными, справедливыми, отзывчивыми. Все молодые, энергичные, как и Клавдия Александровна, добрые к нам.

Вспоминаю Шкумат Галину Дмитриевну, она была большим мастером по части постановки классического танца. Но так же, как и Клавдия Александровна, прекрасно шила, вязала, рисовала, вышивала — словом, все могла и умела. Сама она воспитывалась в одном из приютов г. Томска, где позже размещался 5-й детдом. Быстрая и легкая, смелая и правдивая, она всегда резала «правду-матку» всем в глаза, этому научились и мы у нее. Талантливая, трудолюбивая, неутомимая наша воспитательница. Она со своим боевым характером не могла смириться

с любой несправедливостью, которая касалась детей. В буквальном смысле «воевала» за каждого ребенка, наживая различные неприятности для себя.

Она была предана детям — всю жизнь посвятила воспитанию детей. Работала в разных детдомах г. Томска по причине бескомпромиссного характера. Но все, кто встречался с ней, кто имел счастье познакомиться с этим человеком (это мы, детдомовцы), вспоминаем ее только добрым словом. Она многому научила нас, была не только воспитателем, а душой и другом для нас. Умная, талантливая, гордая и справедливая, она ни перед кем не ломала шапку, не унижалась, не терпела подхалимажа. От нее мы унаследовали эти качества и не жалеем об этом.

Где-то живут в Томске ее дочка Неля, внук и внучка. Они могут гордиться своей матерью и бабушкой, так как Галина Дмитриевна была и нам доброй, взыскательной матерью, старшим другом и помощником. Она руководила танцевальным кружком, учила нас шить на руках удивительные вещи, учила штопать и чинить одежду, обметывать петли, вязать. Каждого из детей она понимала, имела подход к любому ребенку. Рядом с Галиной Дмитриевной, такой искренней, трудолюбивой, умелой, просто нельзя было быть другим, и мы старались быть похожими на нее, старались меньше огорчать (насколько нам это удавалось) свою воспитательницу — словом, жадно перенимали все, что она нам давала тогда, в детстве.

Очень ответственно она относилась к часам, когда мы готовили уроки. Никто из ее группы не уходил из школы, не повторив заданного на дом. А было это, скажу, нелегко. На 30 человек были часто 1–2 учебника. Тетрадей не было вовсе. О качестве чернил, перьев и деревянных (часто самодельных) ручек уж и говорить не приходится. Да и способности схватывать на лету, что называется, у нас были разные. Но Галине Дмитриевне все-таки удавалось и объяснить (кому нужно), и проверить у всех задание. В этом ей помогали сами дети. Собирались группками по 5–6 человек, учили стихи, пересказывали прочитанное, проверяли друг у друга таблицу умножения, решение задач и др. Все нужно было держать в голове, т. к. писать было не на чем, кроме как на доске да,

кому посчастливится, на старой газете. На ум приходят нехитрые строчки о том времени, как и чему мы учились:

*...Была одна книжка на группу,
Холщовая сумка одна на двоих,
Подшитые старые валенки.
Посменно ходили мы в них.*

*Мерзли ноги и руки синели.
Не было часто света.
В классах в пальто мы сидели,
А писали на старых газетах...*

*Но никогда «не пищали» —
В трудностях закалялись мы,
Выросли, возмужали, на ноги крепко встали
Мы, дети суровой военной поры...*

Но до того, пока мы «встали крепко на ноги», были обыкновенные детдомовские будни, заполненные до отказа трудом.

ВОЙНА

Шла Отечественная война. Гибли люди. Прибывали новенькие в детдом. Я помню, как прибывали эвакуированные дети, так сказать, третья волна сирот, рожденных новой войной. Это были напуганные бомбежками, обстрелами и пожарами маленькие испуганные существа, скорее похожие на старичков, чем на детей. Ведь на их долю свалились такие испытания, которые не под силу вынести даже взрослым.

Помню, как за обедом в детдоме они как-то странно вели себя. Ели молча, торопливо, а хлеб откладывали на потом (видимо, по привычке), оставляя небольшой кусочек, уносили с собой. От завтрака до обеда хватало им этого кусочка, который они, смакуя, ели буквально по крошке, не обронив ни одной. Особенно

ленинградцы. Крошечки хлебные они не жевали, а подолгу во рту держали, словно сладкие леденцы.

Томичи помнят, сколько беженцев и эвакуированных принял наш старый город, разместил их в семьях, обеспечил работой и питанием. С особым вниманием и теплотой относились томичи к этой категории людей. И мы, маленькие хозяева нашего дома, тоже старались сделать все возможное, чтобы детям войны было тепло в нашем коллективе. Старшие взяли под свою опеку прибывших. Водили их в баню, столовую, школу, помогали заниматься, постепенно вовлекали в кружки, следили, чтобы их никто не обижал, чтобы они меньше плакали, вспоминая про своих родителей, родной дом.

Первую волну эвакуированных принял наш детдом сразу, в 1941-м, в первый же год войны. Среди них были дети разных национальностей: украинцы, евреи, белорусы, немцы, калмыки, латыши, эстонцы, литовцы, поляки. Многие не знали русского языка, но мы все прекрасно понимали друг друга, помогали им, как могли, оберегали в детдоме и на улице от драчунов и злословов. Детдом наш был похож на маленький союз, в котором поселилась разноязычная детвора.

Крепкая дружба, рожденная в детдоме, связывает нас и сейчас. Мы не потерялись в круговороте жизни. Тесно связаны между собой и сейчас. Дружим мы. Теперь дружат наши дети и внуки. Радуемся успехам, удачам каждого, переживаем за тех, кому что-нибудь не удалось. К месту сказать, мы дружим не только с теми, кто воспитывался с нами в детдоме № 9, а со всеми воспитанниками детдомов Томской области, принявших в годы войны эвакуированных детей.

Тогда в Томской области было более 40 детдомов. Был ленинградский детдом, смоленский, даже польский и др. Нас связывают узы более чем родственные. Мы пережили вместе страшную войну, голод и холод. Мы тогда мечтали о лучшем будущем, мечтали о дружбе на веки вечные.

Трудно, со скрипом, что называется, но возвращаются к нашему народу вековые традиции христианства, коротко обозначенные в 10 заповедях религии. Все: и русские, и татары,

и белорусы, и украинцы, и калмыки, и узбеки, и латыши, и эстонцы, и немцы — словом, все народы большой нашей Родины хотят жить в мире, никому не нужна война, несущая много бед любому народу. Мы хотим жить в мире и согласии! И сумеем организовать, если будет необходимо, чтобы доказать это на деле, дать отпор тем, кто пытается погреть руки на национальной розни. Мы — за сотрудничество, мир и процветание всех малых и больших народностей. Нам нечего делить! Мы — за такие общественные отношения, где будет тепло, сыто и хорошо любому народу. Много теплых и хороших воспоминаний всплывает сейчас из жизни нашей в детдоме (я бы сказала в самое трудное время в годы войны). Но были и негативные моменты, которые тоже нельзя забыть.

ТЕМНАЯ

Так объявился у нас среди мальчиков «король», который был силен, старше других. Он заставлял малышей выносить их пайки хлеба из столовой и отдавать ему. И фамилию его помню, как сейчас, — Волынцев. Ухитрялись малыши, прятали им причитающийся хлебушек и отдавали своему ненавистному «королю». А тот, забывши про стыд и совесть, жирел на чужой пайке. Малыши же, недоедая, были похожи на «живые мощи». Самостийный царек жирел на дармовых харчах, избивал тех, кто по какими-то причинам не сдавал ему свой паек. Долго так продолжаться не могло. Доходяги-шкеты, объединившись, ночью устроили «темную» своему вампиру. Навалились все разом и избili своего мучителя досками (на кроватях были доски вместо сеток) так, что навсегда отбили охоту собирать чужие пайки. Было это в 1942-м. И опять сработал неписанный закон в нашем детдоме: «Не смей обижать младших, заступись за слабого, помоги ему!».

Наши справедливые традиции продолжают жить и сейчас. Малышей и слабых не обижают. В коллективе детдома № 9 жили и живут и другие традиции, присущие (как я понимаю) нашему народу испокон веков. Уважают тех, кто честен и справедлив, кто талантлив и смел, кто добр и умен, кто способен помочь ближнему, ничего не требуя взамен. Вот по таким законам жили мы

тогда в детдоме. А наши старшие наставники незаметно, исподволь, поддерживали законы детского коллектива, развивали и направляли их умело и тактично.

Более 20 лет, начиная с 1941-го года, проработала в детдоме № 9 Саликаева Мария Дмитриевна. Очень интересный человек и, как все наши воспитатели, не без таланта и умения. Мария Дмитриевна прекрасно шила. Именно она готовила реквизиты, костюмы к нашим постановкам и праздникам. Ее руками были раскроены и сшиты изумительные по своей выдумке и красоте, сочетанию цвета и фасона парадные платья, комбинированные из синего атласа (лиф) и белого шелка (юбка); коричневого атласа (лиф) и кремового шелка (юбка). Томичи помнят спортивный парад воспитанников в 1948 году, колонну детдома, одетую в нарядные платья, которые сшила Мария Дмитриевна. Красивые наряды были, как вы уже догадались, уважаемые читатели, позже, после войны.

А пока вернемся к военным годам, о них еще не все сказано. Тогда, в военные годы, мы с Марией Дмитриевной шили из бязи постельное белье: наволочки, простыни, рубашки и др. Чинили, латали старую одежду, переживали трудное военное время. Самым страшным в те годы (как мне помнится) был холод. Недостаточное количество топлива, отсутствие электричества и замерзший водопровод куда как хуже, чем скудный паек.

Ведь, прежде чем вымыть полы, нужно было занести воду из реки, и водой холодной мыть полы в комнате, где температура была не выше 9–10 °С, а порой и ниже. В холодные темные (помещения без электричества и керосина) зимние вечера трудненько приходилось дежурному воспитателю. Ему надо было спрятать боль и сострадание, чтобы обеспечить влажную уборку и помещения детдома силами дежурных воспитанников, чтобы поддержать ритм жизни коллектива, чтобы ни одно звено не выпало из этого ритма — подъем, завтрак, занятия в школе, подготовка к урокам, обед труд и т. д. были бы вовремя. Все рассчитано было по минутам.

Так вот, на долю Марии Дмитриевны выпадали нелегкие часы. Часто ей самой приходилось брать тряпку, макая в ледяную воду, начинать уборку помещения, потому что нам (чего уж

тут скрывать), вовсе не хотелось делать это, а хотелось как-то согреться. Мы, натянувши платья на колени, усаживались плотно друг к другу вечерами и ждали, когда будет отбой, чтобы скорее согреться под одеялом. Ни в какие игры играть не хотелось по той же причине: темно и холодно, холодно и темно. Дежурный воспитатель зажигал лучину, чтобы накормить нас в столовой, проследить, чтобы не обидели малышей. А случалось, что какой-нибудь шустрик стремился на ужин 2 раза, пользуясь темнотой. Тут уж воспитателю нужно держать ухо востро, чтобы накормить всех, обеспечить порядок в столовой, затем уборку помещения и отправить всех спать после отбоя.

Кстати, о «сервировке» столов в то суровое время. Ели мы из глиняных чашек, и 1-е и 2-е блюдо в одну и ту же чашку. Называли мы эти чашки корчагами. Ложки были самодельные деревянные. Их делали наши мальчишки в мастерской сами. Дерево для ложек тоже заготавливали мальчишки сами. Случалось, что попадет некачественное дерево, и ложка получалась ворсистая, этакая лохматенькая. Но ничего, черпать ею еду из корчаги было можно. Свои корчаги после еды мы тщательно вылизывали языком. Стульев не хватало, и ели мы в столовой стоя. Даже такой нехитрой посуды не доставало на всех, поэтому кормили нас в три смены. Сначала малышей, потом детей постарше. В детдоме тогда было 120–150 человек в возрасте от 8 до 16 лет в основном. 14–15-летние были большим исключением, всего человек 10–12 на весь детдом. Делились все дети на возрастные группы так: 1–2 классы (малыши), 3–4 классы (средние), 5–6 классы (старшие).

Семиклассников было совсем мало, человек 8, не более. Вот теперь, пожалуй, уважаемый читатель, вы можете себе представить, как нелегко было справляться со всей физической нагрузкой, выпавшей нам на долю в годы Отечественной войны. Заготовка дров, вывозка угля на санках, куда впрягались мы сами, доставка воды из реки, очистка двора от снега, ежедневно 2-разовое мытье полов, чистка картофеля, глаженье тяжелыми литыми утюгами, нагретыми на плите в кастилянной, и др. — все это делали сами дети. В годы войны у нас было 2 повара, техничка, прачка,

кастелянша, сторож, истопник, т. к. отопление было печное. Вот и весь обслуживающий персонал. Да еще директор детдома, медсестра, завуч и 5 воспитателей. Как в пчелином улье, шла повседневная работа в детдоме. Никому никаких поблажек, кроме больных. Все в меру своих сил выполняли порученную работу.

В деревне Куташово у нас было подсобное хозяйство. Мы там обрабатывали 5 га картофеля, 2 га овощей, 3 га свеклы, 2 га проса, 5–6 га овса. Еще помогали в прополке и заготовке сена соседнему колхозу «Рассвет». Для своих коров и 2 быков-волово заготавливали тоже сено. И все это вручную, работали тяпкой, косой и граблями. А самые маленькие — это 1–2-е классы — заготавливали лекарственные травы. В сенокосную страду 1–2-е классы ворошили сено, 3–4-е классы гребли его, 6-й класс были косарями, пастухами и т. д. Параллельно (в летнее время) шли ремонтные работы в здании детдома в Томске: белили, красили, мыли полы, окна, относили глину и песок после ремонта печей на носилках, после чистки подпольев, которые углублялись, чтобы засыпать картофель на предстоящую зиму. Штукатурили фундамент, белили его и т. д. За лето перетряхивали все матрасовки, стирали их, потом снова набивали и стежили матрацы, стирали одеяла, сушили подушки, пальтишки и т. д. Вот, пожалуй, не совсем полный перечень работ, чем занимались мы летом.

Я не помню праздного шатания по даче. Подъем был в 7-00 утра, отбой в 11-00. 4 часа днем (с 9-00 до 13-00) и 4 часа вечером (с 16-00 до 20-00) мы ежедневно работали. Все дети делились на бригады по 10–12 человек. За каждой бригадой закреплялось поле с картофелем. Овощи пололи все вместе, и сразу после завтрака и утренней уборки помещений мы расходились по своим участкам работы. Самое интересное было то, что никто нам об этом не напоминал лишний раз. Каждый знал и четко выполнял свой участок работы. За порядком и работой в поле следили бригадиры из числа воспитанников. Дежурный же воспитатель был занят (летом воспитатели были в отпуске, и работали только 2 воспитателя) на территории детдома и только наведывался на поле, чтобы пересчитать нас по головам (все ли живы, не потерялся ли кто в лесу и т. д.).

Работа шла на совесть. Каждый день вечером бригадиры на общей линейке отчитывались о проделанной работе, и отмечали, кто шел впереди, кто отставал и почему. Такой порядок исключал всякую возможность отлынивать от работы. Каждый человек, каждая бригада отчитывались перед коллективом на вечерней линейке и получали задание на следующий день. Пололи картофель руками, не применяя тяпки, чтобы вырвать с корнем сорняки. Потом огребали кусты тяпками на 1-й раз. А через 5–6 дней окучивали ряды сплошняком, оставляя только макушку куста. Поле было красивым и чистым до самой уборки урожая. И, конечно, урожай был отменным. Так до сенокосной поры мы успевали прополоть все овощи, злаковые культуры и на два раза окучить вручную картофель. На зиму мы обеспечивали себя картофелем и овощами полностью.

Если в первую половину лета у нас был дневной отдых — «тихий час», то во время сенокосной поры всякий отдых, тем более дневной сон, отменялся. Нужно было поспеть в погожие дни заготовить сено. На сенокос выходили дружно все. Косари (это воспитатели, работники подсобного хозяйства, несколько человек 6-го класса) уходили рано, где-то в 6 часов утра. Косили с утра и до позднего вечера. Готовую кошенину ворошили первоклассники и второклашки. 3–4-е классы гребли сено с утра и допоздна, пока оно «шумит», т. е. пока не упадет роса. 5-е классы вместе с несколькими рабочими подсобного хозяйства стоговали сено. В работе в виде тягла были только два наших вола. Все же остальное делалось вручную. Сенокосные уголья нам выделял соседний колхоз «Рассвет». За это мы обязаны были половину убранный сена отдать колхозу, т. е. работали с «половья». Половина — детдому, половина — колхозу. Очень утомительно было в сенокосную страду. Солнышко жарит сверху, колет босые ноги жесткая стерня после скошенной травы, руки в мозолях от граблей. Вся-то одежонка — это трусы. Голое тело за покос обгорало до пузырей, они лопались, обсыхали, кожа сходила лоскутами и снова обгорала под палящим солнцем. Так, бывало, 2–3 раза облезала загоревшая кожа с каждого из нас.

Воды нет. Хорошо, где случится ручеек, так можно напиться из него вволю. Но не на каждом участке был такой счастливый

ручеек. Жара и жажда утомляет пуще, чем голод. Поля располагались в радиусе 8–10 км. Сразу после завтрака отправлялись пешком на поле, пока дойдешь, нужно уже вплотную работать, т. к. роса уже сошла, сено «шумит», а значит, готово. Нужно успеть сгрести как можно больше, чтобы обеспечить работу метчикам, что стогуют сено. Обеденного перерыва не было. Да и обед нам никто не только не привозил (было не на чем его везти в поле), а даже почему-то не давали с собой хлеба, той самой «пайки», 200 г, что причиталась нам на обед. Спасала трава в околках: пучки, пеканки, саранки, щавель — все это ели мы, что называется, от пуза, сколько влезет.

Как только упадет вечерняя роса, мы собирались в обратный путь, т. е. домой, на дачу, где ждал нас в столовой обед и ужин сразу. Бывало, за вечерней «трапезой» некоторые засыпали прямо за столом, утомленные трудом на солнцепеке. Так как сенокосная пора была самым ответственным моментом в летнем труде, то организовать его приезжала из города (где шли ремонтные работы) сама директриса Ходакова Анна Матвеевна. Мы очень не любили, когда она приезжала. Без нее как-то было лучше, проще, ритмичнее работалось. Она же требовала, чтобы после работы мы шли непременно с громкой песней после трудового дня.

Прошло уж где-то 45 лет с той сенокосной поры, а я с содроганием вспоминаю эти «авралы» директрисы. И никак до сих пор не укладывается в моей голове та дикость, когда требовалось громко и бодро петь, возвращаясь натошак после такой утомительной работы на покосе, когда весь день проведешь на ногах под солнцем без питья и еды практически (трава не в счет) до самого позднего вечера. Какие песни, когда едва передвигаются от усталости и голода ноги, исколотые стерней, болят руки от мозолей, пылает все тело, обожженное солнцем?! А ведь знали порядок — пели-таки. Правда, пение получалось какое-то заунывное, а не бодрое, как того требовала директриса. Иногда ей на ум приходило развернуть назад детей, которые так тоскливо пели. Тогда мы поджидали всех отставших товарищей, договаривались, что будем петь, чтобы «хор» получился, и снова с песней плелись на дачу.

Придирчивая директриса восклицала: «Вы что, 3 дня не ели, что ли? Почему плохо поете? У меня чтоб все пели дружно, как у Макаренко!» и т. д. Макаренко мы все знали и почитали очень. Зачитывались «Педагогической поэмой», «Флагами на башнях». Но вот такое дикое (другого слова не могу подобрать даже сейчас) применение наследия великого педагога и мыслителя, что практиковала наша директриса, мы никак не могли понять. И однажды, когда она завернула нас в третий раз по причине нестройного пения, мы не выдержали — забастовали. Решили спать на мостике, у ручья, т. к. уже не было сил терпеть это издевательство, хотелось отдыхать. Прижались мы друг к другу поплотнее, чтоб не было холодно, сели прямо на обочину дорожки. Кто плакал молча, кто ворчал, проклиная жестокость директрисы, а кто-то запел:

*«Горит костер дрожащим пламенем,
Там беспризорные сидят,
Они ведут о том беседу,
Как будут дальше проживать...»*

Эту невеселую песню подхватили все. Как-то незаметно дружно она полностью захватила поющих о горькой сиротской доле. Выразительно, вызываяще эту песню сменила другая:

«В лесу, при долине, громко пел соловей...»

Теперь уж наши песни было хорошо слышны не только на нашей даче директрисе, но и на даче глухонемых и всем, кто жил тогда в Куташове. Не знаю, почему, но директриса, видно, поняла наш бунт и послала за нами посыльного, чтобы мы шли домой. В тот поздний вечер мы не пошли в столовую (есть уже не хотелось), только бы добраться до постели, забыться сном, на другое не было никаких сил. После нашего песенного бунта директриса перестала возвращать нас с дачи, но пение все же не отменила, а мирилась с тем, какое мы ее преподносили. Она же все равно отпускала свои замечания по поводу нашего пения.

Из рассказанного выше вы уже имеете представление о характере нашей директрисы. Остается добавить, что она нередко и рукоприкладствовала, наказывая за различные

нарушения лишением пищи, или устраивала линейки, как она выражалась, «накладывала арест» на всех. За одного кого-нибудь провинившегося смиренно должны были стоять на линейке, молча, все дети часа 3–4, а случалось, и больше. Не в пример директрисе, все воспитатели и другие работники были добры к нам, никогда не обижали, учили добру, честности, справедливости, подавали сами пример нам в этом и труде, за что им всем низкий поклон и большое спасибо!

Читая эти строки, многие мои друзья-товарищи просили добавить еще, что, хоть и жесткой была наша директриса, но они на нее зла не держат. Не в обиде за то, что было. Что я и делаю по их настоятельной просьбе. Ее позже сняли с работы, судили даже, и она переехала в Новосибирск. Многим выпускникам детдома Анна Матвеевна помогла потом определиться в жизни, устроиться на работу. Принимала всех у себя в Новосибирске, кто заезжал к ней. По семейной традиции многие из выпускников детдома вместе с ней отмечали праздники в ее новосибирской квартире. И тогда в праздничные дни застолья, в открытые окна из квартиры бывшей директрисы был слышен стройный хор собравшихся выпускников. Пели отменно, от души, что называется на 2–3 голоса. Каждый голос вел грамотно свою партию, и прохожие останавливались, чтобы дослушать песни до конца. А кто был посмелее, даже спрашивал: «Откуда приехали артисты, и когда и где будут выступать?» А песен мы знали много — и минорных, и мажорных, и народных, и классических. Ведь руководителем хора у нас с 1947-го года работала Эди Петровна, известный в Томске специалист по вокалу и хору, окончившая Варшавскую консерваторию.

Она дала нам крепкие понятия по части грамотного исполнения музыкальных произведений разного характера. Сама сочиняла музыку и слова к песням, работала с хором и солистами, их было много: Катя Машкова, Алла Бржезицкая, Оля Матвеева, Света Лязгина, Галина Роковская, Нина Савичевская, Катя Сокова, Тимофеев и др. Эди Петровна мастерски работала с хором, солистами, дуэтами, трио, квартетам. Хор в детдоме был 4-голосный. Занятия хоровые нам нравились. С песней мы дружим и по сей день. И, собираясь вместе сейчас, мы непременно поем — этого

требует теперь душа. А петь от души, от сердца — это совсем другое дело, и пение получается интересным, соответствующим настроению поющих и характеру произведения и настроения. Какие бы песни ни пели, собираясь вместе, начинаем с той, какую разучили с Эди Петровной:

*«Дует ветер молодо во все края,
До свидания, школьная скамья!
Впереди дороги, встреч веселых много,
Новые хорошие друзья!
Не грусти, не грусти, песню пой, песню пой!
Песню пой, жизнь хороша, друг мой!
Слышишь, сердце говорит:
Впереди простор открыт,
Крылатый ветер путевой!..»*

Песня получится стройной, артистичной, если она поется от души, от сердца. И это узнали мы от Эди Петровны. Нужен эмоциональный настрой, жить тем, о чем поешь. Это уже позже, где-то с 1946-го года.

Многие из моих товарищей продолжили свое музыкальное образование в специальных учебных заведениях. Это — выпускники Томского музыкального училища Рита Савельева, Миша Черепанов, другие окончили «культпросвет», а многие стали постоянными участниками художественной самодеятельности на своих производствах, получив образование по разным специальностям. Это — Тамара Казак, Маша Вострецова, Оля Кабакова и др. С 1945-го года в детдоме был кружок духового оркестра, которым руководил Исай Вениаминович. Очень практичный, интеллигентный, знающий и любящий свое дело человек.

Все праздники в детдоме, спортивные парады, танцевальные вечера обслуживались доморощенными музыкантами. Часто наш духовой оркестр выступал на смотрах художественной самодеятельности в Томске, на избирательных участках и т. д. Репертуар оркестра был обширным и разнообразным. Были и свои баянисты-любители, что учились в топографическом техникуме:

Костя Шубкин, Тимченко. Кстати, ежедневная утренняя зарядка шла тоже под музыку, ее обеспечивала Рита Савельева. Одаренная природой, не знающая тогда ни одной ноты, она на слух могла точно воспроизвести любую мелодию хоть на баяне, хоть на фортепьяно. Позже она окончила музыкальное училище. Владела игрой на баяне, аккордеоне, фортепьяно, скрипке.

Всю жизнь (одной строкой в трудовой книжке) она проработала преподавателем музыки и пения в одной из школ на станции Обь Новосибирской области. О Рите Савельевой следует рассказать подробнее. В 1943 году она была переведена из детдома в Новосибирской области в наш 9-й детдом, на перевоспитание, т. к. отличалась особой недисциплинированностью, была среди сверстников предводителем всех рискованных предприятий. Как отчаянный мальчишка, она лазала по кедрам, пробовала курить сухой лист, заставляла это делать других, отменно дралась с обидчиками. И ее побаивались не только дети, но и директориса. В новосибирском детдоме она швырнула на стол директора дохлую крысу в знак какого-то протеста — словом, целый набор различных нарушений, что скрупулезно было изложено в отрицательной характеристике на Риту из Новосибирского детдома. К тому же, по причине плохого зрения, недостатка учебников и бумаги, она плохо успевала по всем предметам.

Учение давалось ей с трудом. Я дружила с Ритой с того самого 1943-го года, сидела с ней за одной партой (она сама меня выбрала) все время, пока мы не окончили семилетку. Рита теперь упорно занималась, наверстывая упущенное. Потом пути наши разошлись: она выбрала музыкальное училище, я же пошла в педагогическое. Но связь с ней, дружбу мы сохранили на всю жизнь. Дружат теперь наши дочери. Даже позже, будучи взрослой, Рита никогда не вспоминала о «героическом» прошлом из жизни в новосибирском детдоме. Видимо, все, что было там, ей хотелось забыть и вычеркнуть из памяти, как кошмарный сон, навсегда. Но так ведь не бывает. Человеческая память тем и знаменательна, что помнит все: и хорошее, и плохое. Но как бы то там ни было, мы старались (и нам это удавалось) не напоминать о том, что неприятно товарищу.

По-своему, по-детски, мы с участием относились к Рите, помогали ей учиться. Читали статьи по истории, географии и другим устным предметам, которые она не могла прочесть по причине своего слабого зрения, а очков у нее не было до 1947-го года. Решали задачи, доучивали стихи по школьной программе, но при этом делали так, чтобы она не почувствовала своего физического недостатка. Случайное напоминание ей о слабом зрении приводило ее в настоящее бешенство, и тогда плохо было тому, кто ненароком напоминал ей об этом. Не напоминали ей и о ее «боевом» прошлом, чего она сама теперь так стыдилась... И сейчас для нас это запрещенная тема, раз она неприятна самой Рите. Мы совсем мало знаем о ее «подвигах» в Новосибирском детдоме, разве только то, что описано в характеристике на Риту, когда она поступила в 9-й детдом.

Пользуясь случаем, хочу обратиться к родителям и всем тем, кто стоит у истоков воспитания и обучения детей: берегите детские души от всего, что напоминает им о каких-то неблагоприятных поступках их самих и близких. Это неприятно и больно для них. Побольше внимания, доброты, такта и терпения во всем, что касается воспитания и становления характера. Каждый ребенок хочет быть хорошим, но не всем это удастся сразу. Реже, а лучше никогда не напоминайте о промахах. Вот тогда успех в воспитании обеспечен. В этом я убедилась, воспитываясь в детдоме, позже работая с детьми в детсаду и школе. Коллектив сотрудников детдома и воспитанников оказался на высоте решения тех задач, которые стояли перед ними. Ведь благодаря им, их бережному отношению к детям из таких, как Рита и ей подобных выросли надежные хорошие люди, отличные специалисты своего дела.

А ведь (чего греха таить!) ой как непросто было с нами, такими разными, ершистыми, с виду грубыми и неуправляемыми, порой ранимыми, но отзывчивыми на добро и ласку. Низкий поклон, благодарность и вечная память всем, кто работал с детьми в детдоме № 9! Именно им мы обязаны тем, что не потерялись в жизни, выбрали верную дорогу и стали людьми. Их преданность своему делу, любовь к детям дали благодатную почву для здоровых всходов.

Не только воспитатели, но все, кто работал в детдоме: повара, кастелянша, кладовщик, прачка — кроме своей основной работы, все были причастны и к нашему воспитанию. Были больше положительные моменты, хотя встречалось и обратное. Но мы умели еще тогда, в детстве, отличать первое от второго. С уважением относились к настоящему труду обслуживающего персонала, к ним самим, и не пропускали случая посчитаться (рассчитаться) с теми, кто не заслуживал нашего уважения. Таких было мало. И они работали недолго, не приживались в нашем дружном коллективе, уходили.

Помню, как-то в годы войны, недолго работал у нас кладовщиком Анатолий Ефимович, хитрый такой, прижимистый, жуликоватый. Сэкономленное им от нашего скудного пайка он порой уносил в своей сумке домой. Это заметили дежурные девочки. За это мы невзлюбили кладовщика и прозвала Мусье.

И наоборот, помним нашу прачку тетю Надю Гулину, сгорбившуюся над корытом с мыльной пеной, где она стирала для нас белье. Никаких стиральных машин тогда не было. Но тетя Надя ежедневно приходила в детдом, затопляла печь, грела котел с водой, стирала, парила белье. Приходила она рано, уходила поздно. Топлива было недостаточно, мыла катастрофически не хватало. Она экономила и топливо, и мыло, молча, горбясь над корытом с мыльной пеной. Сама готовила щелок, цедила, в нем замачивала белье для следующей стирки. Мы всячески старались помочь ей: приносили дрова и уголь, воду, стирали мелкие вещи из пестрой ткани, но белое она нам не доверяла. Жалела нас и стирала сама. Ритмично двигалась ее рука вдоль стиральной доски, взбивая мыльную пену. Тетя Надя долгое время — несколько лет — одна стирала белье, позже стала работать посменно с тетей Васеной, потом с тетей Паной. А ведь труд этот был нелегким. Нас в детдоме было порой от 120–130 человек. От того, что тете Наде приходилось горбиться над корытом, отстирывая белье, ее фигура была согнута, словно коромысло. Тетю Надю, молчаливую, трудолюбивую, и мы любили тоже молча. Жалели ее, как могли, помогали, как умели, часто забегали в прачечную, чтобы только поздороваться с ней.

Мыло для стирки тетя Надя получала у кладовщика Анатолия Ефремовича. Он из бочки наколупывал застывшее жидкое мыло, черное, как деготь, взвешивал на больших весах, в которых тетя Надя ничего не понимала. Она была безграмотной. Но мы-то видели, что он бессовестно недовешивает. На стирку шло много мыла. Было все из белой бязи: попробуй, постирай его на руках. И вот однажды, когда мы чистили картошку в подсобном помещении, что находилось рядом с кладовкой Анатолия Ефремовича, тетя Надя пришла получать мыло для стирки белья. Анатолий Ефремович, встретив ее неприветливо, не хотел давать ей мыла, т. к. она якобы уже выбрала норму. Тете Наде нужно было упрашивать кладовщика, но она забыла, как его зовут.

Она подошла к нам. «Девчонки, как его зовут-то?» — окая, спросила тетя Надя. Мы переглянулись и, моментально решив хоть как-то разделаться за себя и за тетю Надю с нечестным человеком, сказали, что зовут кладовщика Мусье, а не Анатолий Ефремович. Ничего не подозревая, тетя Надя стала упрашивать кладовщика отпустить ей мыла, на все лады повторяя его прозвище Мусье. Взрывом хохота сопровождали мы каждую реплику тети Нади, где она, обращаясь к кладовщику, называя его Мусье. Чтобы не слышать своей клички, кладовщик с ворчаньем отвесил ей мыла.

Долго еще в наших импровизированных концертах, что разыгрывались в спальне, среди своих, без постороннего глаза, пользовались большим успехом сценка «Мусье и тетя Надя». Роль тети Нади и Мусье в одном лице исполняла Галя Ходакова, признанный среди нас юморист и пародист. Точно воспроизводила голос, мимику, интонацию и особенности действующих лиц.

— Мусье, у меня мыло кончилось, — сильно окая, подражая тете Наде, говорила Галя.

— Я узе вам давал. Вы узе все получили, — скороговоркой продолжала Галя, очень похожей на А.Е.

— Мусье, а, Мусье, ну хоть немного...

— Вы тгатите, совсем не бережете мыло, доложу директору.

— Я что, на хлеб мажу, что ли, твое мыло, Мусье.

И т. д.

Взрывом хохота встречали мы каждую реплику Гали, так похоже она воспроизводила картинку, коей мы сами были свидетелями. При всем том сама оставалась очень серьезной, перевоплощаясь в героев, которых изображала. У Гали, несомненно, был к этому талант. На официальных вечерах в детдоме она прекрасно изображала сатирических героев, выступала с юмористическими стихами до того мастерски и неподдельно, что, пожалуй, никому больше из наших не удавалось это сделать, хотя мы все почти любили быть артистами, участвуя в самодеятельных концертах. Жаль, что Гале не привелось в дальнейшем развить столь яркий талант пародиста. Ее прежде времени, где-то в 1946 году, выпустили из детдома в швейное ФЗО.

В военные и первые послевоенные годы ФЗО и РУ пополнялись обычно воспитанниками детдомов. Приходила в детдом разрядка на определенное количество детей, коих необходимо было послать в такое-то РУ. Никому не хотелось попасть в список выпускников в РУ. Но нужного количества детей катастрофически не хватало по той простой причине, что детей такого возраста, который требовался для отправки в РУ, в детдоме не было. Тогда добавляли по году—другому (ведь точной даты рождения мы не знали) и набирали нужную группу для РУ.

Многие из моих сверстников помнят этот механизм прибавки лет. Тех, на кого выпала доля быть выпущенными, вели в мединститут на экспертизу, якобы для установления возраста. Их взвешивали и измеряли, на глазок ставили год рождения, выдавалось новое («повторное») свидетельство о рождении. А выглядели мы все почти одинаково внешне: и 12–13-летние, и даже 14-летние. Отставали в росте, весе и физическом развитии, одинаково стриженные наголо, одинаково одетые...

Целым горем была для нас каждая новая весть о том, что кому-то нужно было готовиться в РУ, потому что многие из ранее отправленных туда сбегали, попадали в сомнительные компании, терялись, пропадали без вести. Некоторые пошли по скользкой дорожке преступности. И никому из нас не хотелось оказаться на их месте. И, конечно, счастливыми были те, кому удавалось в детдоме окончить семилетку, дожить в детдоме до 14–15 лет.

Вот такие не терялись в жизни, им же не по 12–13 лет. Это как раз тот возраст, когда под ударами судьбы не каждому удавалось устоять на ногах, уберечься от соблазнов и дурного влияния. А в целом, все, кто был выпущен в РУ, были хорошими девчатами и ребятами, но только в трудную минуту им некому было помочь ни советом, ни материально. И детдом не располагал такими возможностями. Места детей, отправленных в РУ, заполнялись новыми сиротами. Война продолжалась, а, следовательно, и в нашем полку прибывало.

Каждую партию отправленных в РУ мы оплакивали, словно провожали покойников. И на то были, повторяю, дорогой читатель, веские основания. Во-первых, жаль было расставаться, во-вторых, не хотелось терять таких близких и верных друзей, что стали родными в детдоме. И, конечно, по-взрослому переживали за их дальнейшую судьбу, уготованную кем-то свыше, против их воли и выбора. Немногим нашим, отправленным в РУ, повезло в жизни. Но те, что выдержали испытания, выпавшие на их долю в РУ, общежитиях, стали настоящими мастерами, лучшими производственниками, которыми гордятся заводские и фабричные коллективы. Это Аня Цицина, Зина Мясоедова, Маша Мещанская, Кузьма Узелтиков, Лида Талаева, Оля Мошкина и др. Все они, как правило, отработали на одном месте, куда пришли из РУ и ФЗО, т. е. имеют одну строчку в трудовой книжке. Были и такие, кто окончил РУ, работали на заводе и мечтали учиться и учились дальше даже тогда, когда, казалось, было невозможно: не было свободного времени, ни средств для продолжения учебы. Тогда выручала взаимовыручка, наше детдомовское братство.

Вот пример того, о чем шла речь выше. В начале войны были выпущены из детдома Валя Серебрякова (Бряка) и Гутя Максимова. Валя работала на хлебозаводе, Гутя на заводе и продолжала учиться в вечерней школе. Они где-то вместе снимали комнатушку, питались вместе. Все расходы на нехитрые обновки делили поровну. Между ними был заключен устный договор. Пока Гутя училась в институте, в Кемерове, Валя, продолжавшая работать на хлебозаводе, платила за квартиру, куда Гутя приезжала на каникулы, помогала ей деньгами. Вели одно хозяйство на двоих.

Расходы их, соответственно доходам, были скромными. Покупалась только одежда и обувь, крайне необходимое. Экономилось на всем, даже на питании. Окончив институт, Гутя получила направление в Томск. Теперь она работала в качестве инженера на трикотажной фабрике, позже директором фабрики, и помогала Вале, которая наконец пошла учиться в медицинское училище, о чем мечтала с детства. В 27 лет Валя окончила медицинское училище, одновременно посещая студию классического танца при ДOME профсоюзов. Многие томичи видели и знают Валю как прекрасного мастера, исполнителя различных танцев. Теперь она уже учит танцу детей, продолжая работать медсестрой в Штаммовском институте. Гутя же долгое время работала директором Томской трикотажной фабрики. Вот так, помогая бескорыстно друг другу, верные данному слову (без расписок и юристов), Гутя и Валя смогли выбрать правильный, но далеко не легкий путь в жизни. Восхищаюсь вами, мои старшие сестрицы, и горжусь тем, что я знакома с вами лично, что жила в том детдоме, где раньше воспитывались и вы.

Нам абсолютно ничего не было известно в детдоме о половом воспитании. Мальчиков мы боялись, называли их баранами. Они, в свою очередь, называли нас козами. В лучшем случае называли представителей противоположного пола по фамилиям, поэтому имен многих мальчиков я сейчас не помню. Только фамилии. Постоянная рознь между девочками и мальчиками, пронизывавшая всю жизнь в те годы в детдоме, сказалась отрицательно на формировании дружного коллектива в детдоме и дальнейшей нашей жизни. К тому же и школы в годы войны были отдельными (мужские и женские) — все это деформировало общепринятые понятия и традиции. У нас, например, считалось верхом геройства нахамить человеку только за то, что он является представителем противоположного пола и пригласил на танец.

Когда нас (сразу 12 человек) выпустили из детдома в общежитие педагогического училища на самостоятельную жизнь, то поселили в одну комнату, где мы продолжали жить по неписаным законам детдома. На вечерах в педучилище мы танцевали только друг с другом, грубо, с насмешками отказывали молодым людям, кто отчаивался вдруг пригласить кого-нибудь из нас на

танец. А после случая, когда мы в буквальном смысле нахамили студентам соседнего техникума, зашедшим к нам в комнату на новогодний огонек (по традиции, идущей из детдома, у нас была в комнате нарядная маленькая елочка), нас и вовсе все студенты обходили стороной, называли монашками и дурами.

А мы еще и гордились этим. Стыдно вспомнить все это, но от фактов никуда не уйдешь. Именно поэтому (так мы считаем) многим в жизни, как говорится, не повезло. Распались семьи, не сумели сделать правильного выбора, не смогли вовремя ответить на искреннее предложение и т. д.

Сегодня порой излишне много говорят о сексе, показывают эротику, различных «мисс» и прочее. Я же, вспоминая свое поколение и наши ошибки, связанные с ущербностью полового воспитания, теперь еще как педагог скажу следующее по этому поводу. Не нужно «изобретать велосипед» — он давно имеется. Стоит только обратиться к истокам морали наших предков, когда дети прислушивались к мнению родителей и близких (ведь у них жизненный опыт), когда брачные союзы освящались церковью. Недаром говорится, что «браки совершаются на небесах». Именно одним из важных моментов заключения брачного союза является то, под какой звездой, каким знаком рожден человек — это объективный закон природы, который неведом был нам, нашим детям.

Слава Богу, хоть внуки имеют теперь возможность приобщиться к старине, имея понятие о небесных светилах, гороскопе, совместимости и несовместимости характеров людей, рожденных под разными знаками. Мы только сейчас возвращаемся к тому духовному богатству, что было накоплено человечеством, несправедливо разрушено, растоптано и забыто. Во всем, тем более в половом воспитании, нужна мера. Она четко сформулирована в морали, по которой жили наши предки, которую охраняла и проповедовала православная церковь многие века.

Вот такие мысли и суждения занимают меня и других, кто воспитывался в детдоме и лишен был доброго совета близких людей на первых порах самостоятельной жизни. Выпускники детдомов трудно адаптируются в трудовых коллективах по причине прямолинейного характера и недостаточного житейского опыта. Да и откуда ему,

опыту, взяться? Ведь из детдома обычно выпускаются в 15–16 лет. А в годы войны выпускали в 13–14 лет. И жили мы в детдоме изолированно как-то от общества. В своем маленьком коллективе, словно в коммуне со своими традициями, честными и открытыми.

В годы войны, когда было особенно трудно с государственным продовольствием (1943 г.), нам на каждого выдавали хлеб, соль, сколько-то граммов овсянки, растительного масла и немного сахара. Картофель, капусту, морковь мы выращивали сами в Куташове на всю зиму. Но, как и в любом хозяйстве, к весне запасы приходили к концу. Так вот, весной особенно голодно бывало. Суп с капустой, приправленный немного овсянкой, на второе — капуста тушеная, вечером — опять мороженая капуста, тушенная на воде, чуть приправленная растительным маслом. Картофель берегли на семена. За такое частое повторение капусты в наших блюдах мы прозвали ее «стахановкой». «Стахановку» готовили, шинкуя капусту, кочерыжки и зеленый лист, нужно было экономить. Ведь и запасы капусты к весне приходили к концу. Все наши мысли в том, голодном 1943 году были о пище. О ней говорили, ложась спать, а поднимаясь по утрам, снова думали о еде. Вспоминали блюда, какими нас кормили до войны, складывали песни опять же о ней, о еде. Всегда очень хотелось есть. Отходов от стола никаких не было. Все съедалось дочиста и быстро. Корчаги облизывались, а бачок, в котором варили, выскабливался до блеска. Мы занимали очередь, чтобы выскоблить и вымыть бачок.

Помню до сих пор автора шуточной бесконечной песни о еде. Миша Черепанов, что позже окончил музыкальное училище и институт военных дирижеров, в детстве, в 1943 году сочинил песню-шутку и дирижировал хором мальчиков, который ее исполнял. Гуценко (по кличке Гусь) тоненько, с упоением, закатывая глаза, начинал: «Суп-суп-суп...» Хор дружно подхватывал: «Каша, каша, каша, каша, каша...» И опять те же слова для запева, и тот же повтор. Песня эта была шуткой. Миша был непревзойденным мастером всех веселых мероприятий, сочинял куплеты, стихи. Мастерски их рассказывал. Его шутки помогали скрасить трудные наши будни. Смешливый, талантливый мальчишка прекрасно рисовал с натуры. Был незаменимым помощником Клавдии

Александровны в оформлении детдома, и его берегли, не отдавали в РУ. Так он окончил семилетку, пошел учиться в 8-й класс. Но тут его словно какая-то «муха укусила», не захотел дальше учиться, оброс двойками. Вместо учебников носил с собой «Справочник шофера», читал его и перечитывал, готовясь стать водителем.

Директриса по-своему, сурово и мудро, расправилась с Мишиной затеей. Раз не хочешь учиться, иди паси скот в Куташово. Миша и тут не унывал. Исправно вставал рано, гнал скот на луга, а поздно возвращаясь к отбою, в спальне балагурил,

*«Я окончил курс науки,
Сдал экзамен в пастухи,
Взял полено в обе руки,
И повел коров пасту...»*

Перед сном он еще успевал подирижировать хору мальчиков, лежащих в постелях и исполняющих его бесконечную песню «Суп-каша...» Но усталость брала свое, и все засыпали.

Так, проработав весну и лето пастухом, Миша распрощался навсегда со «Справочником шофера», сдал экзамен в музыкальное училище. Успешно окончил его, а позже — и институт военных дирижеров в Москве. Прослужил Миша в музыкальном взводе Советской Армии 25 лет, не раз был за границей, но часто приезжал в Томск, город своей юности, в детдом и Куташовку, где в годы войны пас коров, пилил дрова, бегал купаться на речку.

Босоногое полуголодное военное детство, — незабываемая, но милая пора! Больше всего из своего детства мы любили Куташовку, где жили летом, отогреваясь на солнце после зимней стужи в Томске. В деревне к скудному военному пайку в нашем распоряжении были дары природы: пучки, щавель, саранки, ландыши, ягоды и орехи. Здесь мы не чувствовали голода, даже поправлялись. Блаженствовали, купаясь в чистой воде на Ушайке после трудового дня.

Купались даже поздней осенью, когда копали картофель, в период «бабьего лета». Холодная вода обжигала тело, захватывала дух — это было похоже на долгое прощание с летом, речкой, дачей до следующего лета. Сушились и обогревались у костра,

в котором пеклась картошка. Костер «отдыхал» только ночью, как и мы, натрудившиеся. Днем же наш добрый костер «работал», ярко горели угли, пахло дымом и печеной картошкой на всю окрестность милой Куташовки. Я и сегодня ясно вижу тот добрый костер, осязаю божественный его аромат, густо сдобренный запахом печеной картошки. Вижу лица моих друзей, слышу их голоса.

*Горячую, рассыпчатую, вкусную картошку,
Запеченную у костра в золе,
Предпочитали самым лучшим блюдам,
Какие есть на всей земле.
Без соли и без хлеба ели,
Порою, сидя прямо у костра,
Мы слаженно, негромко пели...
Была чудесная пора!
По праздникам теперь пеку в печи картошку,
И отвожжу почетное ей место на столе.
Она, как память мне о детстве,
О милой и незабываемой поре!
Давно мы разлетелись из нашего уютного гнезда.
Но дым костра, печеная картошка,
Друзья, товарищи по детству
Со мной остались в жизни навсегда!*

Долгое время заведующей подсобного хозяйства была в Куташове Королькова Капитолина Михайловна. Грамотный интеллигентный человек, проучившаяся в мединституте 6 лет, но так и не ставшая врачом по той причине, что в 1937 году репрессировали ее мужа и расстреляли. Ее же отправили в Мариинск, в женский лагерь, как жену врага народа, где она пробыла 8 лет. Ее дочка Людмила была сначала в 2-м детдоме, потом в 9-м. Ляле (так мы звали Людмилу) было 3 года, когда ее определили в детдом. Так получилось, что мне пришлось быть с Лялей с одной группе во 2-м детдоме и в 9-м. Вместе с ней из 2-го детдома в 9-й «кочевал» огромный сундук с добром, где было множество детских платьев, белья, бантиков, воротничков, платочков,

фартучков, шапочек, белая меховая шубка, красивое стеганое из бирюзового шелка одеяло, подушка и др.

Ляля жила в детдоме, но носила одежду, сшитую и украшенную заботливыми руками своей матери. Уместно сказать, что все, что было в сундуке, Капитолина Михайловна сделала своими руками. Удивительные по своему художественному исполнению, неповторимые и красивые вышивки, мережки, кружева украшали наряды Ляли — предмет нашей тайной зависти. Капитолина Михайловна умело руководила нашим хозяйством. Знала сроки и время различных сельхозработ, какие мы выполняли под ее руководством, особенно в осенний период.

Немногие помнят о том времени, когда в годы войны занятия в школе начинались с 1 октября (для учащихся 5–10-х классов). Мне же пришлось всего один год заниматься с 1 октября (это 1944–1945 г.). В эту осень мы до 1 октября жили в Куташове. Сначала заготавливали и сушили опята, которых было море в нашем лесу. Мальчики заготавливали дрова, хворост, пасли скот, потом копали картофель, убирали морковь, капусту.

Всего под началом Капитолины Михайловны было где-то 45 детей. Она одна очень просто управлялась с нами. Никогда не повышала голоса. Давала задание на день и только вечером проверяла его выполнение, следила, как мы укладывались на ночь, проверяла, все ли на месте. В остальном нам была дана полная самостоятельность. Никто не подгонял нас в работе, не было необходимости. Потому как никому и в голову не приходило сачковать. Мы привыкли к труду с раннего детства, а тут нам, как взрослым (в 11–12 лет), доверили работать самостоятельно на уборке урожая 1944-го года.

На работу выходили, лишь рассветает, еще до завтрака. На траве иней, утро по-осеннему холодное, солнце еще не обогрело землю, а мы уже в поле. Ходили босиком, на себя натягивали старые пальтишки (без рукавов, воротников) из тех, что давно списали, но не выбросили. Онигодились осенью во время копки картофеля. На ноги нам выдали старые калоши, но они были велики, хлопали по босым пяткам, набивая мозоли. В них насыпалась земля, было неудобно ходить. Поэтому мы шли по полю босиком, благо, некому было требовать, чтобы мы непременно обулись.

А как обогривало солнышко, то и мы чувствовали тепло земли босыми ногами. Во время работы было даже жарко, скидывали свои драные пальтишки, и, что называется, без перекура работали до тех пор, пока не стемнеет. Прерывали работу только на время приема пищи. Копали картофель в любую погоду: и в ведро, и в дождь. В стороне где-нибудь горел наш спаситель-ко-стер. Около него обогривались, когда усиливался дождь. Спали на свежей соломе, подушки были набиты тоже соломой, укрывались теми же пальтишками, в которых ходили на работу. В повседневное однообразие сельхозработ мы вносили элементы детской выдумки, что помогали нам скоротать длинный рабочий день.

Например, с утра мы договаривались, что все, что нужно нам будет сказать друг другу в процессе работы, будем петь. Мелодию к своей непридуманной «арии» каждый выбирал по своему вкусу из знакомых песен. Получалось длинная своеобразная «опера».

1-й: *Дай, лопатку подкопать, подкопать,*

Чтоб картошечку достать, да достать...

2-й: *На, лопатку, подкопай, да назад ее отдай...*

3-й: *Ой, смотри, что я нашла...*

(показывает всем картофелину удивительной формы).

Как похоже на козла...

Не припомню всех «арий» сейчас, но самодеятельная «опера» продолжалась целый день. Было весело, интересно, работа спорилась, день шел на убыль. Другой день объявлялся днем песен советских композиторов и т. д.

С нами в поле иногда была молодая работница подсобного хозяйства Лида Кипушова. Веселая, озорная, красивая девушка, лет 16–17. Позже она работала на кухне в детдоме и кладовщи-ком. Добрая, отзывчивая душа, неутомимая труженица, умелая в любой крестьянской работе.

Осень 1944-го года я вспоминаю с особой теплотой. Она продлила наше общение с природой Куташовки. До этого времени мы видели Куташовку только в летнем наряде. А тогда она нам показалась, славно улыбнулась еще во всей красе осеннего убранства. Яркими золотыми красками пламенели осиновые колки вокруг наших полей. Гнулись к земле ветки с аппетитными

гроздьями калины и рябины. Шумели таинственно сосны, пихты и ели под осенним ветром. А на убранных полях красовались горы выкопанного картофеля, огромные кочаны капусты и бурты отменной по величине моркови. Природа дарила нам свою неповторимую красоту и богатство. Сентябрь 1944-го года пролетел незаметно, и 1 октября мы пошли в 5-й класс. Шел последний год Отечественной войны.

Еще в 1943 году в детдом пришла работать Борст Конкордия Павловна, первая воспитательница с высшим образованием. Вскоре ее назначили завучем детдома. В этой должности она проработала до 1961-го года. Позже работала директором детдома до последних дней своей недолгой жизни.

В детстве мы считали Конкордию Павловну черствым человеком. На ее долю завуча выпала нелегкая задача готовить документы на всех выпускников детдома и на тех, кого отправляли в РУ или трудоустраивали. Обычно именно завуч сопровождала до нового места жительства выпускников из детдома. Воспитатели плакали, прощаясь со своими питомцами. Конкордия Павловна же оставалась внешне спокойной. Мы никогда не видели ее слез, и это утверждало нас в том, что она — черствая и безжалостная. Мы были несправедливо грубы с ней.

Но сейчас я вижу все другими глазами. Сколько нужно было иметь ей такта, терпения, чтобы не ответить нам тем же (грубостью). Со всеми равная, строгая, тактичная, терпеливая, аккуратная и последовательная, немногословная и интеллигентная, Конкордия Павловна заслуживала наше особое уважение. Она не имела личной жизни. Свою молодость и всю жизнь она подарила нам, детям, отдав ее всю без остатка девятому детскому дому. Конкордия Павловна все годы, кроме прямых своих обязанностей завуча, отвечала за выпуск стенгазеты, которая выходила регулярно и была интересной, красочно оформленной, содержательной. На общественных началах заведовала библиотекой. Организовывала все дежурство по детдому. Курировала работу детского совета. И первые самостоятельные навыки в общественной работе мы получили именно от Конкордии Павловны. 40 лет она работала в детдоме.

Среди всех воспитателей и других работников детдома всеобщей любовью и непререкаемым авторитетом была наша медсестра Толстоброва (Ефименко) Елизавета Константиновна, пришедшая к нам в детдом в 1943 году. До нее медсестрой работала Мэри. Отчества и фамилии ее не помню (таких людей не воспринимали мы, и в памяти не держали). Зато хорошо помню ее прозвище — «Жаба». Этакая неприятная особа с претензией выглядеть красиво. Она полностью была занята только собой, своей внешностью. Лицо ее, густо напудренное, на губах толстый слой яркой помады, тонкие черные чулки, сквозь которые ясно видны какие-то коросты — все буквально в ее внешности было отталкивающим и вульгарным. От всех болезней, кто бы к ней ни обратился из детей, она лечила черной, дурно пахнущей чесоточной мазью. Словно ничего о медицине она больше не знала, кроме часто бытовавшей в то время чесотки, да еще пробы блюд на кухне. Так и звали мы ее — «Проба-Жаба». Ее не волновали никакие обыденные вопросы, какую воду пьют дети. Пили мы сырую воду из Ушайки.

Бывало, пойдешь за водой к реке, черпнешь воды, помотришь в полынью, а там пронесит вода то бинты, то остатки гипсовых повязок или еще что-нибудь. Не ведая опасности, таившейся в речной воде, мы пили ее. Часто болели. Целыми партиями лежали наши дети в городской больнице по причине дизентерии, диспепсии, кишечных заболеваний и др. Много больных было и изоляторе, и в спальнях. Но к ним и близко не подходила «Проба-Жаба». Так и лежали больные, за которыми ухаживали сами дети. Они приносили пищу, питье и лекарственные настои, приготовленные из трав Клавдией Александровной Татауровой. Кто поправлялся быстро, а кто продолжал болеть и лежать в спальнях без присмотра медсестры. Кишечные и простудные заболевания среди детей были настоящим бедствием в том 1943 году. Кишечные и простудные инфекции в буквальном смысле выводили из строя порой более половины детей от общего числа воспитанников. Немало было и смертельных случаев. Хоронили прямо из больницы, где умирали дети. Их никто не провожал в последний путь...

В 1943 году я, как и другие дети, часто болела то в детдоме, то попадала в больницу по причине кишечных инфекций. Попала в очередной раз в больницу, после курса лечения меня выписали оттуда. Пробыла я там больше месяца. Увезли зимой, а выписали весной. Таял снег, текли ручьи, за мной приехала «подвода» (санки), которую тянули вместе две старшие девочки: Оля Матвеева и Зина Соловьева. Тянуть санки, особенно в Бакунинскую гору, было непросто. С санок я сойти не могла: не было обуви. Ноги были укрыты одеялом, а Оля с Зиной были обуты в разбитые валенки. Так они шлепали по мокрому снегу и весенним ручейкам, что говорливо и дружно текли по всему пути следования от больницы, что на Московском тракте, и до самого детдома. Общественного транспорта в ту пору в Томске не было. Не было транспорта и в детдоме. Выручали зимой и весной саночки и наши старшие товарищи.

ТЕТЯ ЛИЗОЧКА

Вот в такое неблагоприятное время, когда свирепствовали различные заболевания среди детей, пришла к нам в детдом тетя Лизочка. Молодая двадцатилетняя девушка в скромном ситцевом платьице, так ладно сидевшем на ней, в простеньких парусиновых туфлях и с пышной копной каштановых волос, отливавших золотом. От добрых ее глаз, умелых рук, золотых волос и милых веснушек на лице шел теплый, исцеляющий свет. Ее прикосновения, добрые слова участия, внимание лечили порой лучше лекарственных препаратов, которых катастрофически не доставало в трудном сорок третьем году. Тетя Лизочка знала все лекарственные растения, чем богата Томская область, готовила часто сама настои из кровохлебки, подорожника, сосновой коры и др. Сразу, как только она появилась в нашем детдоме, в вестибюле навсегда прописался установленный на столе огромный пузатый трехведерный самовар, наполненный кипяченой водой. Его медные бока были начищены до блеска. Теперь мы пили только кипяченую воду. С дистрофией и кишечными заболеваниями она справилась легко и просто, наведя везде настоящий санитарный порядок.

Настоящая беда была впереди. После глубокого медицинского осмотра с рентгеном, которого тоже с трудом добилась тетя Лизочка, была выявлена большая группа детей с различными формами туберкулеза. Несколько человек были с острой формой туберкулеза. Выявлены были неединичные случаи больных с различными осложнениями после ревматизма и т. д. Что-то около 40 человек с начальной формой туберкулеза были помещены в санаторный дом г. Томска. Группа детей с открытой формой туберкулеза была помещена в тубдиспансер, которые оттуда не вернулись больше в детдом, умерли через год. Остальных больных Елизавета Константиновна изолировала от здоровых, поместив их на даче в Куташове. Сама по утрам поила их парным молоком, кормила, что называется, с ложечки, так как у многих больных был плохой аппетит, лечила подручными средствами и медикаментами, измеряла регулярно температуру.

Хлопот с больными и ослабленными детьми было много, и ей помогала во всем Нюра Цицина, трудолюбивая, аккуратная и веселая девчушка, чем-то очень похожая на тетю Лизочку. Нюра мыла полы, посуду, приносила больным пищу и питье, помогала тете Лизочке во время приема других больных, ловко перевязывала наши ссадины и раны под присмотром тети Лизочки. Стирала, кипятила бинты, сушила и гладила их, ловко скатывая после этого в рулончики. Многому научила ее тетя Лизочка, но с очередным набором в РУ ушла наша доморощенная медсестричка на завод. Аккуратная, умелая и привычная к труду, она всю жизнь (одной строкой в трудовой книжке) проработала на одном из заводов г. Томска. Лишалась тетя Лизочка помощницы не по своей воле, не по своей и Нюра стала не медсестрой, а рабочей. Зато какой!

Теперь все приходилось делать одной тете Лизочке. Правда, несколько полегче стало с медикаментами и перевязочным материалом. Их мы получали на нужды детдома прямо из аптеки, куда сдавали лекарственное сырье по договору.

А пока, как белка в колесе, крутилась наша тетя Лизочка. Она жила в детдоме, ночевала вместе с больными в изоляторе. Вставала рано, вместе с зорькой. До завтрака и обхода больных

(пока мы спали еще) она успевала до поту наработаться на покосе. Все взрослые, даже шестиклассники, летом становились косарями. Как я уже рассказывала выше, сено заготавливали вручную с половья на полях соседнего колхоза «Рассвет», чтобы было чем прокормить наш скот в долгую предстоящую зиму.

Никто из косарей не мог угнаться за нашей тетей Лизочкой. Ручки она брала широкие, прокосы были чистыми, трава лежала ровно и рядами. Тетя Лиза брала первую ручку, за ней шли остальные, тоже умелые косари. После косьбы тетя Лизочка приходила к нам в изолятор, мокрая от пота и росы. Быстро переодевалась, измеряла температуру, раздавала лекарства, кормила, меняла постельное белье, следила за дневным сном и питанием детей всего детдома. Снова прибегала в изолятор, ведь больные требовали постоянного ухода и внимания. Я не помню, чтобы тетя Лизочка ходила не спеша. Походка ее была быстрой, легкой, она не шла, а, казалось, летела на крыльях. Ведь ей везде нужно было поспеть! Выходных дней у нее не было. Естественно, никто ей и не платил за работу в выходные дни. Часть своего выходного дня она тратила на посещение больных, что лечились в томских больницах. На свои деньги она покупала им молоко, сливочное масло, чтобы дети скорее поправлялись. После таких посещений мы замечали, что тетя Лизочка чем-то расстроена и удручена, и старались предупредить малейшую ее просьбу. Здоровые дети приносили ей свои угощения в виде кедровых шишек, еще незрелых, но вкусных, испеченных в костре, или несколько стебельков земляники с отменно крупными ягодами, или ветку лесной смородины.

Всем нам очень хотелось чем-нибудь порадовать неутомимую нашу любимицу тетю Лизочку. За угощения тетя Лизочка благодарила детей, но лакомиться ими не спешила, а раздавала слабым детям, что лежали в изоляторе и не имели сил ходить в лес. А когда прозвучат последние сигналы горна, зовущего к отбою, и наш куташовский муравейник затихал до утра, тетя Лизочка снова возвращалась к больным в изолятор, долго рассказывая им на сон грядущий что-нибудь интересное из прочитанного ею. Рассказчиком она была прекрасным, как, впрочем, и косцом, и медсестрой, и человеком. К отдельным произведениям «золотого фонда»

русской литературы 19-го века, а также Диккенса и других писателей я приобщилась еще в детстве, через рассказы тети Лизочки. Мы засыпали под ее рассказы и ждали целый день, когда наступит поздний вечер, чтобы снова слушать тетю Лизочку.

Под влиянием тех далеких ночных рассказов я и по сей день испытываю голод по настоящей книге. И профессию выбрала на всю жизнь, связанную с нашей русской и советской литературой. А тогда, в детстве, хотелось больше знать, уметь, читать, слушать, чтобы хоть чем-то походить на нашу тетю Лизочку.

Вот пишу я сейчас эти строки и думаю, сколько было сил, доброты, умения, настоящего милосердия у этой молодой девушки, которую мы звали тетей Лизочкой. Нам казалась она необыкновенной, а потому ей вроде и не подходило обычное обращение по имени и отчеству.

Для всех нас она была, есть и останется милой тетей Лизочкой. Со всеми она была равна, добра и благожелательна, но с особым вниманием относилась к больным детям. Я помню, с каким упорством она отстаивала вторую группу больных туберкулезом детей, чтобы их не поместили в тубдиспансер, где уже умерли дети первой группы. Как радовалась она всякому улучшению здоровья детей при очередном медицинском осмотре специалистами! Как неотступно она следовала всем рекомендациям специалистов-врачей, как умела договариваться на очередное обследование, и, не дай бог, пропустить его! Все удерживала в своей цепкой и последовательной памяти: и санитарный режим детдома, и питание здоровых детей, и усиленное питание слабых и больных, и амбулаторные приемы, очередные медицинские осмотры для детей с разными заболеваниями — вот такая беспокойная, ответственная и добрая наша тетя Лизочка. Она знала каждого ребенка, даже малейшее отклонение от здоровья.

У Миши Дмитриева, Вали Лазаревой, Сени нужно следить за глазами и зрением. Рите вовремя выписать очки. У Гали, Вити болят зубы, нужно сводить к зубному врачу. У Нины Толмачевой течет из уха. У Вали осложнение после ревматизма. У Лиды С., Зины Л., Ани Л., Ирочки, Нины Щелкиной и др. — остаточные явления после туберкулеза. И так о каждом из 150 человек. Даже

не работая уже в детдоме (она уехала в Первомайское к больному отцу), она помнила про всех нас.

Однажды, будучи в командировке в Томске, а дел у командировочных много своих, она случайно встретила нас на улице и узнала, что теперь мы живем не в детдоме, а самостоятельно, в общежитии педучилища, на стипендию. Среди нас (12 человек) четверо были из тех, кого отстояла и выходила тетя Лиза в 1943 году от туберкулеза. На свой страх и риск (даже подписала какую-то бумагу) она изолировала больных и вылечила их. Теперь же (а шел 1947 год) студенческая жизнь со всеми ее лишениями могла способствовать новой вспышке старого недуга. Тетя Лизочка, повторяю, будучи в командировке в г. Томске, договорилась с Москвитиной И., известным специалистом по туберкулезу, чтобы обследовать наших девочек, сама сопровождала их туда и обратно. Все обошлось хорошо.

Казалось, чего в этом особенного? Но стоит только вспомнить, что тетя Лизочка заботилась совершенно о чужих детях, которым ничем не обязана, и совершенно бескорыстно. Она не только не работала теперь, а даже не жила уже в Томске. Вот он — истинный пример милосердия, участия к чужой беде. Помочь делом, а не разглагольствованием о милосердии.

О нашей тете Лизочке всего не расскажешь в коротких воспоминаниях данной повести. О ней достойно написать отдельную книгу. И о том, как она пешком порой, буквально на себе (не было никакого транспорта), с помощью старших девочек, попеременно несла безнадежно больных детей с дачи детдома, что в 12 км от ст. Томск-1), по бездорожью, по колено в глине, под дождем — в любую погоду, чтобы спасти умирающего ребенка. Так было, когда Алю Мошкову укусила гадюка в лесу. Она едва добрела до дачи и лишилась всяких сил. У нее открылась рвота, Аля теряла сознание (яд уже распространился по организму). Так в бессознательном состоянии ее несли на руках попеременно две старшие девочки и тетя Лизочка. В пути они не отдыхали, спешили, сменяясь на ходу. Аля была очень плоха, нога посинела и распухла, она бредила. Как сейчас помню, шел нудный неперестававший дождь (мы называли такой дождь гнилым). Мы знали, какой путь

предстояло проделать тете Лизочке с живой ношей. Переживали очень за нее и Алю, часто выглядывая на улицу, заклиная всех Богов, чтобы они помогли тете Лизочке спасти Алю, чтобы перестал этот проклятый дождь, что расквасил дорогу, которая и в хорошую погоду не просыхала, кроме тропинки, в низинах же стояла постоянная вода, заблудшая скотина проваливалась там по брюхо. Как-то провалилась в зыбун лошадь, да так и не смогла выбраться. Ее уши только некоторое время торчали из болота...

Но, слава Богу, тетя Лизочка успела вовремя. Из Томска-I вызвала «Скорую», которая увезла в больницу Алю, где она пробыла целый месяц. Вернулась Аля в детдом бледная, слабенькая, нога ее еще была опухшей, синеватой. Но все обошлось, благодаря самоотверженности тети Лизочки Аля была спасена. Елизавета Константиновна после детдома 20 лет отработала еще в районной больнице с. Первомайского в качестве главной операционной сестры. Преданная своему делу, увлеченная работой, она творила чудеса на своем рабочем месте. Она находила время для семьи и для самодеятельного драмкружка, где была постоянным артистом в течение многих лет. Первомайцы хорошо помнят Елизавету Константиновну и как медсестру, и как артиста драмкружка, и как мать Димы, признанного комсомольского вожака — словом, все, кто имел счастье прямо или косвенно быть знакомым с нашей тетей Лизочкой, отмечают ее трудолюбие, эрудицию, скромность, доброту, интеллигентность, увлеченность и верность своей профессии, призванной творить милосердие. Но возвратимся к событиям по хронологии.

Особенно хочется остановиться и на поварах детдома, что готовили нам пищу из тех скудных продуктов. Это тетя Лида Шамова, тетя Мотя, позже — Елена Владимировна, тетя Соня. От их мастерства, добросовестности зависело качество нехитрых блюд, даже «стахановки». И надо сказать, они успешно справлялись с нелегкой работой. Нужно было, кроме того, в срок подать и завтрак, и обед, и ужин. А было это ой как непросто. Сырые дрова не горят жарко, уголь плохого качества. Печь они топили сами. Мы, дежурные воспитанники, только подносили топливо, воду, чистили картофель, мыли посуду, выносили помои. Канализация

не работала все военные годы. Дежурили наши повара посменно: день — одна, день — другая. Тетя Лида после обеда, приставив бачок с пищей на ужин, минут на 10–15 отлучалась домой. Ведь на работу она приходила в 6 часов утра до 10 вечера. Хозяйничать в кухне она доверяла дежурным в эти 10–15 минут. Она знала, что никто из детей ничего не возьмет. Оставался хлеб на ужин и продукты на следующий день. Иногда оставались несколько порций с обеда, т. к. кое-кто задержался в школе и не обедал еще.

И, конечно, никто не смел из дежурных съесть то, что было оставлено опоздавшим к обеду детям. Но вот дядя Вася (сторож) являлся на кухню как раз в тот момент, когда отсутствовала тетя Лида (10–15 минут), и заявлял дежурным детям, что тетя Лида велела отдать ему чугунок с супом, что стоял на плите. Дети верили — отдавали. Тетя Лида, не обнаружив чугунок с обедом — супом и выслушав объяснения дежурных, хмурилась. Тогда мы пошли на хитрость. Когда в очередной раз пришел дядя Вася, заглядывая в чугунок (а там на этот раз были помои после мытья посуды) и сказав дежурным, что тетя Лида разрешила ему взять это, мы переглянулись, отдали чугунок с помоями, которые дядя Вася схлебал прямо в подсобном помещении. Мы поняли, что дядя Вася обманывал нас, тетя Лида ничего ему не разрешала. Не объясняла она ничего и нам по поводу нечестности дяди Васи. Весть о том, что д. Вася неоднократно обманывал дежурных по кухне детей, мигом разнеслась по детдому. И мальчишки решили его наказать за это. Врать и красть у нас считалось самым непροститительным грехом.

Так вот: пацаны окружили во дворе дядю Васю, кто-то дал подножку, кто-то подкатил пустую бочку из-под навеса, «поместили» туда дядю Васю. И покатали бочку по двору с гиканьем и улюлюканьем, а сверху на бочке балансировал какой-то шустряк, выделывая немислимые коленца. От хохота выбежали взрослые, не зная истинной причины «веселья». Бочку остановили, оттуда вылез дядя Вася, пацаны растерянно и виновато глядели на взрослых, стараясь объяснить причину своей выходки.

Помнится, что мальчишек не наказали, а объяснили, почему так нечестно поступал дядя Вася. Он, оказывается, потерял

свою семью под Орлом во время бомбежки, долго голодал, пока добрался в числе других эвакуированных в Томск, и жил только на сухой пайке хлеба, что получал по карточкам, это — 500 г. в день. А домом была у него коморка «на каланче», где жили и другие эвакуированные. Вот почему тетя Лида не осуждала при дежурных детях нечестное поведение дяди Васи, а только хмурилась. У тети Лиды у самой дети были на фронте — это сын Гриша и дочь Таня. После войны мы их видели обоих. Дети тети Лиды вернулись с фронта живыми. Урок пошел впрок как детям, так и дяде Васе. Ребята стали внимательны к нему, а он, дядя Вася, в свою очередь, больше не обманывал детей. Был еще казус с тетей Мотей (вторым поваром).

У тети Моти муж был на фронте, трое дочерей. Недоедали, голодали, мерзли тогда многие семьи. Как-то дежурные заметили, что тетя Мотя отливает растительное масло в «чекушку» и прячет ее в зело русской печи, которая топилась только в дни праздников, потом уносила ее домой. Посовещавшись, мы решили вылить масло в готовую «стахановку». Вместо масла налили в чекушку заваренный чай и поставили бутылочку на место. Операцию готовили втайне от взрослых. Через сутки была смена тети Моти. Она решила узнать, кто так зло подшутил над ней. Ведь дома на раскаленную сковороду она налила вместо масла холодного чаю и обожглась. Тогда мы моментально подключили всех, кто обедал в столовой, рассказав о случившемся. Ребятишки поочередно подходили к раздаточному окну со своими корчагами и просили у тети Моти добавки. Она не давала. Тогда проситель, этак хитровато глядя на повара, говорил: «Тетя Мотя, в печку масло жи!» Чтобы не слушать дальше, тетя Мотя быстро насыпала добавку в корчагу... Долго ходила веселая сценка на наших импровизированных концертах. Она так и называлась «Тетя Мотя, в печку масло жи».

Следует обратить внимание, как выглядели детдомовцы тогда. Худые, стриженные наголо, все, как один. Одеты в одинаковые гимнастерки и юбки цвета хаки, кое-как обуты. И не секрет, что из-за внешнего вида в школе и городе нас сторонились, даже побаивались, потому что обидчиков мы часто поколачивали.

Приходилось все время быть, что называется, настороже. Но среди нас, особенно в нашей группе девочек, было много талантливых и способных к учебе детей, наделенных природой особым даром. Например, Наташа Тухина хорошо рисовала, Зоя Сторохева и Галя Можаяева отличались пластикой в танцевальных номерах, Ира Москвина, Валя Самсонова и другие девочки прекрасно учились. Аня и Зина Литвиновы хорошо рисовали или вышивали, без труда хорошо успевали по всем предметам, особенно по математике. Рита Савельева играла на фортепьяно и баяне на слух, позже она окончила музыкальное училище. Лида Сидоренко имела прекрасную внешность и фигуру, позже окончила спортивный факультет Томского пединститута. Она тоже любила шить и вышивать. О достоинствах моих подруг по детдому можно продолжать и продолжать — все девочки были очень талантливы. И обидно, что нас сторонились в школе, боялись на улице домашние дети. Мы держались друг за друга по пословице «Один за всех, и все — за одного» и довольствовались своим общением.

Младшие дети (1–3 классы) учились в детдоме, в школу не ходили: было не в чем. Дети постарше (4–6 классы) посещали 6-ю и 9-ю школы, которые в годы войны работали в 3 смены. Обучение было раздельным — девочки учились в 6-й женской, мальчики — в мужской 9-й школах. Обувь (особенно зимней) катастрофически не хватало. Валенки выдавались 1 пара на двоих. Одни уходят в школу — другие дожидаются товарищей, чтобы пойти в школу...

Питание было (как я уже говорила) однообразным, по скудному военному пайку. И частенько за какую-нибудь провинность директриса детдома наказывала нас, оставляя без обеда или ужина. К тому же из-за неблагоприятных санитарных условий (не было воды, канализации, достаточного тепла, электричества в детдоме) мы часто болели простудными и кишечными заболеваниями. Все это сказывалось на внешнем виде и росте. Дети детдома отставали в росте и весе от сверстников. Как я понимаю сейчас, при такой кормежке, но было б вдоволь тепла и воды, дети, конечно же, выглядели бы нормально, а не как мы тогда. Помню,

будучи 11-летней, я весила 22 кг. Но некоторые весили и меньше меня — по 20–19 кг.

Иногда по большим праздникам, 2–3 раза в год, нам давали выпечку. Вот однажды, в одно из воскресений (не помню, какой был праздник), была редкая, но долгожданная выпечка. На второе блюдо в обед давали по одной шанежке с картошкой. Как мы ждали такого обеда! Да, видно, вошли в столовую несколько возбужденными, т. е. шумно. Откуда ни возьмись, появилась директриса и наказала нас (весь 4-й класс, все 28 человек!) — оставила без второго блюда, т. е. шаньги нам не дали. Похлебали тогда мы баланду с мороженой капустой и пайкой хлеба — и все. Третьего блюда (в войну) к обеду не полагалось. Обиженные — ведь так вкусно пахло шанежками, когда их пекли! — мы покинули столовую. Кое-кто даже всплакнул, кто-то бурчал, ругая потихоньку директрису в классной комнате, где мы собрались после, лелея мечту получить шанешку, может быть, во время ужина...

И вдруг вбежала Галя Х. и сообщила сенсационную весть, что наши шанежки пронесли в квартиру директрисы. Это ошеломило всех. Наперебой заговорили девчонки громко о том, что делать, как заполучить желанную шанежку. Решение пришло мгновенно. Пойти всем классом и потребовать у директрисы шаньги! Все приободрились, утерли слезы. Пошли! Директриса жила при детдоме. Вход через зал и 2-й ход — с улицы, через парадное крыльцо — это для гостей. Кто-то пришел и сказал, что к директрисе через парадное крыльцо прошла гостья из обл ОНО (Т.Ф.З. — с дочкой Таней). Это не остановило нас в «битве за шанежку», а напротив, сулило победу. Потихоньку мы прошли через зал, встали у дверей квартиры директрисы, что были закрыты на внутренний замок и зашептались: «Как быть?». Кто-то предложил: «Давайте крикнем хором: «Давай шаньги». Так и поступили. Несколько раз мы дружно прокричали у дверей квартиры директрисы. «Шаньги» Молчок. «Что же предпринять еще?» — думали девчонки.

И вдруг дверь растворилась, показалась разъяренная директриса (она была маленькой, толстой, что вдоль, то поперек). Испугавшись, девчонки ринулись из зала врассыпную. Но не тут-то

было. Миновав зал и плотно прикрыв двери (чтобы ее гости не слышали), директриса приказала построиться всем девочкам 4-го класса в вестибюле (холодный нижний зал), а пока «раздавала шаньги» направо и налево, одаривая оплеухами нас, приговаривая: «Вот тебе шаньга! Вот тебе другая! Вот тебе третья! Получай четвертую шаньгу!». И как только со счета не сбилась она, до сих пор не приложу ума, как не запнулась и не упала на лестнице?! Так она спустила нас с 3-го этажа по лестницам. Внизу было холодно. Нас построили, кое-кто еще получил зуботычину, и «наложила арест» (так она выражалась) — стоять смирно в холодном коридоре до отбоя и без ужина, сама же удалилась к гостям. Как она объяснила наши выкрики своим гостям, мне неизвестно до сих пор...

Мы же в тот день намерзлись, не получили ни шанег, ни ужина. Мы были рады, чтобы нам позволили удалиться спать после отбоя. Позже, через несколько лет, мы смеялись над нашим «бунтом», вспоминая, кто какую по счету «получил» шаньгу. Я получила — самую первую, самую «горячую» шаньгу по правой щеке, аж в глазах потемнело, как только устояла на ногах.

Однажды меня лишили обеда и ужина, закрыли одну в спальне (в том же 1944 году) за то, что я боялась уколов (прививок)... Поплакав в подушку, укрывшись одеялом, я крепко уснула в тот короткий зимний день. Проснулась я оттого, что кто-то толкал меня в бок, стараясь разбудить. Было темно (электричества не было), наконец, проснувшись, я узнала своих подружек и среди них Риту Савельеву. Девчонки испекли в печке картошки и принесли мне поесть. А было это нелегко. Нужно было испечь картошки в печи, на кухне, где они чистили картофель на завтрашний день, чтобы не заметила повариха. Милые, хорошие мои девчонки — мои верные подружки! Они сами с удовольствием бы съели эти картофелины — нашу мечту в те годы. Ан нет,несли голодной, то бишь мне. Как раз та Рита Савельева, «сосланная» в 9-й из новосибирского детдома за строптивый нрав как трудно-воспитуемая.

День Победы! Как мы его ждали! Казалось, с Победой уйдут все наши беды. Многие, у кого родители были на фронте,

вернутся домой. Ну, а остальные заживут по-человечески, как до войны, т. е. в мирное время. А пока мы, старшие, поочередно и тайком от взрослых дежурили у единственного репродуктора, что был в детдоме, слушая голос Левитана: «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза...» Не прозевали мы сообщения о Победе по радио. Мигом разнесли радостную весть по детдому рано утром 9-го мая. Распахнули настежь окна спальни 2-го этажа, где были, и громко восклицали: «Победа! Победа! Победа!»

А вечером, на пл. Революции было городское гуляние в честь Победы. Был салют, гремела музыка, вся площадь и скверы были полны народа. Люди танцевали, пели, обнимались, плакали. Город ликовал, народ праздновал Победу, которую так долго ждали все. Она действительно была желанной, такой нужной. «Одна на всех», и за ценой не постояли советские люди, как на фронте, так и в тылу... Было мне тогда 12 лет, но помню я этот праздник Победы как сейчас. Тайком с девчонками мы сбежали на пл. Революции и наблюдали всеобщее ликование города по случаю Великой Победы над фашистской Германией.

Наше отсутствие в детдоме (до 11 вечера), конечно, было обнаружено, но обошлось без наказаний, ограничились внушением. Ох, как непросто было с нами, ершистыми и своевольными, нашим воспитателям, учителям — никогда не угадать, что за ЧП преподнесут их питомцы. А жизнь с Победой стала радостней и веселей.

Уже в 1946 году нам пошили школьные формы (х/б), выдали добротную новую обувь, но эта радость была омрачена тем, что из 25 девчонок, что окончили 5-й класс, в 6-й пошли только 12 человек. Кого забрали родители, пришедшие с фронта, кого отправили в РУ и ФЗО. Жаль было всех, с кем пришлось расстаться, и молча мы благодарили судьбу за то, что нас миновала печальная участь товарищей, отправленных в РУ и ФЗО, что можем жить в родном детдоме и продолжать учиться, и, если повезет, то окончим семилетку, а там непременно будем учиться дальше, как бы ни сложилась жизнь... В мае детдомовцев перевели из 6-й в 5-ю, мальчиков — в 7-ю школу.

В 5-й школе нас встретили внимательно, не то что в 6-й, где мы учились раньше.

Помню классную руководительницу Арзамаскову Лидию Николаевну — удивительного, доброго, порядочного, справедливого и строгого педагога, Кругляк Нину Владимировну — директора школы № 5, и других учителей. Сколько сил, внимания и такта было у них в повседневной работе с нами: чтобы нас не обижали словом в детском коллективе, чтобы мы стали мягче, воспитаннее, не ершились, не грубили... Кстати, теперь нас стали звать воспитанниками, а не детдомовцами или инкубаторными, как раньше.

Пришел солдат с фронта, путем еще не огляделся вокруг, а спешил забрать с собой своих детей. Тощий вещмешок да истосковавшиеся по мирному труду руки — вот и все, что имелось у отца, кроме горячего любящего сердца, что рвалось к детям. Долго фронтовики не задерживались в детдоме, но я помню их и теперь. Помню москвича — отца Оли Матвеевой с братиком. Он был в детдоме только сутки. Помню, как приехал отец за Валею Фаломкиной и увез ее на Родину с братишкой. Матери этих детей не дожили до такого счастливого дня. Хорошо помню отца Вовки Кочергина, этакого высокого генерала, вернувшегося с войны израненным и больным. Он часто навещал Вовку, своего маленького, старшая дочь, сестра Вовы, жила вместе с ним. Младшего же генерал Кочергин взять не мог, т. к. сам был очень болен, страдая от ран и чахотки. Высокий, подтянутый, в форменной шинели и брюках с красными лампасами, в серой каракулевой папахе генерал Кочергин часто проходил мимо нашего детдома (видимо, жил недалеко, на улице Бакунина), заходил к Вовке, о чем-то с ним говорил, держа его на коленях. Очень хотелось услышать, о чем говорит генерал Кочергин с сыном, но мы не смели подойти близко, чтобы не помешать степенной беседе мужчин: бывалого фронтовика с сединой в волосах и нашего Вовки, маленького, худенького и серьезного не по годам.

Радостными были наши встречи с фронтовиками-отцами, тоскливыми были прощания с друзьями. С чувством какой-то щемящей зависти к тем, кого забирали домой, с примесью горькой

обиды на свою судьбу, что нас-то никто и нигде не ждет. Некому прийти за остальными детьми, чьих родителей унесла война и 30-е годы сплошных репрессий.

Всплакнув о своей сиротской доле (сейчас можно признаться), чтобы не заметили старшие, молча сглотнув соленые слезы, мы без слов хорошо понимали друг друга, почему плачем, стараясь ободрить друг друга. Мы шли за ворота детдома и «выбирали» себе родителей из проходящих мимо нас людей. Это несколько отвлекало от мрачных мыслей и превращалось в своеобразную, даже интересную игру. Кто-то даже придумал бодрую концовку этой игры, остроумно сказав: «Родина — моя мать, а Сталин — наш отец (теперь-то мы знаем и другое)». Эту фразу мы с пафосом повторяли в лицо уличным обидчикам, обзывавших нас «инкубаторскими» и другими обидными словами.

*Да, детский дом стал для нас родным Домом:
И матерью нежной и строгим отцом,
И потому крепко помним, гордимся
И любим его мы всем сердцем, и всею душой...*

Послевоенная жизнь в детдоме стала не только сытой и теплой, но и наполненной новым содержанием, как то: работой кружков, хора, духового оркестра, танцевального, сольного пения и др. Незабываемыми и яркими были спартакиады и олимпиады среда воспитанников детдомов Томской области. В самый разгар лета, в июле, съезжались в Томск участники спартакиады из всех детдомов области. Это был настоящий яркий праздник для всех нас и запомнился на всю жизнь!

Целый год мы готовились к этим праздникам. Придумывали эмблему, готовили оформление колонны. Шили спортивную и парадную формы всем участникам. И, конечно, упорно тренировались в ловкости, отрабатывали приемы спортивных игр, двоеборий, бега, прыжков в длину и высоту. Стучали по настилу биты городошников, выбивающих фигуры. Духовой оркестр упорно отрабатывал музыкальную программу. Хористы, солисты и танцоры не пропускали репетиций. Шились праздничные костюмы

для художественной самодеятельности. Даже обувь (легкие сапоги из кожи для танцоров) шил самодеятельный мастер Сеня Фоменко, студент топографического техникума. Реквизит с каждым годом обновлялся, пополняясь новыми костюмами, программы концертов не повторялись.

На спартакиады выезжали в Томск с дачи почти все воспитанники детдома № 9. На даче оставалось человек 20–25 из 130. Кто был задействован в духовом оркестре, кто в концерте, кто представлял спортивную команду, но все вместе были обязательно участниками спортивного парада, с которого начиналась спартакиада и которым заканчивалась. Яркие, незабываемые спортивные летние праздники помнят воспитанники всех детдомов Томской области! На них состязались в мастерстве, ловкости и умении представители 40 детдомов области. Спортивная программа в эти дни чередовалась с культурной развлекательной программой в городском саду, посещением спектаклей и представлений профессиональных артистов, музеев, совершались прогулки по Томску, завязывались знакомства, дружба с воспитанниками других детдомов. Первая спартакиада была в 1947 году. Этого праздника ждали все дети Томской области. Шли наши спартакиады долго, около 10 лет подряд.

Из детдома нашу группу выпустили осенью 1948-го года. Но каждый год, пока существовали спартакиады, мы спешили летом на стадион, где шли спортивные состязания среди воспитанников детдомов области, в городской сад, чтобы посмотреть концертную программу своего детдома и других. Их художественное мастерство с каждым годом росло, поднималась и культура исполнения, культура поведения в залах и на сцене. Спортивные показатели росли тоже. Уходили с арены старшие воспитанники, их сменяли младшие, защищая спортивную честь своего детдома. Кубки, грамоты за спортивные победы, подарки победителям заполнили у нас уже целую комнату.

Особой культурой, мастерством в исполнении программы концерта художественной самодеятельности, дисциплиной и красочным оформлением спортивной колонны отличался Тогурский детдом (я не говорю о своем, 9-м). У нас, живших в областном

центре, было больше возможностей в совершенствовании спортивного и художественного мастерства. Стадион, горсад, драмтеатр — все было в нашем распоряжении. Мы были здесь как дома. Нам знакома была каждая спортивная площадка, каждая щербинка на полу сцены, где приходилось выступать. Все исхожено, обжито на репетициях и тренировках задолго до предстоящих состязаний. «Дома и стены помогают!» Это не раз выручало нас в упорной борьбе за победу. Ежегодно спортивная команда нашего детдома по большинству набранных очков выходила в первую тройку победителей. Ну, а в концертной программе с нашим коллективом было бесполезно состязаться всем, кроме тогурцев.

Всякий раз мы и наши воспитатели учились у своих соперников чему-нибудь, зорко подмечая необычность в оформлении спортивных колонн, костюмов и прочего. Верно, и у нас подмечали что-то новое, неординарное представители других детдомов для себя. И все-таки, когда всю улицу Ленина (от старого универмага до площади Революции) заполняли колонны спортивного праздничного парада 40 детских домов, то наша колонна детского дома № 9 выгодно отличалась от других.

Приходят на память рифмованные строки:

*«...И когда по улице Ленина,
Плыл нарядный спортивный парад,
Все прохожие безошибочно
Узнавали Колонну наших ребят.
Головы гордо подняты,
Строго шаг печатая,
Шла под собственную музыку
Колонна ребят Девятого...»*

Это и понятно. У нас все было под руками: и количественный состав, и духовой оркестр, и полевые цветы (накануне привезенные из Куташовки), и отменные парадные костюмы (пошитые руками Марии Дмитриевны) из материала, добытого на базах Томска. Да и самый «цвет» детских талантов мы невольно черпали из других детдомов области. Подрастая, дети разных

детдомов шли учиться в томские техникумы, а жили в 9-м детдоме. А с периферии всего не привезешь. Да и пока везешь, что-нибудь поломаешь, испортишь при транспортировке... А вот тогурцы всегда были на высоте. Этот коллектив для нас был серьезным соперником. Они первыми стали учить своих воспитанников. Низкий поклон вам и признательность, милые люди! Они берегли своих талантливых и способных детей, кто хотел учиться дальше. Я не помню, чтобы кто-нибудь из Тогурского детдома жил потом в 9-м. У них были свои крепкие традиции и здоровая обстановка в детдоме, которые позволяли развиваться всем ее питомцам.

Нужно отдать должное и культуре их поведения. По своей воспитанности, скромности они выгодно отличались от всех, от девятовцев тоже. Нам было чему поучиться у Тогурского детдома, и мы не упускали такой возможности. Есть чему поучиться нам у них и теперь. У них есть свой музей, свой Совет воспитанников детского дома. Всех своих питомцев они держат в поле зрения. Помогают советом и делом молодым выпускникам и непременно слетаются в родное гнездо периодически, чтобы порадоваться успехам друг друга, помочь в решении проблем, что накопились в родном детдоме и друг у друга.

И все-таки с друзьями, сверстниками из других детдомов области мы познакомились через спартакиады и спортивные состязания, что выливались в настоящие огромные зрелища, красочные праздники. Уместно будет вспомнить тех, кто организовывал эти праздники для детей детдомов области. Это областной отдел народного образования, сектор детских домов: *Лидия Николаевна Муратова, инспектор облОНО, Шикулин Митрофан Дмитриевич (он тогда заведовал облОНО) и другие. Нам, питомцам Девятого, эти праздники дарили все работники детдома, начиная с директора Андроновой Лидии Николаевны, воспитателей Бубес Валентины Васильевны и Саликаевой Марии Дмитриевны, завуча Конкордии Павловны Борст, кастелянши Глафиры Ивановны, нянечки тети Паны, Исая Вениаминовича — руководителя духового оркестра, Эди Петровны — руководителя хора и вокала, балетмейстера и других.*

За спортивную подготовку обычно бралась отвечать Конкордия Павловна. Она умела договориться, с кем нужно, и наша команда тренировалась на стадионе «Труд» под руководством квалифицированного тренера. Конкордия Павловна готовила нужную документацию на участников соревнования, согласно Положению о спартакиаде. Она же обеспечивала повседневное руководство наших спортсменов. Лидия Николаевна, директор, приобретала обувь, мануфактуру для спортивной формы и парада. Валентина Васильевна готовила праздничное оформление колонны, Мария Дмитриевна кроила и шила парадную форму для всех участников и костюмы для концерта. Глафира Ивановна утюжила готовое и складывала реквизит, чтобы все было на месте. Тетя Пана занималась стиркой.

Руководители кружков готовили праздничную программу концерта, отрабатывали все номера с «артистами». И, конечно, вместе со взрослыми дети принимали самое активное участие: художники помогали Валентине Васильевне, несколько швей сметывали раскроенное около Марии Дмитриевны. Помогали стирать тете Пане, носить воду, дрова. В кастиелянной постоянно работали старшие девочки, помогая Глафире Ивановне, — словом, работа кипела. Я помню эти месяцы на даче (в ожидании спартакиады). Они были в радость. Очень хотелось каждому хоть как-нибудь приобщиться к этим домашним хлопотам перед предстоящими праздниками. И, конечно, читатель сам уже представляет, чем жили дети, ожидая спартакиаду. Время было занято до отказа, и новый день ждали с радостью, не замечая за приятной суетой, как один день сменяется другим.

Попутно шли работы по самообслуживанию: уборка в корпусах, на территории, дежурство в столовой и кухне, работы в огороде. Но с этой работой старались покончить побыстрее. Скорее прополоть грядки, вымыть пол, подмести площадки, убрать мусор, наносить воды на кухню и в баню, где стирали белье, чтобы непременно успеть заглянуть вниз, в домик, где была кастиелянная, и хоть что-нибудь еще сделать там: погладить или принести дров для печи, где горели угли. Ими заправляли утюги. Словом, хотелось еще приятной работы...

Никакого сравнения не было в организации жизни детей летом в послевоенные годы с теми, что прожили мы в 1941–1946 годах. Существенно сократилось подсобное хозяйство, а, следовательно, и поля, что мы обрабатывали в годы войны. Продукты и топливо теперь в Куташово подвозили на автомашине. Сено еще заготовливали, но теперь уже не с «половья» с соседним колхозом, а только для своего подсобного хозяйства. Теперь появилось время для спортивных игр. Не пустовала волейбольная площадка. Вечером пацаны играли в футбол по всем правилам. Шла подготовка к спартакиадам и олимпиадам. Один раз в неделю организовывались танцевальные вечера, благо своих музыкантов было предостаточно: Рита Савельева, Костя Шублин, Тимченко. А потанцевать любили все. Теперь ежедневно, в хорошую погоду, дети со своими воспитателями просто гуляли по окрестностям Куташова. Составляли красивые букеты из цветов, купались, загорали, играли — словом, отдыхали, развивались, радовались летнему солнышку.

Мы, бывшие выпускники, нет-нет, да забегали на нашу бывшую дачу, в Куташово. Манила она к себе, ведь с ней столько связано дорогих воспоминаний!

Шли годы, уже у нас появились свои дети, но Куташовка не пустовала. Давно кончилась война, выросли ее сироты, покинув уютное гнездо, где окрепли их крылья для самостоятельного полета. Детей же в нашем детдоме (как, впрочем, и, других детдомах) не стало меньше. Переполнены детдома, школы-интернаты, а сироты все прибавляются, их столько же, сколько было в годы войны. Правда, у большинства имеются родители, которые переложили свои обязанности и заботу о детях на плечи государства. Вот почему, я считаю, нужны повсеместно советы бывших выпускников детдома, чтобы помочь тем, кого сейчас воспитывает государство...

Именно здесь мы набирались сил, здоровья, росли и развивались, становились крепче. Куташовка закалила нас, и мы смогли перенести все трудности, связанные с войной. Куташовка нас не только баловала своей природой и чистым воздухом, но и кормила «подножным» кормом: различными травами, кореньями, ягодами,

орехом... Детский дом в Томске время от времени менял местонахождение. Кто-то жил на Коммунистической улице, кто-то на Бакунина, кто-то теперь живет на улице Сибирской. Но Куташовка была для всех нас одна! Она славно связывала все поколения, что воспитывались в детдоме № 9.

Здесь, в детдоме, мы жили, трудились, учились. Здесь учились добру, дружбе. Здесь подарила нам жизнь незабываемые встречи с отличными людьми — нашими воспитателями, сотрудниками детдома, старшими товарищами, которые не прошли для нас бесследно на всю жизнь. *Это (кроме названных выше) Клара Петровна Карлова, Мария Львовна Шарамова, тетя Соня, Полина Яковлевна Нехорошева, Валентина Александровна Неборак, Анастасия Петровна Климовская, Татьяна Ивановна Сперанская и другие. Отдельно следует сказать и о коллективе педучилища г. Томска, что исподволь, терпеливо учил и воспитывал своим примером выпускников детдомов в стенах педучилища, это Осокина Галина Петровна, Высоцкая Людмила Константиновна, Вологодина Нелли Августовна, Долинина Ангелина Сергеевна, Блинова Антонина Васильевна, Гнедова Клавдия Никитична, Балакина Александра Семеновна и другие. О них достойно написать отдельную книгу. Интеллигентные, эрудированные, мастера своего дела, строгие и добрые — такими запомнились они нам, всем воспитанникам детдомов области.*

Низкий вам поклон!

ПИСЬМО К СТАЛИНУ

В сентябре 1948-го года нас, 12 девчонок, выпустили из детского дома в самостоятельную жизнь. Учились мы тогда в Томском педагогическом училище, и, следовательно, жить нас определили в общежитие, на стипендию. При выпуске нас из детдома нам выдали одежду: одну смену, что было надето на нас, обувь по сезону. А вместо второй смены белья выдали товар: бязь белую и серую фланель по 1,5 метра, чтобы мы сами пошили себе из нее смену нижнего белья, что и было сделано позже. Дали старенькие пальтишки (демисезонное и зимнее), что носили наши старшие

девочки до нас, еще в военные годы. Бедно, очень бедно экипировали нас в самостоятельную жизнь для продолжения учебы; обещали, однако, пошить новые зимние пальто, даже сняли мерки в пошивочной мастерской и выполнили заказ к следующей зиме за счет казны, но новых пальто не выдали к зиме, как обещали.

Трудно жилось нам в студенческом общежитии на стипендию 140 рублей. Помочь-то нам материально было некому, так как не было родных. Да и годы-то были тяжелые, послевоенные... Но жили дружно. Очень скучали по детдому, где остались младшие воспитанники, где прожито было по 7–8 лет, где многое сделано нашими руками во время трудовых буден. И очень надеялись мы окончить педучилище в стенах детдома (ведь нам оставалось по 2–3 года учебы). Но, увы! Пришлось перестраиваться на самостоятельную жизнь. Обслуживать себя мы научились еще в детдоме, а вот как «растянуть» 140 рублей, чтобы хватило и на питание, и на помывку со стиркой, и на методическую литературу? О каких-то обновках (кроме чулок) речи не было. Но вот на кино, театр выделить было необходимо. Мы же готовились стать воспитателями и учителями, а, следовательно, нужно было больше знать. Много читали, один раз в неделю ходили в кино, один раз в месяц в театр. Покупались, конечно, самые дешевые места на галерке. В свободное от занятий время вышивали, перешивали свои «наряды», чтобы поприличней выглядеть.

В первое свое самостоятельное лето 1949-го года мы дружно «двинули» на заработки, чтобы подзаработать на обувь: ведь предстоял еще один год учебы... Как поработали самостоятельно летом 1949-го года, что заработали, какие невероятные истории случились за это время — разговоров об этом нам хватило на целый год, когда мы собрались осенью снова в своей «общаге» для последнего года учебы.

И однажды осенью к нам в общежитие нагрянули высокие гости — это представители областного отдела народного образования в сопровождении дежурного учителя из педучилища. За разговорами о том, как нам поработалось летом и что заработали (а «свободных» денег после дорожных расходов и истраченных на питание осталось совсем немного), кто-то очень смело

и прямо спросил представителей облоно о том, выдадут ли нам обещанные зимние пальто, которые шились для нас по меркам. Отрицательный ответ ошеломил нас: ведь мы так рассчитывали на обещанные пальто! Старенькие пальтишки пришли в негодность. Они отслужили нам (и не только нам!) уже 8 лет. В чем ходить зимой? А ведь еще предстояла трехмесячная государственная практика в школах г. Томска, и выглядеть учителю-практиканту нужно было прилично. Как только закрылась дверь за ушедшими представителями из облоно, мы шумно заговорили, обсуждая создавшееся положение. Как быть? Что предпринять, чтобы завершить учебу? Ведь мы бедствовали весь предыдущий год! Жили на сухом пайке; латали, перешивали и перетряхивали свой «гардероб»; стипендии катастрофически не хватало на скромные наши расходы... Шумели, гомонили, даже плакали, вспоминая прошлую жизнь в детдоме и обсуждая проблемы сегодняшней ситуации. Кто-то предложил обратиться к Сталину. И вдруг стало тихо. А что? Почему бы и нет? У других студентов есть родители, а у нас нет никого. Снова загомонили наперебой, приободрились, на столе появились лист бумаги и карандаш, избрали секретаря, который записывал все реплики, обращенные к Сталину. Плакали и смеялись над своей дерзкой выдумкой, а секретарь тем временем «строчил»... Уж тут каждая из нас, 12 девчонок, высказалась, как хотела и умела. Все!

Запал прошел, вытерты слезы, а письмо-то готово. И в нем все-все: как мы жили в предыдущий год, куда тратили стипендию, сколько нам осталось учиться, куда истрачены заработанные за прошедшее лето деньги, не забыли перечислить и то, какие вещи нам выдали при выпуске из детдома и т. д., и т. п. Но ни слова выдумки, обмана какого-то — все сущая правда, даже приложен точный реестр расходов на месяц. Теперь уже спокойно отредактировали все вместе черновик письма, переписали набело каллиграфическим подчерком, каждый поставил свою подпись, кроме Наташи Т. (она побоялась, что ей попадет). Запечатали письмо в конверт, надписали адрес: *«г. Москва, Кремль, И.В. Сталину»*.

Решили отослать «заказным» письмом с главпочтамта, а денег-то на марки нет (это было перед стипендией). Кто-то

вспомнил, что у нас на платьях, юбках и кофточках в качестве пуговиц пришиты монеты достоинством 2 и 3 копейки, обернутые материей в тон одежды. Быстренько срезали пуговицы-монеты с одежек и ссыпали в одну кучу на стол. Пересчитали «медяшки» — оказалось, что денег достаточно, чтобы отослать «заказное» письмо по указанному адресу. Что было и сделано.

Сначала мы считали дни, ожидая ответа. Но прошел месяц — ответа не было. До сих пор не знаю, дошло ли письмо до Сталина? Но однажды, когда мы уже перестали ждать ответа, педучилище посетила большая комиссия из обкома КПСС во главе с Горбачевым Сергеем Матвеевичем. Вызвали Зину Соловьеву — это ее имя значилось на конверте в адресе отправителя письма Сталину. По классным журналам отыскивали остальных 10 человек, кто подписывал письмо. Разговор о фактах из письма уже шел в общежитии в нашей комнате, без лишних свидетелей... Сергей Матвеевич на память знал содержание нашего письма и умело задавал нам вопросы, проверяя изложенные факты. Поинтересовался даже личной библиотекой каждого из нас (книги тоже значились в реестре расходов из стипендии, изложенном в письме к Сталину). Таким образом, все изложенное в письме подтвердилось. Только тогда, на третий день проверки фактов по письму, Сергей Матвеевич «открылся» нам, что было письмо, а мы догадались об этом еще раньше, еще при первой встрече — беседе.

Сергей Матвеевич посоветовал нам на будущее, что при возникновении вопросов надо идти более коротким путем, т. е. не через правительственные адреса, а местные. Значит, попало все-таки наше письмо в Москву! Ну, а каков результат? О-ше-ло-ми-тель-ный!!! Оказывается, в Правительстве давно были приняты хорошие законы относительно сирот-выпускников детдомов. А именно: всем, кто выпускался на учебу в средние учебные заведения, было положено (кроме стипендии) 300 рублей на питание плюс расходы на одежду по сезонам и нормам, а это уже не кое-что, а шикарно, против того, что мы пережили за год, существуя только на стипендию. Нам стали выплачивать на питание, кроме стипендии, ежемесячно положенные нам 300 рублей;

выдали, наконец, зимние пальто, пошили на заказ шерстяные платья, выдали теплые валенки и кожаную обувь. Мы стали самыми обеспеченными из числа всех живущих тогда в общежитии студентов. Вместе с нами (бунтовщиками из 9-го детдома) подобных благ удостоились и другие воспитанники из других детдомов области, а их было немало. Только в педучилище их обучалось 50(!) человек. Были и в других техникумах такие же, как мы. Зажили мы безбедной жизнью в студенческой общаге целых 6(!) месяцев. А год и 3 месяца нищенствовали, хотя закон о сиротах уже был принят и лежал под сукном у чиновников облоно без действия.

Много хороших законов есть и сейчас в России относительно детей-сирот, но почему-то они не работают; зажимают чиновники разных рангов. Вот почему нужен нам Союз воспитанников детских домов и интернатов.

Чтобы своевременно помочь тем, кто в этом нуждается, — это, прежде всего, дети-сироты. Они должны быть достойными гражданами, среди них столько талантливых!

О судьбах воспитанников детдома № 9 можно писать и писать. Кем они стали? Как сложилась их жизнь? Скажу только, что дружим мы по сию пору. У нас растет уже третье поколение. Дружили мы, дружили наши дети, теперь уже наши внуки встречаются как родные.

А что наши бунтарки из общаги педучилища? Да все выбрали свой путь, не затерялись в круговерти жизни. Это:

1. *Соловьева Зинаида Степановна — режиссер школьной программы на Томском телевидении;*

2. *Леваневская Лариса Алексеевна — заслуженный учитель;*

3. *Литвинова Анна Николаевна — учитель математики в педучилище;*

4. *Литвинова Зинаида Николаевна — начальник почты Чукотки;*

5. *Москвина Ирина — учитель математики в Томской области;*

6. *Сидоренко Лидия Сергеевна — учитель физкультуры;*

7. *Позднякова Екатерина — учитель литературы;*

8. *Тухина Наталья Семеновна* — художник-оформитель завода «Строймашина» г. Свердловска;
9. *Булаева Наталья* — учитель начальных классов;
10. *Федотовская Антонина* — учитель начальных классов;
11. *Воронова Валентина Алексеевна* — учитель литературы;
12. *Савельева Маргарита Васильевна* — учитель музыки.

Среди нас есть работники посольства, дирижеры, директора фабрик, начальники УВД, отличные работники заводов и фабрик г. Томска. Это: Мещанская Маша, Мясоедова Зина, Цыцина Анна. Особо хочется отметить Олю Мошкину (Нелюбину). Это — удивительный человек, мастер на все руки. У нее квартира, что музей рукодельного творчества. 40 лет проработала на Томской швейной фабрике. Одной строкой в трудовой книжке: «Принята и уволена». Зато благодарностей не перечесать.

О многих хотелось бы рассказать... Всех помню!

В 1947 году проводил детдом в Москву Сашу Хохлова для продолжения учебы в Институте международных отношений. Саша — первый выпускник, кому посчастливилось окончить 10 классов. Он же еще художник и музыкант, а позже дипработник. С того памятного 1947-го года мне так и не довелось увидеть Сашу, хотя он как-то приезжал в Томск, был на даче детдома, в нашей Куташовке.

И вдруг через 50 лет в 1997 году зимой почтальон приносит денежный перевод от Саши. Адрес мой он узнал от Миши Черепанова, с которым я была связана через письма. Не знаю уж, что написал Миша Саше обо мне (жила я тогда в Новосибирской области), но лелеяла надежду выпустить в свет свои записки о друзьях-товарищах моих по детдому. Черновик записок был готов уже 10 лет назад... Но корешок денежного перевода от Саши с коротким сообщением «для письма» растрогал меня до глубины души. Это ж надо! Через всю жизнь пронести и сохранить верность нашему детдомовскому братству!

*Март, 2000 год, Томский район,
Кочева Валентина Алексеевна*

Здание детского дома № 9 г. Томска

*Михаил Черепанов —
военный дирижер,
1 сент. 1977-го года*

Колонна детского дома № 9 на спортивном параде 1949-го года

На 3-ей Спартакиаде детских домов Томской области. 1949 г.

Валя Серебрякова (Бряка) — мастер классического танца и медсестра Штаммовского института

*Первая встреча выпускников детского дома № 9
г. Томска, 1959 год*

*Вторая встреча выпускников детского дома № 9
г. Томска, 1971 год*

ПРОСТИТЕ НАС, ПОТОМКИ

Вениамин Анисимович КОЛЫХАЛОВ

*Овраги. Перелесок дальний.
Ночная наползает мгла.
Невыносимый звук кандалный
Земля внезапно родила.*

*Он исходил из недр, от неба,
От топких мест, где мокнет гать.
Я захотел краюшку хлеба
Земле — кандалнице подать.*

*Стоял с неразрешимой думой.
Представив зримо у овса,
Как по Владимирке угрюмой
Бредут селенья и леса.*

*Бредет зверье. Плещутся степи,
Никто из них не виноват.
И неснимаемые цепи
Укором горестным гремят.*

*Своя в Отечестве Антанта,
Свой доморощенный вампир,
До положенья арестанта
Мы довели природный мир.*

*Простите слезно нас, потомки,
И ты, Россия, нас прости:
Вам по матерчатой котомке
Смогли в наследство припасти.*

*Богатство тоже множит скорбь,
Платите богачам за вредность...
Поеду на родную Обь,
В Нарымский край, где правит бедность.*

*Вконец обобранный народ
Не покидает эти дали.
А почему — душа поймет
Хотя бы в Тымске и Киндале.*

*Я свой среди своих болот,
Во мхи там вправлены рубины.
И не промерит эхолот
К земле родной любви глубины,*

*Я свой среди своей тайги,
Мне чутким сердцем слышать надо
Речную музыку шуги,
Прощальный шепот листопада.*

*Я свой среди своих лугов,
Где спят туманы беспробудно...
Давно не делаю долгов,
Ведь отдавать сегодня трудно.*

*Какой могучий корень — Р о д!
Как тяготеет он к свободе!
Чем держит этот край народ?
Любовью истинной к Природе.*

* * *

*Самородное счастье — природа —
Ты со мной до доски гробовой.
Никакая глухая невзгода
Не потушит тот свет зоревой.*

*Омертвею без чистой опушки,
Без раздольных болот и лесов,
Без веселого соло кукушки,
Без росистых шумливых овсов.*

*Я под свод материнского сердца
Был положен природой, храним.
Девять месяцев стоило греться,
Чтобы справиться с лютостью зим.*

*Звезды, звезды, из страшной эпохи
Прилечу к вам туманной порой.
Все земные печальные вздохи
Унесу в заколдованный рой.*

*Отправляя в межзвездные недра,
Выйдет лес на заре провожать.
Буду хрупкую веточку кедра
На прощанье, как свечку, держать...*

* * *

*Мы на Родине, словно в изгнании
Что же с нацией нашей стряслось?
Нас отдали на поругание.
Сильно гнется державная ось.*

*Снова люди, как ржавые винтики,
И опять окаянные дни.
Опоили дурманом политики,
Кукловодят умело они.*

*Так привычно им дергать за ниточки,
Свистопляску кругом поднимать.
У чужой непристойно калиточки
Побирушкой России стоять.*

*О царе вспоминаем, купечестве.
ДЕМ- приставку заменим на ДЫМ.
Нет народу свободы в Отечестве.
Был бесправным, остался таким.*

*А Россия в военном и в штатском
По второму заходу во мгле.
И уже в королевстве не датском —
Все прогнило на русской земле.*

*Век текущий горазд на причуды.
Мало нам отпустил он побед.
Злые гении с ликом Иуды
Натворили неслыханных бед.*

*И по-прежнему жаждут мучения
Белым, красным... каким еще там.
Станем сильными от сплочения,
Не позволим делить по цветам!*

*Россияне — и этим все сказано.
Остановим сползание в ад?
Если наша история смазана,
Пусть хоть внуки ее различат!..*

СЫН НАРЫМА

Лев Федорович ПИЧУРИН

Имя Владимира Анисимовича Колыхалова мне стало известно с момента выхода в январском номере «Роман-газеты» за 1969 г. нашумевшего романа «Дикие побеги». Замечу, что регулярное знакомство с «Роман-газетой» было в те годы лучшим способом знать хотя бы приблизительно о том, что происходит в советской и мировой литературе. Подписка на него стоила гроши, а печатались в нем только уже более или менее признанные отечественные и зарубежные произведения. Вот я и обратил внимание на близкий мне по духу своему рассказ о «диких побегах», подростках, взрослых в трудные военные и предвоенные годы, о моем поколении (Владимир родился в 1935 году, я на семь лет раньше).

Я и сейчас с волнением перечитал роман, но сорок лет тому назад он произвел на меня очень сильное впечатление, хотя тот год был «урожайным». Достаточно вспомнить, что именно тогда были опубликованы повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие», роман Федора Абрамова «Две зимы и три лета», повесть Юрия Трифонова «Обмен», масса произведений, приуроченных к предстоящему 100-летию со дня рождения В. Ленина (читать сегодня некоторые из них не столь интересно, сколь поучительно). Еще не утихли читательские споры по поводу недавно вышедших «Денег для Марии» Валентина Распутина, «Деревенского детектива» Виля Липатова, «Прощай, Гульсары» Чингиза Айтматова, «Соленой пади» Сергея Залыгина и многих, многих других. Весьма символично, что именно тогда на литературном небе заблистали звезды, так сказать, провинциальные, причем более всего — звезды азиатские. Чингиз Айтматов из Киргизии, Валентин Распутин, Александр Вампилов из Иркутска, наш Виль Липатов, Юрий Рытхейу с Чукотки, десятки других талантливых авторов. Короче говоря, книга дальневосточника, издававшегося ранее лишь в Благовещенске и Хабаровске, вышла в московской «Молодой гвардии» на серьезном литературном

фоне. Точности ради замечу, начинал-то В. Колыхалов в «Молодом ленинце», удивительной томской молодежной газете, давшей путевку в публицистику и серьезную литературу десяткам авторов.

Замечу еще, что серьезными были тогда не только издательские и авторские достижения. В 60–70-е годы прошлого века интерес к литературе еще не был замещен вниманием публики к телесериалам и блокбастерам, люди более или менее внимательно относились к изящной словесности, и, например, на кафедрах физико-математического факультета ТГПИ вопросы вроде: «А вы читали бондаревский «Горячий снег»?.. симоновское «Последнее лето»?.. новый роман Анны Зегерс?» — звучали едва ли не ежедневно и не казались искусственными.

Не обратить внимания на «Дикие побеги» было тогда просто невозможно, тем более что за этот роман автор был удостоен недавно учрежденной премии имени Николая Островского. Но дело не только в официальном признании. К тому времени вышло немало разного уровня произведений о подвиге советских людей на фронтах Великой Отечественной войны. Но о том, что единство фронта и тыла было вовсе не партийным лозунгом, а сутью жизни народа, написано было очень мало. Кстати, по-моему, долг перед нашими рабочими и крестьянами за подвиги тех лет искусством и сегодня оплачен далеко не сполна.

Роман Владимира Колыхалова был одной из книг, пробел восполнявших в литературе. Наш суровый север, Нарым, реки, озера и болота, остяцкие и русские деревушки, в который уж раз для России отдали делу защиты страны лучшее из того, что имели — сибирских мужиков. А тыл, женщины и дети? Автор ничего не выдумывал, ибо он, деревенский мальчишка-сирота, воспитанник детского дома Усть-Чижапского, сам испытал все тяготы своего времени. Он рассказал о воспоминаниях мужиков о Гражданской войне, о колчаковских карателях, о жизни, труде, быте и нравах таежной деревни, о судьбе дезертира (заметьте, задолго до Андрея Гуськова из распутинской повести «Живи и помни»!). Поведал о детском доме с его воспитанниками

и педагогами, о деталях быта, часто вовсе не героических. И рассказал об этом не просто бесхитростным, невыдуманым языком, но еще и языком сочным, русским, сибирским.

Сегодня мы, восторгаясь современными достижениями томского Севера, добычей нефти и газа, почти забываем о десятках тогдашних смолокуренных и спиртовых заводиков, об изготовлении так нужного стране пихтового масла, о добыче рыбы, о заготовке и отправке на военные заводы в Тулу и Ижевск сотен тысяч болванок для изготовления прикладов винтовок и автоматов. А едва ли не с себя снятые теплая одежда и обувь для солдат? А тонна сибирских пельменей, отправленных на фронт из Нарыма? Пустячки? Мелочь? Возможно, но это была частичка всенародного подвига, обеспечившего нашу Победу. Это — жизнь, жизнь, описанная в романе без надрыва или особой героизации, описанная такой, какой она тогда была.

На Западном Урале, где я провел свое предвоенное и военное детство, многое, конечно, было не так, как в нарымском крае. Много в деталях, но не по сути своей. И, читая у Колыхалова о детском труде, о постоянном чувстве голода, о мальчишках, не испытавших отцовской заботы, о несчастных деревенских женщинах, взявших на себя мужской труд, я вспоминал наше село, наших мальчишек и девчонок, наших женщин. Колыхалов написал книгу не только о Максиме и Егоре Сараевых, но и о миллионах таких же, как они, таких же, как друзья моего детства.

Есть такая мысль — каждому человеку от Бога дано написать одну книгу. Но многие пишут не одну, а десятки. У каждого автора среди написанного есть эта одна, его книга, остальные написаны «за других», и поэтому они слабее. Не берусь утверждать, то, что написал Владимир Анисимович после «Диких побегов», создано за счет других, но этот его роман, данный ему свыше, и поэтому он останется в русской литературе.

Не буду преувеличивать — за дальнейшим творчеством Вл. Колыхалова я следил не очень внимательно, хотя в свое время не без интереса прочитал «Июльские заморозки», «Крапивное семя», «Охотник» и некоторые другие произведения.

А о самом авторе поначалу не задумывался. Но в 1971 году он вернулся в Томск и вскоре был избран ответственным секретарем областной писательской организации. Тогда мне и довелось с ним познакомиться. Незадолго до его приезда вышла в свет моя первая книга «Путь к «Битве...» Страницы жизни Галины Николаевой», и руководитель томских писателей стал считать меня причастным к своему цеху, стал приглашать на всякие писательские посиделки. Отношения у нас были товарищески равными, но особой дружбой с ним я все же похвастаться не могу. Лишь один эпизод хорошо мне запомнился.

Но сначала — небольшое отступление. В 60–80-е годы прошлого века в стране и, естественно, в нашей области существовал очень неплохой элемент культурно-просветительской жизни, этокое «хождение в народ» на советский лад.

Общество «Знание» создавало небольшие отряды из деятелей культуры, иногда — из представителей разных областей науки, просвещения, искусства, иногда — только из писателей или ученых. Такой десант выезжал дней на десять в какой-либо отдаленный район области, там он попадал в распоряжение местных властей и, разумеется, отдела пропаганды райкома КПСС. И в довольно напряженном режиме участники поездки работали в разных селах и деревнях, клубах и школах — читали лекции, проводили беседы, диспуты и так далее. Работа эта, хоть и скромно, но оплачивалась, а вузовским преподавателям позволяла не без гордости еще и вписывать особую строчку в годовой отчет. Принимали гостей повсюду приветливо и внимательно, хотя я прекрасно понимаю, сколько волнений мы доставляли местному руководству.

Сидя всю жизнь на двух стульях — преподавательском и журналистском — я оказывался то в группе томских ученых, то в компании томских писателей. Все эти поездки до сих пор вспоминаю с самыми добрыми чувствами, хотя бы потому, что иначе мне едва ли удалось бы познакомиться с просторами нашей области, со Стрежевым и Пионерным, с Бакчаром и Тегульдетом, да и с более доступными Колпашевым и Асином. А с какими замечательными людьми довелось встретиться в этих поездках!

Какие интересные дела удалось увидеть! Добыча нефти на Вахе... Заготовка леса в Батурино... Вылов рыбы на Оби...

Вот на Оби и произошло незначительное событие, связанное с Владимиром Колыхаловым. Под его командой мы, человек восемь, будучи на севере области, приехали к каргасокским рыбакам и увидели (я — впервые) изумительно красивую картину — выбираемый из реки гигантский невод с сотнями попавших в него сверкающих серебром язей и сырков. Потом рыбаки угостили нас обедом, и тут, конечно, нужны Франсуа Рабле или Иван Андреевич Крылов, ибо я не в состоянии описать происходившего. Икра, уха, снова икра, смородиновый чай, неторопливые разговоры в то время, когда по реке снова шел невод... Блюстителям нравственности докладываю: горячий чай был самым крепким из употреблявшихся за обедом напитков, ничего другого на столе не было...

По всем правилам, после беседы с рыбаками нам надо было уезжать, но Валентина Кудрявцева, детская писательница, потомственная сибирячка, дочь охотника-селькупа, попросила нас задержаться и еще раз посмотреть, как «на рыбалке, у реки, тянут сети рыбаки». Большинству это было вроде бы уже и неинтересно, но кое-кто все же поддержал Валентину Ивановну, явно обладавшую особым рыбацким чутьем.

...Мне показалось, что в неводе запутался здоровенный черный чурбан, но когда я увидел, с какой осторожностью и усердием рыбаки вытаскивают его из сети, понял — осетр! Его завернули в мешковину и положили на дно одной из лодок, а мы отправились в райцентр. На берегу Владимир Анисимович отозвал меня в сторону.

— Лев Федорович, у вас сегодня есть еще встречи? Лекция в школе? Вот и хорошо, я вас прошу сразу же после лекции зайти ко мне.

Колыхалов остановился не в гостинице, а у своих родственников.

Не очень хорошо понимая, зачем это, я все-таки не стал возражать. Пришли. ...На полу кухни лежал тот самый «чурбан» — осетр, показавшийся мне огромным, но выдавший виды Колыхалов небрежно бросил: «Бывают и покрупнее». Оказывается,

Валентина Ивановна шепнула рыбакам какое-то остяцкое слово, после которого они подарили нам этого красавца.

Я попытался что-то сказать о браконьерстве и соблюдении законов, но Владимир Анисимович ответил: «Они бы его все равно даже до рыбозавода не довели, припрятали бы в прибрежных кустах, а потом специально за ним приехали и потихонечку продали».

— Понимаете, я хочу сейчас разделить подарок между братьями-писателями, вот вы и будете свидетелем и, если понадобится — подтвердите, что сделано все по справедливости. Вам поверят.

...В нашей жизни иногда возникают самые неожиданные ситуации. Мелочь, пустячок, баночка свежей икры... А в памяти осталась глубокая зарубка об интересном человеке, так рано ушедшем из жизни. В моей памяти о В.А. Колыхалове осталась и другая зарубка...

Жизнь любого из тех, кто занимал в XX веке более или менее активную позицию, была тесно связана с советской властью и коммунистической партией. Идти против течения было и нелегко, и опасно. А соглашаться со всем или изображать согласие было выгодно. Официальное признание, награды (В.А. Колыхалов награжден орденом «Знак Почета»), бытоустройство, путевки в санатории, публикации — все зависело не только от реальных заслуг, но и от умения быть удобным и угодным власти. Это было тогда, это есть сегодня, это, увы, будет и завтра.

Нашему поколению время послало тяжелейшие испытания, жизнь заставляла отказаться от убеждений, от веры, от друзей. Одни выдержали эти испытания, другие — нет. В 1993 году Вл.А. Колыхалов издал книгу «Когти дьявола» (тайны томского «двора») — о времени правления Егора Лигачева. Не стану анализировать художественные или иные достоинства и недостатки этой книги. С моей точки зрения, ею просто перечеркнуты прошлые заслуги талантливого писателя.

Спасибо ему за искреннюю любовь к Сибири, за «Дикие побеги», за другие произведения, не забудем того доброго, что он сделал для всех нас, пишущих и читающих. А все остальное пусть останется с ним...

*Писатели и поэты Сибири
Владимир Колыхалов, Лев Ошанин, ..., Виктор Астафьев, ...,
Вениамин Колыхалов*

*На Оби. Слева направо:
М. Карбышев, Вл. Колыхалов, А. Казанцев, А. Алексеев*

Владимир и Вениамин — сыны Анисима Кольхалова

*1951 г. 25 дек. —
Вениамин сын Анисима
Кольхалов в свои
13 лет, детский дом
в Усть-Чижанке*

*1975 г.
с. Богашево —
молодой поэт,
творческий отдых*

*2015 г.
г. Томск —
«матерый» писатель
и поэт Сибири*

*1958 г. Владимир М. Кашаев, друг и брат Вен. Ан. Кольхалова
по обучению и воспитанию в детском доме и во взрослой жизни*

2015 г. Лидия Павловна Пикулева и Анатолий Яковлевич Пшеничкин — ветераны детдомовского движения — основатели Союза ВДДИ Томской области

Вениамин А. Колыхалов, Галина П. Сартакова, Анатолий Я. Пшеничкин и Николай И. Долгин. Союз ВДДИ, Томск 5.01.15 г.

БРАТЯ КОЛЫХАЛОВЫ ИЗ ТОМСКА

...Томская писательская организация почувствовала заинтересованное и требовательное внимание Первого Секретаря Обкома Коммунистической партии Советского Союза (Обком КПСС) Лигачева Егора Кузьмича. В то время ее ответственным секретарем Союза писателей области был Иван Елегечев. Писал он профессионально, однако лидерскими качествами — увы! — не обладал. А Егору Кузьмичу хотелось видеть на этом посту человека более энергичного, более известного.

Таким человеком стал бывший томич, член редколлегии журнала «Наш современник» Владимир Анисимович Колыхалов (1935–2009 гг.). Родился он в селе Алатаево Каргасокского района, рано родителей лишился, вместе с братом Вениамином воспитывался в Усть-Чижапском детском доме. После окончания Томского автодорожного техникума работал на строительстве дороги Томск — Шегарка, нештатно сотрудничал в газете «Молодой ленинец». Затем судьба забросила его на Дальний Восток. Там он стал журналистом, а позже ушел постигать таежную жизнь рабочим геологической партии.

Первая книга Владимира Колыхалова «В долине Золотых ключей» вышла в Амурском книжном издательстве в 1962 году. За ней последовали «Ближний север» (1963), «Идти одному запрещаю» (1965), «Ночь, полная шорохов» (1966). На Читинском совещании молодых писателей Сибири и Дальнего Востока он был принят в Союз писателей, а в 1968 году в издательстве «Молодая гвардия» вышел его роман «Дикие побеги», удостоенный литературной премии имени Николая Островского. В 1969 году этот роман был переиздан «Роман-газетой», после чего имя сибиряка-дальневосточника получило всесоюзную известность.

В предисловии к роману «Дикие побеги» большой советский писатель-сибиряк Сергей Залыгин написал: «Нынче Нарымский край, это среднее течение Оби, стал известен каждому. Геологи открыли там огромные богатства — нефть, газ, руду. Строители возводят по берегам таежных рек города. Прокладываются железные

дороги, нефтепроводы, линии электропередачи. Пилоты бороздят небо в разных направлениях. Но еще не так давно — лет десять–пятнадцать тому назад — мы знали об этом крае меньше, чем о Заполярье. Художественная литература как будто бы просмотрела этот огромный край. Редко-редко появлялись из Нарыма сообщения «собственных корреспондентов», еще реже какой-нибудь журнал давал оттуда «материал». Но вот и еще большая редкость: книга оттуда. Тот край уже далеко не тот, но не прошел интерес к недавнему прошлому, к быту людей края, каким он был совсем недавно.

Даже поучительно — как там жили люди до прихода геологов, строителей, пилотов и радистов. И этот недавно минувший быт, недавняя жизнь и как бы предчувствие крутого поворота в жизни переданы в книге молодого писателя Владимира Колыхалова «Дикие побег»... Книга страница за страницей развертывает перед нами трудную, сиротскую судьбу Максимки Сараева... И мы уже чувствуем, знаем, какой это будет человек... Мы верим в него, догадываемся, что в нынешнем Нарыме это — строитель. Строитель городов, железных дорог, а главное — строитель жизни». В 1971 году Владимир Колыхалов переехал в Томск и вскоре возглавил Томскую писательскую организацию. Затем на родину стали возвращаться другие литераторы.

Вслед за Владимиром Колыхаловым в Томск вернулся его младший брат Вениамин Колыхалов. Выпускник Томского горнопромышленного училища, свою трудовую жизнь он начал монтажником-верхолазом на строительстве второй очереди Томской ГРЭС-2. Служить ему выпало на Тихоокеанском флоте. Так вот и стал дальневосточником. Первую поэтическую книжку «Радуга» выпустил в 1963 году, будучи слесарем по ремонту прессового оборудования на заводе в Благовещенске-на-Амуре, а сборник очерков «Зейские ворота» (1967) — будучи редактором многотиражной газеты на Всесоюзной ударной комсомольской стройке — Зейской ГЭС. Автор книжек стихов для детей «Огурцы-хитрецы» (1969), «Северное сияние» (1974) и многочисленных публикаций в коллективных сборниках и журналах Москвы, Сибири и Дальнего Востока.

Как и его старший брат, Вениамин Колыхалов стал лауреатом литературной премии имени Николая Островского. Получил он

ее за книгу очерков «У подножья солнца», вышедшую в издательстве «Молодая гвардия» в 1975 году. В 1976-м — принят в Союз писателей как поэт и прозаик.

Что давало это звание? Прежде всего — возможность профессионально заниматься творческой работой. Заработной платы члены Союза писателей не получали. Ее заменял авторский гонорар. Величина его зависела от тиража и объема, а также художественного уровня опубликованного произведения, но он редко превышал заработок успешного инженера или преподавателя вуза с ученой степенью. Функции профсоюзной организации выполнял Литературный фонд СССР, а также Литературные фонды союзных республик, имевшие свои издательства, журналы, Дома творчества, а в столичных городах еще и свои поликлиники, Бюро по пропаганде художественной литературы и другие профильные учреждения. Но, пожалуй, самым насущным был для нас жилищный вопрос. По положению каждый член Союза писателей имел право получить квартиру с добавочной площадью — под рабочий кабинет, однако далеко не во всех регионах оно исполнялось даже наполовину. А в Томске — по инициативе Лигачева — это право было подтверждено специальным решением бюро обкома КПСС.

Помним, как завидовали нам писатели из других городов, узнав, что квартирами у нас обеспечены не только члены писательского Союза, но и авторы, еще только-только заявившие о себе. Так произошло с Василием Афониним, переехавшим в Томск из Новосибирска с двумя журнальными публикациями в «Нашем современнике», с Борисом Климычевым, Валентиной Кудрявцевой, Сергеем Алексеевым, Александром Казанцевым и другими литераторами. Следующий шаг Лигачева — создание Дома творческих организаций, да не где-то на отшибе, а в центре города. На втором этаже старинного особняка, памятника архитектуры, разместились отделения Союза писателей, Союза художников, Союза архитекторов, Театральное общество.

Писательская организация получила четыре просторных комнаты с высокими лепными потолками общей площадью в две с лишним сотни квадратных метров, затем машину «Волга» и речной катер. На этом катере бригада томских писателей (Н. Волокитин,

С. Заплавный, Вл. Колыхалов, А. Шелудяков и поэт из Благовещенска О. Маслов) в ознаменование 100-летия со дня рождения Вячеслава Шишкова (1973) побывала во многих селах и райцентрах Томского Приобья, где состоялись литературные встречи.

*А. Шелудяков, О. Маслов, Н. Волокитин,
С. Заплавный, Вл. Колыхалов*

ГРАНИ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ ВЕНИАМИНА КОЛЫХАЛОВА

Среди множества российских сел и деревень есть для моего сердца особенно дорогие и любимые: Нарым, Сосновка, Усть-Чижайка. Они на томской северной земле, где проложены и прокладываются среди Васюганского глухоманья стальные магистрали.

Названные села не просто точки на карте Родины — это отправные точки в моей судьбе. Суровая, но милая нарымская земля по-прежнему тревожит душу, потому что неусыпная память часто возвращает туда, на берега Оби и Васюгана, где родился, где прошли годы трудного детства. За месяц до начала Великой Отечественной умер отец от ран и контузий, полученных на гражданской войне. Не прожила и года после победного дня мать, подорвавшая и без того слабое здоровье от тяжелой жизни в нарымском тылу.

*Пионеры детдомовского движения Томской области
Н.И. Долдин, В.А. Колыхалов, В.М. Кашаев*

На семь лет моим коллективным родителем стали воспитатели Усть-Чижапского детского дома, а врачевательницей души и сердца — северная природа. Она пробудила чувство восторга к тайге, раздольным лугам, радостному, быстро сгораемому лету. Окружающие меня бойкие на язык нарымчане научили чутко прислушиваться к родниковой простонародной речи. До сих пор не перестаю удивляться богатству народного языка, предельной емкости и выразительности поговорок, частушек, пословиц.

По истечении времени особенно начинаю понимать, какими внимательными и заботливыми были к нам, безотцовщине, учителя и воспитатели. Кажется, они вернее и быстрее пролагали путь к мальчишеским сердцам, чем современные педагоги, вооруженные новейшими воззрениями по части воспитания и формирования вверенных им юных душ. К педагогам макаренковской школы отношу директора Усть-Чижапского детского дома Виктора Александровича Сухушина. Фронтвик-разведчик, он успешно вел и разведку детских сердец.

Ребята любили его, шли за добрым словом, как к отцу, на попечение которого досталась семейка в сто пятьдесят мальчишек и девчонок. На правом берегу темноводного Васюгана находилось наше подсобное хозяйство. Местечко называлось Успенка. Будто само слово поторапливало маленьких работников: успейте побольше заготовить сена для многочисленных коров, лошадей, овец, успейте вырастить урожай картофеля, капусты, свеклы, огурцов. И дети успевали. Трудовое воспитание в детдоме было поставлено высоко, честь и заслуга в этом педагога В.А. Сухушина. Строжил он нас за провинности не назидательным многословьем, не грозной силой голосовых связок. Посмотрит, бывало, пристально и пытливо сквозь блестящие линзы очков и произнесет спокойно, вразумительно, делая меж слов долгие паузы: «Как тебе не стыдно?! И как тебе не совестно?!» И все. Гипнотическая сила пронизывающего взгляда, тон спокойный отцовский заставляли воспитанников осознать свой проступок, не попадаться больше под обстрел всепонимающих директорских глаз.

В его домашней библиотеке были стихи Некрасова, Пушкина, Есенина, Никитина, Фета, других поэтов. Так как я был дружен с детьми Виктора Александровича и его жены, учительницы младших классов Елены Ефимовны, — Геной, Володей, Эльвирой, то пользовался правом брать книги из их личной библиотеки. Таким образом впервые приоткрылся перед мальчишкой необъятный мир русской поэзии. И словно воочию видел слезы на глазах многострадальных крестьянских женщин, разделяя горе и скорбь Арины — солдатской матери, слышал стоны волжских бурлаков, улавливал свист и вой разыгравшейся вьюги, когда вчитывался в колдовские слова: «Буря мглою небо кроет...»

Школа в Усть-Чижапке была деревянная, двухэтажная, крепко сработанная нарымскими плотниками-умельцами. Когда думаю об этой школе, где окончил семь классов, то благоговейно вспоминаю любимую учительницу Зою Алексеевну Избышеву, талантливого преподавателя русского языка и литературы. Всегда собранная, нарядная Зоя Алексеевна грациозной походкой входила в класс, теплым светлым взглядом одаривала учеников: самые гомонливые ребяташки не могли теперь раскрыть рта, пошептаться друг с другом. Думается, что учительница сначала покорила нас своей чистой русской красотой, потом приворожила мастерским чтением стихов — их она знала множество помимо школьной программы. Под ее руководством всегда интересно проводились вечера поэзии, ставились пьесы, устраивались походы. В пути, на привалах, Зоя Алексеевна раскрывала перед ребятами богатство и новизну щедрой нарымской природы.

Обаятельная личность педагога оказала на многие ребяташки души огромное влияние. Не потому ли так часто память, словно яркая зарница, высвечивает то далекое, по-своему счастливое время?! В школе потянуло к сочинительству. Пробовал писать стихи, сказки: их на сон грядущий рассказывал в многоместных детдомовских спальнях ребяташкам, и они засыпали под страшные выдумки новоиспеченного сказочника. Подробно останавливаюсь на учителях не случайно: они заслуживают благодарности, потому что щедро тратили на безотцовщину жар молодых сердец, знания и неиссякаемое богатство души.

После окончания семилетки директор детдома устроил меня в старейшее учебное заведение Сибири — училище Томское горнопромышленное. «Слесарем будешь, — сказал на прощание Виктор Александрович, — считай, что... доктором по станкам...» Позже «ставил диагнозы и лечил» токарные, шлифовальные, строгальные и другие станки. В училище испытал муки первой любви. Решив, что для покорения сердца девушки — она училась на токаря — надо избавиться от веснушек, усиленно сводил я их ядовитой ртутной мазью. После подобного химического вмешательства лицо походило на красно-медный чайник.

Овладевал специальностью слесаря-ремонтника. Одновременно посещал школу рабочей молодежи, занимался в аэроклубе парашютным спортом. Раздобыв где-то словарь русского языка, пристрастился к составлению кроссвордов. Настойчиво относил их в областную молодежную газету, но их так же настойчиво не печатали. Продолжал писать стихи. Первым слушателем и критиком был товарищ по училищу Володя Кашаев — тоже бывший детдомовец. С этим мировым парнем мы ходили по вечерам в школу, прыгали с парашютами с юрких самолетов «кукурузников», вместе работали до ухода на армейскую службу на строительстве третьей очереди Томской ГРЭС-2, он — электриком, я — монтажником-верхолазом. Несколько месяцев на потеху опытных монтажников ползал по балкам на четвереньках. Боязно было ходить на пятидесятиметровой высоте по узким балочным перекрытиям, ощущая под собой пропасть. Внизу шли бетонные и сварочные работы, ползли по эстакадам груженные самосвалы, торчала арматура будущих фундаментов. Занятия в аэроклубе помогли быстрее преодолеть высотобоязнь. Вскоре коренастый бригадир говорил тоном приказа: «Полезай на верхотуру, снимешь с гака и фермы строп».

Эту опасную операцию после установления очередной многометровой фермы доверяли только опытным монтажникам. Позже выяснилось — на высоту посылали по другой причине. *Узнав, что у меня нет родителей, монтажники с рабочей прямотой и бесцеремонностью выпалили однажды: «У нас семьи, дети... отцы, матери... ты башку свернешь — некому*

будет оплакивать...» — «Брат есть», — возражал им. — «Брат — не отец... шуруй давай на небо...» Карабкался, перебирал ногами и руками стальные укосины, стараясь поменьше смотреть вниз... приходила в голову грустно-смешная мысль: как замечательно, что наши далекие предки были цепколапными обезьянами...

В моих книгах главной является тема труда. Побывал на многих ударных стройках — Братской, Красноярской, Зейской, Саяно-Шушенской, Бурейской гидростанциях, на стройках по освоению Томского Приобья. Отношусь к рабочему человеку с симпатией. После службы в армии внештатно сотрудничал в дальневосточных газетах, на радио. Потом восемь лет работал штатным корреспондентом различных газет.

Окончил отделение поэзии Литературного института им. Горького. Занимался в творческом семинаре известного советского поэта Александра Алексеевича Жарова. Это была интересная поэтическая студия, руководимая человеком, в котором писательской и душевной энергии, задора, молодости хватило бы на десятерых. Таков А.А. Жаров был в жизни, таковы его полные свежести, романтики и оптимизма поэтические творения.

Журналистика — главная, крепкая ступенька на пути к литературе. Сотрудничал в газетах Сибири и Дальнего Востока, был первым редактором многотиражки на строительстве Зейской ГЭС. Создал серию художественных очерков: два из них были напечатаны в 1973 году в журнале «Молодая гвардия» — их отметили премией. Получил одобрение и поддержку одного из своих любимых писателей — Анатолия Степановича Иванова, редактора журнала «Молодая гвардия». Он дал мне рекомендацию в Союз писателей.

Два года спустя после журнальных публикаций в столичном молодежном издательстве вышла книга «У подножия солнца». За этот труд еще по рукописи был удостоен звания лауреата литературной премии имени Николая Островского. Из восемнадцати выпущенных книг семь вышло в столице. Печатался во многих центральных газетах и журналах, которые принято называть «солидными».

Был участником Всесоюзного совещания молодых поэтов России, участником 6 Всесоюзного совещания молодых писателей, делегатом 4 съезда писателей РСФСР. Занося в свои блокноты, записные книжки сотни и тысячи фамилий, цифр, фактов, никогда не ленился записывать все интересное — разные житейские случаи, прибаутки, откровенные рассказы из многоликой жизни современников. Постоянно держу в памяти слова из дневника Жюлья Ренара: «...Записывай, записывай и побольше — будет жвачка на зиму». Приходилось в полном смысле загребать идущий в руки словесный материал, чтобы потом откалибровать, проверить, разделить по фракциям: это пойдет для газеты, это надо оставить, авось, захочется «пожевать» летом или зимой, переселить в стихи, рассказы, повести.

Не терял надежды сбросить когда-нибудь нелегкую газетную ношу, отвоевать время для более глубокого творческого осмысления действительности. Если многогранную жизнь принять за гору, под которой таятся полезные ископаемые, то газетчики выполняют трудные вскрышные работы. Каждый может копать глубже, чтобы дойти до залежей каких-то руд. Считаю, что пока не дошел до своей главной рудной жилы, но не сомневаюсь, чтоведу раскопки в нужном направлении.

Моя «методика поисков» человеческих судеб, характеров такова: подолгу живу, иногда работаю с людьми, о которых собираюсь написать. Большое видится не только на расстоянии, но и во времени. Работал грузчиком, сучкорубом в амурской тайге, ходил с поисковыми отрядами геологов, заготавливал орехи, ягоду для коопзверопромхозов. Бок о бок жил с гидростроителями, лэповцами, мелиораторами, речниками, нефтяниками. На поездах, пароходах, оленьих упряжках, самолетах, вездеходах, вертолетах, лошадях, аэросанях намотал астрономическое число километров, но по-прежнему испытываю «вечный зов» новых дорог.

Современная литература мне видится как покрытое лесом предгорье, над которым высятся Толстой, Горький, Пушкин, Чехов, Достоевский, Бунин, Некрасов и другие заоблачные вершины. Но и предгорье не бывает, как говорится, под одну

гребенку. Среди современных литераторов идет невиданный не так по силе, как по объему процесс плавки. В писательские тигли бросаются вроде бы и те же русские слова, но иногда получаются произведения, стоящие по шкале прочности высоко, другие же книги время отбрасывает в шлак. Так было и так будет во все времена.

Коллективные летописцы века создают биографию своего поколения. Возможно, огромные скорости передвижения, чрезмерная перегруженность информацией мешают отдельным современным литераторам попристальнее вглядываться в жизнь, в природу, как это умел делать любитель неторопкой ходьбы М.М. Пришвин. В его «магическое поле» зрения попадали и капелька росы на ромашке, и лучик солнца, падающий на муравья. Сквозь призму своего всепоглощающего сердца он пропускал любые явления природы и воспринимал человеческие взаимоотношения.

Время — строгий, непримиримый судья. Оно выносит тягостный, молчаливый приговор, не подлежащий ни оспариванию, ни обжалованию. И в литературе время сумеет отнести в разряд забвения все то, что посчитает нужным.

По мере сил и возможностей стремлюсь постигать сложные жизненные явления, постоянно помня о том, что вечной школой для любого писателя является народ. Веду также постижение самого себя: собственное сердце — самый близкий, хотя и нелегкий объект для изучения...

Когда-нибудь человек откроет планету, не знавшую войн. На нашей Земле должна продолжаться неостановимая борьба за красоту человеческой души, за раскрытие тайн, возможностей общей нашей праматери — Природы.

На службе, на вооружении всего человечества призвано стоять только Слово — единственное орудие, которое никогда не должно умолкать...

*Вен. Колыхалов,
выпускник Усть-Чижапского
детского дома, писатель Сибири*

ДАЛЕКИЕ ГОДЫ

Никон Васильевич СОЧИХИН

Родился в 1939 году в деревне Коларово (Спасское) Томской области в семье врача. Еще ребенком лишился отца. Воспитывался в детском доме в деревне Усть-Чижапка, ныне несуществующем, который в 1940–1950 годах находился на реке Васюган. Служил в армии в Приморье и на Камчатке. Окончил Тюменский индустриальный институт. Горный инженер по бурению нефтяных и газовых скважин. Работал бурильщиком эксплуатационного и разведочного бурения, а также капитального ремонта скважин на месторождениях Среднего Приобья.

Автор нескольких поэтических книжек, изданных в Москве и Томске. В 1996 году принят в Союз писателей России.

Далекие годы

*Далекие годы... На тесных вокзалах
Родню узнавали мы чуть ли ни в каждом —
Нам хлеба немножко и кожицу сала,
Не жулики мы обворовывать граждан.*

*Глядишь, пожалеет солдат на протезе,
Старуха, согбенная богом нелепо.
И счастлив, и плачешь, и хлеб, как железо, —
Нет горше на свете сиротского хлеба.*

*Не знали мы радость дареных игрушек.
Видать, отродясь не носили обновок.
По грязным подвалам, как будто зверушек,
Отлавливал нас старшина — участковый.*

*Мы в цепких руках его бились: Не троньте!
И в слезы. Навзрыд. Не успели. Попались.
Как жаль, что отцы наши сгибли на фронте,
А мамы в дороге от нас потерялись.*

*Потом нас помыли. Сменили одежду.
И сытыми спать положили. И этим
Отняли. Отняли. Отняли надежду —
Когда-нибудь где-нибудь маму бы встретить.*

*А нам бы те годы поврозь не осилить.
Поврозь и желтуха бы нас доконала.
Мы стайкой пугливой к подолу России
Припали... И нас она не выдавала.*

Тете Лизе, няне

*Тетя Лиза, дорогая няня,
Как ты? Где? Подай скорей ответ.
Пролегло меж нами расстояние
В десять быстро пробежавших лет.*

*Я помню, помню нашу Усть-Чижапку.
Было холодно. Была зима.
Куда ни глянешь — снеговые шапки
На всех заборах и всех домах.*

*Вижу все, глаза прикрыв немножко:
Спальня, холодно, ребята спят давно.
А за окном, как стая белых кошек,
Скребется вьюга в стены и окно.*

*По крыше бегают. В печи голодно воют.
В комочек сжался, ведь такая жуть,
Не то уж чтобы шевельнуть ногою,
А страшно даже и вздохнуть.*

*Как половодье, стая нарастала.
Казалось, стенам их не удержать...
Я выскочил, как мышь, с-под одеяла
И к тебе в каптерку прибежал.*

*Постелила ты мне на скамейке,
Подставив стулья, чтоб я не упал.
Чем-то близким пахла телогрейка
И песню тоже где-то я слышал.*

*Тогда мне снилось, что я снова дома.
Меня целуют мама и отец —
То я, сыновней нежностью ведомый,
К твоей руке прижался как птенец.*

*Было утро, когда я проснулся.
Солнца луч смотрел в мои глаза.
Я вновь к своим товарищам вернулся,
Тебе спасибо даже не сказав.*

*Года, как птицы в осень, улетели.
Их возвращения встречать уже не нам.
И умом окреп я, да и телом,
А на тебя какой лег вещей знак?*

*Наверно, мне цветов к твоим ногам не сыпать,
Но, как бы ни было, хочу тебе сказать:
Спасибо, няня. Доброе спасибо!
И прости. Ведь ты могла прощать.*

Российский уголок

*Сибирская деревня, Российский уголок,
Где вот они — деревья, Лишь выйди за порог.
Там реки в перекатах. Озер — не перечтешь.
А шишек там, ребята, А ягод там, ребята,
А рыбы там, ребята, Соври — и не соврешь!
Суровых лет сироток В семью ты приняла:
— Пускай живут, чего там, И на руки взяла.
А у самой немало Забот и о своих...
Спасибо тебе, мама, От всех друзей моих.
Ведь нам твои крестьяне Хлеб отдавали свой.
Не зря же нас так тянет В Чижапку — дом родной.
И вам поклон наш низкий, Родные земляки.
Пускай мы далеки, Но вы у сердца — близко.*

Васюганский ручей

*По колено засучены гачи,
Хлеб в карманах да банка червей.
Идут пацаны рыбачить
На Васюганский ручей.*

*Идут. За их голые плечи
Солнце, как мама, берет.
Прислушалось, что щебечет
Круглоголовый народ.*

*Маленький, самый маленький,
Ему и шести еще нет:
— Ребя, сегодня мамочка
В ночь приходила ко мне.*

*Не верите! Честное слово!
Ни капельки я не вру.
В платье таком, какого
Нигде не найти вокруг.
А какую она игрушку
Потом подарила мне.
Я положил ее под подушку,
А утром смотрю — ее нет.*

*Ребята не засмеялись,
Чудак, мол, ведь это же сон.
Они к нему крепче прижались,
Какой-то особенный он.*

*Худенький. Голова, как мячик,
И весь, что птенец-воробей.
Мальчик, детдомовский мальчик,
Их брат по мечтам и судьбе...*

*В прохладе проселочной пыли
Уснула ребячья пора.
Но сердце ничто не забыло.
Все помнит. Как будто вчера:*

*По колено засучены гачи.
Хлеб в карманах да банка червей.
Идут пацаны рыбачить
На Васюганский ручей...*

ПИСАТЬ НАДО ДЛЯ ПАМЯТИ

Для тех, с кем был в тех временах. Много в голове и мыслей, и чувств, и эмоций. Пишу про то, как мы, дети, жили-были во время военное, и что сохранила моя память о тех временах.

Стандартная схема для того времени. Отец пропал без вести на фронте, была такая формулировка во времена войны: мать умерла от голода, добывая для нас пропитание. В Новосибирске было. Наш адрес того времени: город Новосибирск, Кировский район, улица Песочная, дом номер один. Нас трое детей.

Владимир Гаврилович МОРОЗОВ,
выпускник 1953-го года Бакчарского детского дома

Старшему брату Ивану семь лет, мне пять и младшей сестре Тамаре два года. Брат и сестра ныне покойные.

В конце октября или начале ноября 1943-го привезли в детскую комнату милиции. Нас со старшим братом отправили в Томский детский приемник; такое заведение в те времена в милиции было. Описывать обычаи и нравы заведения не буду. Из детского заведения меня отправили в Бакчарский детдом, а брата в Белоярский детский дом Томской области. Сестру отдали в частные руки в Усть-Тарский район Новосибирской области. Не понятно, почему нас отправляли по разным местам. Если братья и сестры

растут рядом, они вырастают с чувством родных людей в сердце и чувством достоинства, что они — люди. Да ладно, получилось, как получилось. Все во вселенной закономерно. Все делается в свое время и на своем месте.

Отца забрали на войну 19 января 1942-го года. Куда, в какое военное формирование? Ответа нет до настоящего времени. Смотрел амбарные книги, в которых их записывали, когда призывали — сплошные пропуски по всем графам, кроме фамилии, имени и отчеству и года рождения. Там записано: Морозов Гаврил Дмитриевич 1912 год. Ничего больше.

Торопились очень записывающие. И в списках погибших не значится отец. Другим повезло больше. Похоронки были, и они вроде как светлые, а у кого нет похоронки — как и не участники войны. Нет никакой информации: ни куда после мобилизации его направили, ни места, где воевал, в какой должности, в каком звании. Был человек, и не стало его, даже в памяти. Война. Не повезло нашему отцу с матерью, а с ними ни его детям, ни его внукам, ни его правнукам.

Мать, Морозова Анна Сергеевна, 1913-го года рождения, одна мыкалась два года с тремя малыми детьми, и похоронили ее в деревне Казанка Новосибирской области без гроба, без креста; просто замотали в старые тряпки люди добрые, которые оказались рядом. Спасибо им. Многие так жили в те сатанинские времена. Так и хочется сказать «Сталинские», и сказать спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство.

В детский приемник города Томска доставили в конце 1943-го года. По дороге из Новосибирска в Томск, в поезде, украли бушлат, который дали при отправке. По приезду в Томск снова был гол, как и при появлении в заведении в Новосибирске. На вокзале Томска зима, ночь, темнота, холод, сильный ветер, на мне невысшимый старый пиджак вместо теплого бушлата; крики и подзатыльники сопровождающей. В месте назначения все успокоилось. Запомнил, что какие-то подарки на Новый год давали, и у меня, как и у остальных малышей, их украли. В июле 1944-го года нас (большая группа детей) на фронтных грузовиках ЗИС-5, необорудованных, попутных везли из Томска

в районный центр — Бакчар. Грузовики фронтвые, с орденами на стеклах. Мода такая была. Машин много, детей тоже много. Пыль, жара. В кузове запасное колесо по кузову пассажиров гоняет; пассажир от колеса, колесо за пассажиром. Многие не выдерживали. Пришлось делать остановку, привезли из Бакчара хлеб и масло. Но кушать было нечего и некому. Масло растаяло от жары, хлеб весь в крошках от тряски, дети в полубморочном состоянии от жары, тряски и пыли; после остановки жуть от комаров. Что в детдоме понравилось. Сажали деревья, малину, смородину, даже яблони. Попробовать яблоки не пришлось. Не пришлось пробовать смородину-малину; к какому-нибудь ремеслу приучали. Могу сделать стол, табуретку, могу подшить валенки, поставить заплатку на ботинки. Сажали картошку, овощи, ухаживали за ними, убирали урожай. Заготавливали дрова, косили сено, осушали территорию детдома дренажными канавами. Работали в помощниках на кухне. Ухаживали за скотом рабочим. Конями и быками. Могли их запрягать и управлять ими. Радость большая, когда на скотном дворе родился жеребенок. Тогда прятали пайку и несли жеребеночку. Много времени проводили в лесу, на реке, на свежем воздухе. Чтоб не ходить на обязательные работы, мечтали получить какую-нибудь болячку. Не получалось. Да и медицины не было.

Всегда босяком по любой стерне; и форма летняя — трусы и майка. Независимо от капризов погоды. Жили и развивались сами по себе. В 1947 году, летом, многих воспитанников забрали демобилизованные родители. Но повезло не всем. Общее количество воспитанников уменьшилось наполовину. Питание улучшили. В 1949 году построили клуб. Кто руководил самодеятельностью в клубе — не знаю. Интересно было. Самым любимым номером был шумовой оркестр. Самовыражение и фантазия без границ. Спектакли тех времен этого клуба: «Тимур и его команда», «Золушка», «Потерянное время», «Двенадцать месяцев». Потом все оборвалось. Игры были групповые: лапта, городки, попа-гоняло, чижик и другие летом, зимой — кавалерия, чехарда-езда в помещении, езда с горы на катушках. Построили футбольное и волейбольное поле. Играли в футбол и волейбол. С мячами

было трудно. Дрались по правилам: драться только кулаками; двое дерутся — третий не подлазь; драка до первой крови; лежа-чего не бьют. Можно написать большую книгу под названием: «Жизнь в Бакcharском детдоме в военное время».

Электрического света и радио не было. Исключение — маленький дизель-генератор для МТС района. Электричество и радио появилось после строительства маленькой ГЭС на речке Галка, после того, как добавили в ведомство капитана Кыскаль, (начальник НКВД Бакcharского района) очередной партии ссыльных. Их было две больших на памяти. Одна — из стран Прибалтики. Среди них и был человек, который организовал строительство, и построили под его руководством гидрогенератор, пилораму и мельницу на один жернов.

Вторая партия ссыльных (их бабушки называли ассирийцами) любила играть в футбол и занималась сельским хозяйством.

По делам быта и профессионального ориентира не велось никакой работы. Не знаю кухни, но отправляли работать в колхоз; основную массу воспитанников, после окончания четвертого класса общеобразовательной школы, увозили в Асинское ремесленное училище № 7, профилированное для воспитанников детских домов Томской области, где с общеобразовательным обучением в объеме семи классов научали профессии «столяр-краснодеревщик». Высшее образование (военный хирург) получил Жук Иван Федорович. Второму парню не повезло. Отличник, умер от перенапряжения в период окончания института. Еще инвалид Кутузов Валентин учился на геодезиста, и инвалид Клава Иванкова окончила сельхозтехникум в Мичуринске. Жандыцай Людмила окончила педагогический техникум, потом институт по специальности — экономист, преподавала где, не знаю. Давно покойная.

Да, наш выпуск 1953-го года. После окончания приема документов поехали в Новосибирский речной техникум четырнадцать человек. Поступили четверо: Воронов Владимир Иванович, Уткин Виктор Иванович, Шатохин Александр Иванович и Морозов Владимир Гаврилович. Окончили заведение двое: Морозов и Шатохин. Саша после окончания учебного заведения

стал инвалидом по зрению от голода. Проработал по профессии только Морозов, окончил два института, работал на судах, начиная с должности матроса. Общий стаж работы на судах речного и морского флота — пятьдесят лет. Из них в должности капитана — тридцать. Как в песне: сколько видано-перевидано, в тихой гавани после плавания будет вспомнить о чем капитану дальнего плавания.

В настоящее время поддерживаю отношения с теми, кого помню, и которые помнят меня.

*Морозов Владимир Гаврилович,
г. Партизанск, Приморский край, ул. Садовая, 42*

Пробудить память

*И мы прошли толпою серой —
Былой войны седая прядь
Но детский дом упрямо помним.
А что нам больше вспоминать?..*

Эпиграфом взята последняя строфа из стихотворения «Память сердца» Кокориной Надежды Васильевны. С нею, как и с другими детдомовцами, фамилии и имена которых будут упоминаться в этих нерадостных воспоминаниях, принимали азы жизни в военные и послевоенные годы в Бакчарском детском доме Томской области. Начнем со стихотворения. Вот оно.

Память сердца

*Такие разные, чужие...
Но объясните, почему?
При встрече все мы, как родные,
Забыты горести былые,
И вспоминаем, как шальные,
Свою нелегкую весну.*

*Встречали новеньких и слабых
Недружелюбно в те года
И сколько б лет не пролетело,
Не запеклось, но прикипело,
Осталось с нами навсегда.*

*Своя особая планета, свой микромир —
Наш детский дом.
И только тот оценит это,
Кто прожил годы в доме том.*

*Кормили нас и одевали,
Но никому не защитить
От одиночества, печали,
Что сердце детское щемит.*

*И это держится в секрете,
Закрото в самой глубине.
А если где-то вдруг прорвется,
То «втихаря», наедине.*

*А власть не вспомнила ни разу
Про нас, детей военных лет.
Забыли все, как по приказу,
Как будто нас в помине нет.*

*Мы помним все про ветеранов,
Про внуков их и про детей.
Машины, льготы им по праву,
Вопрос квартир, очередей...*

*Но те, кто головы сложили,
Стране дешевле обошлись.
А их детей напрочь забыли.
Как ни сложилась бы их жизнь.*

*И мы прошли толпою серой —
Былой войны седая прядь.
Но детский дом упрямо помним.
А что нам больше вспоминать?..*

Пишу, что помню, не все, конечно, написал, что помню; пишу, что считаю нужным. Ничего не прибавляю, не убавляю. Как на исповеди. У каждого времени своя картина детства. Автобиографии детей военных лет были примерно одинаковыми: Отец погиб на фронте, мать умерла или бросила. В те времена в детдом брали только при смерти обоих родителей. Поэтому матери часто шли на самоубийство, чтобы сохранить жизнь своего ребенка.

Отца, Морозова Гаврила Дмитриевича, 1912-го года рождения, мобилизовали 19 января 1942-го года Кировским, ныне Ленинским райвоенкоматом города Новосибирска. Я сам держал, сам листал эту книгу записей. «Книга Скорби и Печали» есть нарезанные листы из оберточной бумаги, разлинованные вручную карандашом. Записи сделаны рыжими расплывшимися чернилами. Графы: номер по порядку, фамилия, имя, отчество, место жительства, место работы и должность, состав семьи. Графа гибели, У кого все графы заполнены, у кого не все. Внизу каждого листа подпись, должность и воинское звание записывающего. У моего отца записана графа Фамилия имя отчество. Далее все пропуска. Очень торопились. Так и остались графы незаполненными по настоящее время. Был человек — и не стало человека. Куда формировали команду, на какой фронт, какой должности, какого звания, нет данных по время нынешнее. Обращался во все доступные архивы. Ответ стандартный: в списках боевых потерь не значится, в списках умерших от ран в госпиталях не значится.

Ради памяти родителей восполню, что память держит и что установить удалось. Жили в городе Новосибирске, на левом берегу Оби, у железнодорожного моста, по улице Песочной, под номер один или два. Это недалеко от остановки электрички «Левая Обь». Смотрели на проходящие составы. Состав направо — это

на запад. Запомнились составы, груженные самолетами. Жили в домишке, кругом песок голый, огородишко на песке убогий. На пространстве, от моста до затона, предприятие по обработке плотов. Звали предприятие в народе «Лесоперевалка». Механизированная бревнотаска дизелем «Болиндер», дизель приводил в действие бревнотаску.

Жилых домов было несколько. Был пустырь на песке. Отец работал на газоходке... В семье было трое детей. Алкоголь в семье не употребляли, скандалов и драк в семье не было. Отец был мастеровым человеком и уважаемым. Соседям ремонтировал «ходики», лудил-паял кастрюли соседкам. Всегда предупреждал заказниц, чтобы без воды кастрюлю на горячую плиту не ставили. Вдвоем с матерью сделали печку. Печка была хорошая. При растопке печка гудела, отец напевал песню: «Эх! загудели, зашумели провода...»

Мать, Морозова Анна Сергеевна, 1913-го года рождения. Установить что-либо о ней удалось еще меньше. Неграмотная, верующая. Запомнилась ее молитва после приема пищи: «Спасибо, Бог напитал, никто не видал, а кто видел, тот не обидел». Умерла в деревне Казанка Коченевского района Новосибирской области. В октябре 1942-го года мать пошла за картошкой к родным. Умерла у них в одну ночь. Похоронили без отпевания, без гроба и креста, в чем пришла. Просто закопали и все. Приснилась она мне перед сложной операцией. На берегу реки сидит спиной ко мне. Света нет, но видимость четкая. Разговора не было, простое предупреждение: «Дальше идти нельзя, не вернешься». Помню, по моим предположениям, последнюю ночь отца в семье. Запах и звуки квашни. Освещение от топящейся печки. Сидят вдвоем. Тихо разговаривают о чем-то. Ни слез, ни причитаний. Провал памяти. За все время пребывания в семье не помню ни одной ласки, ни одного объятия родителей, ни одной детской песенки, ни одного родительского поцелуя ни к одному из троих детей, ни одного доброго, поощрительного слова. Воспоминания далее.

Яркий солнечный день. Морозное утро, завернутых в тряпье нас, троих детей, везут на извозчике. Поселили в казенное помещение: диван, покрытый черной клеенкой, телефон, темный

коридор, тепло в комнате, электрический свет, за окном тарахтит движок. Это детская комната в милиции. Приходит женщина, кутает сестру в черное покрывало и уносит, сестре два года. Встретились с сестрой в 1967 году.

Был ноябрь 1942-го года. Везут в поезде. Тепло. Светло. На мне новый бушлат по размеру. Кормят крошками подростки, укладывают спать, бушлат кладут под голову вместо подушки. Заснул. Будит сопровождающая. Ночь. Прибыли. Бушлата нет. Вместо бушлата старый рваный пиджак ниже пяток. Брань сопровождающей. Выталкивает меня сопровождающая на перрон подзатыльниками. На улице свирепая метель и темнота. Мне очень холодно и обидно. Провал памяти. Декабрь 1942-го года. От Томской области образовали дополнительно Новосибирскую область. Это из документов.

Томский детский приемник. Канун нового 1943-го года. Напротив входа запах от туалета без канализации на три дырки, направо маленькая, без окон комнатка, видимо, изолятор, кровать солдатская на постаменте. В комнате тепло и светло от электрического освещения. Вечером, за ужином, давали маленькие подарки в бумажных пакетиках. Запомнились кедровые орехи. Орехи в пакете положил под подушку, но утром орешек на месте не было. Их украли. Горько плакал. Налево от входной двери — большая игровая комната. Слева, вдоль стены, маленькие скамейки, справа от двери — круглая голландская печка. Несколько игрушек: деревянные танк и пушка. Ими дети не играли. Дети играли под руководством Капитона Ивановича, одетого в военную форму, доброго человека. Играли в игры: (испорченный телефон), (гуси-лебеди и серый волк), (кабачок-кабачок). Капитон Иванович был добрым, поэтому и играли.

Иногда в играх дети смеялись. А обычное состояние детей — беззвучные тени, бледные губы с синевой, бледные изможденные лица с желтоватым отливом. Напротив детских скамеек — дверь в столовую. Столовая: стол и у стены скамейка. Запомнился внос хлеба на подносе. Голодные глаза детей. Полторы булки разрезаны на тонкие ломтики. Вроде много, но дают один кусочек.

Большая Беда тех лет — чувство постоянного голода. С этим чувством просыпались, жили день и засыпали. Рядом со столовой — комната. Назначения ее не знаю. В этой комнате я не был. Был патефон в приемнике. Играли единственную пластинку. Утесова «Прекрасная маркиза». Но не понимал, почему все хорошо, когда и кобыла околела, и дом сгорел. По диагонали от печки — вход в комнату для больных детей. В этой комнате лежала девочка девяти–десяти лет. Эта девочка рассказывала нам, малышне, страшные сказки на уровне современных ужастиков. В тамбуре при входе было морозно. Здесь встретились с братом. Показал на замерзший туалет и сказал, что это — карцер, и туда посадят любого, кто плохо себя ведет. Что такое хорошо и что плохо он не объяснил. Сказал, что он живет в большом каменном корпусе вместе с другими ребятами, и ребят там много. Этот корпус был виден из нашей столовой.

Встретились с братом в 1960 году. Рядом с входной дверью было окно, в которое любил смотреть. Видел высокий забор, железнодорожный тупик и старое кладбище. Когда потеплело, стали выпускать гулять. В заборе была дырка, и через нее мы ходили на помойку и собирали картофельные очистки. Однажды за этим занятием нас застала женщина с ведром. Мы пробовали бежать, но она попросила нас подождать. Мы поверили ее голосу и задержались. Она принесла нам три маленькие вареные картошки в мундире. Теперь знаю цену этих картошек...

Про путешествие до детдома из приемника писал ранее. Писал ранее и о начале рабочей жизни.

*С уважением Морозов Владимир Гаврилович,
казенный человек с 1942-го года*

ВЕЛИКА БЕДА — НАЧАЛО

...Трудный, как в сказке у Аксакова «Аленький цветочек», сделали заказ девочки, с которыми пребывал в Бакчарском детском доме Томской области в военные годы: расскажи что-нибудь о море, какое было событие. И о чем сказать, не знаю. За много лет чего не вспомнишь. До настоящего момента все истории вспоминаются.

Трудная доля людей на флоте. Трудная, но интересная. Правы финны в поговорке: «Моряки — особые люди». Сами моряки говорят о своей профессии без романтики и восторга: настоящая работа настоящих мужчин; добровольное пожизненное заключение строгого режима, разновидность наркотика. На этой работе нет места людям без характера, без воли, без ответственности за свои поступки перед собой и окружающими. В себя надо верить всегда, а в тех, кто рядом — больше. Работа на флоте — непрерывная игра и борьба с собой и миром окружающим. Здесь жизнь ставит задачи без компромиссов, на выживание. Когда в аварийной ситуации пребывает судно, на быструю помощь извне рассчитывать не приходится; расчет на состояние судна, мастерство и сработанность экипажа и его величество случай, что часто судьбой называют. Радость благодатного исхода осознаешь потом, иногда через десятки лет.

Все имеет начало. Про него и рассказать можно.

Теперь я понимаю, что стечение обстоятельств было в мою пользу. Про что рассказываю, было в начале июля 1956-го года. Судно, серийный колесный буксирный пароход «Генерал Панфилов», производства Тюменского судостроительного завода, на котором я проходил производственную практику, стоял на ремонте в затоне Новосибирского судоремонтного завода. Ремонта как такового не было. Была плановая профилактическая котлоочистка. Штука не совсем удобная, но крайне необходимая. При котлоочистке топки котла тушатся, давление пара уравнивают с атмосферным, удаляют воду из котла за борт, и судно делается мертвым: ни отопления, ни освещения, ни прочих условий для нормальной жизни людей. Работы на судне заключаются в очистке водогрейных труб котла от накипи, которая образуется в период эксплуатации, машинкой Дорохова. Она подобна многим знакомой бормашине, которой разрабатывают больные зубы. Только с машинкой Дорохова управляют двое, полусогнувшись или вытянувшись, при тусклой переноске в коллекторе не остывшего окончательно котла. При этом в замкнутом металлическом пространстве, забитом взвешенными частицами накипи, ужасный грохот не только в котле, но и по

всему судну. Замечу, что работа судового кочегара на твердом топливе была одной из самых каторжных, мною встреченных и наблюдаемых. Участником этой работы непродолжительное время и мне быть довелось.

Срок практики кончился, и на завтра я собирался уходить в распоряжение кадров техникума. Но госпожа судьба распорядилась иначе. Вечером капитан приказал явиться в отдел кадров пароходства на улице Щетинина, номера строения не помню, примерно № 36. Утром был на месте, в двухэтажном деревянном здании; опаздывать в детдоме не учили. Кроме меня, оформляли командировки Ульянов Владимир Ильич, учащийся четвертого курса, и Огнев Василий Иванович, профорг нашего курса. Написали на нас приказы, оформили командировочные удостоверения с направлением в распоряжение Экспедиции Специальных морских проводок, которой командовал тогда Наянов. Выдали деньги, не бог какие, и мы стали людьми другого сорта. Жизнь вертеться заставила быстрее: собирайся в дорогу, труба зовет, узнавай маршрут, покупай проездные билеты. Маршрут оказался несложным, всего одна пересадка в Москве до Архангельска. Сложности возникли при покупке билетов на поезд. Основной транспорт — железнодорожный; у билетных касс мешанина из мешков, баулов, сумок, людей; очереди, давка, склоки, доходящие до кратковременных потасовок. Кассы для командировочных, кассы для курортников едущих на курорты. Одни кассы работают не по расписанию, другие по расписанию, но не по назначению. Классическая неразбериха, безответственность одних перед другими. Выдержали, получили картонные билетки с проколотой датой отъезда и номером поезда, заветные плацкарты с указанием места в вагоне и номера вагона в поезде.

До начала путешествия оставалось немногим более суток. Здесь и стали появляться проколы образования. Надо в дорогу порошок зубной, щетку зубную, полотенце — это у меня с парохода. А куда сложить? Сейчас это можно сложить в пакет — и без проблем. Но тогда захотелось купить непременно балетку, и дорожную, не за сорок рублей, из кирзы, а за сто двадцать, из кожи.

Продавщица обманула, вручила из кирзы, денег уменьшилось заметно, что потом аукнулось в Архангельске. На следующий день началось путешествие, самостоятельное и ответственное, строго по расписанию.

Я — не железнодорожник, не знаю, почему на современные электровозы и тепловозы, в знак особых заслуг, традиций, не перенесли свистки паровозные. Что-то есть завораживающее в них, волшебное. Обычная замкнутая вагонная жизнь. Только запомнились побеленные лозунги, выложенные вдоль полотна железнодорожного из осколков кирпича, падение скорости движения на подъемах, духота вагонная и задымленность от трубы паровозной, когда направление выброса дыма совпадало с направлением в открытые окна. Путешествие до Москвы было недолгим и запомнилось проездом мимо Казанского кремля. Красота, мощь, загадки старины. После Казани совсем короткая дорога до Москвы. И скоро началось медленное движение по стрелкам, со стуками, качаниями, резкими торможениями.

«Москва — город большой...», как говорил Чехов. Привезли машинисты пассажиров своих на Казанский вокзал, вышли пассажиры на площадь трех вокзалов.

Нашли мы для себя вокзал нужный, оформили дальнейшее право на передвижение от Москвы до Архангельска. Времени до отъезда из Москвы в Архангельск хватило, чтобы добраться до Красной площади, посмотреть на мавзолей Ленина-Сталина, придти в ужас от очереди из любопытствующих и «верующих» у мавзолея, посмотреть в ГУМе на первые телевизоры — большие тумбочки с маленьким экраном за пять тысяч пятьсот сталинских рублей, и постоять у телевизора в ожидании чуда появления изображения в этой тумбочке. Чуда не случилось. И прокатиться на трамвае от площади вокзалов в сторону высотного здания университета до конца маршрута и обратно всего за шесть копеек: три копейки от вокзала и три копейки к вокзалу. Вечер наступил, время убито, и нас пропустили по билету в вагон. И после определения места и получения постели за рубль заснул сном праведника.

Проснулся от странных для меня говоров: интонаций, меняющих смыслы слов до неузнаваемых. Потом догадался, что это вятский говор. Вятский или какой другой. От Москвы до Архангельска путь короче, чем от Новосибирска в два раза, потому и приехали в два раза быстрее. Привезли нас в приполярные широты. Вышли из вагона и почувствовали разницу в географическом положении города: солнце светит, а холодно; ночь по времени, а светло.

Моста через реку Северная Двина в Архангельске еще не было. Оно и веселее. Переехали на правый берег на «макарке». Так любовно называли местные жители шустрые паромные пароходики со времен дореволюционных купеческих. Предположительно был такой купец по фамилии Макаркин, паромную переправу содержавший. Поселились мы в Доме колхозника. Это самая дешевая ночлежка. Заплатили за неделю вперед. Деньги расходовали экономно, очень экономно. Архангельск — город старый, служивший России со времен древних, и знакомиться с ним интересно даже нищим, если интерес сидит в душе. Грунт, как часто случается в притундровой зоне, плывет, и надеяться на ровные дороги не надо. По краям дорог, местами, деревянные тротуары, по которым ходить очень даже опасно, особенно в темное время, но в этом необходимости не было по причине белых ночей.

Запомнился Дом с таблицей. Низкий, деревянный, и на нем доска мемориальная, в ней информация, что в этом доме, бывшей редакции газеты такой-то, жил и работал редактором советский писатель Аркадий Гайдар. Хороший был писатель. Почему был? Хорошим писателем он и остался, и останется. Легко поверить и проверить, если прочитать хоть одну книжку, им написанную. Напротив дома — английский танк времен первой мировой войны, застрявший в России в период войны гражданской и, как сообщалось на белой фанерке, помещенной рядом, подаренный трудящимся города Климентом Ворошиловым.

Плотов много поступало на лесную биржу. На лесной бирже лес распиливался, сортировался, грузился на пароходы. Красивые были эти пиломатериалы. Досточки ровные, без сучков, грамотно высушенные — одно загляденье.

Пароходы приходили за пиломатериалами со всей близлежащей Европы и не только близлежащей. Запомнил флаги Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Англии, Греции. Пароходы многих стран были переведены на мазут. Отличались чистотой своей и изяществом.

Фарватер неглубокий, поэтому и подходили к причалам корабли без балласта, на треть винты на поверхности, и при подходе, как у китов, фонтан. Красота, только у мертвого сердце от такой красоты не затрепещет. Подходили корабли большие во время прилива, когда приливной волной несло буксиры с плотами в сторону, противоположную от устья.

Да, большое удовольствие посмотреть со стороны на швартующийся корабль. Весь украшен флагами: флаг своего государства, флаг государства пребывания, позывные судна, сигнальные флаги присутствия на борту лоцмана. Никакой бестолковой суеты, никаких пустых разговоров. Исполняется команда: по местам стоять, швартоваться.

Вечером вся эта красота, только в другой форме, повторялась в интерклубе. День на убыли, смеркается, сумерки скрывают окружающее людское убожество. А интерклуб сияет цветными огнями, музыка; к дверям непрерывным потоком подходят нарядные возбужденные молодые люди; смех, непринужденные громкие разговоры. У дверей кучки нарядных девушек, мечтающих проникнуть внутрь. Но свободно проходят только те, у кого паспорт моряка. Тогда я впервые заметил, что девушки красивы. От их красоты мутится разум, ты переходишь в другое состояние. Этот разум и подсказывает, что здесь и сейчас, среди них нет тебе места в наряде Гавроша и с правами нищего.

Наша береговая жизнь закончилась в День военно-морского флота. Сходили на набережную, поглазели на военные корабли с их передвижениями, построениями и вечерней стрельбой. По приходу в ночлежку с нас потребовали очередную плату за проживание. Но платить было нечем, о чем честно признались. Приказали назавтра покинуть занимаемые места. Все по правилам: аванс при отъезде получили небольшой; траты, хоть и нищенские (каждый день на скудное

разовое питание), новых финансов не было, и мы перешли на положение бомжей.

На другой день проблему с проживанием решили очень хорошо для нас. На рейде болтался в ожидании погрузки и отправки рейдовый буксирчик, почти без экипажа, без запасов топлива и воды. Здесь стало наше новое пристанище. Совсем неплохо. Мы на корабле, корабль на воде. Только есть нечего по причине отсутствия финансов. И здесь было неплохо: приедет из Москвы начальник отдела кадров и привезет деньги. Нерешенным остался один вопрос: когда приедет начальник отдела кадров. Появилась и новая личность — Володя. Кроме имени, информации никакой. Года на три старше меня. Одет в робу моряка того времени: рабочие кирзовые ботинки с длинными шнурками, брюки и куртка из хлопчатобумажной ткани неопределенного и неприятного цвета, фуфайка цвета такого же. И запоминающаяся часть туалета — белый чехол от форменной флотской фуражки вместо головного убора. И еще запоминающаяся деталь образа — гитара на шнурке через плечо. Успел он, Володя, сходить в один рейс нормальный и поэтому имел право петь популярные песни про море, корабли и моряков, про шторма и про правила поведения во время шторма, про любовь верную и неверную, про морскую этику. Песни простенькие начала двадцатого века, которые поют и по настоящее время.

Свершилось! Приехал начальник отдела кадров Ершов. Мужчина симпатичный, молодой, энергичный. Колесо событий начало раскручиваться быстрее. Главное, выдал аванс на пропитание. До этого мы сидели на подпитке благими намерениями; я давно продал в комиссионном магазине свою недавнюю гордость — балетку, вырученные деньги проели. Благодаря им с питанием проблем не возникало. Один батон на день на троих и рыба из банки консервной или кусок трески соленой, реже копченой. Других деликатесов в виде чая, печенья, сахара или пряников не полагалось. Весь ассортимент — при условии наличия минимума рублей в кармане. С приездом Ершова они, рубли, появились. Отдельно замечу, что в 1956 году в Архангельске, как

и во всей великой стране, уже не было жутких карточных условий военных лет и голодных послевоенных 1945–1950-х. В магазинах трески и другой рыбы всякой — в изобильном ассортименте, про рыбные консервы, которые сейчас принимаются за деликатесы, и говорить грешно: икра красная, икра черная, печень трески; про бычки в томате или другую закуску выпивох говорить не буду. Замечу отдельно, что про спиртное и в голову никому не приходило. Один Володя, наш бард, как потом выяснилось, имел склонность, но с особенностями. Пил он только на свои, пил немного, только для вдохновения исполнительского, пил только коньяк трехлетней выдержки. Это был ритуал.

В иллюминаторах сумерки. Все механизмы выключены, поэтому ничто не шумит и не грохочет, слышен плеск воды. Начинаются просьбы к Володе спеть песню. Володя не соглашается и придумывает разные отговорки. Далее наступает момент кризиса: общество устает упрашивать, исполнитель устает отнекиваться из боязни лишиться слушателей, и следует ультиматум: без коньяка петь не буду. К решению этого вопроса слушатели готовы, и требование певца быстро удовлетворяется. И начинается концерт. Концерт свой, простой. Голос у Володи был приятный, и пел он песни о жизни моря. Песни были про море, про моряков, про морскую дружбу, про верную и неверную любовь. Песни эти и поныне пользуются успехом у слушателей. Концерт оканчивался внезапно.

Исполнитель без всяких предупреждений снимал гитару с шеи (она висела на шнурке от рабочего ботинка) и произносил одну и ту же фразу: «Вы не моряки! Вы волосаны. Но все будет оки-доки, как говорят старые друзья-англичане».

После приезда Ершова дела приобрели смысл и значение; сразу появились обязанности, которые надо выполнять четко и без промедления. Получил направление в бассейновую поликлинику моряков для прохождения медицинской комиссии на пригодность исполнения должности матроса несамходного судна. Пройти медицинскую комиссию в восемнадцать лет — не проблема, пройти инструктаж по технике безопасности и сдать экзамен по технике безопасности — тоже.

После выполнения простых заданий получил назначение на лихтер, который стоял в Соломбале на экипировке перед походом. Поход небольшой и простенький: с грузом на палубе на буксире от Архангельска до Салехарда всего через три моря. Чтобы попасть на судно — снова на «макарку». Но теперь — с направлением, с указанием должности. Должность — это не только права, но и обязанности.

На судне приняли хорошо. Без тычков, без зубоскальства. Определили место на судне и круг служебных обязанностей. Расписался за проведенный инструктаж по технике безопасности на рабочем месте. Я на судне, я — член экипажа!

Докеры делали свое дело. На крышках люков построили фундаменты из деревянных брусков под груз, поставили на эти фундаменты мото-завозню и пассажирский теплоход пригородных местных линий, занайтовали груз основательно. С морем всегда разговаривать надо на «Вы». Море уважать надо. На палубу опустили бухту стального запасного аварийного буксирного троса, диаметром сорок два миллиметра, размотали и трос разложили вдоль борта. Был назначен день отхода.

Настроение перед отходом всегда приподнятое. В таком настроении командир принимал доклад у артельного о наличии запасов и провизии. На все вопросы командир получал оптимистичные и положительные ответы с обязательной ремаркой: «так точно, мой командир, все в порядке». Переход определил, что не все в порядке оказалось, как рапортовал артельный.

Маленькая справочка. В экспедиции специальных морских проводок, которая была организована сразу после войны, для перегона речных судов из стран, в той войне побежденных, первым командиром был назначен Нянов. Нянов был военным моряком, хорошо воевал, но имел роскошь в те времена на собственное мнение. Даже хуже, не только имел собственное мнение, но позволял себе его высказывать. И что совсем страшно, он отстаивал свое мнение. За все, вместе взятое, ему и «сделали иди туда, не знаю куда и делай то, не знаю что»: направили организовать работу, заведомо опасную и трудно-выполнимую — гнать старые изношенные суда на сибирские

реки — Енисей, Обь, Лена — Северным морским путем. Но он был настоящим мужчиной. Молодой, энергичный, умный, порядочный. От страхов не убежал, свои промахи на ближних не сваливал. Про него говорили: «Настоящий командир. Дело знает. Надо будет — и доску проведет через Северный полюс». Так, на примере хорошего командира, появилась традиция не называть капитанов, шкиперов, старшин табельными наименованиями, Называли ответственным словом: командир.

О качестве финского судостроения говорить — время тратить.

Качество и надежность судов, построенных на финских верфях, прослеживаются задолго до начала официального финского судостроения. Пример тому — парусно-моторная шхуна с деревянным корпусом «Заря», на которой Эдуард Толь со своим экипажем искал землю Санникова и исследовал Ляховские острова задолго до революции в арктическом море Лаптевых. Эта самая «Заря» верой и правдой служила в гидрографии до 1945-го года и была по халатности сожжена в бухте Тикси. Ее именем назван один из заливов в этой бухте.

Прекрасный стальной сварной корпус лихтера, электрогенератор, системы осушения, пожаротушения, служебные и жилые помещения, не исключая санузел и сауну, все отделано и сделано с большой ответственностью рабочих за свой труд. Скрытым дефектом проектирования оказался дизельный привод якорного устройства. В условиях холодной сибирской осени возникало много проблем при работе с этим устройством. Дефект устранили путем замены дизеля на якорном устройстве электродвигателем и установки в машинном отсеке дополнительного и большего по мощности электрогенератора.

После установки и закрепления палубного груза был назначен день отхода. Команда на борту, согласно судовой роли, больных и увечных нет. Точно в назначенное время на борт поднялся инспектор портнадзора. Как и положено: образец касты моряков и учтивости. Как и положено, все внимательно проверил: крепеж груза, качество и количество судовых запасов и провизии, даже понюхал запах керосина в емкости для судовых сигнальных

фонарей, оштрафовал командира за нестандартный государственный флаг (флаг нестандартного размера), на судовой роли поставил большую печать на право отхода, пожелал счастливого плавания и покинул судно.

У носовой части уже посвистывал и попыхивал портовый буксирчик. Стали подавать буксирный трос, а меня спать отправили (перед вахтой должно выспаться). После выхода из порта на вахте должна быть свежая голова. Главная задача вахтенного по уставу: непрерывное и качественное наблюдение за окружающей обстановкой. Пошел в каюту, и завертелся вокруг окружающий мир — это буксировщик стал буксир набивать.

Проснулся от неизвестного ранее ощущения. Пространство окружающее находилось в непрерывном хаотическом движении. Догадался — качка. Быстро поднялся на палубу, осмотрелся, и душа ахнула восторгом от нахлынувших ощущений.

Ветер небольшой, волна небольшая, воздух прозрачный, прохладный, свежий; море красоты, которую никто никогда не сможет описать. Красоту эту можно только ощущать и впитывать всеми чувствами, которые в человеке имеются. Вода за бортом завораживала прозрачностью. Не верилось, что она может быть соленой. Без посторонних глаз решил провести тест на соленость. Взял хозяйственное ведро с темляком и, в нарушение инструкции по технике безопасности, закрепил темляк на кнехт и выбросил ведро за борт. Темляк на руку не наматывал, находился в направлении «вперед по движению», за борт тело не перевешивал. После нескольких попыток удалось поднять некоторое количество воды. И после дегустации убедился: вода была горько-соленой.

Буксировал наш лихтер пароход «Жан Жорез». Пароход типа «Либерти», они поставлялись в Советский Союз Америкой по лендлизу. Энергоносителем был мазут флотский, а не каменный уголь. Что позволяло кораблям этого класса совершать дальние рейсы без захода для бункеровки углем, уменьшить количество экипажа и значительно облегчить труд людей корабля. Командовала «Жан Жорезом» единственная в то время женщина-капитан Щетинина. Пароход «Жан Жорез» ей подарило американское правительство в 1943 году, когда она была направлена

от Дальневосточного морского пароходства в Америку на получение очередного парохода. В состав каравана входил еще один корабль с лихтером. Корабль был современным по тем временам — дизель-электроход «Маршал Говоров». Корабли шли со строительным грузом для Анадырского морского порта. Обычная схема для тех лет: Архангельск — весь Северный морской путь. Очень тяжелые рейсы при той погоде, климате и навигационном оборудовании берега и кораблей. Рейсы в тех широтах были, навсегда останутся мерилем силы духа человека.

Началось изучение географии не в классе за школьной партой, а на местности и воочию. Во время, когда присутствует вся команда: общие палубные работы, которые всегда есть на любом судне; в местах отдыха и приема пищи бывалым есть что рассказать молодым. Рассказы эти неторопливы и доверительны. Так стало ясно, что в Поморье мыс называют словом нос, что проливы называют словом шар или ворота, личные имена присваивают приметным местам или акваториям по фамилиям или именам первопроходцев или именам или фамилиям их спутников, родных или близких. Когда человек бывает в таких местах и знает историю места или местности, с ним происходит много непонятного — оживает прошлое. Так Канин нос является условной точкой перехода из одного моря в другое, проливы Маточкин Шар и Карские ворота отделяют «условно» второе море от третьего.

Остров Вайгач был одним из самых страшных лагерей Гулага, на этом острове заключенные добывали свинцовую руду на военные нужды. Условия пребывания были невыносимы, вспыхнул мятеж, во время которого убили большое количество заключенных, и лагерь вынуждены были закрыть. В районе этого же острова вел неравный морской бой советский буксир с фашистским военным кораблем. В бою буксир был потоплен. Позднее установили памятное сооружение в районе боя. Запомнился, как сон, как наваждение, обгон буксирного состава в проливе Маточкин Шар. Состав простой. Сам буксировщик и на гаке у него в балласте морской финский лихтер — сооружение солидное.

Ночная вахта. Время ночь — не ночь. Все пространство в состоянии фантазии, твои чувства вне тела: нет источников света: ни луны, ни солнца, пространство просматривается четко во всех направлениях, цвет серый на слабом голубом фоне. Все пространство заполнено тишиной, которую чувствуешь физически, всем телом. Как на берегу реки времени. На буксире и лихтере играют драгоценными камушками ходовые огни. Громадные грузовые мачты на лихтере соединены ажурной связкой и с расстояния воспринимаются двумя великанами, взявшимися за руки, ведущими важный доверительный разговор.

Бодрый доклад помощника шкипера, бравого одессита, командиру накануне выхода был докладом управляющего маркизе в стиле песни Утесова. Но не все оказалось прекрасным. Не взял артельный курева для курящих. Если на судне не хватает запаса табака на рейс, то это беда. Двое курили табак на судне. Один из двух, по старым морским традициям, сделал себе запас из расчета на себя, второй рассчитывал на табак от артельного. Артельный не курил табак, и этим все сказано. Нехватка табачных изделий на судне в автономном рейсе протекает примерно по одному сценарию. Сначала курят запасы табака, у кого какие есть, во второй фазе разыскивают и докуривают, где у кого найдут или выпросят окурки. Далее устанавливается норма по времени и количеству. А потом как Бог пошлет. Сколько могли, двое тянули один запас на двоих. Это удается трудно: из одного два делать. За сутки-двое до подхода к точке смены буксировщиков у курильщиков пошли галлюцинации. Одному показалось, а другой принял предложение первого, что в Архангельске при креплении мотозавозни докеры курили самокрутки и бросили окурочек в помещении. Мозг возбужденный получил команду к исполнению, и люди начали вскрывать помещения и ящики с оборудованием и запасными частями. На мотозавозне не нашли. Перешли с поисками на другое судно. Нашли окурочек под пойолами в машинном отсеке речного трамвайчика. Окурочек был явно от судостроителей из города Горький с судостроительного завода

«Красное Сормово». Хороший окурок. Толстый. Из самосада была самокрутка. Потом был совершен ритуал, как у дикарей. Окурок закрепили в проволочную петельку и по кругу, каждый из двоих, по очереди сделал по две, три дымных вдоха.

Табачный вопрос был разрешен при передаче буксира нашего лихтера буксировщику, работающему в районе Обской и Тазовской губы. «Жан Жорез» ушел. Впереди — Восточно-Сибирские острова, полуостров Таймыр, мыс Челюскина, обширные, далеко уходящие в море мели восточно-сибирских рек, туманы и льды практически круглый год.

Для справки. В последующем, проходя четыре раза мимо мыса Челюскина, удалось увидеть его визуально только один раз в течение двух–трех минут, не более. Холодные плотные туманы, в которых порой не видно вытянутой руки, давят на психику и промораживают душу и тело до опасного безразличия к окружающему и равнодушия ко всему происходящему вокруг тебя. Каждый, прошедший Северный Морской Путь, может уверенно говорить, что он заработал этим переходом медаль «За Трудовую Доблесть». Долго я потом душой и сердцем искал встречи со своим «Жорезом» на условных путях морских, в традиционных морских портах. Получилось встретиться в Одесском порту через несколько десятков лет.

Быстро люди меняют время, и время быстро меняет людей. За ненадобностью, из экономических выгод, «Жан Жорез» был выведен из эксплуатации и поставлен в грязный угол бухты в ожидании судьбы абсолютного большинства состарившихся судов: отправку на разделку в металлолом, на переплавку. Стоял он некрашенным, изъеденным ржавчиной, со свисающими с мачт обрывками такелажа, с разбитыми иллюминаторами, с креном и дифферентом на нос. Прошедший близко новый мощный портовый буксир нагнал волну, «Жан Жорез» качнулся на волне, издал звук, как звук последнего вдоха, как звук приветствия старому знакомому. Все внутри перевернулось в душе. Ожили в памяти живые Настоящие Люди на живом корабле. Мгновение вспышки воспоминания закончилось слезами на глазах, стесненным дыханием. Поклонился кораблю,

повернулся к прошлому спиной, чтобы не видели слез посторонние, и успокоил себя фразой известного литературного героя из Одессы: «Жизнь продолжается, господа присяжные заседатели». С той поры живет в душе вопрос, на который не могу ответить до настоящего момента: почему люди так неблагодарны памяти прошлого?

Движение по Обской губе до Салехарда, столицы Ямало-Ненецкого автономного округа, проходило спокойно, без погодных катаклизмов и затяжных туманов, которые часто наблюдаются в этих широтах. Наступала золотая осень, прекрасная пора. Мама природа выполнила свои обязательства и собирала к отправлению в теплые края выращенных за лето птиц. Их было множество. Не стаями, а тучами они решали с криками и шумом свои вопросы предотлетные. Как они решают эти вопросы, кто и что ими руководит? Простые смертные могут только делать предположения. После прибытия в Салехард и сдачи лихтера представителям Иртышского речного пароходства начался период ожидания второго каравана судов. Ожидали три буксирных теплохода проекта десять и около десятка сухогрузных судов, спроектированных специально для работы в верхнем и среднем течении Оби и ее притоков. Какими они будут, оставалось предполагать. Поселились в местной гостинице. Гостиница представляла собой одноэтажный барак из нескольких комнат, естественно, без всяких удобств. Нас вполне устраивала крыша над головой и постель под боком. Все свободное время проводили вне гостиницы, знакомились с Салехардом. И смотреть в то время было нечего. Тундра. Одна улица. По краям расхлестанной канавы, которая обозначала проезжую часть, деревянный старый тротуар, закрытый на замок клуб, рядом с которым танцплощадка. Удивительно! Работала. Танцующим было холодно. Осень, полярный круг. Ресторан «Север» с удивительным меню: фирменное блюдо — пельмени с бульоном и пельмени без бульона; алкогольные напитки — спирт неразведенный и спирт разведенный. И перечень рыб, деликатесных: нельма, осетр, стерлядь, омуль, чир, муксун, таймень, сырок; так называемая сорная

рыба: щука, карась, пелядь. Рыба свежая, с рыбалки, искусно приготовленная. Уха свежая, рыба жареная, отварная, свежая соленая, холодного копчения, горячего копчения. Рай рыбный, и только. Птица дикая: утки, гуси, рябчики, куропатки. Про птицу и рыбу надо сказать отдельно. Этим продуктом был завален весь поселок. Такое впечатление, что, кроме рыбы и дичи, ничего другого в продаже нет. Был музей. Маленькая комнатка. Но в этой комнатке были чудесные изделия из кости. Особенно поразили шахматы. Рассказать про них у меня не хватит мастерства. Их просто надо посмотреть. Не проходя, не с налета. А постоять и насладиться искусством мастера, восхищаться его терпением и трудолюбием.

Не могу не коснуться короткой строчкой административной нелепицы, которую рассказывали про Салехард. Населенный пункт расположен по линии полярного круга. Думаю, что одни люди из озорства, другие из профессиональной слабости утвердили эту гипотетическую линию посередине поселка. Чиновничья машина сработала, как старый печатный станок, медленно и шумно, и одна работающая половина поселка стала получать северные надбавки, другая — нет. Может, это и предание. Но предания на пустом месте не возникают.

Не помню, в какой день недели и месяца прибыл второй караван. Погода была пасмурной и прохладной. Но прибытие этого каравана стало заметным событием и для жителей поселка, которые сбежались к старому пассажирскому деревянному дебаркадеру, ошвартованному у крутого берега широкой поймы Оби, посмотреть на пополнение флота. Пополнение было заметным. Три буксирных теплохода, не парохода, мощностью по шестьсот индикаторных сил в то время было большим прогрессом постройки Завода «Красное Сормово» и прогрессом на речном флоте. Профессионалы дали для серии название «Богатыри», так как они были названы на месте постройки именами былинных героев «Илья Муромец», «Добрыня Никитич» и «Алеша Попович». После пополнения бункера ушли они тихо и без всякой помпы на реку Томь в Моряковский затон, к месту своей приписки.

Сколько прибыло сухогрузных теплоходов, не помню. Были они немецкой постройки. По классической немецкой судостроительной традиции везде смотрелась экономия, экономия и еще раз экономия. Каютки у командиров маленькие, помещение для команды — в носовой части, рядом с цепным ящиком, спальных мест только на две смены. На ходу и в управлении они были прекрасны. Все главные и вспомогательные механизмы работали без замечаний и досадных поломок. Немцы хорошо знают и применяют на практике принцип: совместить несовместимое. Отход немного задерживался по объективным причинам. Часть перегонной команды отзывалась в главную контору экспедиции, часть запланированного экипажа на перегон от Салехарда не прибыла. Все утрясалось не сразу. Встретились и расстались с нашим Володей музыкальным. Ушел, как и пришел, невозмутимым, спокойным и загадочным, без претензий и заявок на материальные блага и внешний вид. Ушел, как и пришел, с гитарой на шнурке, в фуфайке. В матросской робе, рабочих ботинках и белым чехлом на голове от командирской фуражки и после традиционного прощального концерта произнес свою традиционную фразу: «Вы не моряки, вы волосаны. Но все будет оки-доки, как говорят старые друзья-англичане». Было немного грустно. Не понимали, но чувствовали, что что-то от нас уходит навсегда и не вернется, но будет в нас жить, пока мы живы.

А далее — спокойная классика, рабочие будни. Перестановки, утрясания, согласования экипажей, пополнение запасов топлива, продуктов, согласование и назначение дня отхода. Я был включен в экипаж капитана Заякина и считаю, что мне повезло. Капитан зрелый, опытный, трезвый. Наступает назначенное утро, после прощального вечера с фейерверками у командиров, караван выходит из Салехардской протоки. Как смотрелся караван со стороны, сказать не могу. Вахта за вахтой, и мы уже в главном русле с коренными берегами, островами, протоками, косами и прочими составляющими науки общей и специальной лоции. В нижнем течении река Обь течет в двух руслах: Большая Обь и Малая Обь. Командиры приняли решение следовать руслом Большая Обь. На чем основано их решение, я не знаю.

Была красивая пора года — осень. Кто видел и жил в этой красоте, всегда хранит в разуме, сердце, душе эти непередаваемые словами ощущения и чувства. Тишина... Красивая окраска берегов опадающими листьями вызывает чувство грусти; тихий прохладный прозрачный воздух наполнен запахами успокоенной удовлетворенной природы, от которых теряешь ощущение пребывания в этом мире; запахи, создать которые не под силу людям. Великое, идеально гладкое пространство воды с ползущими по ее поверхности судами, дают ощущение мелочности бытия отдельного человека, уничтожают гордыню «властелина» Земли. Находясь внутри чего-то шумного, вибрирующего, наполненного запахами сторающего соляра, начинаешь раздражаться от того, что столь несовершенны творения человека в сравнении с произведениями Мамы Природы. Две остановки сделали на переходе до Новосибирска. Одна — в селе Медвежье, другая — в Березово. Про Медвежье прежде не знал и не слышал и сейчас ничего про него не знаю. Запомнилось оно посещением вечером или столовой, или кафе, или ресторана — я не разобрал. Атмосфера запомнилась.

Подожли вечером к помещению. Дом деревянный, черный от времени. Бревна из кедра или лиственницы большого диаметра, нестандартные. В три обхвата, как говорят в таких случаях для сравнения. Зашли в здание на ощупь. Освещения на улице нет. Внутри теплится несколько свечек. Низкий потолок, протяни руку — достанешь; внутренние стены не штукатурены и не декорированы, темные от времени. Размеры внутри не просматриваются. Пространство уставлено столами из дерева ручной работы, не крашеными. Каждый стол для четырех клиентов. Сколько столов, из-за темноты определить не можно. Клиенты смотрятся пугачевскими добровольцами: в простой одежде, крепкого телосложения, низкими ростом, с бородами староверов или кержаков. Все сидящие пьют пиво. Громких звуков не слышно. Надо полагать, что все сидящие за столами знают друг о друге все и им говорить не о чем. Улавливается какой-то звуковой фон. Но кто о чем говорит — нельзя услышать. Ощущение, что все окружающее мертво и в мертвом

мире. Мест свободных мы не увидели и поспешили к себе на судно.

Вторая остановка непрерывного бега была на рейде села Березово — места ссылки соратника Императора Петра Первого — Меньшикова. В то время я мало знал об этом государственном деятеле своего времени и своей эпохи со всеми положительными и отрицательными качествами своего времени. Школьная программа семи классов общеобразовательной школы говорила о нем: был при царе такой-сякой и получил по заслугам. Жестоко его наказали. Упокоился он с женой и с некоторыми чадами в земле Березовской. Местные жители, на правах гидов, показали место, где стояла избушка, заменившая дворцы «полудержавному властелину», да старая церквушка, по заверениям местных жителей, построенная Меньшиковым собственными руками. Забавные дела вершат Вышние Силы. Был — и не стало.

Далее марафон продолжался без отметин. После прохождения устья реки Иртыш Обь заметно убавила свою мощь и свою красу. По законам путешествий, через некоторое время вплыли в границы своего пароходства. Круг замкнулся, и я с полным юридическим основанием и чувством самоудовольствования мог себе сказать: «Я прошел реку Обь от истока до устья». Удовольствие собой — не передаваемое словами чувство.

И пошли знакомые места и привычные узнаваемые населенные пункты, и знакомые устья знакомых рек, дни без получения особых впечатлений. Все эти Нижне-Вартовские, Нарымы, Каргаски, Парабели, Васюганы и прочие... После прохождения устья реки Томь (речки относительно маленькой) Обь превращается в мелкое направление до Новосибирска. Здесь классическое речное плавание; работа — мучение, особенно ночью. Надо проработать много лет, чтобы привыкнуть к звуку шипящей за кормой придонной волны и частому касанию корпусом судна грунта.

Но все кончается, если было начало. Прибыли в Новосибирск. Три дня грязной работы по консервации судна на зимний отстой — и я в родном техникуме. За время плавания статус

техникума поменяли на статус училища. Конечно, к началу занятий опоздал, отстал по программе обучения, но у меня в голове появился, как сам его окрестил, «компас в голове». Теперь я знал цель своей жизни, правила поведения. Мне стало легко и радостно, перестал метаться в душевных муках. Пошел в жизнь.

Не получилось мужественного рассказа о море и морях. Эти рассказы приятно читать при притушенном свете, лежа в мягкой теплой постели.

О морской жизни морякам, как и солдатам о войне, не очень хочется вспоминать неприятное прошлое; когда было неудобно и страшно. А чего хорошего, когда от качки рвет столы с крепежных болтов, сыпятся на пол с полок лосьоны и кремы, когда сваливается груз за борт под кряканье разорванных найтовов. Разлетаются чашечки анемометров. Одним ударом волна отрывает от переборки металлические ящики с пожарным инвентарем и выбрасывает эти пожарные ломы, топоры и прочее за борт, как деревянную щепку; перекидывают водяные валы через брекватер тридцатитонные бетонные блоки; с великим грохотом шторм рушит мачту с локаторными антеннами. И это ночью, в кромешной тьме. И людям надо выходить на открытую палубу в пургу при отрицательных температурах под обезумевший рев тайфуна. Потом каждый приличный шторм или катастрофа запоминаются и остаются эталоном, по которому сравниваешь ревущий шторм и говоришь себе: «Хуже бывало».

Плавание от Архангельска до Новосибирска запомнилось новизной. И подвигов в этом рейсе не могло быть. Западный сектор Арктики проще сектора восточного. Рейс спокоен, в благоприятном районе, в благоприятное время года. В таких условиях — рядовые ходовые вахты, обычные. В таком рейсе судовые работы без авралов. В таком рейсе учишь видеть жизнь прекрасной и радоваться ей, жизни...

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Надежда Васильевна ЛОМАКИНА (Кокорина)

Автор стихов, 1938-го г. р. 04 января, уроженка Томской области, Бакcharского района, п. Красный Бакchar. Выпускница Бакcharского детского дома и средней школы с. Бакchar. Проживает в настоящее время Томская обл., п. Зональная Станция, ул. Светлая 6-1. Окт. 2014-го года.

*Н.В. Ломакина(Кокорина)
и В.Г. Морозов — выпускники
1953-го года Бакcharского
детского дома. 1990 г.*

*Я.З. Яхин и Н.В. Ломакина
с директором О. А. Галанцевой
на 80 летнем Юбилее Бакcharского
детского дома. 2013 г.*

*Такие разные, чужие...
Но объясните, почему?
При встрече все мы, как родные,
Забыты горести былые
И вспоминаем, как шальные.
Свою нелегкую весну.*

*Встречали новеньких и слабых
Недружелюбно в те года
И сколько б лет не пролетело,
Не запеклось, но прикипело,
Осталось с нами навсегда.*

*Своя особая планета, свой микромир —
Наш детский дом.
И только тот оценит это,
Кто прожил годы в доме том.*

*Кормили нас и одевали,
Но никому не защитить
От одиночества, печали,
Что сердце детское щемит.*

*И это держится в секрете,
Закрывается в самой глубине.
А если где-то вдруг прорвется,
То «втихаря», наедине.*

*А власть не вспомнила ни разу
Про нас, детей военных лет.
Забыли все, как по приказу,
Как будто нас в помине нет...*

*Мы помним все про ветеранов,
Про внуков их и про детей.
Машины, льготы им по праву,
Вопрос квартир, очередей...*

*Но те, кто головы сложили,
Стране дешевле обошлись.
А их детей напрочь забыли.
Как ни сложилась бы их жизнь.*

*И мы прошли толпою серой —
Былой войны седая прядь.
Но детский дом упрямо помним.
А что нам больше вспоминать.*

2003 г.

Осенний мотив

*Моя рябина под окном,
Какая ты красивая.
Не наглядевшись на тебя,
«Не опадай» — просила я.*

*Свои пурпурные плоды,
Склонившись, поразвесила
С тобой до самой темноты
Душе тепло и весело.*

*А там кудрявые березы
Осенним золотом горят.
Но впереди грядут морозы,
Они ничто не пощадят.*

*Не вчера ли, как сильные боги,
Вы стояли в роскошном цвету?
А сегодня проходим под ноги
Уронили свою красоту.*

*Закружит ветерок листопадом,
Исполняя прощальный свой вальс.
Скоро все занесет снегопадом,
Приближается он, не таясь.*

Что было, то было...

*Капли крови на белом снегу —
Это птицы рябину клевали.
Наши встречи на летнем лугу
Позабывать я сумею едва ли.*

*От травы иль цветочной пыльцы,
Задыхались от летнего зноя.
Завершало восторгов венцы
Покрывало небес голубое.*

*И душа уносилась им вслед,
И глаза открывали объятья,
И деревья качались в ответ
Наши вечно безмолвные братья.*

*И никто, нам казалось, ничто
Не могло разлучить нас с тобою...
Очень грустно. Но зря мы ведем
Бесполезные споры с судьбою.*

*А рябина опять краснеет.
Греет солнышко ей бока.
Но клевать ее птицы не смеют,
Потому что горька пока.*

И пошли по сторонам...

*Расстались мы. И слава Богу.
Хоть сердце рвется и болит.
Должна унять души тревогу,
Мне так рассудок говорит.*

*Твоей любви непостоянство
Терзанье ревностью, обман.
И подозрительность, и пьянство
Любовь снесут, как ураган.*

*И слезы будут санитаром,
И облегченьем, может быть.
А я тебя, я постараюсь,
Надеюсь все-таки забыть!*

С юбилеем

*Ну кто сказал, что годы
Все мчатся незаметно?
Лишь только птица в небе
Не оставляет след.*

*А вот на наших лицах,
Ну, как на карте мира,
Остались отпечатки
И радостей и бед.*

*Давно умчалась юность,
Мы очень изменились.
И незаметно головы
Покрылись серебром.*

*Нас жизнь не баловала,
На прочность испытала.
А мы, кто как умели,
Платили ей добром.*

*Тебя мы поздравляем
С прекрасным юбилеем!
Наполни нам бокалы,
Красиво улыбнись!*

*Мы выпьем за здоровье,
За счастье с мирным небом.
Еще за то, что все мы здесь
Сегодня собрались!*

2006 г.

Старикам на мотив «унылая пора»....

*Старики! Кто сказал, что мы старые?
Ты здесь старый? А я — молодой!
И не нужно показывать пальцами,
Что давно совершенно седой.*

*Собрались старики на гуляночку.
Ну, и что же вы здесь собрались?
Вспомнить годы, летевшие ласточкой,
Иль во что превратила нас жизнь!?*

*Любит песни мое поколение,
Мы поем, хоть и слезы из глаз.
Не предайте, потомки, забвению
Этот ценный истории пласт.*

*Мы поем и стихи сочиняем,
Поглядеть — мы еще молодцы.
Только вот совершенно не знаем.
Как свести нам с концами концы.*

*Это разные жизни позиции:
Бьет и сверху, и снизу, и в бок.
Разве вложат в того инвестиции,
Кто давно от нужды изнемог!?*

*Мы по жизни, конечно, упертые,
Но в итоге, гляди не гляди,
Голубое, зеленое, желтое —
Это в прошлом, а что впереди?*

*Наломаем-ка лучшие смородины,
Выпьем чаю в родимом краю.
Да попросим прощенья у Родины
За бессильную старость свою.*

2007 г.

О нравах...

*Как обнищали мы во нравах!
Куда девалась, гордость, ты?
Как прет пошлятиной с экранов,
Кривлянье «звезд» до тошноты.*

*В потугах жалких, добиваясь
Привлечь вниманье, зала смех,
Нам корчат рожки, задыхаясь,
Считают это за успех.*

*А нравы нам теперь диктует
С восторгом Ксения Собчак.
Прилюдно секс они смакуют,
Людей коробит, им — «ништяк».*

*Бездарность вылезла наружу,
Мозолит задница глаза.
На вас сибирскую бы стужу,
Иль хоть ужалила б оса.*

*Как нам избавиться от грязи?
Опомнись, родина берез!
Отмой с души твоей заразу
Потоком добрых, чистых слез.*

Обские мотивы

*Лесов сибирских даль безбрежная,
Вода речная глубока.
И ветер северный поспешно
Куда-то гонит облака.*

*Вот по Оби идет «трамвай».
Он к каждой пристани подходит.
Былых заядлых рыбаков
С ума любая отмель сводит.*

*И капитан, душа реки,
Коль «делегацию» пошлете,
Приткнется в бережок любой,
Притормозив на повороте.*

*Пески! Такая благодать!
Зачем им в Африку? — не надо.
От солнца зной, а от реки
Идет отрадная прохлада.*

*А вам случалось пережить:
Сидеть в корме с любимым рядом
И тихо за волной следить
Немым и восхищенным взглядом?!*

*В ней полыхающий закат,
Над ней такие краски!
И наплывают берега,
Как из волшебной сказки.*

*В ней грань алмаза, свет луны,
Багрянец неба безграничный.
Все отражает свет воды,
А на душе отлично.*

*Откуда восторг? Ведь в кармане рубли,
И счет-то идет на десятки...
Какими мы были — осталось в дали,
Забыты пески и палатки.*

*Обское, Могочино — трасса реки,
Все лето идет здесь работа.
А молодость наша, рукой помахав,
Осталась за тем поворотом.*

*Ты широка, река сибирская,
Как и душа сибиряка.
А ветер за кормой по-прежнему
Куда-то гонит облака.*

О рыбаке и рыбалке

*Рыбачить ездили семьей,
В палатке и жена, и дети.
Закат встречается с зарей,
Благословенны зори эти.*

*Резвятся дети на песке,
Костер на берегу горит.
Чай со смородиной, в котле
Уха янтарная бурлит.*

*По пояс сутками в воде
Стоит рыбак. Заметь при этом,
Ему не надо ничего —
Лишь «Беломор» иль сигарета.*

*Он почернел, как котелок,
Его мечта — поймать стерлядку,
Его игрушка — поплавок,
Что пляшет на волне впрысядку.*

*От закидушки от своей
Он ни на миг не отвернется.
Пройдет неделя. В выходной
Он снова на рыбалку рвется.*

Моей матери посвящается

*А мы уходим незаметно.
И вместе с нами навсегда
Уходит память лихолетья —
Послевоенные года.*

*Как живо детство «золотое»:
Деревня, бедность и жара.
По пыльной улице колхозной
Уходят в поле трактора.*

*Их зиму всю скребли и мыли
По МТС-ским мастерским.
Их рукояткой заводили,
Сцепивши зубы что есть сил*

*Они пахали, боронили
И тарахтели всю войну.
А за рулем-то бабы были,
Но прокормили же страну.*

*Мы — дети этих трактористок,
Весной искали колоски.
Крапиву ели и пололи
В полях колхозных сорняки.*

*Другая жизнь, забыты нравы.
Лишь память в сердце горяча.
Руду Бакчарскую копают
В полях у Черного ключа.*

*Альбом семейный открывая,
С тоской встречаю каждый раз
Взгляд и упорный и задорный
Мне бесконечно милых глаз.*

*Вглядитесь в лица трактористок
Невыносимо трудных лет.
Они нам словно посылают
Из сорок первого привет.*

Посвящается Анатолию Ивановичу

*Ты сражался с недугом, как мог,
Ведь тебе еще жить бы да жить!
Наш веселый угас огонек.
Только кем нам тебя заменить?*

*А с тобою нам было светло.
Боль утраты нельзя передать.
С кем хорошую песню споем?
Всем нам будет тебя не хватать.*

*В этот скорбный и горестный час
Мы спасибо тебе говорим.
Лучик солнца ты был среди нас.
Нам душевную радость дарил.*

*Никогда не забудем тебя
Очень трудное слово «прощай».
Но его говорим мы любя,
Ты нас тоже простить обещаешь.*

2007 г.

* * *

*Несовершенна жизнь. И все, что вокруг нас.
А как насчет того, что до и после?
В чем смысл бытия?
Иль нету его вовсе?!*

*Вот любим мы, страдаем и горим
От мук любви, судьбы своей не зная.
Но «наломаем» дров и говорим:
«Ну почему она такая злая?»*

*Есть круг людей — не нам они чета —
Все к их ногам, — любовь и миллионы.
Но кто-то свыше скажет: «от винта»!
И рушатся устои и каноны.*

*Но почему-то хочется всегда
Поверить в чудеса на этом свете.
Стареем, а душа все молода.
Как это объяснить себе и детям?*

*Все это продолжается века.
«Несовершенство» нами управляет...
Земля спокойно смотрит свысока,
Встречает нас она и провожает.*

Гроза на Оби

*Свинцовая вода и в тучах небо.
Чуть ветками качает ветерок.
Кто на Оби в грозу ни разу не был,
Не знал волнения и страха холодок.*

*Моторка тарахтит, о берег волны бьются.
Торопится рыбак домой.
Раскаты грома с треском раздаются,
И молнии почти над головой.*

*А дома ждут, хоть все идет обычно.
И ужин подогрет уже ни раз.
Пусть это ожидание привычно,
С тревогою с реки не сводят глаз.*

*Но, наконец, знакомый звук мотора
Доносится окрест издалика.
Рыбак любимый дома будет скоро.
Спасибо тебе, добрая река.*

Дорогая Нина

Нине С.

*С юбилеем тебя поздравляю,
Оглянуться назад приглашаю:
Вспомнить юные, зрелые годы
И «корявых» времен непогоды.*

*Хоть летний дождь, снега ль белы —
Загорная, Горшковский...
А мы — бездумно веселы
И молоды чертовски!*

*Без приглашенья едем в гости.
Друг другу рады были мы.
Помянем тех, кто на погосте —
Хоть и не кстати, но должны.*

*Мы за богатством не гонялись.
Я помню, словно наяву,
Как дядя Коля с тетей Ньюрой,
Бывало, ездили в «Москву».*

*Нина, счастлива будь и здорова,
С новосельем тебя, веселись!
И на долгие. Долгие годы
Пусть тебе улыбается жизнь.*

Сереженьке

*Поздравляю, сынок, с днем рожденья!
Незаметно как годы бегут,
Пусть Господь и твой Ангел-хранитель
Неустанно тебя берегут.*

*Я хочу, чтобы зло и ненастье
Обходили тебя стороной.
А здоровье и долгое счастье
Навсегда оставались с тобой.*

*Если в жизни дорога крутая
Тебе выпала, милый сынок,
Сердцем я, как могу, помогаю,
Чтобы ты одолеть ее мог.*

*А когда меня в жизни не будет,
Пусть травинка и каждый цветок,
Вдохновляют и сил прибавляют
За меня тебе, милый сынок!*

Людмиле Васильевне Казанской (учительнице)

*Итак, она звалась Людмилой.
Позвольте образ передать
Моей учительнице милой
И благодарность ей воздать.*

*Вот в класс уверенной походкой,
Как входит в дом тепло и мать,
Она вошла. И вместе с нею
Вошла России благодать.*

*Едва заметно, улыбнувшись,
Всех добрым взглядом обвела
И начала, души коснувшись,
Вершить волшебные дела.*

*За нею к нам, поочередно,
Являлись Пушкин, Гоголь, Блок.
Фонвизин Фамусова с Софьей
На суд столетья приволок...*

*И все мы живо обсуждаем
Поступки, мысли их и быт,
На бал с Наташей уезжаем,
Толстой, конечно, не забыт.*

*Болконский нас пленит, чарует,
«Онегин» в лицах весь прочтен:
Евгений, вечный фронт, балует,
Кадрит Татьяну, Ольгу он...*

*Но не о них, а о Людмиле,
Пардон, Васильевне моей,
Хотелось написать мне оду
И поклониться в ноги ей.*

*За те часы, что были сказкой,
Театром в северной глуши,
Дороги жизненной указкой,
Теплом бальзама для души.*

*За строгость и за справедливость,
И за веселый зов звонков
Сказать великое спасибо
От всех ее выпускников!*

Поздравление

*Володя! Детства памятные годы
Нелегкий путь нам позабыть нельзя.
Но в ясный день и в злую непогоду
Пусть будут рядом верные друзья.*

*Хоть нас коснулся ветер увяданья,
И серебрится снег над головой,
Мы все равно частица мирозданья.
И свет ее в глазах еще живой.*

*Тебя мы с днем рожденья поздравляем!
Желаем счастья и большой любви
Твоих детей, родных. И ожидаем,
Что не забудешь нас. Сто лет живи!*

Моему внуку

*У тебя сейчас лихолетье,
Канитель в душе, «косогор».
Пусть Бог пошлет тебе терпенья,
И разгорится твой костер.*

*Не держи на людей обиды,
Путь нелегкий не без конца,
Пусть опорой семья тебе будет
У тебя, вон, два молодца.*

*Я желаю тебе здоровья,
И побольше светлых минут.
Будь, как дуб у того Лукоморья,
Пусть года твои плавно бегут.*

*Что тратишь время ты напрасно?
Обнявши голову, сидишь?
Ты оглянись, ведь жизнь прекрасна,
Хоть сразу все не разглядишь.*

*Ночная мгла и яркий полдень,
Канат и паутины нить.
Моря и реки кто наполнил?
Как это все объединить?*

*За меркантильности теченьем
Бывает трудно нам понять
Существованье, назначенье
И необъятное объять.*

*Небес лазурную обитель
И темный мрак морских глубин.
Создатель все за нас предвидел,
Миров и жизни властелин.*

*Мы уже прожили лет немало,
Нас еще природа бережет.
Я б тебе бессмертья пожелала —
Пусть душа и сердце не умрет.*

*Но увы, не в нашей это власти,
Бог благословляет наши дни.
Пусть он отодвинет все напасти
От тебя и от твоей семьи.*

*Нас всех опалило морозом,
Но мы еще живы пока.
Напрасны стенания, слезы.
Ведь так уж ведется века.*

*Попробуем все ж веселиться,
Хорошую песню споем.
При встрече ни грех прослезиться,
А лучше по рюмке нальем!*

PS

*В непростое мы время живем.
Да, совсем не простое время.
Хорошо — удержаться бы в нем,
Не упасть перед ним на колени.*

*И в расхлябье таком во всем
Не измазать бы душу грязью.
А измазавшись, мыться где?
И лечиться какою мазью?*

*Нас так и не вывел из детства никто,
И все мы немножечко дети.
Нас проще обидеть, обжулить легко,
Мы всем доверяем на свете.*

*Хитрить и обманывать — боже избавь,
Для нас непосильна работа,
Уж лучше заплакать, уйти и забыть.
Интриги? Да ну их в болото.*

*Если кто-то не согласен,
И слова мои — вода.
Признаю — поэт никчемный.
Вы простите, господа.*

2003 г.

Гимн детдомовцев

*Наш союз создавался годами,
И его сохранить мы должны.
Пусть его милосердное знамя
Защищает сирот всей страны.*

*Припев: Родными сделало нас детство,
Обитель наша — детский дом
Но нам страна дана в наследство,
И мы ее, поверь, не подведем!*

*Не имеем мы прав расслабляться,
Бог укажет дорогу вперед.
За любые дела принимайся!
Мы решительный, смелый народ.*

*Припев: Родными сделало нас детство,
Обитель наша — детский дом
Но нам страна дана в наследство
И мы ее, поверь, не подведем!*

*А поблажек не жди и подачек.
И крутую судьбу не кори.
Пожелай себе лучше удачи
И надеждою только гори!*

*Припев: Родными сделало нас детство,
Обитель наша — детский дом
Но нам страна дана в наследство
И мы ее, поверь, не подведем!*

2008 г.

Верните России деревню!

*Одевшись с пестрый сарафан,
Пришло к нам бабье лето.
Опять оттаяла душа,
Его теплом согрета.*

*Моей деревни над рекой
Давно в помине нет.
Но вспоминаю я с тоской
Черемуховый цвет.*

*Речушку узкую Бакчар
С коричневой водой.
От трав болотных, словно чай,
И с глиной голубой.*

*По перекапу босиком,
Одежку закатав,
За клюквой мы брели гуськом,
А иногда и вплавь.*

*По свежескошенной стерне
Бесстрашно, с ветерком,
Впередгонки носились мы
Погожим вечерком.*

*С холщевой сумкой за спиной,
Знакомым кедрачом
Бежали шишку собирать...
И все нам ни почем.*

*Красоту и раздолье полей
Дайте детям России.
Пусть душою сливаются с ней,
Как цветы луговые.*

март 2011 г.

Отцвели уж совсем...

*Ну, вот и снова день прошел.
Теперь они как быстро мчатся.
Меня опять ты не нашел...
А нам пора уже прощаться.*

*Пора почувствовать уже,
Что, как бы судьбы не сложились,
Но на последнем «рубеже»
Мы оглянулись и... простились.*

*Простились и простили все:
Любовь, измену и разлуку.
Все, что так радовало нас,
Иль навевало злую скуку,*

*Досаду, боль, сомненье. Страх
Не показаться быть забытым.
В любовных жизненных боях
Сражаться, всем ветрам открытым.*

*Вот жду, надеясь на авось.
На предпоследнее свиданье.
Последним будет лишь погост,
Всей нашей жизни увяданье...*

*Скорей всего, ты не придешь
И зова сердца не услышишь...
С собой обиды унесешь.
— Тут ничего уж не попишешь...*

март 2011 г.

Мы помним!

*Над Россией все небо померкло,
Над Россией большая беда.
Эшелоны уходят в военное пекло,
А назад возвратятся когда?*

*Похоронки, летят похоронки...
Почернела душа матерей.
Шлют проклятья фашистам вдогонку,
Провожая своих сыновей, дочерей.*

*Польхали зарницы кровавою раной,
Не для всех наступал рассвет.
Эту скорбь не унять словами —
Только криком на целый свет!*

*У станков — старики и подростки,
И случался в полях недород.
Русских песен родных отголоски
Нас спасали, да вера в народ.*

*После этой невыносимой боли
Нам дороже всего во сто крат
Золотистые перлы восходов,
Ослепительный мирный закат.*

*Будем помнить! Как пули косили,
Как слеталось на нас воронье.
Берегите великое имя «Россия»
И огромное доброе сердце ее!*

март 2011 г.

Они уходили...

*Деревенская улица. Вечер. Подводы.
Солнце клонится на закат...
И отчаянно горькие проводы —
Мужики на телегах сидят.*

*Из далекой таежной Сибири
Собиралась военная рать.
Горе давит тяжелою гирей:
— Кто вернется? Кому умирать?*

*А вокруг ребяшня, воют бабы,
Зная всю наперед беду,
За околицу, вслед за телегами,
Обливаясь слезами, бредут...*

*«Катюша», «Синенький платочек»
С надрывом рвется из души.
Последний нынешний денечек,
А в поле всходы хороши...*

*И полегло их миллионы,
Как выжил, выстоял народ.
Содрогалась Россия от боли,
Продвигаясь с боями вперед.*

*И высший Разум нас заметил.
Голодным, нищим силу дал.
Победу духа в час сраженья
Он возводил на пьедестал.*

*Вот прошло шестьдесят и больше,
Никогда не забыть тот закат.
Нету лиха такого горше —
Их вернулось так мало назад.*

март 2011 г.

О павших

*Уж, видно, мой удел, писать стихи о горьком,
О самом горьком горе на Руси.
У обелисков мы стоим, склонившись только,
Их не вернуть, проси мы, не проси.*

*Ведь сколько их лежит еще, там где-то...
В болотах, русских рощах, в камышах.
Не преданных земле и не отпетых,
Там, где последний сделали свой шаг.*

*Мы в нищете проводим нашу старость,
Они сложили головы за нас.
Да нас не так уж много и осталось,
И скоро наши придет последний шаг.*

*И в час, когда последний мой ровесник
Уйдет в тот мир, где обещают рай.
Тебе я завещаю, мой наследник:
Об этом никогда не забывай.*

*И поминальных свеч в России хватит,
И памяти народной не избыть.
Но горе не уляжется с годами,
И хочется порой по-волчьи выть...*

март 2015 г.

*1935 г. отряд красноармейцев-добровольцев во время войны
в г. Кульдже, Иван сын Лукиана Долдин, 1911-го г. р. — верхний ряд
слева, стоит первый*

**Правительство КНР выдало семье А.Г. Долдиной
Удостоверение за № 00049 следующего содержания:**

На славную память семье бойца, отдавшего жизнь за Революцию. Тов. Долдин Иван в Революционной борьбе славно отдал свою жизнь. Его достойный подвиг и слава не будут забыты в веках. А семья его должна пользоваться уважением в Обществе. Кроме пособия, единовременного согласно постановлению Центрального Народного Правительства об оказании внимания и соболезнования семьям бойцов, отдавших жизнь в боях за Революцию, семье выдано на память настоящее удостоверение.

Председатель КНР МАО-ЦЗЕ-ДУН

Консульство СССР в г. Кульдже настоящим удостоверяет подлинность перевода с китайского языка на русский.
Вице-консул СССР в г. Кульджа 9.06.55 г. В.И. АШАЕВ

1937 год 26 марта ? — г. Кульджа
Китай. Иван 1911 г. р. сын Лукиана
Долдина — участник Военных
событий 1934-го г., 1937-го г.,
1944-го г. в Синьцзяне Китая
(? Алтайская добровольческая
армия). Погиб от ран во время
боя за народную власть в 1944 г.
дек. ? — в 1945 г. янв.

1945 г. март.
Анна Гавриловна
и дети Валя, Зина,
Нина и Коля

1929 г. Анна 1910 г. р. дочь Гавриила
В. Серикова, с. Усть-Куют,
Бийского уезда

1941 г. Гаврил Васил. Сериков,
1877-го г. р. и внуки Валя и Зина
в г. Кульдже

*1955 г. Семья Анны Гавришиловны Долдиной:
Нина, Зина, Валя, Коля и Яша. Кара-Тюбе*

*1960 г. детский дом № 2 г. Джамбул, Анна Александровна Голубева —
завуч, Н. Долдин — пред. Детсовета, Анна Петр. Венгловская —
директор и Валентина Иван. Богач — воспитатель*

*1985 г. Алма-ата. Анна, Нина-Матрена и Аграфена —
дочери Гавриила Васильевича Серикова*

*2009 г. 12 мая. г. Томск. Нина Ивановна Худякова (Долдина),
Николай Иванович и Людмила Андреевна Долдины*

ЗЕМНЫЕ ПУТИ

Анна Гавриловна СЕРИКОВА (Долдина)

Интернат с. Куреево Озеро, Бийский уезд

...Старшая сестра Нина Гавриловна жила с мужем Анатолием Николаевичем Молодцовым в селе Куреево Озеро. Село было курортным местом. Сюда на отдых летом приезжали господа, врачи и учителя, промышленники и купцы. Были здесь дачи городских, дома отдыха и больницы. Интернат для беспризорников и детей малоимущих семей устроили после гражданской войны в местной школе. Заведующий интернатом Анатолий Николаевич и жил при интернате. Первый раз меня взяли в интернат нянкой к сестре, когда было мне лет десять, а мама с отцом и остальные жили в Чичаме. Нашему отцу Гавриилу Васильевичу и маме Евдокии Кузьминичне трудно было прокормить и содержать тогда шестерых детей. Сидела я с дитем сестры Геной в интернате, поила и кормила его. Не до учебы мне было...

А второй раз взяли меня в интернат тринадцати лет, когда отец с мамой жили в Усть-Куюте. Учебу не посещала, нянчила второго ребенка старшей сестры. В столовой интерната стоял большой портрет вождя, и каждый раз перед едой, как молитву, ребята и девчата пели Интернационал. А во дворе и по улицам села ходили пионеры и комсомольцы с флагами и революционными песнями, маршировали под барабан. Помню, зимой случилась беда, когда умер Ленин, тогда было большое собрание беспризорников и учителей. Дети и взрослые плакали.

АРИМБАК В КУЛЬДЖЕ

...Ваш отец Иван, сын Лукиана Долдин/Долда, родился в конце июня 1911-го года под Талды-Курганом и был младшим среди братьев Гавриила, Павла и Димитрия. Он мне рассказывал, что его дед Лука Долда, вместе с семьей отца Иакова, в давние времена переселились из центра России и живут по границе

с Китаем. Он был еще маленьким, года два, когда скончалась его мама, и не помнит ее. Отец его скончался, это он помнит, когда ему был двенадцатый год \1923 г.\. У них в хозяйстве было немного скота, да и тот забрали при коллективизации в общественное стадо. Осень была холодная, вода уже льдом затянута. Отец Ивана от расстройства заболел, слег и вскорости скончался. Старший брат Гавриил был уже женат, имел двоих детей и взял Ивана нянчиться с детьми. Маленький и шуплый был Иван, а любил играть с ребятами в казаки-разбойники. Бывало, летом выведет на огород ребятшек братовых, закроет ворота и бе-егом! — играть со сверстниками. Наиграется, прибежит домой, даст поесть, что родители детям приготовили, и спать их уложит. А взрослые возвращались поздно с сельских работ. Как он рассказывал, в школе не обучался, а читать научился по буквам, когда разглядывал маленькие книжки с картинками у старшего брата. А как подрос и мог топор держать в руках, так стал работать в артели строителей. Строили мельницу, дома для односельчан и других. Пришлось и плотничать, и стеклить, и печи класть, и другие каменные работы и покраску выполнять. Одним словом, все делал по стройке. А тут подошло время, и его, Ивана, призвали служить в Красную Армию на границе с Китаем.

Во время военных событий (осень 1934? года) в Синьцзяне Иван вместе со старшим братом были направлены туда в числе других бойцов, помогать устанавливать народную власть в Китае. Подобрали добровольцев и вместе с офицерами направили в город Кульджу, на помощь Мао Цзе Дуну. По приезде в Кульджу офицеры стали агитировать местный народ: русских, уйгуров, казахов, таранчей — в помощь Мао. Во время той войны брат Гавриил погиб, был казнен солдатами Чан Кайши, а Ивана Бог хранил, и он остался живым... Потом, Иван рассказывал, дунгане подняли восстание и с винтовками, пиками, саблями, топорами и ножами бежали с горок по улицам города с криками «Аллах. аллах!» Громили лавки, поджигали, а если встречали на улице русского, казаха или китайца, то кололи, рубили и стреляли. Иван видел потом фотографии, где видно было — кучами лежали

убитые с отрубленными руками, ногами, головами... Немногие русские, кто приехал из России помочь народной власти, были оставлены в Кульдже. Кто-то вызвал из Союза свою семью, у кого не было семьи, тот завел ее здесь. Вот так и познакомились мы с Иваном в Кульдже, когда мне было уже двадцать пять лет, и работала я в прислугах.

Теперь, в 1944 году, он рвался на фронт другой раз, говорил: «Пойду! Отомстить надо за брата!» Но его ранили во время стрельбы. Одна пуля попала в снаряд и запуталась в рукаве тужурки, она выпала из рукава, когда тужурку снимали в больнице. А другая пуля принесла смерть ему, рикошетом от снаряда попала в него. И случилось это накануне Рождества Христова. Видно, не судьба была пережить ему войну. А ведь я его просила, уговаривала не ходить на фронт! Сердце мое предчувствовало: с ним беда случится. Пошел воевать ваш отец и погиб, не вернулся домой живым и здоровым с войны...

Оставил меня одну с малыши детьми...

...В тот день, когда отца вашего хоронили, был четвертый день по Рождеству Христову. Погода была морозная. Я стояла у гроба и всех вас четырех прижимала к себе руками. Когда собрались крышку гроба закрывать, то я подошла, опустилась на колени и взяла руки отца, прижалась щекой к рукам его... Так вот, поглаживаю руки, и говорю: «И на кого же ты нас, сирот, оставил? И зачем же ты ушел на верную смерть? Просила же я тебя не идти на фронт! Но, видно, Богу угодно... И свершилось!» А сама, чувствую, как будто руки отца отвечают мне теплом. Они у него не были холодными! Не закаменелые, как у покойника. А мягкие! И подумала я: может, его надо было из больницы домой отвезти? Полежал бы он дома, отошел, а я его сразу на кладбище повезла? Ведь он обещал в последний день: «Выздоровею, уйду из больницы, вернусь домой и переделаю хату. Камышовый дом разберем и поставим из бревен, а сверху дома сделаем второй этаж, не хуже, чем у других! Сделаем комнаты для детей отдельно, для деда Гавриила Васильевича и себя — тоже, свои комнаты будут. Грамоте всех детей обучим, а то сами Библию читаем по слогам, безграмотные!»...

ИНТЕРНАТ Г. КУЛЬДЖИ

...Не говори! Ты два раза терялся из дома. Один раз вы, дети мои, сами пошли в церковь без меня. И возвращались с собрания, а напротив консульства, там, где зеленый базар, дорога расходилась. Одна дорога поворачивала к нам, а другая с базара шла, по ней за город можно было выезжать. А когда вы шли, то возле консульства остановились. Ты остановился, когда надо было переходить в нашу сторону, а девчонки ушли домой. Там еще мельница была, знак такой был, вот ты остановился и загляделся. А девчонки прямо через базар перешли и домой. А ты тогда туда-сюда поглядел, искал, а никого своих нет. И побежал по дороге. Догонять девчонок... Догонял, догонял и за город выбежал... А ребята, мужчины к вечеру ехали домой с базара по той дороге. Видят мальчишка бежит. Холодно уже было, одет вот так легко, а была уже осень. Взяли тебя на телегу и к себе домой в горы увезли. Там уже снег лежал на склонах гор, ты успел прокатиться. Недалеко. Там Рыхликовы жили раньше, и много жило городских людей, они собирали фрукты в садах и возили их на базар. Ночевал ты там ночь, а на следующий день привезли тебя домой. Всего одну ночь побывал в горах, там уже снег лежал на склонах, и ты успел покатать себя, а утром был дома. А я в эту ночь не спала. Всю ночь так плакала, так плакала и убивалась! Просила Бога сохранить тебе жизнь!..

Смотрю, а утром подъезжает подвода с яблоками, и ты сверху сидишь! Остановились у столба, что стоял на углу нашего дома. Я так рада, так рада была, что ты домой вернулся! Соседка Моловикова Лена прибежала, тоже радуется со мной! А ты им дорогу указал от базара, прямо до столба, говоришь, «который на углу дома стоит». Вот они и привезли тебя прямо под окно нашей комнаты. А я еще посмотрела, так, в окошко, и не верю своим глазам! Выбежала! А ты зовешь меня: «Мама, мама, вот я приехал, я нашелся!» — и выглядываешь из тулупа, \утро холодное было\ и кукурузу, вот так, держишь в руках и кушаешь. Взяла я тебя на руки и домой!..

А другой раз ты потерялся, когда учился в четвертом классе в Аримбакской школе на ул. Победа, недалеко от нас, за базаром.

В тот день из Аримбакской школы вы вышли и пошли с учителем в лес. А там по дороге был ручей и ключевая вода в роднике. Вот вы наклонялись, ложились на руки и пили воду. А ты взял да толкнул одну девчонку, когда она не ладошкой, а внаклонку пила, и у нее рука подвернулась. Ты ее толкнул, а она чуть-чуть не захлебнулась. Ты испугался тогда, что тебя накажут, и с одним мальчишкой, Генной, вместе учились, надумали не идти домой. Он тоже что-то там натворил. А дедушка у него жил за городом на реке Или, на рыбалке, и вы решились туда идти. «Пойдем, побежим туда, — сказал друг, — никто тебя там не тронет!» И убежали к дедушке его с этим мальчишкой.

А я дома жду и жду тебя из школы. Все нет и нет тебя до самого позднего вечера! Начали искать, бегать туда и сюда, а нигде тебя нету. Я пошла тогда туда, где переправа на пароме через реку Или. Спрашиваю там: «Вот таких-то, таких детей не видели здесь?» А он возьми да скажи: «Были здесь недавно дети, двое. Покрутились, покрутились здесь, прыгнули в воду и поплыли вниз по воде.» Вот такое сказал мне, и я так напугалась! Ведь вода в реке Или быстрая да бурливая, крутит и волны гонит большие! Может и в воронку затянуть не только мальчишку, а и взрослого! А такие случаи, говорят, уже были. И что же мне теперь делать?

Всю-то ночь не могла спать и думала, может, украл кто тебя? Ведь у многих дети пропали во время войны, и тебя могли украсть такие люди. В общем, вас не было ночь, ночевали вы там с мальчишкой у дедушки. А наутро они, родители мальчика, послали девочку со старшим братом на рыбалку к дедушке. Набрали еды, хлеба, масла и другого чего и повезли из города. Приехали туда, а вы там за столом сидите, едите рыбу жареную на сметане. А ночевали с другом на сеновале и ходили смотреть, как из запруды в катцах дедушка вытаскивал сачком рыбу. Ну, привезли вас в город от дедушки. А ты, как вернулся, радостный такой был. Рассказываешь все, как вы с мальчишкой шли пешком за городом. Видели зайцев в песках и горы, где уголь добывают и везут в город на телегах.

А потом, как ночевали в юрте у пастуха на берегу реки Или, и хозяин вас кумысом холодным поил. Говорил, как играли и купались вместе с детьми, которые приехали отдыхать с родителями из Советского консульства. Послушала я, послушала вместе с детьми, и успокоилось сердце мое. Ругать тебя сил не было от переживаний. Хоть учительница Мария Ефимовна и рассказала, как дело было, когда ты толкнул девочку у родника. Слава Богу, хорошо обошлось ваше путешествие на рыбалку...

О-о-ох! Тогда я всю ночь проплакала и много передумала чего. Но молилась всю ночь, просила у Бога сына сберечь и здоровым домой возвратить. Думаю, молитва не только мне помогла, но и сыну, тебе, тоже. А так больше нигде и никогда ты не терялся... Да-а-а... Трудно мне было содержать вас, пятерых моих детей. Жизнь заставила отдать тебя в интернат при гимназии, когда надо было учиться в пятом классе, а Валя и Нина учились тогда в школе им. Сталина. Правда, одну зиму ты там учился и воспитывался. Ведь на следующее лето мы собрались и с другими русскими семьями выехали на целину в Советский Союз на голимые пески Уральской области...

ИНТЕРНАТ С. КАРА-ТЮБЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

...Дети мои, кто бы знал, сколько я слез пролила, сколько переживала, когда я вас, Валю, Нину и Колю, в интернат отдала в Кара-Тюбе. Только что приехали на целину в Уральскую область, совхоз Аккозинский, и вам учиться надо, средняя школа за тридцать километров, а в Аккозе только пять классов. Ругаю себя, а отдала в интернат. Да и откуда бы я вас пятерых прокормила? Устроили меня истопником бани и пастухом стада коров совхоза. Выгоню я их пасти, а они разбегутся по полю, и гоняюсь я за ними. А потом остановлюсь и не могу идти дальше. Упаду на колени и прошу: «Господи! Сжался надо мной! Помоги мне! Дай силы мне и вразуми бессловесных животных!»

Стою и не знаю, где я, что со мной? Будто одна я во всем свете и никого рядом!.. И с души отлегло, когда я услышала мычание коров. Стоят недалеко и щипают траву, что может расти в песках!

А время уже к вечеру подошло. И я погнала скотину с поля в Аккозочку... Потом, ближе к осени, замдиректора сказал мне: «Скотину будет пасти другой человек, и печь в бане не надо вам топить. Кто будет ходить в баню, пусть и топит. А вот мне сказали, что шьете одежду неплохо?» «Да», — сказала я. «Тогда сшейте мне рубашку!» — и показывает мне материал, светлый в поло-ску. Я согласилась. Через день заглядывает он к нам в глинобит-ную комнату с лежанкой во всю комнату. Я ему отдала рубашку. «Что, без примерки?» — спрашивает он. «Наденьте!» — говорю ему. Надел замдиректора сшитую рубашку, руки поднял, плечи развернул и говорит: «Подошла, в самый раз! Спасибо! А теперь мы вам будем трудодни ставить, как истопнику бани, а вы шейте людям одежду. Вот наши женщины просят!» «Согласна!» — отве-чаю ему. И завтра уже ко мне принесли шить платья, а фасон я из журнала взяла. Им понравилось. И так я стала шить на дому. А вы, трое, учились в интернате Кара-Тюбе.

И вот уже холодать стало по ночам в песках, а я соскучилась и так захотела вас увидеть, что на выходной день пошла к вам. Изготовила сдобных булочек, взяла что поесть, попить и пешком отправилась. Там дорога от повозок и машин одна до Кара-Тюбе, и, думаю, я не должна заплутать. Отошла от селения совсем немного, и меня догоняет машина. Останавливается и приглашает подвезти. А я иду себе по краю дороги и не отвечаю, а думаю себе: «Кто тебя знает, куда ты меня подвезешь? Степь-то широкая, и не найдешь меня потом». Вот и поехала дальше машина.

Дальше иду. Впереди юрта стоит, и рядом пастух с женой и ребя-тишки бегают. Подхожу ближе, а меня приглашают зайти и айрану попить. «Спасибо, — говорю. — Мне детей повидать надо в интер-нате и домой еще вернуться к вечеру. А айрану я попью!» Пила, аж зубы ломит от айрана, но вкусно! А дальше шла без приключений и к обеду была у вас в интернате. Ты как раз в столовой был, и тебя вызвали ребята: «Мать пришла, иди!» Конечно, ты рад был видеть меня, хоть и прошло два месяца, как я сдала вас в интернат. Вышли и Валя с Ниной из своих общежитий, и я вам отдала свои гостинцы. Поговорила я с вами, и на душе полегчало: все живы и здоровы, учи-тесь, и слава Богу! Отдохнула я немного и засобиравалась домой.

Директор интерната все уговаривала остаться на ночь: «И место есть, и есть чем покормить!» «Нет, — сказала я. — У меня ведь дома еще двое ждут, когда я вернусь». Поговорила с вами еще: «Ну, я пошла. До свиданья!» Вы проводили меня до крайнего дома, а тут машина стоит с доярками. Собрались ехать на вечернюю дойку в наше отделение совхоза. И меня приглашают сесть в кабину. Тут я не стала отказываться. Смотрю на небо, а там тучи собираются. Поехали, а девчата оказались боевые, чуть не всю дорогу пели песни удалые! Половину дороги проехали и не заметили как. А потом тучи стали черными, опустились почти на самые пески! И ветер стал поднимать песок, задувать со всех сторон. Машина уже подъезжала к Аккозочке, когда из черных туч ударила молния, прямо в землю, и раздался грохот! Машина остановилась, вдруг следующая молния ждет нас? Но я не стала ждать, вышла из машины и направилась домой, что стоял на краю селения. Конечно, Яша и Зина ждали меня и сидели дома, правда, без огня. Вот так ваша мама ходила, чтобы повидать вас в интернате и душу успокоить свою.

Удивляюсь, неужели это было со мной?

Помню, когда я с семьей поехала на целину, то нас направили в Уральскую область в пески Кара-Тюбе, Аккозинский совхоз. Год помучились мы там и уехали в Джамбул. Здесь я устроилась на работу в артель «Швейник». На одну зарплату мою трудно было кормить пятерых детей. Люди советовали, и я решила отдать двоих, Нину и Колю, в детский дом. Переживала, ночами плакала за детей своих, что отдала. Но директор детского дома, Анна Петровна, хорошая женщина, успокоила меня и сказала: «Не переживайте за своих детей! Они здесь будут, как дома!» И правда! Нину через год, после седьмого класса, направили в строительное училище в Туркестан. Обучили работать штукатуром и маляром. А ты, Коля, учился до десятого класса в детдоме № 2 г. Джамбула и потом, в 1960 году, после детдома приехал в Алма-Ату, куда раньше переехала наша семья. Поступил работать слесарем-сборщиком на опытно-механический завод имени Крючкова...

ДЕТСКИЙ ДОМ Г. ДЖАМБУЛА

...Просишь, чтобы я переживания свои вспомнила? О-ох! Бывало такое, как я переживала за вас. Один раз сидела на работе за швейной машинкой. Всех, кто у нас был в бригаде, всех на ноги подняла. Думали, что я палец пришила. Вот как я переживала за тебя с Ниной, когда вас в детский дом отдала в Джамбуле. Нина после седьмого класса поехала в Туркестан в строительное училище и там работала на стройке. Она вроде ездила в Москву от училища. И вот я за нее так переживала день и ночь. Сижу на работе за машинкой, а она у меня в голове была, в мыслях. И я вроде бы уже заснула. Руки сложила на машинку и сижу, задремала. Смена-то была ночная до самого утра, а в часа три всегда спать хочется.

И вижу я, будто приехала туда, где Нина работает. Иду по дороге и спрашиваю, где можно мне увидеть Нину? А мальчик, вроде тут же учился, такой небольшой, может, из четвертого класса, и говорит: «Пойдемте со мной, и я вам покажу, где ваша дочь Нина». Ну, и пошли вместе. Он идет, и я за ним. Идем вроде по нашей улице Луговой, и он показывает в сторону от дороги на бугорок земли. Он вышел немножко из ворот школы, и недалеко от нас как будто бы могилки. Он и говорит: «Вон там, под этим бугорком ваша дочь находится». Я ка-ак закричу и проснулась за швейной машинкой. Заплакала, не могу успокоить себя...

Все, кто были на работе во вторую смену, соскочили со своих мест! И ко мне бегут! Тут прибежали работницы со всех соседних швейных машин. Успокаивают и спрашивают: «Что случилось? Палец себе пришила к платью?» А я... сказать не могу ни слова. Плачу! Думали, что я палец свой пришила машинкой. А я... от страха, что мальчик мне показал, и Нина под этим бугорком находится, сказать слова не могу...

Ну, вроде бы нет ее в живых. О-о-ох! Думала, что я умру от того, что увидела. А потом успокоилась и рассказала про свой сон о Нине. Вот так переживала за вас двоих, что сдала тебя с Ниной в детский дом. А одна успокаивала и сказала: «Во сне

увидеть — это не страшно. Ты просто сильно думала за дочь, вот она и приснилась тебе!» В общем, кто как умел, успокоили меня, и я отошла от видения...

...Когда на праздник Пасхи я ездила проведать родных в Андреевке, я напекла сдобных булочек да шанежек, то все они сошлись ко мне в гости. Меня-то никто к себе домой в гости не зовет, а на сдобное ко мне пришли! И я им говорю: «Теперь не я у вас, а вы у меня в гостях!» И тут я ночевала в доме у старшего брата Петра. Такой дом большой был деревянный, две комнаты с сенками,.. Петро хорошо жил, а остальные соседи как попало обитали. Там я долго не жила.

Давай, скорее, домой, в Джамбул. А вы тогда (1957 г.) вдвоем с Ниной у меня были в детском доме № 2 в Джамбуле у Венгловской Анны Петровны. Я вас оставила там, потому как тяжело было кормить и учить одной пятерых детей. У меня душа так за вас с Ниной страдала и болела, как будто чувствовала беду. И ты, оказывается, тогда заболел, простуда у тебя сильная была. Но ничего, врачи тебя выходили, и ты скоро поправился. Анна Петровна, директор детдома, говорила, что пока я ездила на Алтай, то ты чуть не помер без меня от воспаления легких. Был в бреду и с высокой температурой несколько дней, и только уколы от болезни тебя спасли. Здоровым стал и не упустил учебу.

И, слава Богу, все обошлось благополучно...

НЕУТОМИМОЕ СЕРДЦЕ

Николай Александрович ВЯТКИН,

1938 г. р.

С ЧЕГО НАЧИНАЛАСЬ РОДИНА — КРАЙ МОЙ ВЯТСКИЙ

Более тысячи лет назад в европейской части России, в бассейне Оки, ближе к северной части Предуралья, расселилось русское племя вятичей. Их именем названа достаточно полноводная и судоходная река Вятка. Сюда татаро-монголы не дошли, смешения кровей и резни не было, и вятичи жили по своим законам. В разное время они платили дань только более сильным русским князьям — суздальским, черниговским.

Характер у моих предков был суровый, воинственный. Независимость свою они отстаивали упорно. Легендарный объединитель русского государства Владимир Мономах упоминает свой поход в землю вятичей как один из самых тяжелых: племя крепко сопротивлялось.

Но и трудолюбивы были предки. Возделывали землю, охотились, занимались скотоводством. Славилась вятичи и рукодельным мастерством. Недаром мужчинам в могилу испокон веку клали нож, топор, скобель, женщинам — серп. Дома в наших краях ставлены добротнo, украшены деревянной резьбой. Знали деды наши давние кузнечное дело. А передалось ведь! В детстве, помню, мы, пацаны, сами ковали себе ножи и с гордостью носили их на поясе. Парнишка без такого оружия авторитета у сверстников не имел... Что еще? Валяли сапоги, ткали холсты, плели кружева — они у нас были особые, со старинными родовыми признаками. Урал осваивали в основном мужики именно с Вятской губернии: опять же мастеровитостью известны. Недаром в народе молвится: «Вятский — мужик хватский».

При царе Вятка была местом поселения бунтовщиков, причем ссылали сюда в массовом порядке и политических заключенных, начиная с декабристов. Много было ссыльных поляков. Людями они слыли образованными, способствовали

распространению грамотности, культуры. Зерна ее попадали на благодатную почву. Вятчи — люди одаренные. Из наших мест вышли известные в отечественной истории личности: знаменитый реформатор Столыпин, революционер Киров, чьим именем после трагической гибели этого человека в 1934 году назван наш город Вятка, маршал Конев, советский премьер Молотов и немало других знаменитых лиц и имен.

РОДОСЛОВНАЯ

Появился на свет я 29 июля 1938-го года в вятской глубинке, в двухстах километрах от областного центра города Кирова. Моя деревня на полсотни примерно дворов называлась необычно — Каменски. Впрочем, не без смысла: на краю селения, рядом с бывшим карьером, лежит здоровенный валун, о котором сложено много всяких историй, и ходили разные поверья, да и речка, протекающая неподалеку, носит название Каменка.

Места живописные. Холмы, поля, смешанный лес. Большой сосновый бор. Чистый и глубокий пруд, в котором водились лапотные караси... Люблю свою малую родину до сих пор и часто в последние годы с удовольствием сюда приезжаю. Притягивают корни, притягивают...

Сотни полторы—две лет назад мои земляки вершили работу по сезону. Летом заботились в основном о сельском хозяйстве, заготовках, зимой ремесленничали, брали зверя, становились на извоз. С Волги на Урал везли продовольствие для служилых людей, обратно — ценный камень, металл, пушнину, немудрящее рукоделье. Обычными в те времена мирскими делами занимался и *мой прадед Григорий (1832–1912 гг.)*. По дошедшим до нас рассказам, прадед был высокий — под два метра — кряжистый, симпатичный человек. Видимо, я в чем-то пошел в него, ибо с малолетства в деревне меня часто окликали Колька Гришин.

По жизни прадед оказался мужик не промах: сметливый, с хозяйственной жилкой. И силенкой бог не обидел. Если конь с нагруженными санями не мог взять горку, Григорий впрягался в оглобли сам и вытаскивал воз. Он один из немногих в нашем

семействе охотничал. На чердаке своего дома я находил капканы, приклады от старинных ружей, широкие самодельные лыжи. Близкие говорили: от него осталось.

Учиться в те далекие времена дано было не каждому. Прадед, тем не менее, грамоту знал: окончил церковно-приходскую школу. На извозе, плотницком деле, бортничестве (держал пчел) Григорий скопил небольшой капиталец и построил кирпичный завод, купил ветряную мельницу. Словом, благодаря уму и сметке не бедствовал, жил в свое удовольствие.

В округе его все уважали. На него и пал выбор, когда волостная управа подыскивала надежного человека, чтобы поручить ему строительство новой церкви. Получив заказ, прадед собрал деньги (строили в складчину, миром) и поставил в селе Салобеляк просторный пятиглавый храм, который представлял собой уменьшенную копию одной из церквей Санкт-Петербурга. После революции его закрыли, частично разобрали, но он сохранился до наших дней, и сейчас его восстанавливают.

У прадеда было двое сыновей. *Трофим Григорьевич, отец моего отца, прожил 85 лет (1862–1947 гг.)*, много рассказывал о старом времени. Другой сын Григория, Александр, успел повоевать в Первую мировую войну, потерял руку. До революции семьи братьев кормило имущество прадеда — кирзавод и мельница. Потом их пришлось отдать в колхоз, иначе записали бы в кулаки, сослали бы. А получилось вот как.

Дед мой Трофим Григорьевич имел троих сыновей: Александра, Семена и Матвея. Младший походил по свету, повидал мир. Рыл золотишко на Ленских приисках, потом его занесло на Балтийский флот, и большевики в Гражданскую даже доверили ему командовать эсминцем. Человеком он был решительным и, когда после ранения вернулся в родные места, сразу понял всю опасность положения, в котором оказались его братья со своими семьями. Он уговорил их отписать создаваемому колхозу прадедово имущество. Самого его выбрали председателем хозяйства. Так и спаслись от раскулачивания.

«Премудрости» церковно-приходской школы освоили и мои деды, и отец, и его братья. В деревенской глуши даже начальная грамота всегда ценилась, придавала человеку вес, авторитет.

Может быть, поэтому перед Великой Отечественной войной колхоз доверили возглавить моему отцу, кстати, тоже мужику крепкому. Я родился как раз в это время.

ОТЕЦ. ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Революционная штурмовщина, неоправданная порой жестокость отцу не нравилась. Человеком он был немягким и с властями не особенно ладил. Это исковеркало ему судьбу. Мне раньше казалось, что, будь он поговорчивее, наша жизнь была бы другой, лучше, и мама осталась бы жива. Но теперь я понимаю, что логику истории все равно не изменишь и что в роду у нас важнее была не сговорчивость, а другое. Наверное, извечная тяга к справедливости, стремление что-то делать для общей земляческой пользы. Тут уж о себе порой не думаешь.

На фронт отца взяли пулеметчиком. В 1943-м его контузило, и на поправку он был отправлен домой. Привезли, помню, на телеге, при костылях. В деревне из взрослых остались только женщины да старики, мужчины воевали. И отец, несмотря на ранение, опять начал руководить колхозом.

Поправлялся медленно, ходил с клюшкой. Так бы, может, и остался на «брони» до конца войны — дело знал, люди за ним тянулись — но... судьба! В колхоз приехал уполномоченный из района контролировать, как выполняется план засева площадей. Начал давить: «Быстреей!». А шли дожди, и отец знал: брось в раскисшую землю зерно — урожая не будет. Поэтому медлил, чтобы выиграть время... Переругались они из-за этого с уполномоченным в пух и прах. Отец даже, сам говорил мне потом, вгорячах его клюшкой огрел. А тот оказался районным военкомом... Понятно, вскоре родителю пришла повестка: снова в войска. Мама и сестренки плакали. В память врезалось: бегом догонял я телегу, на которой уезжал отец, чтобы передать ему новую клюшку, выструганную дедом. Мы дождались его только в 1946-м (после войны состоял в охране маршала Буденного). Отец снова впрягся в колхозную лямку. Делу отдавался целиком — по-другому себя и не мыслил. Видели мы его редко: с рассветом — на работу, возвращался поздно.

Через год в Поволжье случилась сильная засуха, и из окрестных областей выгребали для голодающих все зерно. А как же самим жить? Посудили сообща, порядили. Правление решило все-таки раздать колхозникам на трудодни часть урожая. Пьяница-мельник, его не раз ловили на обмане, настрочил донос. Кара ждаться себя не заставила. Подъехал «воронок», сгребли председателя — моего отца — парторга и главного бухгалтера. С арестованными разбирались недолго, впаяли всем по 10 лет с конфискацией имущества. Отбывать срок отца отправили на строительство Волго-Донского канала — там нужны были плотники. И остались мы с матерью да сестренками горевать...

МАТЕРИНСКАЯ СТЕЖКА

Мои родители были очень разными по характеру людьми. Иногда вспоминается такая картинка. После войны батя завел велосипед, вещь тогда редкую. Все мне хотелось на нем прокатиться. Наконец я до него добрался. Не умеючи кататься, упал, конечно, и сделал на колесе «восьмерку». Отец, Александр Трофимович, даже не накричал, так, мягко пожурил — до ремня не дошло, а вот от матери я получил ухватом по мягкому месту...

Она, Мария Тимофеевна, урожденная Дербенева, выросла в многодетной семье, одной из двух дочерей при шестерых сыновьях. Тоже из наших мест, высватал ее отец, правда, в другом селе, километров за тридцать. Женищина была статная и красивая, но с волевым, сильным характером. Я потом даже удивлялся, насколько они с отцом были, казалось, несовместимы. Жили, впрочем, дружно. Своим трудом жили: изба-пятистенка, вместительный сеновал, скотина, огород — все это было как у любой работающей семьи. В поле ли с серпом, в огороде ли, по ягоду ли бабы пойдут — матери в деревне не было равных. Уже на сносях была, а жала хлеб в снопы до последнего. Когда родовые схватки начались, с трудом добрела до дома и родила меня прямо на крыльце.

Детей — меня и четверых моих сестер — держала в строгости. Причем не ругала нас, не кричала, но я четко помнил, что где-то в углу не дремлет ухват с длинной деревянной ручкой, которым мать

вынимала чугуны из печи. Часто, прежде чем что-либо сделать, я прикидывал, не прилетит ли мне этим материнским «инструментом». А прилетало — за плохую ли школьную отметку, за невыполненное задание по хозяйству. Не жестоко, правда, но вполне чувствительно, чтобы лучше помнилось... В этом смысле я вспоминаю маму всегда с благодарностью: она приучала к порядку, к ответственности. Тут уж что заслужил, то получай.

Как-то мать поручила мне набрать земляники. Я весь день купался, забыл. Она среди ночи вынимает меня из теплой постели и — за дверь: «Пока не наберешь, нечего дома делать!» Просидел на крыльце до утра, ранехонько, по росе еще, набрал банку, принес. А понимать с тех пор стал лучше: сперва — дело, потом все остальное. С весны пробегал все окрестные ягодные поляны и околки, запоминая, где и какой ягоды сколько, чтобы, когда поспеет, брать быстрее. Сестры за мной по пятам ходили, пытались опередить — тоже ведь задания имели. Но у меня получалось ловчей, набирал вдвое–втрое больше. Эта сноровка осталась на всю жизнь. Лесные дары — клюква, брусника, малина, смородина, грибы — постоянно были у нас на столе. А когда не хватает хлеба, это все-таки довесок...

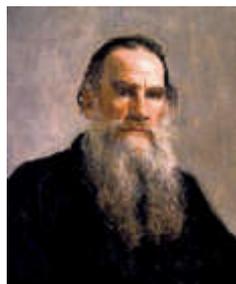
Мать заложила во мне привычку доводить начатое до конца, не пугаться трудностей. Идешь, бывало, по бревну через ручей. Оступишься в холодную воду, течение ударит по коленкам, страшновато. Она меня снова ставила на ноги: «Иди, иди, ничего не бойся!»

Читать и писать она научилась на курсах ликбеза. Главным она считала выучить нас, чтобы, став людьми с образованием, мы заняли подобающее место в жизни. Мама все делала для этого... Хотя уже и без нее, ее мечта исполнилась: мы, ее дети, получили высшее образование. Жаль, мама это не увидела. Но мы оценили материнское устремление. Живи она сейчас — я сделал бы для нее все мыслимое и немыслимое. В общем, мама была для меня светом в окошке, и главные житейские качества во мне заложила она. Братья ее стали людьми мастеровыми, никто в сторону не отбился. *Тяжело было... Вскоре, как забрали отца, мамы не стало (1907–1946 гг.).* Но что тут поделаешь...

ПЛАМЯ НЕГАСИМОЕ В ПАМЯТИ СИРОТ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ.

Русские гордились и защищали свою Родину, не жалея жизни врагов

ДИРЕКТОРА

Директор Тогурского детского дома Нина Михайловна Ильясова и заведующая учебной частью Таисия Гавриловна Трифонова, 1965 г.

Николай Яковлевич Бочков. 1922-го г. р. — Средне-Васюганский детский дом — 1942 г., Копылово, Тискино, Старо-Коротино, Чаинская школа-интернат, Новоселово — 1978 г. Учитель, завуч, директор в школах Нарымского края

Ленинградского Зырянского детдома Евгения Андреевна Мамонтова 1942 г.

Бакчарского детского дома Ольга Анатольевна Галанцева, 2014 г.

*ДИРЕКТОРА
Детского дома № 9 г. Томска*

*Анна Матвеевна Хадакова
и Лидия Николаевна Андропова —
в 1943–1946 гг. и 1946–1966 гг.*

*Конкордия Павловна Борст —
с 1958 по 1982 гг.*

*Полина Яковлевна Нехорошева —
с 1982 по 1989 гг.*

*Александра Михайловна
Шарибзянова — с 1993 по 2003 гг.*

*Директора детского дома № 1 г. Томска
1964–1991 гг. Лидия Ильинична Михеева
и 1991–2014 гг. Людмила Сергеевна Глушкова*

*Директор детского дома № 4 г. Томска
Павел Кириллович Железчиков с 1998 по 2014 гг.,
директор Семилуженского детского дома
Сергей Алексеевич Масунов, 2010 г.*

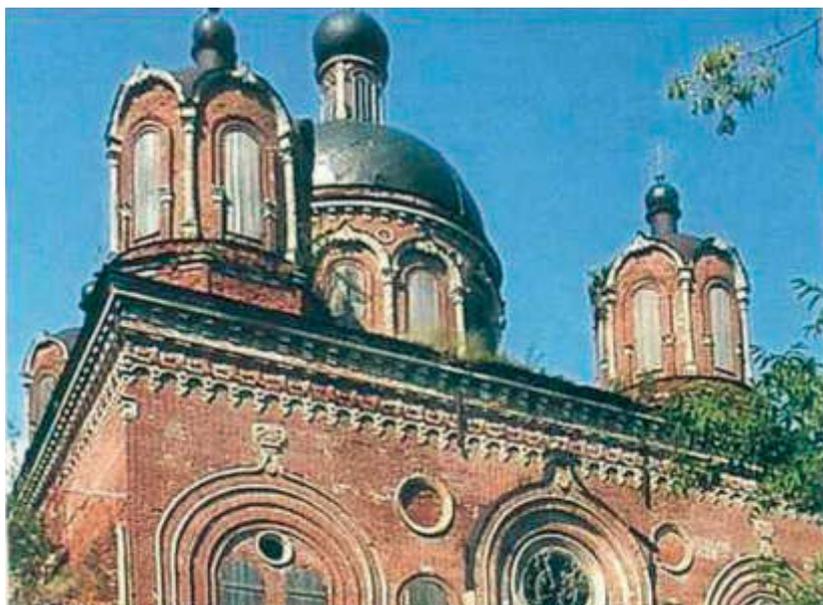
*Директора детского дома № 2
Нина Иннокентьевна Галахарь 1915-го г. р. — с 1948 по 1974 гг.
и Лидия Васильевна Шилова — с 1974 по 1983 гг.*

*Директора школы интерната № 33 г. Томска
Нина Петровна Струкова в 1977–1995 гг. и
Алексей Яковлевич Мударисов — в 1995–2014 гг.*

Примерно здесь, возле этого дерева, как символа деревни разоренной, стоял отцовский дом Вяткина Александра Трофимовича

Такую церковь построил прадед Н.А. Вяткина, Григорий с Вятки

С отцом Александром Трофимовичем и племянниками. 1955–1956 гг.

*Сестры Агния и Галина
разыскали воспитательницу бывшего детского дома*

Детдом, в котором находилась сестра Галина

На этом месте стояла когда-то деревянная школа-семилетка

Шумит моя липа...

Н.А. Вяткин на родине по-семейному (с женой и сестрами)

*Этот теплоход назвали в честь матери Н.А. Вяткина,
Марии Тимофеевны Дербеневой-Вяткиной*

*Н.А. Вяткин,
1955 г. Семнадцати лет
от роду, речное училище
г. Горький*

*2015 год, г. Томск. Сохранили
крепость духа и тела через года.
Встреча Н.А. Вяткина
и Н.И. Долдина накануне
70-летия Победы*

*Тихая моя родина!
Мать моя здесь похоронена.
«Где же погост? Вы не видели?»
Тихо ответили жители:
Тихо ответили жители.
Купол церковной обители
Там, где я плавал за рыбами,
Тихая моя родина,
Новый забор перед школою,
Словно ворона веселая,
Школа моя деревянная!..
Речка за мною туманная
С каждой избыю и тучею,
Чувствую самую жгучую,*

*Ивы, река, соловьи...
В детские годы мои.
Сам я найти не могу».
«Это на том берегу»...
Тихо проехал обоз.
Яркой травкою зарос.
Там, где купаться любил.
Я ничего не забыл.
Тот же зеленый простор.
Сяду опять на забор!
Время придет уезжать —
Будет бежать и бежать.
С громом, готовым упасть,
Самую смертную связь...*

*Встреча 2014-го г. Губернатора Томской области В.М. Кресса с активом
Союза ВДДИ Персовым С.Г., Тереховым Б.И., Твердохлебовой В.П.,
Аввакумовой Р.П., Сартаковой Г.П., Евдокимовым Е.Н.*

*Г.П. Сартакова и Р.П. Аввакумова,
председатели Правления Союза разного времени,
в День 20-летия Союза ВДДИ Томской области,
сентябрь 2010-го года*

Пионеры детдомовского движения и организации Союза ВДДИ в Томской области В.П. Твердохлебова, Н.И. Долдин и Р.П. Аввакумова

Р.П. Аввакумова и О.П. Колеров — закружили себя в вихре танца, как в годы молодые, в кругу воспитанников детского дома

Р.П. Аввакумова, З.В. Чуприна и Е.С. Шевченко — во время вручения памятных сувениров на Юбилейном Слете в честь 20-летия СВДДИ

Р.П. Аввакумова, председатель Правления 2010-го г. Союза ВДДИ принимает, а Е.С. Шевченко, председатель Правления 1990-го г., сдает рапорт о готовности парада к проведению Слета выпускников детских домов и интернатов в связи с 20-летием создания Союза ВДДИ Томской области

*Приятные хлопоты перед Слетом выпускников
в честь Юбилея Союза ВДДИ Томской области*

*Последние наставления молодым и среднего возраста
выпускникам детских домов и интернатов...*

Бакчарскому детскому дому Томской области — 80 лет

Торжества по случаю 80-летия Бакчарского детского дома

ВЕСЕННИЕ ДРАНИКИ

Нас, пятерых птенцов, собрали и повезли в детдом, в райцентр. Но я по дороге сиганул с телеги в кусты и вернулся в опустевший дом. Меня потом спрашивали, зачем я это сделал. Ведь в детдоме и одевали бы, и кормили. Но выше всего я ценил личную свободу. И потом, думал я, кто будет ухаживать за могилой матери?.. В жизни многое определяют акценты, которые сызмалу расставляет для себя сам человек.

Жил как мог, кое-какие продукты еще оставались. Думал о матери. Однажды среди ночи послышалось, что она меня зовет. А вдруг заберет к себе в могилу — народ болтает всякое... Испугался я, выскочил на улицу. Была глубокая осень, шел снег. Я постучался во двор одного дома, подождал, зажавшись в угол от холода. Никто не открыл — все спали. Стало смаривать в дремоту и меня. Устал и сильно замерз. Мысль пришла: а что трусить — пусть будет, как будет. И я отправился домой спать. Голосов уже не было... При свете дня я вспомнил материно «не бойся!». Может, пришло в голову, она и звала, чтобы не забрать меня, а приободрить? После этого случая я «зарабатывал» иногда у пацанов ковригу хлеба, по спору принося с ночного кладбища какие-либо предметы. Уже не страшился, перемололось.

В тот проклятый год школу я пропустил. Ходить было не в чем, голодовал, стеснялся. Одно из ярких впечатлений. Весной на поле нашел дюжину мерзлых картофелин. Сварить не получилось — раскисло. Тогда я напек лепешек, драников. Черные получились, как земля, а все равно впервые за много месяцев наелся до отвала...

Новый председатель колхоза мужиком оказался понятливым. Пришел, по-человечески поговорил, дал работу, хотя такие действия в отношении родственников «врагов народа» властями тогда не поощрялись. Летом пас колхозный скот, получил за это телочку. Растил ее. Вообще надвинулись вполне взрослые заботы: посадил картошку, готовил дрова, запасал сено. Сам рассчитывал и предусматривал, чего сколько надо. Мне, мальчишке, приходилось тогда очень тяжело, но подгонять было некому. Не на кого было и надеяться.

«БЫТЬ ТЕБЕ, КОЛЬКА, ЭЛЕКТРИКОМ!»

На другую осень, перед учебным годом, из соседней деревни, где была школа, ко мне наведалься учительница, Валентина Ивановна. Я даже обрадовался: соскучился по урокам. Она убедилась, что я хочу продолжать учебу, и похлопотала в колхозе насчет того, чтобы меня заменили. Самое главное, что я понял в то время: если не буду хорошо учиться, как мама велела, то на всю жизнь останусь пастухом. А это ассоциировалось с тяготами невыносимыми житейскими, которые я тогда испытывал.

Так что к знаниям потянулся отчаянно. Сидел на первой парте, жадно впитывал все новое. Влет схватывал физику и математику, по этим предметам были неизменные «пятерки». Вместе со всеми удивлялся рассказам одинокого странноватого — вечно ходил в ушанке и сапогах — преподавателя этих дисциплин, который утверждал, что настанет время, когда вделанный в стену кусочек урана будет обогревать весь дом. Такое чудо для нас, мальчишек, казалось недостижимым. Зато вполне реальным стало электричество в моем доме. Когда проходили эту тему в школе, я задумался: а ведь можно и самому...

Поставил под окнами четырехметровую вышку, закрепил наверху на подшипнике старый тракторный генератор, приладил лопасти — получилась маленькая ветряная электростанция. Когда вспыхнула лампочка — двенадцативольтовка, сбежались все пацаны. Мы теперь, говорят, у тебя по вечерам уроки учить будем. Так и было, не все же лучину жечь. Приходили даже взрослые, удивлялись: это ж надо, мол, додуматься. «Ну, быть тебе, Колька, электриком!». Фраза эта гвоздем засела на всю жизнь. Авторитет мой в деревне резко возрос. Там ведь все на виду, кто чем занимается, кто как живет — не скроешь. Увидели, что не сбился мальчишка с дороги, серьезен, стремится к чему-то. Мне стали больше помогать по хозяйству, уважительно здоровались. Было, конечно, приятно, но история эта памятна и по-другому. Тогда я усвоил для себя простую истину: если делаешь что-то полезное для людей, для всеобщего устройства — как вот и прадед мой, построивший церковь, — не пропадешь: будешь и в тепле, и в чести.

МИМО ВОЛЧЬИХ СЛЕДОВ

Нелегкими школьные годы мои были.

До соседнего села Салобеляк семь километров — побегай-ка каждый день! Напрямую, около кладбища, через ложбину, путь покороче. Надо только успевать до темноты: водились волки. Из пары досок я сделал, как сумел, лыжи — на них было проще и быстрее, да и веселей. До того привык к лыжне, что в 4-м классе, встав на «фабричные» лыжи, на десятикилометровой дистанции обогнал парней из 10-го класса. Учитель физкультуры подарил мне такие лыжи. Позже в армии я выполнил норматив мастера спорта в гонках на 10 км... «Лыжные» навыки пригодились потом в жизни не раз: при осмотре электролиний, на рыбалке, на охоте.

Иногда донимали сверстники. Штанов-то для школы путных не было, надевал заплатанные, ходил в лаптях. Когда дразнили, крепко дрался. Хоть и худой был, но силенкой не обижен, шею мог пригнуть любому. Недаром, если во время урока ученики начинали баловаться или шуметь, Валентина Ивановна, устав их успокаивать, полушутя говорила мне: «Ну-ка, Вяткин, пойди разберись с ними...» И я быстренько наводил порядок.

Как-то раз за «дразнилку» ввалил по первое число однокласснику, а его старшие братья решили свести счеты. Загнали меня в угол, к забору. Во мне что-то звериное поднялось: обозвали да меня же еще и лупить!.. Вырвал я из забора доску и саданул ближайшего по плечу. Вид у меня тогда, наверное, был отчаянный, но остальные разбежались и больше не лезли...

А как еще? По-другому мне, осиротевшему, нельзя было: затрут и забьют. За такими драками я вижу теперь кое-что большее, чем сама драка. Для меня она никогда не была развлечением, как у тупых и сытых верзил. Тут вопрос о собственном достоинстве. Если человек находит в себе силы защищать его, это, как правило, человек порядочный, и с ним стоит иметь дело. По жизни я убеждался в этом не раз.

ЦВЕТЫ ДЛЯ ВАЛЕНТИНЫ ИВАНОВНЫ

Навсегда я благодарен своей учительнице Валентине Ивановне. Но не только за то, что она учила нас, как в песне поется, «буквы разные писать тонким перышком в тетрадь». Благодарность моя особенная. Валентина Ивановна была одной из немногих, кому не безразличной оказалась моя судьба. Психологически мне было тогда очень тяжело. Я не жил, а выживал, думал о куске хлеба, тогда как моих сверстников эти заботы миновали.

Но детство есть детство. Хотелось таких же, как у всех, игр и забав, семейной теплоты, уйти от дурных мыслей и воспоминаний. Именно Валентина Ивановна безучастной тут не осталась. Она сама воспитывала сына — постарше меня — и по-матерински понимала мое малолетнее одиночество, родительскую обездоленность. Ненавязчиво так старалась отвлечь, подсказывала какие-то житейские мелочи, приободряла простым разговором, простыми спокойными словами.

Иногда покупала для меня билет в кино — «сегодня идет хороший фильм, сходи обязательно...» Помню, радовался. А то пригласит домой, покормит. Стеснялся, правда, — учительница и сама жила небогато, — старался отказаться. Потом стал приносить ей кое-какие продукты, молоко, она что-нибудь приготовит, вместе пообедаем.

Рос я, как трава у дороги, мальчишечьи провинности, конечно, были. Валентина Ивановна всегда старалась меня защитить, но тут же и мораль прочтет: пойми, дескать, нельзя делать то-то и то-то — потому что кулаками ничего не докажешь, вникать в суть дела надо спокойно... Она разясняла азбуку поведения терпеливо и доброжелательно. Я это чувствовал, поэтому, может быть, воспитательные моменты и воспринимались с доверием, как нечто само собой разумеющееся. Слушался ее, уважал, боялся обидеть нечаянным резким словом.

Когда я уезжал из деревни продолжать учебу, зашел к Валентине Ивановне проститься. Нарвал ей по дороге полевых цветов, какие нашел, — что я мог еще подарить... А она была тронута до слез. Валентина Ивановна, как ангел-хранитель,

осталась и в моих сегодняшних днях. Осталась живым деревом... Как-то по осени около школы разбивали сад. Я, как всегда, собирался убежать пораньше — скотина ждала, дела какие-то огородные были. Учительница поймала меня за холщовую сумку: «Не пушу, пока липу не посадишь! Бери лопату, копай ямку... Большой вырастешь, приедешь — вспомнишь». Вредничать не стал, так и сделал...

Слова ее сбылись. Год назад после долгого отсутствия мы с сестрами обходили родные места, вспоминали детство. Меня вдруг будто обожгло: увидел свою липу! Высоченная вымахала, метров за двадцать. Постоял я около, послушал, как она шумит, погладил по шершавой коре. Прикоснулся вроде бы к тому далекому времени... Что в сердце творилось — не передать! Для меня это дерево как живая память о доброй душевной русской женщине, которая помогла осиротевшему деревенскому мальчишке стать человеком.

ЗАРОСШИЙ ПРУД

У сестер — Ираиды, Агнии, Августы и Галины — судьбы сложились по-разному, но в целом благополучно. Получили высшее образование, вышли замуж. Сейчас на пенсии, нет с нами только Ираиды Александровны...

Наша недавняя поездка на родину была и радостной, и грустной. Еще в хрущевские времена, как смерч, пронеслась над Россией кампания по ликвидации малых деревень. За сорок лет это подкосило всю сельскую глубинку. В нашем районе из 15–20 колхозов, разбросанных по небольшим селениям, слепили один огромный совхоз. В деревушках закрывались школы, магазины, медпункты. Люди стали бросать обжитые углы и перебираться в крупные села, в города — поближе к цивилизации. Словом, малые деревни заглохли. Этой участи не избежала и Каменски. Дома вывезли, пруд зарос, деревенских улиц не узнать. Только старое кладбище, как памятник самой деревне, осталось.

В соседнем селе, где я учился, мы еще встретили знакомых, однако они нас почти не помнили. Галина нашла детдомовскую

воспитательницу, но сам детдом закрыт. Многие ранее населенные места моей малой родины теперь в запустении. Время неумолимо, его не остановишь. Всею свой срок. Но все-таки обидно, что огромный район Предуралья пустеет. Этому способствует другой современный процесс. Экономическая реформа поменяла акценты в развитии регионов, а выигрышных позиций — нефти, газа, полиметаллов — в Кировской области нет. Поэтому промышленного подъема на Вятке не ощущается. Но ведь государство должно ориентироваться на длительную перспективу, а значит — сохранять потенциал любого региона.

Очень благодарен своим сестренкам за участие ко мне. Это очень порядочные и скромные люди. Честно трудились всю жизнь, воспитывали детей — Агния, например, преподавала литературу — живут на скромные пенсии. Я, по мере возможности, время от времени собираю всех и везу на родину, иногда сестры приезжают ко мне в Томск на лечение. Жалею, что не собрал их здесь всех вместе, но что поделаешь — не удалось, жизнь есть жизнь. Пользуясь возможностью, хотел бы привести здесь их краткие воспоминания.

Агния Александровна ГОЛОВИНА (Вяткина)

Мои родители — люди обыкновенные. Отец Александр Трофимович — участник Великой Отечественной войны. Пройдя через фронтовые испытания, будучи раненым в ноги, вернулся-таки домой живым. Прожил с 1905 по 1981 год и умер в Томске.

Мать Мария Тимофеевна — великая труженица. Не пила и не курила, и я считаю это очень важным. При пятерых детях работала в колхозе наравне со всеми и даже лучше, так как наша фамилия всегда была на колхозной Доске почета. Помню, как она оставляла грудную сестренку Галю в люльке на наше попечение, а сама уходила в поле жать хлеб. Когда малютка сильно плакала, кто-нибудь из нас бежал за мамой, чтобы она покормила девочку грудью. Человеком она была жизнерадостным. Любила печь пироги, ватрушки, оладьи, блины, особенно в дождливые или праздничные дни, когда не работали в поле. Утром всегда был горячий завтрак, а к обеду в русской печи прели-доспевали

каши из круп и картошки, грелись грибные и овощные супы, иногда даже с мясом. Шила нам нехитрые одежки, не соблюдая размеров, «кому получится». Овладела ручным ткацким станком, на котором из льна, выданного на заработанные трудовни, получалась ткань. Из нее шили одеяла, наволочки для перин, полотенца и онучи, портки и рубахи. Эту ткань красили корой деревьев... После ликбеза мама помогала нам, начинающим в учебе, овладеть приемами письма, чтения, счета. Зимними вечерами, занимаясь вязкой или штопкой, она просила нас читать вслух. Помню, как сестренка читала «Радугу» Василевской и все плакали от переживаний.

Желание учиться передалось нам, наверно, от мамы. Трое из нас получили высшее образование, одна — среднее специальное. Только старшая сестра ничего не окончила — на ней после смерти мамы лежала забота о семье. Много трудностей выпало на долю мамы. Так уж вышло, что она умерла, оставив нас, пятерых детей, и деда.

Дед Трофим Григорьевич оказал на нас большое влияние. Из коры липы он готовил нам нехитрую обувь — лапти, подшивая их чем-то, чтобы не промокали. Иногда из далекого детства выплывают в памяти картины вроде этой: в огороде стоят ульи, а также огромный чан — дед гонит мед; мы, босоногие, — свои и чужие, — слипшимися пальцами макаем хлеб в блюдо со свежим духмяным медом.

Когда отца забрали, дед вместе с мамой тянул семью. Конюхом работал до глубокой старости. Мы помогали ему, наполняя огромные бочки колодезной водой и разнося лошадям сено по кормушкам (колодам). Он учил нас обращению с животными. Мы, девочки, не боялись взбираться на спины лошадей и управлять ими, когда были запряжены в телегу. Дед научил нас орудовать топором и пилой, заготавливая дрова на зиму. Ходил с нами за грибами...

Вообще от деда нам передалась любовь к лесу. А в годы войны мы превратили свой огород в картофельное поле: корчевали орешник, малинник, выкопали черемухи и рябины, перекопали лужок. Деревья остались только в прилегающем овраге...

Память хранит картину: при вспашке огорода мама впрягается вместо лошади, мы, девки, — по бокам, дед держится за ручки сохи, направляя ее. Он был очень скромным и непритязательным, наш дед. Умирая на руках у старшей сестры, он просил не копать ему глубокую могилу, потому что это нам будет трудно. Именно от деда узнали мы, что на свете есть Бог, и что он все видит и все знает. О каждом человеке... Помня об этом, старались жить по-божески, по ЕГО законам, хотя не всегда это и удавалось.

В зрелые годы большую роль в нашей жизни сыграл брат Николай. По возрасту он четвертый среди нас, но был намного самостоятельней и фактически заменил нам родителей. Мы до сих пор обращаемся к нему за советами, звоним со своими бедами. Не было случая, чтобы он не откликнулся. Без него мы бы, наверное, замкнулись в своих «гнездах», так как живем в разных городах. Но Николай между нами — связующее звено: то приедет сам, то пригласит к себе. Он, к чести своей, не стесняется представить нас своим известным гостям и посадить за общий стол, хотя одеты мы, по своему невеликому недостатку, бываем далеко не изысканно и не отличаемся «манерами»...

Очень хорошо, что брат помнит о своих «корнях», хотя и много пережил. Бывает на родине, на месте бывшей деревни. Знает родню, заботится о могилках близких, вспоминает друзей детства и учителей, посаженную когда-то вместе с учительницей свою липу... За такого брата судьбу и Бога только благодарить...

Галина Александровна БЕЛОГЛАЗОВА (Вяткина)

В семье я была самой младшей — родилась в январе 1942-го года. Шла война, отец находился уже на фронте. Все военные годы я много и тяжело болела. Когда умерла мама, меня отправили в детский дом с. Пиштенур Кировской области. Много переживала: очень тяжело отразилась на мне смерть матери, страшно было расставаться с сестрами и братом.

Когда сестра Агнеша уезжала из детдома (нас разъединили), я все спрашивала у нее: «Когда возьмешь меня обратно?» Агнеша, чтобы меня успокоить, наломала 365 палочек, дала их

мне. Сказала, что через год она приедет. С утра до вечера я перебирала эти палочки, каждый день выбрасывая по одной...

По ночам я часто плакала, видела во сне кошмары, тосковала по маме. Нянечки сидели рядом и втайне от воспитателей часто читали надо мной молитвы.

Запомнила первое письмо от брата Коли. Он меня утешал и успокаивал. «Ты счастливая, тебя кормят в детдоме. А у меня несколько дней дома нет хлеба, кружится голова». Мне его было жалко, и я плакала. Намного позже я стала понимать, что в моей судьбе все могло быть еще хуже и тяжелее, чем было. Чужие люди отогрели и вернули к жизни. Нас хорошо кормили, по-доброму к нам относились. За 6 лет моей жизни в детдоме ни одна нянечка, ни одна воспитательница не оскорбили и не обидели меня. Вот уже десять лет, посещая церковь в родительские субботы, в списки «за упокой» я всегда включаю имя Николая — директора нашего детского дома.

Благодаря участию добрых людей жизнь моя сложилась в целом благополучно. И школу, и медицинское училище окончила с отличием. Переехала в Пермь, на Урал, получила университетское образование. Вышла замуж, и с мужем прожили 36 лет. Двое детей, четверо внуков.

Теперь, перебирая в памяти годы и события, я думаю иногда, что судьба моя обернулась бы, может быть, и хуже, если бы не поддержка моего дорогого брата. Вот только один из примеров. Когда я приехала в Пермь, никак не могла устроиться на работу: не было прописки. Пишу Коле в армию, объясняю это: «Работу найти не могу, а деньги заканчиваются. Придется, наверное, вернуться в деревню...» Буквально через неделю получаю от него деньги... Как ангел-хранитель рядом со мной пролетел. Я сразу и работу нашла, и место в общежитии мне предоставили... Потом уже, когда Коля приехал из армии, я спросила его, где он раздобыл тогда деньги. Он ответил, что продал часы и фотоаппарат.

Всю жизнь брат был моим советчиком и опорой, как бы заменяя отца. В трудные минуты всегда подставлял плечо. Все мы, сестры, признательны ему, его семье за доброту и заботу о нас. За доброе человеческое внимание.

ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ

Окончив семилетку, подал документы в Горьковское речное училище. Поступал с проблемами: ростом вышел, а веса до нормы не хватало — всего 47 килограммов. Медкомиссия не пропустит... Что делать? Остановливаю на улице незнакомого парня примерно одинаковой комплекции и похожего лицом, объясняю ему, в чем дело, и он соглашается вместо меня пройти контрольное взвешивание... Вот так и прорвался.

Самый главный урок, который я усвоил в училище, — быть старательным. Мастер слесарного дела — был у нас такой предмет — дал мне полоску металла с заданием разрубить зубилом на части. Сам стоит рядом и посматривает, как я это делаю. Э-э, говорит, не так. Растолковывает: когда рубишь, смотри не в ту точку, куда бьешь молотком, а туда, где резец. Попробовал, как он требует, — разбил руку в кровь. «Вот йод, бинты — перевяжи. А вот тебе еще заготовки... Когда научишься правильно рубить, я тебе поставлю оценку. Но проверю, чтобы ни одной капли крови!» Старался, рассчитывал удар, выдерживал равновесие...

На третьей пластине стало получаться. И за что бы я потом ни брался — специальная обработка заготовок, обеспечение чистоты поверхности до заданного класса, — если сразу не получалось, выручала старательность. Уж потом это стало называться немножко высокопарно — «серьезное отношение к делу». Однажды, правда, меня это подвело.

Задумал я из напильника сделать хороший нож — давно ли детство было... Постарался и сделал. Отшлифовал. Ручка получилась красивая, наборная, из цветной пластмассы. Хранил под подушкой — где еще? Мне завидовали, расспрашивали: из чего да как. В училище началась настоящая эпидемия, стали пропадать напильники: любому курсанту хотелось привезти домой такую красивую, нужную в хозяйстве вещь. Начальство заволновалось, это же холодное оружие — мало ли к кому в руки попадет. Провели всеобщий шмон, проверили и у меня под подушкой, извлекли... Я не отпирался, сам делал. Работой полюбовались,

но «строгача» вlepили. Причем до первого предупреждения. Директор погрозил: «Старайся там, где надо».

«ГРЕБИ, САЛАГА!»

Училище окончил с отличием. Работать начал судовым мотористом, затем назначили вторым механиком. До службы в армии ходил по Волге с верховьев до самой Астрахани на самоходке «Большая Волга». Нравилось. Судно было внушительное, типа «река-море». Новые люди, новые города. Все было интересно. Еще одно обстоятельство играло немаловажную роль. Работа в судовой команде требовала и самоотдачи, и дисциплины. В речниках привлекало их крепкое чувство товарищества, верность профессии — до фанатизма. Навигация длится по полгода, ходили в отрыве от семей, иной раз на берегу не бывали недели по три, но никто не роптал. Увольнялся с работы редко кто. Причем друг за друга, случись что, — горой!

...В период практики со мной произошла неприятность. Готовились к навигации, лед уже сошел. Суда стояли рядом бортами по нескольку в «связке». Чтобы пройти на берег, с борта на борт бросали трапы. И вот пошел я вместе со всеми за продуктами, да нагрузился хлебными буханками так, что дорогу едва видел. На трапе оступился, полетел в воду. Тело от холода сразу свело, я испугался, перестал барахтаться. Все равно, думаю, конец. И уносит меня течение в аккурат между бортами, затягивает вниз. Уже и пузыри начал пускать... Очнулся от резкой боли. Кто-то держит меня за волосы, мощно рвет вверх и свирепо орет в ухо: «Не дрейфь, салага! Гребите!».

Оказывается, боцман, здоровенный детина, как был, в одежде, кинулся за мной... Не помня себя, я заколотил руками по воде. Нас вытащили, сразу растерли, дали по стакану спирта, потащили в баню. У речников тут все четко: выручай! Я даже не закашлял после этого. Причем никто не посмеялся, не упрекнул — несчастье со всяким может быть. А крутого боцмана по сей день добром вспоминаю: спас-то спас, да ведь и научил: «Держаться надо до конца!»...

БАКЧАРСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ

Основан в 1933 году, когда по стране прокатилось колесо сталинских репрессий. В годы Великой Отечественной войны под свою крышу детский дом принимал эвакуированных детей, количество которых достигало до 200 человек. Национальный состав был разнообразен: прибалты, грузины, немцы, поляки, украинцы, молдаване и др. С 1957 года по 1989 год была школа-интернат, где учились не только дети-сироты, но и дети из малообеспеченных семей. С 1989-го года статус был изменен — учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В 2012 году воспитанниками учреждения являются 50 детей. Воспитанники обучаются в общеобразовательной средней школе села Бакчар.

Наш дом открыт в 1933 году, и с этого времени главной целью нашего коллектива было создание такой атмосферы, в которой каждый ребенок чувствовал себя, как дома. Мы строим свою работу так, чтобы все дети были охвачены вниманием специалистов в той мере, которая ему необходима. Для этого у нас созданы все условия. Дети с непростой судьбой, попадающие в наш дом, должны знать и чувствовать, что они нужны, и что их любят. Без этого смысл нашей работы теряется, поэтому главное условие нашей работы — это любовь к нашим детям, потому что невозможно любить ребенка по графику, и здесь нам есть чем гордиться. В нашем коллективе нет ни равнодушных, ни случайных людей. Мы хотим, чтобы наши дети уже сегодня видели окружающую жизнь с самой лучшей стороны и, самое главное, не боялись, покинув стены нашего дома, встретить незнакомый и сложный мир. Успешный и готовый к самостоятельной жизни выпускник, смело смотрящий в свое будущее — это главная цель нашей работы.

Детский дом располагается на территории 3,99 га в центре с. Бакчар. Здесь находится учебно-опытный участок площадью в 12 соток, где дети под руководством инструктора по труду выращивают овощи для собственных нужд. Рядом с участком

располагается овощехранилище, что позволяет овощи на зиму закладывать. Также на территории имеются игровая площадка «Игромир», где дети могут поиграть в песочнице, покататься на качелях, весело скатиться с горки, просто посидеть поболтать за круглым столиком; футбольное поле, где наши спортсмены проводят спортивные «баталии».

Проживают дети в 2-х уютных корпусах, где созданы все необходимые комфортные условия. Дети в группах помогают поддерживать чистоту и порядок.

В детском доме имеется медицинская служба, персонал которой внимательно заботится о здоровье детей, оказывает медицинскую помощь, обучает навыкам оказания первой помощи. Для оздоровления детей и подростков действуют медицинский кабинет, физиотерапевтический кабинет, кабинет массажа, процедурный кабинет.

Направления работы

Вся организация и работа нашего учреждения направлена на развитие личности ребенка, подготовку его к самостоятельной жизни, более легкую адаптацию в обществе. Приоритетными направлениями воспитательной работы являются охрана и укрепление психического и физического здоровья в рамках программы «Здоровье»; семейное жизнеустройство детей и формирование здорового образа жизни; формирование экологической культуры; развитие навыков труда, ранняя профориентация; освоение нравственных ценностей и самоопределение; дополнительное образование; профилактическая работа.

Занимаются воспитанием и развитием личности ребенка педагоги, отработавшие не один десяток лет, словом, профессионалы: 62 % педагогов имеют высшее образование, 23 % педагогов имеют высшую квалификационную категорию, 35 % педагогов — 1 квалификационную категорию, 35 % педагогов — вторую квалификационную категорию. 4 работника детского дома имеют знаки отличия: 1 педагог — звание «Почетный работник просвещения» и 3 работника — грамоты Министерства Образования.

На протяжении вот уже 13 лет нашими шефами являются сотрудники УМВД по Томской области.

Отдел образования по опеке и попечительству: с. Бакчар, ул. Ленина, 53, тел. 22-361 тел: 22-624; 8-913-104-69-07. А также ОГКОУ «Бакчарский детский дом»: 636200, с. Бакчар, ул. Хомутского, 52. Директор Бакчарского детского дома Ольга Анатольевна Галанцева. Окт. 2014-го года. тел. 89050896602

ДЕТСКИЙ ДОМ ТРАДИЦИЯМ ВЕРЕН

3. БАСКОНЧИНА,

воспитатель Тогурского детского дома. 2004 год

В год основания, 1933-й, он назывался — Тогурский детский дом имени товарища Эйхе. Ирония судьбы: первый секретарь Западно-Сибирского краевого комитета коммунистической партии Р.И. Эйхе жестко проводил в жизнь линию на «раскулачивание» огромной массы крестьян и высылку их на спецпоселение, а сироты в этом детском доме были, в основном, как раз из вымерших от лишений семей спецпоселенцев. Пройдет ровно 70 лет, и появится современное название — «Областное государственное образовательное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, «Тогурский детский дом».

Очень многое вместили в себя эти десятилетия. Поначалу часто менялся численный состав детей (сохранился документ о том, что на 1 июля 1937-го года здесь было 158 воспитанников), постоянно шло их перераспределение между другими детдомами: Белоярским, Кругловским, Гришкинским, Новосельцевским, Усть-Чижалским и др. Было время, когда всех детей школьного возраста отправили в Кругловский детдом, а в Тогуре остались только дошколята. Но и тогда сотрудники детского дома работали в три смены, круглые сутки. Их состав поначалу тоже менялся, однако со временем сложился костяк коллектива.

К началу 40-х годов система детских домов в Нарымском крае стабилизировалась. Но тут грянула война... Военные годы — особенный период в истории Тогурского детского дома. Это — большой труд, это — проблемы со снабжением, это — новые сироты. С 1941-го года возглавила коллектив Н.М. Ильясова, проработавшая директором двадцать лет. Забот у этой энергичной женщины было столько, сколько далеко не каждый мужчина выдюжит. Помимо воспитания детей, их обеспечения, надо было и дров на 30 печей наготовить, и подсобное хозяйство (куры, свиньи, лошади, коровы) содержать, и помогать колхозам, и делать многое другое. Со всеми этими трудностями коллектив детского дома справился. И больше того, шло развитие. В 1944 году, например, приказом директора воспитатели, не имевшие среднего образования, обязывались заочно учиться в Колпашевском педагогическом училище. Находили даже возможности для поощрения лучших работников. Так, в 1943 году столяр В.Г. Белкин за безупречный 10-летний труд (то есть с момента создания учреждения) был премирован 10 метрами материи и 1 метром полотенца. По тем временам — целое богатство.

Большая группа сотрудников Тогурского детского дома была награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» А вместе с ними — и 12 воспитанников, которые на некоторых работах трудились наравне со взрослыми. Закончилась, наконец, война, потекли мирные будни. Осталась традиция, дожившая до наших дней: воспитанники трудятся, обустривая свой дом.

В 1948 году был заложен свой сад. Высадили 100 яблонь и 100 кустов сортовой малины, причем закладку сада поручили лучшему классу. В 50-е годы строится тепличный комплекс, появляются многоцветные клумбы. Дети участвуют в конкурсах и выставках, озеленяют Тогур и Колпашево, обеспечивают себя овощами и содержат подсобное хозяйство, которое увеличилось с присоединением к Тогурскому Кругловского детского дома. Воспитанники участвовали во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве, привозя оттуда медали и дипломы.

Здесь всегда работало множество кружков, в которых дети могли применить свои разнообразные таланты. На почетном месте — спорт, художественная самодеятельность. Свой орган самоуправления — детсовет. Пройдя такую школу жизни, воспитанники навсегда сохраняют заряд бодрости, активности, самостоятельности. На протяжении многих лет действует совет бывших воспитанников Тогурского детского дома (В.И. Холодов, В.М. Маркелов, В.И. Некрасов, Л.Е. Устинов, А.В. Кобальков, И.С. Пунгина и другие), который иницирует юбилейные слеты, переписку, встречи, взаимопомощь.

За время более 70 лет сложились целые трудовые династии: Десятовы, Никульшины, Трифионовы, Матафоновы, Ильясовы, Санаровы, Трофимовы, Некрасовы, Шукшины, Юшины, Киселевы и другие. Детский дом связывает людей крепко... Бывает у нас по-прежнему, если позволяет здоровье, Мария Михайловна Базуева, начинавшая работать воспитателем еще в 1942 году. Детский дом всегда был ее домом, а ее дом был домом для всех воспитанников. Она заботилась и переживала обо всех, этим и живет сейчас. Каждое десятилетие привносило в жизнь Тогурского детдома что-то свое, но всегда сохранялись традиции. Так и сейчас здесь работает дружный, творческий коллектив.

И наши воспитанники по-прежнему занимаются в различных кружках, дружат со спортом, поддерживают порядок в своем доме. По весне, например, нет отбоя от желающих приобрести овощную рассаду из теплиц, любовно выращенную руками ребят. Дети «на короткой ноге» с приметой современности — компьютерной техникой. Весной в Тогурском детском доме открыт свой музей, первый такой в области. Здесь — летопись дома, ставшего родным для сотен воспитанников. Здесь — интересные, подчас уникальные экспонаты. Причем готовили музей, собирали и оформляли материалы сами воспитанники. Это — в традициях Тогурского детского дома, где не забывают своих родственных корней.

ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Устройство детей в учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

В 2013 году на территории Томской области функционировали 9 детских домов (3 городских, 6 в сельской местности), подведомственных Департаменту по вопросам семьи и детей Томской области.

За последние пять лет наблюдается стабильная тенденция к сокращению количества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, поступающих в детские дома Томской области. В 2013 году укомплектованность детских домов Томской области составила 387 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, это 81,6% от общей лицензионной наполняемости (в 2012 г. — 438 детей (84,2%), в 2011 г. — 454 (87,3%), в 2010 г. — 508 (96,8%), в 2009 г. — 451 (80,4%)).

В 2013 году в детские дома Томской области направлено 165 детей из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из них 10 — переводом из других детских домов, 9 — временно, 41 — повторно из замещающих семей. По-прежнему основной из ключевых задач перед Департаментом остается создание оптимальной социальной среды для обучения, воспитания, развития и реабилитации детей-сирот, укрепление их здоровья.

В 8-и учреждениях, подведомственных Департаменту, условия проживания приближены к семейным, воспитанники проживают в разновозрастных группах («семьях») численностью 8 человек, где организованы спальные зоны (в комнате проживают по 2–3 человека), бытовая зона, игровая, зона самоподготовки и приема пищи.

Детский дом № 1 (коррекционный) для дошкольников с ограниченными возможностями здоровья организован по типу детского сада в соответствии с санитарно-гигиеническими нормами: дети проживают в отдельных жилых группах, где разделены

спальная и игровая зоны. У каждого ребенка, проживающего в детском доме, организовано индивидуальное пространство для хранения личных вещей, одежды, книг, игрушек и т. д.

Питание детей осуществляется в соответствии с физиологическими нормами, возрастом и состоянием здоровья детей. Проживание детей соответствует санитарно-эпидемиологическим правилам и гигиеническим нормам. В образовательных учреждениях реализуются авторские и другие образовательные программы, направленные на реабилитацию и социально-трудовую адаптацию детей, лишенных семейного окружения.

Основными направлениями деятельности детских домов является:

- исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию и образованию детей, а также защите их прав и законных интересов;
- организация индивидуальной профилактической работы с воспитанниками детского дома;
- организация процесса воспитания в соответствии с программами дошкольного и дополнительного образования и с учетом индивидуальных особенностей воспитанников;
- организация медицинского обслуживания, летнего отдыха, досуга и занятости воспитанников;
- подбор и подготовка граждан, выразивших желание стать опекунами или попечителями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, организация деятельности по сопровождению замещающих семей.

В воспитательной работе с детьми особую значимость приобретает досуговая деятельность воспитанников, их занятость в свободное от учебы время. Во всех учреждениях работают секции, студии, мастерские по различным направлениям. Всего на базе подведомственных общеобразовательных детских домов и учреждений дополнительного образования организована работа более 200 детских объединений с охватом свыше 1000 детей и подростков. Практически все воспитанники детских домов посещают по 2 и более секции, студии и клубы при детском доме,

в учреждениях культуры и дополнительного образования. В летний период времени для воспитанников организовываются спортивные смены, туристические походы и слеты.

В рамках региональной программы «Развитие системы отдыха и оздоровления детей и подростков на 2012–2014 годы» в 2013 году 385 воспитанников отдохнули в санаториях-профилакториях на территории Томской области, 445 — в летнем оздоровительном лагере, 56 отдохнули в палаточных лагерях, 3 ребенка отдохнули на Черном море в лагере «Глобус».

В 2013 году администрацией детских домов был организован вывоз воспитанников, в том числе детей группы риска, на Алтай, о. Шира, Хакасию, Обское водохранилище г. Новосибирска. Все воспитанники обеспечены в достаточной степени школьно-письменными принадлежностями, одеждой, обувью, мягким инвентарем, предметами личной гигиены. Воспитанникам организовано 5-разовое, в дошкольном детском доме организовано 6-разовое сбалансированное питание.

Контроль за соблюдением санитарно-эпидемиологического режима в учреждениях осуществляется регулярно. Углубленный медицинский осмотр с привлечением узких специалистов проводится 2 раза в год. По результатам углубленных осмотров все дети распределяются по группам здоровья и физкультурным группам. Сравнительный анализ заболеваемости проводится ежегодно. Детям, страдающим хронической патологией, составляется план оздоровления на год и проводится соответствующее противорецидивное лечение, по показаниям — стационарное лечение.

Дети с психическими отклонениями находятся под наблюдением психиатра, проводится медикаментозная коррекция. В соответствии с рекомендациями врача данная категория детей получает лечение в стационаре психиатрической больницы. Ежегодно все воспитанники консультируются фтизиатром, состоящие на диспансерном учете получают соответствующее лечение. В целях укрепления иммунитета детям назначаются курсовые дозы поливитаминов, проводится С-витаминизация блюд аскорбиновой кислотой, проводится фитотерапия.

В учреждениях ежедневно ведется амбулаторный прием воспитанников с целью выявления заболевших и оказания своевременной медицинской помощи. Все воспитанники учреждений 1 раз в год подлежат обязательной диспансеризации, 2 раза в год — углубленному медицинскому осмотру. Все областные образовательные учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, осуществляют медицинскую деятельность в соответствии с лицензией. В течение года активно продолжили работу службы по работе с семьей при подведомственных Департаменту учреждениях. Основными задачами служб являются:

- подготовка воспитанников к передаче в замещающую семью;
- создание образа полноценных семейных отношений, распределения ролей и обязанностей внутри семьи;
- организация информационной компании в целях устройства детей в замещающие семьи;
- устройство воспитанников в замещающие семьи;
- подготовка граждан, желающих взять детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающую семью (школа приемных родителей);
- работа с кровными родителями и родственниками, временная передача воспитанников в семьи родственников;
- сопровождение замещающих семей (оказание психологической, консультативной помощи приемным родителям, опекунам и детям в их семьях);
- организация обучающих семинаров, праздничных мероприятий.

В 7 детских домах продолжили работу Школы приемных родителей (Детский дом № 4, детский дом «Орлиное гнездо», Тогурский детский дом, Асиновский детский дом, Чердатский детский дом, Бакчарский детский дом, Зырянский детский дом). В 2013 г. 505 граждан, желающих принять на воспитание детей-сирот, прошли обучение в ШПР при детских домах (за последние пять лет 2703 семьи прошли подготовку в ШПР).

За последние 5 лет 358 воспитанников детских домов были переданы на воспитание в замещающие семьи, в том числе

возвращены в кровную семью. В 2013 году 95 воспитанников детских домов были переданы в семьи граждан (14 детей возвращены в кровную семью, 2 ребенка переданы на усыновление, 66 — в приемную семью, 13 — под опеку).

Также при всех детских домах, подведомственных Департаменту, работают службы сопровождения замещающих семей. В 2013 году 1239 опекунских и приемных семей находились на сопровождении в службах сопровождения замещающих семей. Во всех детских домах организованы условия для знакомства ребенка с кандидатами в замещающие родители. В детских домах реализуются более 10-и авторских программ подготовки воспитанников к жизни в замещающей семье.

В 2013 году 41 ребенок возвращен в детские дома из замещающих семей (83 ребенка в 2010 году, 44 ребенка в 2011 году, в 2012 — 59 детей). Более 200 воспитанников в возрасте от 14 до 18 лет получили профориентационные услуги, 71 воспитанник поступил в учебные заведения, из них 2 воспитанника — в высшие учебные заведения (2,8%), 29 (40,8%) воспитанников — в учреждения СПО (техникумы, колледжи), 38 воспитанников (53,5%) — в учреждения НПО (профессиональные училища, лицеи), 2 воспитанника трудоустроены (2,8%).

Особое внимание уделяется оказанию услуг выпускникам детских домов в рамках постинтернатного сопровождения: консультирование социальное, психологическая и юридическая помощь по жилищным, социальным и другим вопросам. На базе ТОГКОУ «Детский дом № 4» продолжил работу центр постинтернатного сопровождения. В 2013 году 137 выпускникам центром оказаны консультативные услуги, 9 выпускников воспользовались услугами стационара.

В 2013 году сотрудниками центра организована работа сайта для выпускников детских домов, также для них разработана информационная брошюра, активно проводится информационная компания по распространению информации об услугах, оказывающихся центром.

В 2013 году значительно укрепилась материально-техническая база детских домов: в детском доме № 1 проведен

капитальный ремонт инженерных сетей (канализация, отопление, водоснабжение), кровли учреждения, овощехранилища, гаража; в Асиновском детском доме также проведен капитальный ремонт инженерных сетей (канализация, отопление), в детском доме «Орлиное гнездо» проведен капитальный ремонт столовой. Во всех детских домах проведен ежегодный плановый текущий ремонт, облагорожена территория.

С 1 января 2013 г. вступают в силу изменения в Федеральных законах о сиротах

«Комсомолка» не раз писала о детях-сиротах, которые после детдома не могут вселиться в собственные квартиры. Их туда не пускают вечно пьющие мамы с папами, давно лишённые родительских прав. А если и пускают, жить с такими родственничками удовольствие, прямо скажем, ниже среднего. А сколько сирот, которым все-таки удалось получить отдельное жилье, становятся жертвами мошенников и, продав квартиру за бесценок, а то и вовсе не получив ни копейки, оказываются на улице. В начале прошлого года произошли изменения в федеральном законодательстве, которые, по мнению специалистов, должны защитить детей-сирот от таких ситуаций.

О том, как будет предоставляться жилье детям-сиротам с 1 января 2013-го года, а также о других способах защиты и помощи таким детям рассказала на прямой линии уполномоченный при губернаторе Омской области по правам ребенка Елизавета Степкина. — В Омской области в 2011 году в исполнительном производстве службы судебных приставов находились 233 исполнительных производства о предоставлении жилых помещений гражданам, относящимся к категории детей-сирот, — рассказала детский омбудсмен, — из которых к концу года окончены 125 исполнительных производств.

Одна из основных проблем, влияющих на исполнение судебных решений о предоставлении жилья детям-сиротам, — безусловно, недостаточное финансирование. Естественно, что копившиеся годами нерешенные вопросы в области обеспечения

детей-сирот жильем невозможно решить в одночасье. Но вступающие в силу изменения в федеральном законодательстве должны способствовать тому, что проблема сдвинется с мертвой точки. *Детей не будут подселять в семьи, из которых забирали в детдом.*

Вопрос — Добрый день! Меня зовут Ольга, я живу в детском доме. Родители умерли. Слышала, что теперь детям-сиротам не будут давать квартиры. Так ли это?

Ответ — Не совсем.

С 1 января 2013-го года жилье детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, по-прежнему будет предоставляться. Но только не в собственность, а по договору найма сроком на 5 лет. Причем в каждом регионе будет создаваться специализированный жилой фонд для этих целей.

— А что будет после того, как пройдут 5 лет? Попросят освободить помещение?

Ответ — *По истечении указанного срока орган исполнительной власти при отсутствии обстоятельств, свидетельствующих о необходимости оказания детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, а также лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, содействия в преодолении трудной жизненной ситуации обязан принять решение об исключении жилого помещения из специализированного жилищного фонда и заключить с указанными лицами договор социального найма на данное жилое помещение.*

— Здравствуйте! Марина Васильевна беспокоит. Сейчас столько случаев, когда сирот обманывают мошенники и забирают их квартиры. У меня двоюродный племянник — сирота. Живет в другом городе, имеет право на получение жилья. Боюсь, как бы он не стал жертвой аферистов, когда получит квартиру...

— *Предоставленное детям-сиротам жилье в течение 5 лет нельзя будет обменять или продать, что служит надежной гарантией защиты детей от жилищных мошенников. Подобная практика заимствована из опыта Москвы, где такой механизм защиты действует с 1999-го года.*

— Звонит Инна Золотарева — воспитанница детского дома. Мне сейчас 15 лет. По закону у меня есть половина квартиры

совместно с матерью. Но я не могу даже ступить на порог! Мать устраивает гулянки, меняет дружков, как перчатки, и говорит, что не видать мне квартиры, как своих ушей. Вроде бы жилье и есть, но на деле его нет. И куда я пойду, когда мне исполнится 18 лет, — неизвестно...

— *Новым законом закреплено одно принципиальное положение, в соответствии с которым детей больше не будут подселать к семье, из которой его изъяли. Такой ребенок будет приравнен к лицу, у которого жилья нет вовсе.*

— А какое это будет жилье? Не получится ли так, что нас будут расселять по коммуналкам и баракам, которые в любой момент могут развалиться от старости?

— *В законе четко прописаны требования к жилью, которое будет предоставляться. Во-первых, это должны быть отдельные квартиры или отдельные благоустроенные дома. Во-вторых, площадь предоставляемого жилого помещения должна соответствовать нормам предоставления площади жилого помещения по договору социального найма. В Омской области эта норма составляет 33 кв. метра.*

Также с 1 января 2013-го года отвечать за сохранность жилья, в котором прописан ребенок, будут не органы опеки и попечительства, а министерство образования области. Это позволит повысить уровень ответственности за надлежащее исполнение обязанности по обеспечению сохранности жилых помещений, а также сократить рост числа детей-сирот, стоящих в очереди на жилье, за счет сохранения жилых помещений, которые уже закреплены за ними.

— Добрый день! Меня зовут Виталий. Я сирота, стою в очереди на получение жилья. Мне в феврале исполнится 23 года. Есть ли у меня еще возможность получить квартиру?

— *Новый закон прямо закрепил положение, в соответствии с которым право на обеспечение жильем помещений сохраняется за лицами, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет до фактического обеспечения их жильем помещениями.*

— Мои родители лишены родительских прав. Живут в Коловском районе, а я в городе. Я могу рассчитывать на жилье только в том районе, где жил с родителями?

— *Жилое помещение по новому закону предоставляется не на уровне муниципального образования, а на уровне субъекта РФ, что позволит ребенку получить жилье не по месту утраты родительского попечения, а по месту фактического проживания. Куда жаловаться на нерадивых родителей и где найти бесплатного психолога для сироты.*

— Здравствуйте! Меня зовут Татьяна. Мой сосед постоянно кричит на своих детей. Не знаю, бьет или нет, но дети выглядят запуганными, а из квартиры постоянно доносится ругань. Можно ли куда-то обратиться? Я очень беспокоюсь за детей.

— Татьяна, вы можете обратиться с этой проблемой в социальную службу экстренного реагирования в Омске: (3812) 77-01-73, 48-72-85.

— Добрый день! Меня зовут Галина Степановна. Я живу в Таврическом районе. У меня на попечении находится ребенок, и ему необходима консультация психолога. Есть ли такие службы у нас в регионе?

— Безусловно, есть. Вас проконсультировать могут в Омске по адресу: ул. Севастопольская, 4 Предварительная запись на прием по телефону (3812) 55-00-80.

— Меня зовут Евгения. Я хотела с ребенком поехать за границу, а муж не дает разрешения на вывоз сына. Могу ли я добиться этого через суд?

— Евгения, с этой проблемой сталкиваются многие женщины, которые находятся в разводе. Но, к сожалению, выход пока только один — договариваться с супругом.

— Здравствуйте, звонит Ксения. Мы с мужем в разводе более 10 лет. На алименты я не подавала. Сыну уже 16, и я опасуюсь, что, когда он станет совершеннолетним, его отец потребует, чтобы он содержал его.

— То, что вы не стали подавать на алименты, — большая ошибка. Я бы посоветовала сделать это сейчас, и, если отец ребенка откажется их платить, попробовать подать заявление о лишении его родительских прав.

Сведения 1994-го года о воспитанниках детских домов и интернатов на территории Томской области

Проживают воспитанники детских домов и интернатов
на территории:

- города Томска	510 человек
- Кировского района	99 человек
- Советского района	110 человек
- Октябрьский	155 человек
- Ленинский	146 человек
- Александровский	20 человек
- Бакчарский	40 человек
- Верхнекетский	25 человек
- Зырянский	16 человек
- Каргасокский	35 человек
- Кожевниковский	36 человек
- Кривошеинский	22 человека
- Молчановский	47 человек
- Парабельский	29 человек
- Первомайский	12 человек
- Тегульдетский	40 человек
- Томский район	132 человека
- Чаинский	30 человек
- Шегарский	35 человек
- г. Колпашево	62 человека
- г. Асино	89 человек
- г. Стрежевой	43 человека
- г. Кедровый	93 человека
И Т О Г О	1316 человек

По состоянию на 1 января 1994-го года выпускники учатся:

- в высших учебных заведениях	140 человек
в том числе в ТГУ	26 человек
в ТПУ	26 человек
в ТИАСУРЕ	18 человек
в Сиб ГМУ	18 человек
в ТГПИ	38 человек
в ТИСИ	14 человек
- в профтехучилищах	202 человека
- в средних спец. учебных заведениях	35 человек

И Т О Г О **377 человек**

Всего воспитанников **1693 человека**

*Старо-Коротино, Чайнская
школа-интернат, Новоселово —
1978 г.*

*Учитель, завуч, директор в школах
Нарымского края... Н.Я. Бочков*

Средне-Васюганский детский дом — 1942 г., Копылово, Тискино

*1942 г. Студенты Колпашевского педагогического училища.
Николай Я. Бочков — второй ряд по центру*

*1943 г. Преподаватель-воспитатель Средне-Васюганского
детского дома Николай Я. Бочков с учащимися воспитанниками*

*Через время и расстояние в 70 лет после пребывания
и встречи в Средне-Васюганском детском доме*

*Встреча Марии Лукиановны Ивановой с Николаем Яковлевичем
Бочковым — 1 апреля 2014-го года с участием членов Правления
Союза ВДДИ Томской области Александра В. Давыденко
и Николая И. Долдина*

ВРАГИ НАРОДА?.. ЗА ЧТО?!

*Таятся в глубине земной
Следы былых эпох, людские судьбы, страсти.
И много тех, кто мир иной
Упорно познает, в том видя счастье.*

*А.С. Анохин, алтайский композитор,
деятель культуры, педагог*

«Репрессия» в переводе с латинского — подавление, карательная мера, наказание, применяемое властями к гражданам страны.

Репрессии в России были применены властью к крестьянам, которых объявили кулаками, к гражданам различных национальностей в результате «национальной политики», к контрреволюционерам, к верующим и т. д. По некоторым данным историков, в мясорубке сталинских репрессий погибло более 20 миллионов человек. Масштабы политических репрессий на Алтае также огромны. За совершение контрреволюционных преступлений только по ст. 58 УК за период с 1919 по 1965 г. было репрессировано 45722 человека.

Точных данных по репрессиям в Троицком районе нет. Но из архивных данных следует, что наш район был не только местом репрессий, но и местом ссылки репрессированных кулаков, немцев, поляков, японцев, калмыков, работавших в Боровлянском леспромхозе и Песьянском лестрансхозе, то есть труд репрессированных ссыльных применялся в трудоемком лесном хозяйстве. Необоснованная вина сыграла в их судьбе роковую роль. «Винновны» были не только взрослые, но и их дети.

Личные, семейные документы, фотографии, вещи, особенно те, что бережно сохраняются и передаются от поколения

к поколению, бесценные свидетели истории, быта, взаимоотношений, духовных движений, неповторимых судеб людей. К сожалению, не так много из них попадает в общественные хранилища-архивы, которые заполняются по преимуществу официальными документами. За ними нередко теряется аромат эпох, их неотъемлемая человеческая сторона. А ведь любая история, любая эпоха — это поприще людское, человеком она творится и переживается. И без проникновения в судьбы людей не может быть правдиво понята.

В нашем архиве хранятся документы репрессированных Троицкого района. Это архивные справки о раскулачивании, справки о реабилитации, справки краевой прокуратуры, решения судов и др. Так, по документам исполнительного комитета Троицкого районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов установлено, что житель с. Шершниха Климентий Никифорович Аболдин был лишен избирательных прав в перевыборную кампанию 1930–1931 годов. Причина — эксплуатация сельхозмашин — 1/2 молотилки и сортировки. Хозяйство Аболдина было отнесено к 3-й группе кулацких, семья выселена в Нарым под надзор Колпашевской комендатуры. У Климентия и Екатерины Аболдиных было два сына и две дочери, самому старшему было 15 лет, самому младшему — четыре года. На момент раскулачивания в хозяйстве Аболдина были дом, амбар, баня, четыре лошади, две коровы, овца, 1/3 молотилки, 1/2 сенокосилки, 1/2 сноповязалки, два воза сена, 12 возов соломы, 35 пудов пшеницы, 10 пудов овса, 15 пудов муки, плуг, борона, три телеги, три хомута, двое саней, два пуда мяса (к сведению: пуд — 16 кг). Как можно было назвать кулаками людей, которые пахали, сеяли, убирали урожай, молотили, то есть работали, как волю, для того чтобы год прокормить семью из шести человек? В 1948 году Аболдины были сняты с учета спецпоселения в Томской области. 18 лет находиться под надзором властей! Это мыслимо? Более того — быть врагом народа! За что? За свой собственный до пота и крови труд?!

Семья Якова Андреевича Бочкова жила до раскулачивания в 1931 году в Загайнове. Как и другие крестьяне-единоличники,

вела свое хозяйство. Как служитель религиозного культа Яков Андреевич был признан кулаком, лишен избирательных прав и выслан с семьей из девяти человек в Томскую область. В хозяйстве Бочковых имелись дом, амбар, баня, две лошади, корова, 1/2 конной молотилки, плуг, соломорезка.

Среди раскулаченных и житель Загайнова Николай Иванович Устюгов, который решением Президиума Троицкого районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 28 февраля 1931-го года был лишен избирательных прав. Причина: имел постоянных батраков (то есть работников, которые вместе с ним выдывали шкуры животных в овчинной мастерской), эксплуатировал машину-жатку, владел овчинной мастерской (которая располагалась в амбаре). В хозяйстве Николая Устюгова были дом, амбар, овчинная мастерская, жатка, 17 десятин посева, две лошади, две коровы, шесть овец и свинья. Семья Устюговых из 10 человек была раскулачена, выслана в Нарым, имущество конфисковано. С учета спецпоселения были сняты в 1948 году.

Этот список можно продолжить, так как в архиве хранится большое количество дел по раскулаченным жителям Троицкого района. На основании ст. 3 пункта «в» Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991-го года все репрессированные и раскулаченные были реабилитированы. Немногие из них дожили до этого светлого дня. Но и многие из доживших до сих пор боятся вспоминать об этом роковом времени, а вспоминая, плачут...

*Глафира Манакова,
ведущий специалист комитета по делам архивов.*

«На земле Троицкой» — районная газета от 28 октября 2008-го года. № 127. Судьбы людские. 30 октября в России отмечается День памяти жертв Политических репрессий.

ГДЕ ЖЕ ВЫ, МОИ ДЕВЧОНКИ?

ЭТОЙ ФОТОГРАФИИ БОЛЕЕ 70 ЛЕТ

В альбоме хранится дорогая мне фотография. Я, 19-летний воспитатель Средневасюганского детского дома, сижу в окружении 12-14-летних девочек, моих воспитанниц.

Шел зимний, очень холодный для страны и каждому советскому человеку 1942 год. По случайному случаю мы сфотографировались на память. Мне уже было дано задание, согласно распоряжению Наркомского округа, так тогда назывался самый северный регион будущей Томской области, доставить группу воспитанников детского дома к местам трудоустройства. Одну половину группы — на рыбобазу в с. Каргасок, другую — на рыбозавод в Калынинск и одного воспитанника — на лесозавод рыбного лес. Туре.

Война разгоралась, все повсюду пламенем, требовалась новая и новая заданность страны от фашистов. На фронт уходили последние из оставшихся мужчины — рабочие посёлка предприняли им на замену становились женщины, старики и дети, еврейские и были все мои подопечные. Такие вот, с разговорами читать, кадры и становились основными участниками трудового фронта страны. Также им доставлять дрова, о чем задумали и рассказали в Челябинске воспитанники трудового тыла. Я же вскоре оказался в 4-м от-

далеком учебном танковом полку, расквартированном в Сыск, получил военную специальность радиста-путематчика и должность старшего сержанта. Служил с мая 1943-го по август 1945 года, обучая танкистов, но в боях действительного участия принимать не пришлось. Делали мы, правда, попытки отправиться на фронт добровольно, но их решительно пресекала командование нашей части.

После окончания Великой Отечественной войны полностью посвятил себя педагогической работе. Четверть века возглавлял Новосибирскую школу, шесть лет

был директором Чинской школы интерната в Томске жительство с 1980 года. Имел четверых детей, семь внуков и двух правнуков. Но прошлое нередко волнует память, воспоминаниями о безвозвратно минувших днях.

Однажды встретился со своей бывшей воспитанницей Маней Бочковой. Она и помогла восстановить в памяти имена всех девочек на старой фотографии военных лет, за исключением одной. Вот они, дети войны, сидят со мной рядом: Гали Адамкина, Аня Гринька, Клева Вострыкина, Маша Кузнецова, Лусе Буренкова, Маша Иванюк, Маня Бочко-

ва и... В просторечьи колготки, лодочку дуг на дугу, как солдаты. Военный тыл пригласило их жестокою судьбу. Где они сейчас? Что с ними стало? Живы ли, здоровы? Если мне уже 92-й год, то им тогда перевалило минимум за 85 лет. Буду высказанно рад, если кто-то из них откажется, укажет себе на фотографии в газете «Красное знамя». Сердечный привет вам, дорогие мои девочки-старушки! Откликнитесь, не это письмо.

Николай БОЧКОВ,
ветеран ледоколного труда,
участник Великой Отече-
ственной войны.

Средний Васюган — 1942

О ЖИЗНИ И СУДЬБЕ СЕМЬИ БОЧКОВЫХ

Мое родное село Загайново Большереченского района (Троицкого в настоящее время) Алтайского края расположилось у начала бора, растянувшегося на десятки километров на север и запад от села. С севера село отделяла от бора река с названием Большая Речка, в просторечье Большуха, впадающая в полноводную сибирскую реку Обь недалеко от пристани Володарка Тихвинского района. Большуха оправдывала свое название широким разливом весной в половодье. Летом же река мелела и ее можно было переходить в брод.

С запада село от бора отделяла узкая и довольно глубокая и быстрая река Боровлянка. На ней были построены и работали на значительном расстоянии друг от друга две водяные мельницы. Если перейти по мосту на западной окраине села речку Боровлянку, то окажешься перед Лесным Кордоном — серьезным учреждением, давно здесь обосновавшимся для охраны, защиты и восстановления леса.

Жители большого села Загайново — выходцы из России, русские, православной веры. Наша семья Бочковых — из Рязанской губернии, Сапожковского уезда, села Борки Морозовы обосновалась здесь в 90-ых годах XIX века.

Село Загайново в длину растянулось не менее четырех километров и в ширину — более километра. В центре села расположилась небольшая красивая церковь, в которой мой отец Бочков Яков Андреевич служил псаломщиком, рядом находилось сельское кладбище, невдалеке — школа и другие сельские учреждения. Что интересно для настоящего времени — это то, что в селе широко отмечался церковный праздник, Казанская, 4 ноября, считавшийся в селе престольным праздником иконы Божьей Матери.

Жители села имели небольшие земельные наделы, но достаточные, чтобы обеспечить себя продуктами питания, а скот фуражом. Товарная продукция, если и была, то в незначительном количестве. Денежный же достаток каждая семья получала по-разному. Известная мне семья Наумышкиных имела шерстобитку и занималась пимокатством, семья Вилюновых имела маслобойку и занималась портняжеством. Наша семья летом делала кирпичи, а зимой шили шубы и шапки. Отец и два его брата имели на паях молотилку, обмолачивали хлеб себе и соседям. Многие семьи села были связаны с Лесным Кордоном, жгли уголь, гнали деготь.

В первый класс школы я пошел с начала 1929–1930 учебного года, а в апреле 1930-го года наша семья Бочковых была раскулачена. На момент раскулачивания состав нашей семьи был таков: Отец Бочков Яков Андреевич, 36 лет, мать Бочкова Александра Павловна, 36 лет. Дети: Федор — 15 лет, Яков — 15 лет,

Василий — 9 лет, Николай (это я) — 7 лет, Егор — 2 года, Мария — 1 один месяц отроду и наш дедушка Бочков Андрей Егорович — 79 лет.

Выселив из их собственных домов, женщин с детьми власти расселили в ближних деревнях. Наша семья была поселена в поселке староверов Лебязьем. Мужчины же были направлены в бор в километрах тридцати от села Загайново в местечко Пеньки, где начали рубить бараки, куда к зиме и свезли раскулаченные семьи из ряда районов Алтайского края, в том числе и нас, и другие семьи из нашего Большереченского района. Все старшее население зиму было занято на лесозаготовках. Школы в поселке Пеньки не было, и я эту зиму не учился.

В начале мая 1931-го года началось наше длительное переселение, на телегах довели до железной дороги, погрузили в «телячьи» вагоны, довели до пристани реки Томь в районе города Томска, погрузили на баржи и отправили вниз по течению реки Томи, впадающей в реку Обь. Наша баржа была заведена из реки Оби в реку Кеть, потом в ее притоку реку Пиковку, и остановлена у Крутого Яра — начала здешней небольшой деревни с тем же названием, что и река — Пиковка. Здесь нам несказанно повезло. Место благодатное с небольшим количеством жителей, богатое рыбой, ягодой, грибами, кедровыми орехами, птицей. Это помогло нам выжить, в отличие от других семей, оказавшихся не в столь благодатных местах.

Началась жизнь на новом месте. Был конец мая месяца 1931-го года. Сначала мы жили в палатках, потом вкопались в яр и построили землянки. По соседству с нами землянки построили семьи пяти наших земляков из села Загайново. Взрослому населению этих семей было дано задание делать кирпичи, глина для их изготовления нашлась тут же рядом. Так прошло лето 1931-го года. К зиме этого же года были построены жилые бараки километрах в пяти от деревни Пиковка, где и расселили всех, оказавшихся в этих местах спецпереселенцев, так нас стали называть с этого времени. Школу здесь организовали в большом бараке, где собирались все ученики. Мне и сейчас непонятно, как и о чем, и по каким правилам велись уроки, какие-то книжки

раздавались... На одном из уроков учительница дала нам задание выучить таблицу умножения. Тетрадей в теперешнем понимании, с таблицей умножения, тогда и в помине не было. Брат Федор написал мне листок с таблицей умножения, с заучиванием таблицы умножения у меня что-то не пошло, и листок с ней я постарался «утерять». Брат составил мне второй, а потом и третий и не отступился до тех пор, пока я не выучил эту злощастную таблицу умножения. Здесь я окончил второй класс. В этом же бараке вечерами играли пьесы, которые я посещал, и которые мне ужасно нравились.

Часть мужского населения, в том числе и мой отец, были переданы в Колпашевский леспромхоз и отправлены на работы в Пиковский лесоучасток, где отец и проработал до ухода на пенсию. Для работников с семьями, переданных в Колпашевский леспромхоз, в деревне Пиковка стали строить двухквартирные дома, в которые мы и вселились осенью 1932-го года.

В третий класс я пошел уже в Пиковке. Школа в этот раз и в последующие годы располагалась в приспособленных помещениях. Специальное школьное здание в Пиковке было построено к началу 1937–1938 учебного года.

Пиковский лесозаготовительный участок имеет далекое начало. До спецпереселенцев здесь шла лесозаготовка частным путем, в Ларькином бору был даже небольшой заводик по изготовлению железнодорожных шпал, который потом переместился в поселок Копыловка. Находился здесь до нас и Сиблаг, что сохранилось в названиях плотбищ; первый взвод, второй взвод, третий взвод, плотбище Дальнее.

Лесозаготовительные работы в лесу, как сейчас вспоминаю, велись аккуратно: пенек сваленного дерева очищался от кожуры до основания и должен быть высотой не более диаметра комля сваленного дерева. Стрелеванные с места спилки бревна аккуратно очищались от кожуры и складывались в штабеля. По весне, по мере вскрытия реки, начиналась скатка леса в реку, и модем плавилась древесина до устья Пиковки. Здесь происходила погрузка леса посредством лебедек системы Мерзлякова на баржи, уходящие в Томск и Новосибирск. Лес-шпальник и лес,

который не успели здесь отгрузить на баржи, «кошелями» сплавлялись вниз по течению реки Кеть на Копыловский шпалозавод.

Надо отметить, что по весне в лесосеках проходила работа по сбору и уничтожению порубочных остатков, поэтому нам, мальчишкам, во всех этих и других делах постоянно находилась работа. Вспоминается, что мне приходилось и лес шкурить, и собирать порубочные остатки, скатывать лес весной в реку, крутить так называемые вицы для сплачивания бревен в плоты, быть коногоном на лебедках, стоять на сортировочных воротах и даже работать на трелевке леса с места его спилки. Трелевка бревен делалась тогда с помощью лошадей. Хороши были в работе небольшие выносливые монгольские лошадки, за которыми специально ездили в Монголию. Лес валили тогда двуручной пилой, потом лучковой пилой, потом уж электропилами, бензопилами, в чем я уже не участвовал.

Учебная моя одиссея прошла несколько своеобразно. Успешно окончив в 1934 году 4-й класс, я оказался не у дел. Где-то в середине учебного года мама уговорила учительницу, чтобы я до конца учебного года еще посидел в четвертом классе. В пятый класс за пределы деревни Пиковки у родителей не было средств меня определить. И тогда я на собственный риск отправился к родственникам в родные места в Алтайский край, где и окончил 5-й класс. По возвращению в Пиковку оказалось, что возможности меня учить вне семьи у родителей по-прежнему нет. Мне уже было около 14 лет. И я пошел на плотбище, где работал мой отец на «ледянке» — интересное изобретение. Для широких саней готовилась колея, которая после каждого рабочего дня с вечера чистилась и заливалась водой из приспособленного для этого резервуара на конной тяге. За ночь до начала рабочего дня «ледянка» должна быть готова. На открытых местах делались тоннели, чтобы «ледянку» не заносило снегом. На широкие вместительные сани накладывалось значительное количество бревен и перевозилось лошадью от места склада стрелеванной из леса древесины до места ее штабелевки и последующей скатки в реку для молевого сплава. Ледяная дорога, в просторечье «ледянка», протяженностью в несколько километров, тянулась от плотбища

Тупик до плотбища Дальнее. Я, как мог, помогал отцу в его работе, а вечером нарочным относил в контору Пиковского лесоучастка, которая была на плотбище Дальнем, сводку о проделанной здесь за день работы. Меня заметили и взяли учеником в контору. Мой наставник Никандр Степанович Вершинин, добрейший человек, учил меня статистике и многим житейским премудростям. Я с большой благодарностью вспоминаю этого человека, оказавшимся на моем житейском пути.

На начало 1937–1938 учебного года учителя начальной Копыловекой школы добились преобразования ее в семилетнюю и образования уже в этом учебном году пятого и шестого классов. До Копыловки от Пиковки было всего 22 километра — это мы потом с ребятами измерили. Материальная жизнь семьи немного улучшилась, и поэтому родители благословили меня на учебу. Копыловскую семилетнюю школу я окончил успешно, лишь с одной четверкой по русскому языку, и поступил в 1939 году в Колпашевское педагогическое училище. Годы учебы в училище я вспоминаю с большой радостью. Удивительные преподаватели работали там в то время, поистине специалисты своего дела. Я с благодарностью вспоминаю и вечно буду помнить их имена: Тимофея Ивановича Евстратова — математика, Ивана Александровича Бубнова — вел теорию арифметики, Ивана Ивановича Титова — вел химию, литератора Валентина Ивановича Никифорова, географа Шипунову Анну Никифоровну, Мосолову Анну Степановну — вела педагогику, Ивана Васильевича Иванова — вел пение и музыку, и вечно веселую, хотя даже с видимыми физическими недостатками, библиотекаря Ангелину Альбертовну, Гелю, как мы ее называли. Я вошел у нее в доверие, старался ей услужить, помочь. Вознаграждением был свободный допуск в «святая святых» библиотеки.

В 1942 году я успешно окончил Колпашевское педучилище и был направлен на работу воспитателем в Средне-Васюганский детский дом.

Уже второй год шла Великая Отечественная война. Жизнь становилась все труднее. В Советскую Армию спецпоселенцев сначала не призывали, стали призывать только с осени

1942-го года. В Советской Армии оказались уже три моих брата, более десятка друзей и несколько учителей из педучилища. Я же из-за далекого в то время местожительства в Армию был взят лишь в мае 1943-го года. Мы, десяток мужчин, в лодке на «гребях» прошли более двухсот километров вверх по реке Васюгану от Среднего Васюгана до Нового Васюгана — тогдашнего районного центра, спеша в райвоенкомат, для отправки в Армию. Обрато плыли на маленьком пароходике, знаменитой в то время кособокой «Таре» до Каргаска. Ночь «Тара» стояла по нашей просьбе в Среднем Васюгане. Школа и детский дом нас торжественно встречали и провожали. От Каргаска большим парходом добрались до Новосибирска, оттуда в Юргинские военные лагеря, в 273-й запасной стрелковый полк. На очереди была так называемая маршевая рота. На одной из очередных вечерних проверок раздалась команда: «Лица со средним образованием и комсомольцы, выйти из строя!» Таких оказалось десятка два, в том числе и я. Эта группа назавтра была отправлена в находящийся в городе Омске 4-й Отдельный учебный танковый полк, в котором и прошла моя вся дальнейшая служба до демобилизации осенью 1946-го года.

В последующем я работал учителем начальных классов в течение пяти лет, два года — завучем Копыловской семилетней школы, пять лет — директором Тискинской семилетней школы, пять лет — директором Старо-Коротинской средней школы, шесть лет — директором Чаинской школы-интерната и закончил свое директорство девятью годами работы в Новоселовской восьмилетней школе в 1978 году, в связи с уходом на пенсию.

Остальная жизнь, уже в качестве пенсионера, особого интереса не представляет.

В 1944 году вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза и до сей поры состою по убеждению в ее рядах. В 1958 году заочно окончил исторический факультет Барнаульского педагогического института. Вырастил дочь и трех сыновей; есть уже семь внуков. Считаю, что своей жизнью я не обижен.

Хотелось бы для несведущих дать пояснение, что такое быть директором сельской школы в 50–70 годы. Он обязательно является депутатом сельского Совета и зачастую — заместителем

председателя Совета. В его обязанности, с коллективом учителей и учащихся, входит подготовка и проведение праздничных концертов. Лекционная и вся просветительская работа — тоже его обязанность. Но это еще цветочки. Он организует и проводит бесплатную заготовку дров для школы в большинстве своем силами учителей и учащихся школы. Этими же силами и ремонт проводится в школе. Летом и осенью в обязанность директора входит организация помощи со стороны школы в заготовке кормов для фермы и уборке урожая. Помочь надо и учителям при этом заготовить сена и для своих буренок. Как и какими усилиями все это достигается, я уж упускаю, тяжело об этом вспоминать, а писать тем более. Без слез не обойтись.

Почему был переход из одной школы в другую? Тут одна причина: случился разлад в коллективе Тискинской семилетней школы. Как уж мне не хотелось покидать Копыловскую школу! Мне сказали: «Надо». Через пять лет по такой же причине меня перевели в Старо-Короткинскую школу, и потом по той же необходимости перевели в Чаинскую школу-интернат. Шесть лет я там проработал. Были неплохие результаты. И по той же причине я оказался в Новоселовской школе, где и закончилась моя директорская служба с уходом на пенсию. Я благодарен всем своим товарищам по совместной работе. Имен не называю, ибо боюсь запомнить чье-то.

Мне всегда везло на друзей! Без их помощи у меня не могло и быть положительных результатов, и я не был бы отмечен знаком «Отличник народного просвещения». А что на выходе? Есть профессора, доктора и кандидаты наук, учителя, врачи, люди разных рабочих специальностей. Были и есть неудачники. Куда же без них? Жизнь есть жизнь. С положительным и отрицательным результатом.

Да, вот два имени я все-таки назову: заведующий Колпашевским ГОРОНО Леонид Александрович Кузнецов — человек редкого душевного качества, а в нашем директорском деле — обязанности, что пообещал — обязательно будет сделано. Второе имя: Митрофан Дмитриевич Шипулин. В мою бытность работы директором Чаинской школы-интерната, большинство

в котором были воспитанники детдома, Митрофан Дмитриевич проявлял отеческое внимание ко всем детским домам и школам-интернатам, являлся в то время заместителем заведующего ОблОНО по работе с этим контингентом. Два эти имени для меня — Святое.

Мужчины семьи Бочковых добросовестно несли военную службу, будучи в рядах Российской Армии. В Первую Мировую войну на германском фронте были мой отец и два его брата. Отец был награжден георгиевским крестом и медалью. В годы Отечественной войны 1941–1945 годов в Армию были призваны и мы, четыре брата: из них Федор — погиб, Яков вернулся инвалидом, Василий вернулся раненым, я вернулся живым и здоровым, так как не был в действующей Армии. После войны добросовестно нес военную службу брат Егор, выйдя в отставку в звании майора. Потом добросовестно несли армейскую службу мои дети, дети брата Егора, сын брата Якова.

Возвращаясь назад, я хочу сказать о судьбе родного села Загайново. В этом большом селе, состоявшем из мелких, в большинстве случаев, чисто семейных индивидуальных крестьянских хозяйств, ведущих хозяйство в основном без использования постоянного наемного труда, после раскулачивания и высылки значительного количества трудовых крестьян так и не сложилось большого коллективного хозяйства. Село постепенно стало хиреть, количество жителей стало уменьшаться, особенно после окончания Отечественной войны. И как село, с хоть каким-то отлаженным хозяйственным производством, уже к 70-м годам XX века оно перестало существовать. В мае 2002-го года я навестил свое село и увидел, что в разных местах еще сохранились островки домов, церкви нет, ее разобрали по кирпичу, школы тоже уже нет, лишь осталось ухоженным место с памятной доской воинов, не вернувшихся с войны. Я постоял у кладбища, которое так и стоит на прежнем месте...

*Николай Яковлевич Бочков, 1922-го г. р.
Декабрь 2005-го года. г. Томск*

БАЗОЙСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ

*из «Энциклопедии Великой Отечественной войны
1941–1945 гг.», Москва 1985 г.*

Десятки тысяч детей, осиротевших или утративших связь с семьей, были вывезены в тыл с началом Отечественной войны. 23 января 1942-го года принято Постановление СНК СССР «Обустройстве детей, оставшихся без родителей», которое наметило комплекс мер по предупреждению детской безнадзорности. Дети до 3 лет направлялись в дошкольные учреждения или передавались в семьи на патронирование. Воспитатели и педагогический персонал детских домов по нормам снабжения приравнивались к рабочим заводов и других предприятий. При детских домах имелись подсобные хозяйства.

Строительство Базойского детского дома началось в конце 1930-х годов. В феврале 1939-го года первым директором Георгием Поликарповичем Рыбиным привезены были из Томского детприемника пятеро детей разного возраста. Корпуса детского дома еще были не достроены, и дети жили в семье директора. Летом стройка пошла быстрыми темпами, и вскоре детский дом начал принимать все новые партии ребят из разных концов Советского Союза. С началом войны стали появляться эвакуированные дети с западных районов страны, дети погибших фронтовиков. Привозили детей из блокадного Ленинграда. Все это были дети войны, перенесшие бомбежки врагов, голод и смерть близких людей.

Вместо положенных 100–120 ребят, в детдоме жили 200 человек, а всех их надо было кормить и лечить, одевать, обувать и учить. Поэтому при детдоме имелось подсобное хозяйство. Была приличная свиноферма, держали коров и лошадей. Сеяли зерновые культуры — овес и пшеницу. Сажали картофель, овощи и капусту. Была и пасека! В хозяйстве имелась полуразрушенная автомашина «ЗИЛ», на которой и перевозили грузы из райцентра Кожевниково. Содержали ребята себя сами, но помогало и государство, выделяя немного денег на продукты и одежду.

В зимнее время в зданиях детдома и в школе было холодно, поэтому занимались в верхней одежде Педагоги и воспитатели

вместе со старшими воспитанниками заготавливали дрова в лесу: валили деревья и пилили, привозили на лошадях и кололи. Но дров почему-то на зиму всегда не хватало. Георгия Поликарповича Рыбина, 1916-го года рождения, призвали на фронт 18 августа 1941-го года, а в декабре 1941-го г. он погиб в бою. С 1939 по 1945 год поменялось три директора: Г.П. Рыбин, Михаил Яковлевич Жульев и Александр Николаевич Муллер. А.Н. Муллер проработал директором с 1943 по 1945 год.

Многие дети нуждались в лечении у психолога, у многих не было желания жить. К каждому ребенку нужен был творческий особый подход педагогов и воспитателей.

В послевоенное время в детском доме сложился терпеливый постоянный коллектив педагогов и воспитателей, а именно:

- Воспитатели:

- Фрида Николаевна Глазырина 1906-го г. р.,
 - Мария Степановна Бочкова 1924-го г. р.,
 - Мария Михайловна Иванова 1923-го г. р.,
 - Фаина Федоровна Гречко 1919-го г. р.

- Повара:

- Татьяна Ивановна Корлякова 1912-го г. р.,
 - Екатерина Ивановна Голова 1908-го г. р.,
 - Татьяна Федоровна Чернова 1910-го г. р.,
 - Александра Васильевна Бажатова 1901-го г. р.

- Рабочий Николай Федорович Шпот 1929-го г. р.

- Бухгалтер Мария Еремеевна Корнева 1926-го г. р.

Просматривая старые фотографии, увидела себя на размытом, блеклом снимке и вспомнила, что фотографировал меня кто-то из воспитанников Базойского детского дома, где я проходила пионерскую практику. Я долго сидела с фотографией в руке и решила напомнить людям о факте существования этого детского дома в давние годы в Кожевниковском районе. В мое школьное время на весенних каникулах всегда проводился смотр художественной самодеятельности школ района. И мы с нетерпением ждали выступления Базойской школы, где большая часть учеников были воспитанниками детского дома. Эти выступления стоило посмотреть. На сцене районного ДК стояли стройными рядами

«лесенкой» участники концерта: часть детей в новых, с иголки, школьных формах, часть в ярких национальных костюмах народов СССР. Их, детей, на сцене было много, очень много. Детдомовцев привозили на праздник практически всех, кроме тех, кто болен. Все художественные номера были отточены, отработаны. Никаких заиканий и проглатываемых слов, никакой забывчивости. Во всем чувствовалась дисциплина.

Как сейчас вижу на сцене «гарцующих» мальчишек в красивых черкесках, настоящих папахах, исполняющих «Танец с саблями» под музыку композитора А. Хачатуряна. Привозил этот коллектив на смотр и детскую оперу-шутку. Во время выступления детдомовцев зал был набит до отказа, и люди стояли в проходах. Мы сидели в зале и завидовали «красивой», интересной жизни ребят и их одежде.

И надо было так случиться, что на пионерскую практику я была направлена именно в этот детдом. Шел 1965 год. Дело шло к закрытию детдома, воспитанников осталось человек 40–50. Не по-детски серьезные, пытливые глаза детей, пронизывали, казалось, тебя, как бы спрашивая: «Кто ты? Что ты несешь нам?» И я поняла, что эти дети с искореженной своим сиротством душой. Встречаясь с детьми, мы рассказывали различные истории и сказки по вечерам перед сном, играли с ними в игры, распевали песни у костра, где пекли картошку, трудились с ними в огороде. Для себя я поняла, что как бы я хорошо ни относилась к ним, да и не только я, а и все педагоги и воспитатели не могли дать то тепло и ласку, которую дают отец и мать.

Воспоминания нахлынули на меня, и я решила поехать в село Базой, где и встретила с очень интересными людьми. Поговорила с бывшим работником детского дома, Марией Еремевной Корневой, которая проработала больше 30 лет бухгалтером детского дома. Увиделась с одним из бывших директоров Александром Николаевичем Муллером и с педагогом Полиной Васильевной Утьевой, стаж работы которой в школе — 50 лет, из них 44 именно в Базойской. Встретила я с одним из первых воспитанников — Борисом Агаповичем Ивановым. Из всех этих встреч я многое запомнила, для себя записала много интересного и поучительного, и получился такой вот небольшой рассказ.

Одно из самых старых (1575 год) поселений района — это село Базой. Оно как бы находится на дне огромной тарелки, а по краям, вкруговую, стоит кедровый бор — «кедрач», как его называют в Сибири. Вот этот-то кедровый бор, чистый воздух, отдаленность от крупных селений и то обстоятельство, что в глубинке легче жить, послужили причинами строительства детского дома в этом месте. Пятеро детей разных возрастов в феврале 1939-го года сюда были привезены из Томского детприемника первым директором Георгием Поликарповичем Рыбиным. Корпуса детского дома еще не были достроены, и дети жили в семье директора.

Летом стройка пошла быстрее, и вскоре детский дом принимал новые партии ребят из разных концов Советского Союза. В августе 1941 года Г.П. Рыбина призвали на фронт, где в декабре погиб во время боя. Много директоров поменялось с 1939 по 1966 годы, а именно: Г.П. Рыбин, М.Я. Жульев, А.Н. Муллер Г.В. Роденко, И.З. Каплинский, И.Ф. Кривошапко, П.Г. Лупенко, П.Н. Антонов. Интересен тот факт, что А.Н. Муллер первый раз, проработав с 1943 по 1945 год, через двадцать лет вновь был назначен директором снова — в 1964 г., перед закрытием детдома.

С детьми, до чьих израненных душ было непросто достучаться, работалось очень тяжело. Некоторые дети нуждались в лечении у психолога, у многих не было желания жить. К каждому ребенку нужен был особый творческий подход. Кто-то из педагогов и воспитателей, не выдержав, уходил, но оставались более сильные и любящие детей-беспризорников. Многие из выпускников детдома осели в этом селе, вышли замуж или женились. Жизнь школы и детдома была тесно связана. Здесь очень хорошо было поставлено трудовое воспитание. Одним из самых постоянных и опытных педагогов был участник войны, преподаватель труда, «трудолик» Б.М. Утьев. Девочек обучали шитью, вязанию и вышиванию воспитательницы и педагоги.

В послевоенные годы некоторых детей находили родители, но это было крайне редко. Состав детей стал меняться последние годы. Если раньше были дети, обездоленные войной или в результате репрессий родителей, то теперь поступали на воспитание дети из неблагополучных семей, где родители лишены своих прав.

Дети-сироты при живых родителях. Когда я спрашивала детей про родителей, то они говорили, что мама умерла или папа был летчиком, моряком и погиб, или папа был капитаном милиции и его убили бандиты. Дети сочиняли о своих родителях красивые истории, так как многим из них было стыдно говорить, что папа и мама водку пьют. Они скрывали правду. Я поняла, что скрытность — черта многих воспитанников детдома. Ребята с большим трудом и не каждому человеку открывали свою душу. После окончания семилетки воспитанников увозили в город Томск для приобретения профессии в ремесленном, строительном училище или ФЗУ. Дальнейшая судьба их неизвестна, если они не поддерживают связи с одноклассниками. Кое-кого из ребят отдавали на воспитание в колхозы.

Есть такое выражение «сын полка» во время войны, а в мирное время ввели — «сын колхоза». Вот и пятнадцатилетнего Борю Иванова в 1948 году отдали в Батурицкий колхоз на проживание. Определили на квартиру и выделили мясо, молоко и хлеб. Боря постоянно выполнял посильную и непосильную работу по сельскому хозяйству. Став совершеннолетним, он начал сам зарабатывать себе на хлеб. Когда женился, то переехал в село Базой. Работал всю жизнь рабочим совхоза, столяром и плотником. «А куда ехать-то было? Некуда. Вот так и остался и живу здесь. Слава Богу!» — так говорит Борис Агапович. А он был одним из первых пяти беспризорников, которых привез Г.П. Рыбин из Томского детприемника.

Все материалы о своей педагогической деятельности А.Н. Муллер собрал в один альбом (фотографии с записями, выписки из приказов РайОНО, свой личный архив). «Из жизни Базойского детдома в моей памяти осталось на всю жизнь то, как я с детишками сооружал и оформлял сцену в зале жилого корпуса. Лобная часть сцены была обита добротными досками и окрашена половой краской, за неимением лучшей. На этой поверхности я написал черным лаком крупным брусковым шрифтом слова из Гимна Советского Союза: «Сквозь годы сияло нам солнце свободы, И Ленин великий нам путь озарил. Нас вырастил Сталин на верность народу, На труд и на подвиг он нас вдохновил».

Эти слова выражали единодушие всех советских народов в борьбе с гитлеризмом и фашизмом. Ведь советские воины

шли в бой со словами: «За Родину! За Сталина!» — так пишет А.Н. Муллер в своих воспоминаниях. Чувство любви к Родине, чувство патриотизма заложено было на «капитальном фундаменте» у воспитанников детского дома, в чем я убедилась, читая письмо-поздравление от бывшей воспитанницы Ксении Махонхой к своей любимой учительнице Полине Васильевне Утьевой. Она пишет: «Здравствуйте, дорогая, милая, родная Полина Васильевна! Спасибо большое Вам за письмо. Оно очень доброе и хорошее. Я очень была рада Вашему письму. Поздравляю Вас с праздником, с Днем Победы! С Победой за независимость нашей Родины от фашистского гнета. Я участвую уже второй раз в празднике Победы в Севастополе. В этот раз я несла плакат «Дойдем до Берлина!» В этот день в Севастополе несказанная радость! Народ приезжает со всего Советского Союза. Много детей. И, конечно же, этот праздник дает уверенность и надежду, что Советский Союз возродится, а на земле будут мир да любовь. Горячий привет все базойцам. Здоровья вам всем». Прошло более сорока лет, как Ксения выпорхнула из родного гнезда детского дома и до сих пор помнит своего родного человека — учительницу и базойцев.

Вот передо мной выписка из приказа райОНО с. Кожевниково за № 91 от 17 августа 1941-го года: «Муллера А.Н. перевести из Хмелевской семилетней школы директором Кожевниковского детского дома». А с 26 января 1943-го г. приказом районо № 120 от 25.01.1943-го г., «Перевести директором Базойского детского дома». Эти приказы подписаны зав. райОНО Александром Ефимовичем Докшиным. Оказывается, детский дом был и в селе Кожевниково, но всего один год–полтора, а потом был переведен в село Вороново и в скором времени был ликвидирован. В райцентре детский дом находился в здании, где были средняя школа и училище № 31.

Вот что я узнала, а теперь поделилась этим с вами и думаю, что многие из жителей села забыли это, а кто-то и вообще не знал. Спасибо всем воспитателям и педагогам, работникам детского дома за то, что поделились со мной воспоминаниями о былой жизни беспризорников, о судьбе воспитанников и выпускников детского дома в селе Базой.

Зоя Гибало, с. Кожевниково. Под рубрикой «Району — 70 лет»

ПЕРЕЖИТОЕ

Зоя Валентиновна ЧУПРИНА

Трагедия твоя, моя и наша

*Детский дом, детский дом, детский дом.
Бывало тоскливо и радостно в нем.
Сколько пролито слез в ожидании МАМЫ,
Сколько пролито слез в ожидании ПАПЫ,
Как могли, согрели нас няни,
Нас учили считать и писать,
Танцевать мы учились — старались,
И даже стихи мы умели читать.
Не могли мы тогда понять одного:
Почему все с нами так произошло?
Теплые, нежные руки,
Не МАМЫ гладят тебя,
Это тетя чужая, няня к тебе подошла.
Это она, а не МАМА, конфетку в ручку кладет,
Это добрая, милая няня, не МАМА,
песенку на ночь поет.
Тихо полночь встанет она и уйдет,
И одеялком укроет, и тапочки приберет.
И утречком рано не МАМА, а милая няня
Улыбнется и ласково скажет тебе:*

*«С добрым утром, Танюша, пора умываться тебе».
Детский дом, детский дом, детский дом.
Ах, как же тоскливо и радостно было нам в нем.
После завтрака в школу мы дружно идем
По Бакунинской улице, по Октябрьской потом.
Ах, ну какая же это была красота!
От начала улицы и до конца —
Купола, купола, купола!
Вот такая окружала нас бакунинская красота.
Историческая красота — улица родная ты моя.
Мы в аптеку вбегали гурьбой,
Мелочь в ручонке, зажата в кулачке,
«Дайте, дайте мне скорее глюкозы,
И отбейте в кассе мне гематоген».
Позабыв в аптеке все портфели,
Выбегали с радостью такой,
В правой ручке аж целая пачка глюкозы,
В левой ручке шоколадная плитка — гематоген.
Для нас это было вершиной счастья.
Детский дом, детский дом, детский дом.
Ах, какая величественная с той горы была красота!
На улицы и дома с высоты Бакунинской горы
Мы смотрели — глаз не оторвать! —
Это Томск родной наш и великий!
Город Томск, с Бакунинской горы.*

*А дороги в Томске больше нет такой,
Камни, камни вековые под ногами,
А по ним ручьи сбегают каждою весной
До самого красивого моста над Ушайкой-рекой.
Мы зимой на саночках летели,
В голове лишь мысли пролетели,
Не слететь бы в саночках с моста.
Помню, Саша летом к нам поступил,
Не дойдя до порога, тополь он обхватил,
И кричит: — «МАМА! Приди, забери».*

Помню, воспитатели стояли,
С трудом ручонки разжимали.
Ведь не думал Сашенька тогда —
Детский дом надолго, навсегда,
Детский дом на долгие года.
Детский дом, детский дом, детский дом,
Как тоскливо и радостно было нам в нем.
Мы спешили обратно из школы
Не в дом, а в детский дом,
А Петьку мама встречала с улыбкой,
Шарфик поправит, рукавичку найдет,
Крепко прижмется к нему и домой!
Как тоскливо нам было,
Что мы шли не в дом, не домой.
Почему к нам спиной повернулась судьба?
В наше мирное время —
И такая жестокость, Такая беда?
Детский дом, детский дом, детский дом...
Десять лет ты со мной и потом.
Десять, двадцать и пятьдесят,
Кто сестру ищет, кто-то брата.
Почему отдала, раскидала — по приютам,
По углам, по детским домам,
А сейчас и по контейнерам
Та, которая родила, бросила и отдала?
Как рука поднялась написать отказную?
И в руки суду передав — покинула зал.
Потом опустилась на самое дно —
Запила, запила — запилась.
Помните, как-то зимой, в лютый мороз,
На помойке младенца нашли чуть живого?
Врачи обогрели его, пролечили, спасли.
Имя, фамилию дали ему —
Володей Путиным его назвали,
Объявив на всю страну — повезло,
Младенца этого в семью забрали.

*Воспитатели — наши учителя,
Сколько нервов мы вам помотали,
Сколько здоровья забрали у Вас
И волос седых прибавили мы Вам.
Всегда мы в жизни вспоминаем Вас,
Когда случается невыносимо,
Вдруг что-то получается не так,
Тогда хотим мы встретить Вас
И попросить совета.*

*У нас у всех уже подрастают внуки,
А Вы уж правнуков своих берете в руки.
Уже и правнукам спешите Вы помочь.
Удачи Вам, терпенья и здоровья.
По заводам и фабрикам мы разошлись,
За руку завуч нас отводила —
Валентина Васильевна, я Вас до сих пор не забыла,
Ваши теплые руки и добрый ваш взгляд,
Ваша искренность, мудрость и доброта
Была и есть и будет с нами всегда.
Замуж вышли девчата, женились ребята,
Сыновья и дочки у нас родились.
Детский дом, детский дом, детский дом...
Не забудем тебя ни сейчас, ни потом.
Никогда не забудем тебя, никогда.
И сейчас, и потом будем помнить добром.
Наш родной, наш теплый 3-этажный
Деревянный детский дом — девятый.
До сих пор ты стоишь на высокой горе,
Горе повидал, ты увидел наши слезы.
Обогрел нас, воспитал и научил.
И сейчас, и потом будем помнить добром
Воспитателей наших и добрую, добрую няню.
Детский дом, детский дом, детский дом...*

*бывшая воспитанница, по детдому № 9
Попова (Чуприна по мужу) Зоя Валентиновна, г. Томск*

О Марии Львовне Шараповой

*В детдоме в Томске я росла,
Долго мы родителей все ждали,
Таили надежды раз и навсегда,
Стоя в ожиданье у дверей,
Мы украдкой слезы вытирали.
К нам Мария Львовна подходила
Обнимала нас, все утешала.
Мы все ее любили, очень ждали
Для нас она была красивою такой,
С высокой прической, добрым взглядом,
Как будто королева пред тобой.
Как много она знала и умела,
Все нам могла порассказать,
Такие беседы с нами проводила,
Такие стихи и поэмы умела читать!
Мы плакали и слезы вытирали,
Замирая, слушали ее.
Помню, мы в Степановском совхозе
С ней капусту быстро собирали
И морковку вместе с ней копали,
И картошку с ней перебирали.
Всегда она с улыбкою была,
Умела и спросить, и рассмешить.
Сколько нервов мы ей помотали,
Сколько у нее здоровья отобрали
И седых волос прибавили мы ей.
Скоро репетиция, концерт,
Но, а мы еще не наигрались,
Мы играем и резвимся в прятки
Возле пианино, нас ей не догнать,
За руку поймает, спросит:
«Ты стихи учила, нет?
Почему, ведь ты мне обещала?
Слова своего ты не сдержала,*

*Значит, зря я поверила тебе».
Пролетели месяца и годы,
Сколько мы объездили
С ней сел и деревень.
Танцевали, пели и стихи читали,
Вызывали часто нас «на бис».
Мы в Новосибирске как-то выступали.
Все благодарили и хвалили нас,
И медведя белого большого подарили.
Сколько было радости тогда,
Не забыть нам Это никогда.
Детский дом, родной наш Теплый дом!*

ПЕРЕЖИТОЕ

Прошло тридцать лет, как я была выпускницей детского дома № 9 (в 1970 г.), который находился по улице Бакунина, 7. Но вот уже 10 лет, как память постоянно возвращает меня в те далекие и близкие шестидесятые годы. Помню, как сейчас... Мы жили с мамой (переулок 1905 г.), этот дом стоит до сих пор один, он там двухэтажный, деревянный, почерневший от времени, номер 9. Прямо, если стоишь на остановке, дом за спиной (сейчас очень часто пишут о нем в газетах). Жили мы на втором этаже, четыре окна выходили в ограду. Одно на проезжую часть, на остановку прямо. Было нас у матери пятеро дочерей. Вот они, мои родные старшие и младшие сестрички: Светлана, Людмила, я — Зоя, Ольга и самая малюсенькая Леночка, совсем крошечная.

Теперь, когда у меня самой пятеро детей: сын Владик — 27 лет; дочь Юля — 22 года; дочь Наталия — 19 лет и двойня: сын Николай и дочь Зоя — по 18 лет. Я знаю много подробностей от том, как мы жили в этом доме. Мать часто и много выпивала, мы все росли без папы. Когда старшей сестре Светлане исполнилось 16 лет, что-то у нее произошло в личной жизни не так, и она решила отравиться, выпила уксус. Ее спасли, она осталась жива! Я в это время бегала на улицу. Очень хорошо помню — стою около окна,

плачу. На столе стакан и бутылочка из-под уксуса, очень сильно пахло уксусом в двухкомнатной квартире. Ну, а потом произошло, то, что нас всех четверых посадили в машину («Волгу» серого цвета), и больше я уже никогда не переступала порог родного дома. Очень часто стою рядом с ним на остановке (пер. 1905 г.), когда возвращаюсь с работы, и так же, когда иду на работу. Всегда устремляю свой взор на эти окна, и никогда там не горит свет.

В памяти моей детский приемник-распределитель. В нем Людмила, я и маленькая Ольга. Таким уж было распоряжение руководителей — детей из одной семьи по разным детским домам. Людмилу отправили в детский дом г. Асино, меня — в детский дом с. Базой Кожевниковского района, Ольгу, тогда маленькую, — в дошкольный детский дом г. Томска, а совсем крошечную Леночку — в Дом малютки г. Томска.

И вот я попала в таежное царство могучих кедрочей, елей, осин и сосен. Только спустя несколько десятилетий, сейчас, начинаю понимать, как же там было красиво! Куда бы я ни пошла, куда бы ни взглянула, кругом величественные кедры, могучие, зеленые, отливающие перламутром исполины. Какой аромат исходил от них: запах смолы, аромат — от всего это царства природы. Поляны мы называли «ланиями», первая лань — ближняя, вторая лань — дальняя. Ближняя лань была маленькая, а дальняя лань была большая. Так вот, до сих пор эта лань как сейчас растится перед глазами. На них были малюсенькие кедрочки, ели и елочки, а рядом много, очень много кустиков, а за кустиками одна за другой — красавица-земляника. Такой красоты и аромата я никогда больше и нигде не встречала. А уж сколько было шишек — видимо-невидимо! И все это принадлежало каждому из нас. Как говорится: бери, сколько сможешь, ешь, сколько хочешь. Лето пролетало одним днем. Ходили мы и купаться, когда были в младших классах, на маленькую речку Кинда, а когда учились в 4–5-х классах, — на речку Базойка.

...И вот однажды произошла трагедия, стоит до сих пор в памяти. Много нас, детей, купаемся, кричим, смеемся, гам, шум, крики, смех. «Смотри, как я сейчас нырну вверх ногами, теперь смотри, как я!» Воспитательница постоянно кричит, ругает, но ее

никто не слышит. А она не может перекричать и докричаться до всех. Она и руками машет, но все бесполезно. ...Но вот последнее, очень строго: «Все, все вылезайте из воды, хватит, скоро обедать, мы уже опаздываем». Ну а нам все нипочем, мы все, как всегда, продолжаем играть, купаться, нырять и кричать без умолку. Наконец-то мы все, как один, дружно вышли на берег и стоим, дрожим, быстрее одеваемся и уходим. Когда кто-то кричит:

«А это чьи вещи?» Мы все встали как вкопанные. Читаем, на сорочке вышито имя — Саида... Вот так это произошло: во время купания утонула девочка Харисова Саида. На похороны приезжали ее родные: мама и папа. Гроб стоял на улице в одной из беседок. Родители были старенькие, больные, немощные, которые пережили войну. Тогда я впервые так близко увидела смерть (тело на берегу, гроб).

Всегда мне было не по себе, и я не могла понять, почему в сельмаге были игрушки, пупсики и большие красивые куклы, а у нас ни у кого не было никогда никаких игрушек — никогда. Потом, в детском доме № 9, я всегда переживала, что ничего никуда не могу своего положить, спрятать, убрать. Все пропадало, исчезало в никуда, навсегда, и, еще так и не наигравшись своей (сделанной своими руками или сшитой) игрушкой, я ее прятала, но когда хотела еще к ней вернуться, найти, взять с собой спать, поиграть, то больше я найти ее уже не могла никак.

Как мне было тяжело, когда завуч, директор или воспитатель раздавали письма, красивые открытки многим детям, а я стояла, ждала много-много раз и много лет и, так никогда ничего ни от кого и не дождавшись, уходила слушать, кому что написали папа, мама, бабушка, дедушка, старшие сестра и братья, тети и дяди. Шли годы, детские годы жизни моей в детском доме Базойском. На карте нашей Томской области он в самом-самом низу. Шли годы, и вот в третьем или четвертом классе к нам приехала из г. Томска комиссия на красивой черной «Волге». Много позже я узнала, что это были Шипулин Митрофан Дмитриевич из облоно и Борст Конкордия Павловна — директор детского дома № 9. Тогда и потом много лет этот детский дом был лучшим в г. Томске и в области.

Я тогда одна просто побоялась, постеснялась к ним подойти. Они стояли около окна и разговаривали о нас, всех сиротах. Я пошла, договорилась с Таней Пикаревской, и мы с ней вдвоем осмелились подойти и стали спрашивать о своих сестрах, назвав их имена и фамилии. Выслушав нас очень внимательно, они все записали. Прошло немного времени, вскоре я получила письмо. Как и многие из детей нашего детского дома, от Конкордии Павловны — лично. Она мне написала, что мои сестры Люда в г. Асино, Ольга — в детском доме № 9, Лена — в дошкольном.

Вот так я сама разыскала своих трех сестричек. Сбылась моя мечта, потом я им всем написала письма, открытки, отправляла фотографии. И какой я была счастливой, когда получала письма от Люды, Ольги. В общем, мы стали переписываться. Однажды, помню, вот что произошло с нашими открытками и письмами. На почте в с. Базой мы, собравшись, наклеили сами из обыкновенных тетрадных листов конверты. Нарезали марки из старых открыток, приклеили, написали письма, открыток очень много и пустили на своей сельской почте в почтовый ящик.

На следующий день нам их все до одного вернули обратно. Сейчас очень хорошо помню, что после этого случая нам всем и каждому, кто в этом нуждался, воспитатель от бога — Утьев Александр Михайлович — выдавал конверты и марки. Кому надо было два конверта, три и марки, то мы между собой меняли на сладости, конфеты, пряники, на все те ароматные вкусности сосущиеся, которые нам давали на обед, завтрак, ужин, полдник. Самые яркие, сильные воспоминания — это о нашем фельдшере (для нас она была врач) Утьевой Марии Тимофеевне и ее муже Утьеве Александре Михайловиче. Он работал воспитателем в старших группах и преподавал в школе биологию, классную комнату в детском доме всегда оформлял большими иллюстрациями из журнала «Огонек» и др. Сам он прошел войну от начала и до конца. Имел награды. Все эти большие стенды во всю стену, и на каждой стене было все о ВОВ и Гражданской войне. («О Суворове через Альпы», о героях-пионерах).

У нас в школе Базойской и в детском доме были вечера, и он часто и много рассказывал о боях и простом русском солдате.

Разные эпизоды войны, рассказывал очень интересно. Мы, замороженные, слушали его, открыв рот, и плакали многие.

Его жена — Утьева Мария Тимофеевна — всех нас всегда лечила. Мне тогда казалось, что она была с нами с утра и до утра. Целыми сутками, днями и ночами. Все мы любили ее. Она была красивой, почти всегда с улыбкой, очень приветливая. Каждого старалась обнять, погладить, обогреть словом, очень жалела нас, прижимала к себе. Зеленкой, йодом каждую царапину помажет, каждую болячку. Строго спросит: «Так, где твои очки, а ты почему без очков?», «Где, Саша, твоя повязка, кто разрешил тебе ее снять?» Самых «тяжелых» отводила, отправляла в изолятор на сложную перевязку. Всегда каждому из нас давала витаминки. В изоляторе у нее было очень чисто, уютно, тепло, запах лекарств. Она была хозяйкой детского дома, как Гундарева Наталия (актриса кино). Мария Тимофеевна всегда на линейке, каждый день утром и вечером ругала очень сильно и очень долго тех, кто дрался, кто обижал младших, особенно девочек. Она была с нами как воспитатель с утра до вечера, и всегда в белом, белоснежном халате. Он у нее завязывался, застегивался со спины. Она похожа была на королеву, которая может все и для всех, для каждого из нас — маленького и старшего.

Еще я вспоминаю своего воспитателя — Вайвод Надежду Григорьевну. Она потом была директором, эта умная добрая женщина, многодетная мама, у нее своих тогда детей было трое или четверо. Жила ее семья в бывшей кастиелянной — 2-комнатный домик. Надежда Григорьевна помогала нам, как никто другой. Она знала всю математику, русский язык, владела английским языком. Очки она носила, оправка была, как у Н.К. Крупской. Уже много лет как не стало ее и Утьева Александра Михайловича. Мне очень жаль, что я никогда их не увижу и не смогу с ними поговорить о своих, наших воспоминаниях, о жизни в Базойском детском доме. Моя личная жизнь захватила, захлестнула меня, так как у меня самой многодетная семья.

Иногда от воспоминаний становится и грустно, и смешно, и невыносимо тоскливо. К этому времени уже очень многих нет в живых. Да, жизнь коротка. Это больно, страшно осознавать, но

когда память накоротке — это человек потерян. Либо без прошлого нет настоящего, или оно к нам начинает возвращаться и напоминать о себе жестоко, хлестко — прямо наотмашь. Ужасно, что в наше время у некоторых выпускников дети родились и воспитываются в детских домах, и не один ребенок, а несколько. Забываем мы ветеранов войны, относимся к ним без должного внимания и уважения. Вот нам и война — в Афганистане, Чечне.

Погиб у нас в детском доме Базойском и еще один мальчик. Играли, баловались они на реке Базойке. Еще лед не сошел, ранней, ранней весной. На плотках катались, и затянуло одного, другой спасся просто чудом. Похоронили мы утонувшего. Помню, впереди огромный гусеничный трактор, сзади него — гроб с телом, а мы — на полозьях. Гроб поставили в пионерскую комнату. И мы, старшекласники, дежурили около гроба по очереди. Плакали, очень было его жалко.

Мы очень много тогда работали на полях — пололи. Работали всегда на своих грядках в детском доме. У нас была своя большая конюшня — кони были красивые. Также были в свинарнике свои свиньи. Большой, просто огромный был курятник — были свои куры, и очень часто нам давали на завтрак яйца. Как сейчас помню и вижу: воду возили на белой, очень красивой лошади, звали ее Нерпа. А как много было построено за эти пять лет! В одном строении находились большая котельная, прачечная с большой круглой стиральной машиной, баня. Было сделано отопление в детском доме и в школе. Построен новый большой корпус на шесть просторных спален. Три спальни для девочек, а три для мальчиков.

На школьной площадке разбиты огромные цветники, огороженные штакетником. На территории детского дома были также большие цветники. В старом корпусе, почерневшем от времени (он был деревянный), сделали две большие классные комнаты, костелянную, два теплых больших туалета и много раковин. Для девочек и для мальчиков отдельно. Пионерская комната была хорошо оформлена и обставлена, даже пианино, аквариумом.

В кабинете директора мы смотрели очень часто диафильмы: помню хорошо про «Мальчиша-Кибальчиша». Телевизор тоже стоял в кабинете директора, но смотрели мы его в окошечко через

зал. Очень часто мы в большом зале старого здания смотрели настоящее широкоформатное кино, как в клубе все остальное село. Кинофильм помню «Повесть о настоящем человеке», про героя-летчика Маресьева. И еще в памяти один фильм, в конце этого фильма было... Солдат после фронта едет в кабине автомобиля грузовика, и мальчик кричит: «Папа, папочка, я знал, я знал, что ты меня найдешь!» (Фильм назывался «Судьба человека»). Многие дети плакали, особенно мальчики.

Кабинет завуча, швейная мастерская, раздевалка находились прямо в маленьком зале — напротив кабинета завуча и швейных мастерских. Школа была большая, 6 просторных классов. Учительская в ней и кабинет директора, большой зал, раздевалка, было три входа. ...При школе и при детском доме — свой сад и большой, большой огород. Очень большое поле под картошкой было совсем рядом с территорией детского дома. Родители и родственники приезжали очень, очень редко.

А вот и еще о письмах. Очень многим детям приходили письма из мест лишения свободы, то есть из тюрьмы. Запомнила я и вижу, как сейчас: Люба Меркулова, очень симпатичная рыжеволосая девочка, получала очень часто письма хорошие, написанные аккуратно и красиво. В каждом конверте — платочки, о чудо какое! Тогда для меня это было действительно, ну, просто чудо из чудес! Ей мама посылала чудесные маленькие белоснежные платочки. Каждый из них был вышит, ну, просто изумительно, это было произведение искусства в моих глазах. По каемочке все вручную обвязано крючком паутинкой кружево, очень-очень мелкое, и цветочки на самом платочке, и слова для Любочки о любви, о встрече долгожданной такой. Ах, ну какая же была это красота! Ну, просто великолепие, летающие снежинки на ладони маленькой детской ручонки.

Сейчас думаю, что в семье произошла какая-то трагедия, непоравимая ошибка, а вот материнские чувства ее мама выражала так. Просто было у нее в заключении безвыходное положение, но о своей маленькой дочурке Любочке она думала постоянно день и ночь. В детском доме была у нас девочка — Жанна Ленкова. Очень смуглая, красивая, худенькая, шустрая, с огромными глазами, ну, прямо черноглазенькая такая, губы алые. А какая же она была ласковая!

И вот эта милая ласковая Жанна так полюбила, так сильно привязалась к одной воспитательнице! Ну, просто не отходила от нее ни на шаг. То на коленках у нее лежит головка Жанны, то ходят за руку везде и всюду, и всегда вдвоем, всегда рядом, вместе. Просто не разлей вода. Частенько ласковая Жанна взбиралась ей на коленки, садилась и головку свою ложила ей на плечо. Вот так вижу и помню, как сейчас. Закончилось все это тем, что Жанна стала называть ее мамой. «Мама, ты моя мамочка, я тебя очень, очень люблю».

Как она бежала к ней, когда та шла на работу. Плакала, когда воспитательница уходила с работы домой. Удочерила она ее и забрала с собой, когда уезжала. Наверное, практика у нее закончилась. Но, живя в общежитии, я их случайно встретила с Таней Кожевниковой. Пригласила этих двоих девочек к себе в комнату, ведь они вместе со мной были в детском доме Базойском. А я в одной комнате тогда жила с Юшкиной Светланой. С ней я за одной партой сидела в детском доме и в школе села Базой. С подоконника в комнате у нашей девочки (мы все тогда были малолетки — было нам по 16–17 лет) они украли весь аванс 70 рублей и убежали. Это они так ко мне и Свете в гости пришли. Их догнали на остановке, разобрались, деньги вернули. Нам тогда было очень стыдно за них. Узнала я потом и подробности о Жанне, оказывается, не сложились отношения у Жанны с этой воспитательницей, заменившей Жанне маму. Досталось ей, похоже, от Жанны, она часто воровала.

Детский дом — это, конечно, неоспоримо и, очевидно, лучше, чем дом родной, где часто постоянно пьяная мать, чужие мужчины. Дом, где так много не хватает тепла материнского, и самое страшное, когда нет любви ее, ласки, доброты материнского сердца, теплых ласковых рук ее. Ее глаз, улыбки, песни, сказок перед сном. Их нам часто рассказывали воспитатели. Но, уйдя от одной трагедии, постигшей безвинные маленькие души и сердца, я прошла девять лет трагедии в детских домах. В моей личной семье это отозвалось так: семья есть семья, все мы знаем — бывает всякое. У меня только сейчас ушел ужас, страх, тревога, беспокойные мысли. Не дай бог моим детям пройти через эти испытания жизни в детском доме. Когда и обзывают, и могут

ударить наотмашь по лицу, обидеть, оскорбить, унижить донельзя, отобрать и не вернуть игрушку или вещь. Никогда не вернуть того, что принадлежало только тебе и было только твоим. И ты никогда не мог об этом сказать. Не можешь, потому что нельзя, потому что будешь ябедой, сексоткой, предателем, могут тебе и темную устроить. Это было всегда, когда ты — первоклассник, и потом. Разве в душе у ребенка не ужас, разве в глазах у ребенка не страх?

Совсем забыла написать, как я попала из детского дома Базойского, этой сказочной красоты, величественного, вечно-зеленого, перламутрового кедрача, в детский дом № 9, который стоял в центре г. Томска, на его самой исторической Бакунинской горе. От центра переулка 1905-го года, откуда увезли меня пять лет назад, от нашей вечно пьющей матери. Итак, сестер своих я разыскала сама с помощью директора детского дома № 9 Борст Конкордии Павловны. Но случилась летом 1966-го года большая беда в Базойском детском доме. Мы, все дети, и младшие и взрослые, получили сильное пищевое отравление. Были машины скорой помощи из сел Чилино, Кожевниково. Нас всех отпаивали из больших бачков на кухне. В них была разведена марганцовка. Нас всех спасли. Многих увозили сразу в село Чилино, в село Кожевниково — в больницы, что находились там. На день отравления у нас работала очень молодая медсестра. Да к тому же она была в положении. Даже мы это понимали, было очень заметно. Она уже ходила последнее время перед родами.

А Мария Тимофеевна — наша выручка во всем, тогда работала в сельской больнице. Она к нам прибежала и не отходила от нас до самого нашего выздоровления. Но в конце концов поменяли у нас в детском доме 4 директоров: Лупенко, Кривошاپко, Вайвод Надежда Григорьевна. Как теперь я понимаю, все учли: и 2 детей, погибших на реке, и это отравление — наш детский дом в конце лета был расформирован в августе 1966-го года. Приезжала большая медицинская комиссия. Нас в кабинете директора обследовали врачи. С каждым беседовали, а так как у меня были письма от сестер, от директора детского дома № 9 Борст К.П., в которых все о старшей сестре и 2 младших (о радость, о счастье!), меня направили в город Томск! Лена после Дома малютки

и дошкольного детского дома, воспитывалась в детском доме № 5, но нам ее не отдали. Она училась хорошо, на оценки «4» и «5». Тогда отчетность была главнее всего, и ее, ребенка, отговорили, чем-то подманили, и она не пошла с нами. Так она и осталась в детском доме № 5. Но разве это не трагедия?! Несмотря на все мои старания, переживания детской души.

Вроде бы я сделала все, но ничего в итоге с Леной не вышло. На отношения мои с сестрами недобрым сказался этот разрыв по разным детским домам. За что так мы прошли несколько раз круги несправедливости, бюрократизма, насилия над детскими, незащищенными сердцами и судьбами? Наши отношения с сестрами получились постольку-поскольку: ни два, ни полтора. Беда, беда — детский дом. Но пока до сих пор мало что изменилось в наших отношениях.

Это только кажется, что современные дети живут лучше нас. Да, но потом, что потом этих детей ждет? Детей из детского дома? Мы сразу почти все были в хороших училищах города, техникумах, институтах, на фабриках и заводах. Всем нам были предоставлены общежития, хорошие, благоустроенные. За 4–5 рублей в месяц платили за проживание каждый. Потом получали комнаты в хороших общежитиях гостиничного типа. И, о счастье, которому нет и не будет конца, получали даже квартиры большие, благоустроенные, 75-й серии и лучше. Получали мы, наши мужья, и трехкомнатные.

Я живу в прекрасной, большой 4-комнатной квартире. Получила ее в 1984 году, было мне (все-то подумать) только 29 лет от роду. Помогали все, особенно завод резиновой обуви — мой родной, который никогда, ни в чем мне и моей многодетной семье (пятеро детей) не отказывал. Всегда мои дети были вовремя устроены в детские ясли, детские сады — прямо около подъезда. Каждое лето путевки во все пионерские лагеря: «Чайка», «Строитель», «Нефтяник», «Космос». Моя семья сложилась во многом вопреки и благодаря все-таки жизни в детских домах. Все, что было там не по душе, закаляло и потом в жизни мне пригодилось. Часто, очень часто, почти ежедневно, на каждом шагу. Потому что в итоге сама жизнь, время все в моей жизни поставили, расставили на свои места. Великий наш учитель — это сама жизнь и годы, прожитые в детском доме.

Сейчас выпускники детских домов ничего этого, можно смело сказать, не имеют. Даже тех, которые имели какие-то квартиры, обманули всякого рода мошенники и лишили их собственности раз и навсегда. Сейчас существуют работа, детские ясли, детские сады, училища, техникумы, институты, лицеи, академии и что там еще, какие новые названия одно круче другого. Но это сможет получить не каждый бывший воспитанник, а кому как повернется фортуна, удача, как сможет защитить сам закон России — нашей великой, что бы кто там про нас чего ни говорил. Россия была, есть и будет вечно великой, потому что это Россия, это наш русский великий народ!!! Россия гонима, но непобедима!

Вспоминаю всегда, в каждый Новый год, глядя дома на елку, ту чудесную красавицу — королеву нашего базойского кедрача. Она по красоте может сравниться только с кремлевской, уступая исключительно только по высоте. Ведь потолок у нас гораздо ниже, чем в Кремлевском дворце. А вот что свежее, очень, очень пушистая, запах всего кедрача, смолы и снега. В этом нашу базойскую королеву из кедрача ни одна елка никогда не превзошла в памяти моей, в моих глазах.

По Базойскому детскому дому помню, маленькая собачка у нас бегала. Так вот, один наш мальчик, рыжеволосый, конопатый, однажды взял и отрезал собаке часть хвоста. Как она, бедненькая, мучилась, бегая, скулила. На линейке Утьева Мария Тимофеевна его ругала за это очень долго и очень сильно. Мы, дети, были рады, что хоть так он был наказан. Стоял на линейке и плакал, давая нам всем обещание, честное слово не делать больше плохого.

Я благодарна искренне всем сотрудникам, воспитателям Базойского детского дома. В нем я росла 5 лет, и детскому дому № 9 г. Томска, где я находилась 4 года.

По Базойскому детскому дому: Утьевой Марии Тимофеевне — фельдшер; Утьеву Александру Михайловичу — воспитатель, директор. Четыре директора у нас за это время сменилось: Лупенко, Кривошапко, Миллер, Вайвод Надежда Григорьевна. В кастиляной работала добрая, красивая кареглазая, чернобровая т. Катя. Мы частенько бывали у нее дома. Повара т. Маша, т. Аня. Ночная няня т. Поля, любила она нюхать табак. Избушка ее была рядом

с большим домом семьи Утьевых. В нем жили две семьи, все десятилетиями отработали в школе, в детском доме. Дом был хороший, добротный, большой, ухоженный крытый двор, на дворе — большая рыжая собака. У Марии Тимофеевны и Александра Михайловича были две дочери. Мне они нравились, были умными и красивыми. Сейчас Мария Тимофеевна с ними живет в г. Томске.

Мне часто вспоминаются рассказы о нашей матери. Старшая сестра Люда много мне рассказывала о ней. А Людмиле о ней рассказывала старшая сестра Светлана. Когда всех нас забирали из родного очага, Светлане было лет 16–18. Так вот, у нашей матери была первая дочь Алла, когда Алле исполнилось 14 лет, она стала часто болеть и умерла от болезни. Шли годы, у матери родились двое мальчиков (двойни), тоже болели часто и умерли очень рано, до годика. Спустя некоторое время родилась Светлана. Сейчас, когда я сама мать пятерых детей, все дети взрослые, понимаю ее состояние души — 14-летнюю дочь похоронить. Возможно, после этого потрясения она стала выпивать, а потом и пить очень часто, постоянно. Потом решила, что рождение другого ребенка облегчит ее страдания. Родила двоих мальчиков, ее ждала беда и с ними, умерли и они. Вот и Светлана родилась, и Люда, но мать так и не смогла остановиться от выпивки. Беда взяла ее цепко, она не смогла справиться с таким материнским горем, которое постигло ее. За короткое время она похоронила троих детей. И все-таки я против того, чтобы вот так рожали и отдавали в Дом малютки, детские приемники, в детские дома и в интернаты.

В Базойском детском доме мы на большом школьном дворе из полениц строили себе «дом». Дрова и чурки (березовые) были сложены в поленицы, так как школа отапливалась дровами (позднее было отопление). Строили мы хорошо, «строительного материала» хватало на всех желающих. Из столовой после обеда, полдника мы брали из своих порций хлеб, конфеты, пряники. Это самая хорошая игра была для нас. Были у нас и «папа с мамой», и «бабушка с дедушкой». Всем нам было радостно и весело в нем. Были двери, окна. Любили мы эти игры в «дом».

В Базойском детском доме закончился «тихий час», все мы после полдника построились, и воспитатель подробно нам

разъяснила правила игры и особенно о сюрпризе, который нас ожидал потом. Игра вся проходила через наш сказочный кедрач. Через земляничные поля — лани. Пока на этой «лани» искали «стрелы» земляники, наелись вдоволь, от пуза, как говорится. До чего же она красивая, крупная, чудесная, лесная, малюсенькая красавица! Такая бело-розово-красная, красная. Игра продолжалась, «стрелы» вели нас вперед. Вот и снова остановка. После очень сильного ветра под кедром много, много шишек. А какие же они крупные, длинные! В наших двух ладошечках, детских малюсеньких ручонках не помещались. Скорлупку убираешь, а там на тебя как будто чей-то глазок. Вытаскиваешь зерно, а оно чуть меньше фасоли. Вот такие крупные в больших шишках были орехи. Наелись ягоды, орехов, а «стрелы» путь показывают дальше.

Идем дальше, зажурчал ручеек — переливается на солнышке. Словно лучи солнечные решили сполоснуться, чтобы еще сильнее жечь наши и без того загорелые спины и животы. Идем вдоль ручья, любуемся его красотой первозданной. Слушаем его журчащую песенку лета. Несмотря на то что он такой малюсенький, в нем, как в настоящей речке, отражаются травка, цветы, небо голубое с облаками, и журчит уж очень громко. Мы продолжаем свой путь, игру, вот и речка, наша красавица Базойка. Как любили мы ее летом и зимой! Летом она нас всех спасала от жары, зимой катались с горы на санках. На самой вершине горы была почта. Мы съезжали самой вершины, а потом и по ней, серебристой, и такой гладкой поверхности реки, ставшей ледяной.

Игра продолжается, мы спешим, надо постараться по «стрелам» обязательно прийти первыми, и только первыми, во что бы то ни стало. Ведь наша игра тем и была интересна, что мы соревнуемся, чья группа придет к загадочному кладу-сюрпризу первой. Время пролетело очень незаметно, быстро. Мы уже подходим к территории нашего детского дома, а вот уже и последняя «стрела» показывает на красавицу стройную березу. Под ней-то и лежит в кустиках приз для нашей команды. Командир достает большой красивый сверток. И много в нем вкусных больших шоколадных конфет, ароматный запах.

Вот и маленькие карамельки, подушечки, а сколько любимых сосательных леденцов и жевательных конфет «кис-кис» — тягучек. Наша радость бесконечна, ей нет конца до самого ужина и сна ночного. Мы всех угощаем. Кто пришел вторым, тоже были награждены хорошими подарками. Но главный, самый главный сюрприз был спрятан среди этих вкусов. Это была очень маленькая куколка, похожая на Дюймовочку. Ее сшила сама воспитательница Попова (ее и. о., к сожалению, не помню). На куколке было белое платье и фата длинная. Помню, у нас был высокий, взрослый парень, старшеклассник с черной шевелюрой. Звали его, хорошо запомнила, Юрка Шевчук, и кличка у него была «Ше.Ю.». Две эти буквы были написаны крупно белой краской «ШЮ» на ставнях, окнах столярной мастерской. Однажды, во время страды на полях работали наши старшие ребята, вдруг загорелся трактор. Юра спас его, о нем тогда в районной газете писали. Еще он отличился, когда будка загорелась около клуба. Мы все тогда в этом клубе смотрели кино. Выбежали все на крик, горела будка — сильно. Он выделялся среди нас, так как был здоровее всех по телосложению и росту своему.

Моя мечта — это когда-нибудь в этом веке пройти по улицам моего далекого и близкого детства. Такого родного по душе села Базой. Побывать на том месте, где когда-то стояли корпуса, ставшие мне родными, заменившие родительский дом на пять долгих лет, на всю жизнь. Я бы давно съездила, но моя подружка по детскому дому базойскому Светлана Юшкина (по мужу Зубровская) погибла в сентябре 1995-го года в автомобильной катастрофе. С ней мы сидели за одной партой в школе, за одним столом в детском доме. Потом ее отправили в шестом классе в Бакчарский детский дом, а меня в детский дом № 9 г. Томска.

Встретились мы со Светланой в общежитии завода резиновой обуви. Жили в одной комнате, работали в одном цехе № 6 — сборка галош. Она, как и я, работала и училась. Без троек она окончила техникум коммунально-строительный. С ней мы так много и часто вспоминали в каждом разговоре село Базой — детский дом. Собирались поехать, как только выкопаем картошку. Но она погибла, не вернулась. На обратном пути дождь, ветер сильный,

ливень, темнота... и авария. Ее муж и водитель чудом уцелели, остались живы после многочисленных операций. По рассказу мужа, она, прикрывая его, с криком вылетела из лобового окна на мокрый асфальт. Я часто бываю на ее могилке. Очень жаль Светланку, она всегда в моем сердце.

Воспитатель Рюмкина Александра Николаевна (10 лет работала в школах, 20 лет в Чаинском детском доме № 1, в г. Томске в детском доме № 9–10 лет). Маленькая седовласая женщина, никогда голос не повышала на детей. Всегда спокойная, очень внимательная, когда идет подготовка домашнего задания, объясняла хорошо математику каждому ребенку. Могла строго пристыдить, если кто-то обижал младших. Она постоянно, как бы наедине с каждым вела воспитательную работу. Если ребенок слабо учился по математике, она сделает все, чтобы он мог решать самостоятельно, а не списывать постоянно у других детей. Завуч — Валентина Васильевна, сильный математик. Знала всех детей, кто учился слабо, помогала постоянно по всем предметам. В ее кабинете находилась небольшая библиотека. Мы постоянно брали книги по ее совету.

Однажды я подошла во время подготовки домашнего задания к воспитателю нашей группы старшеклассников Девяшину Николаю Эммануиловичу. Мне что-то надо было спросить по математике и английскому языку. Но задолго до этого всего я привела свои ногти в полный «порядок». Сделала на них «маникюр». Сейчас уже не помню из чего, то ли у кого-то был лак настоящий для ногтей или из красной пасты от шариковой ручки, или красными чернилами.

И вот я с такими ноготочками «от и до» подхожу к столу воспитателя Н.Э. Девяшина. Начинаю его спрашивать, показывая, веду пальчиком своим указательным. При этом задала ему несколько вопросов. Пояснила, что мне не совсем понятно. Он, увидев мои ногти, не дал мне договорить, резко схватил за левую руку. В одно мгновение я в его сопровождении под ручку пролетела через коридорчик, который находился сразу по выходу из классной комнаты. Затем пролетела мимо дверей кабинета завуча, не успела ухватиться за перила лестницы на 3 этаже, как оказалась в одно мгновение

внизу. Так он меня препроводил за мои крашенные ноготочки. Пролетела я так ступенек 10–13. Как воспитатель в те года он только-только начинал, был неплохим. Умел очень много делать своими руками и делал все, за что бы ни брался, хорошо. Оформлял почти все стенды в детском доме или на даче. Проводил беседы, знал почти все предметы хорошо, даже отлично. Во всех поездках был руководителем. Ездили мы под его руководством в город Ульяновск, село Шушенское, на Алтай и в другие поездки.

Но вот так, порой совсем не желая того, мы выводили воспитателей почти всех из себя. Когда только я поступила в детский дом № 9, училась в 5–6 классах. Строгая, но справедливая была моя воспитатель — Воробьева Александра Петровна. Случалось, уроки мы готовили лишь бы, лишь бы поскорее как-нибудь сдать ей и отвязаться. Часто такое было с нами почти со всеми весной. На улице в нашем дворе очень тепло, жарко на солнце, пенье птиц на деревьях сразу у окна, первые перламутровые листочки. Лучи солнца прямо слепят глаза. Мы всячески стараемся просто из классной комнаты убежать. Удавалось многим тогда. Она, глядя на такое наше поведение при подготовке в школу уроков, брала стол, ставила его поперек двери и у каждого лично принимала домашнее задание. Но даже в этой ситуации, кто под столом, кто, прячась за спиной другого, все-таки убегали. Тогда она начинала просто останавливать, если успевала поймать рукой.

И вот удалось ей это сделать. Попалась девочка, поймала прямо за рукав. То ли от того, что сильно схватила или платьице было очень сильно поношено (в общем ткань старая), треск, еще... и вот платье на девочке в один миг чуть не превратилось в халатик. Да, так мы частенько выводили воспитателей из себя. По прошествии стольких 10-летий начинаю понимать: то, что мы вытворяли, воспитателям было трудно выдержать. Но мы были тогда детьми и видели, когда убежал один, другой, сначала, конечно, удавалось это мальчикам. Потом, смотришь, и девочке удалась со своей подружкой. Вот уже и тебе убежать захотелось как можно скорее — к ним на улицу.

Во дворе нашем — игры, смех, веселье. Можно играть в любую игру: «лапта», «классики», «прятки», «догонялки». Пять,

восемь, десять лет трудно жить по режиму, строим все, как один. Наверное поэтому случались такие срывы, неподчинения, непослушания взрослым, т. е. нашим воспитателям. Александра Петровна при мне работала совсем немного. Год или два. Потом она ушла в школу № 5 учить детей младших классов. У нее были красивые черные волосы, распущенные до плеч. Очень много она читала книг, рассказов, проводила интересные познавательные конкурсы, викторины. Дома она читала одну за другой интересные книги, потом день за днем их постепенно все нам пересказывала.

Александра Петровна в начале подготовки уроков к школе обращалась ко всем нам, особенно к тем, кто слабо учился: «Ребята, все занимайтесь, каждый самостоятельно без нарушения дисциплины. Уроки буду принимать сама лично у каждого. После, так как сегодня дождик очень сильный и надолго, читаем книгу, рассказ до конца». Мы все от такой радостной вести старались сделать уроки быстро, чисто и правильно. Не скрою, иногда умудрялись все-таки и списать. Уроки сделаны: и письменные, и устные. Затаив дыхание, открыв рот, мы все слушали ее очень внимательно, затаив дыхание. После она много лет работала в школе № 5, а летом на даче в селе Куташово детского дома № 9. И на даче перед сном она очень часто нам продолжала рассказывать о прочитанном.

Так мудро и честно она поступала с детьми, а по сути зимой и летом, круглогодично она нас учила, воспитывала, думала о нас. Телевизора не было на даче, он появился в детском доме много лет спустя. В детском доме № 9 много лет у нас были шефы-женщины — великие труженицы. Знаменитый на всю Сибирь и не только — завод «Красный богатырь», ныне — это завод резиновой обуви. Шефы приходили к нам очень часто. Всегда с подарками почти к каждому празднику, ко дню рождения. Мы были гостями у них в общежитии на улице Льва Толстого, 51. Покупали для нас билеты в кино-театр «Пионер», в театр, дарили нам много книг. По дороге в кино покупали каждому мороженое. Нашей радости не было конца. Мы всегда их очень ждали. Все двойки старались исправить и как можно больше получить 4 и 5, так как они смотрели наши дневники, тетради. Помогали делать домашнюю работу. Мы их приглашали на все свои концерты художественной самодеятельности. Уже тогда мы

были вместе с ними на экскурсии по цехам завода. Огромные цеха меня тогда поразили. Длинные конвейеры, и много, много женщин. Их руки делают очень частые и быстрые движения.

Дальнейшая моя судьба сложилась после детского дома № 9 так. После выпуска в сентябре месяце 1970-го года я начала работать на этом заводе. В отделе кадров к Валентине Федоровне Кулешовой меня привела завуч детского дома № 9 Иванова Валентина Васильевна. Проработала я на этом заводе 30 лет, очень благодарна до сих пор его традициям. Постоянно администрация заботилась о молодежи. Было несколько малолетних бригад. Девочки работали от 16 до 18 лет. Были хорошие детские сады, детские ясли, пионерский лагерь «Чайка», один из лучших в области.

Сейчас понимаю, как же мне повезло, я — счастливый человек. Воспитывалась в лучшем, самом лучшем детском доме № 9 города и области, работала на одном из самых лучших заводов — на заводе резиновой обуви. Благодарна всем Вам, добрые люди.

По детскому дому № 9 вспоминается мне и такой случай. Как-то вечером подходит ко мне Люда, мы с ней учились в одном классе, были в одной группе. У нее мама — инвалид по зрению. Было у этой женщины несколько детей, но так как она — инвалид (может уронить или недоглядит), совсем слепая, все дети у нее погибали. Поэтому Люду у нее забрали, уговорили, убедили. Объяснили, что пускай хоть эта девочка останется живой и здоровой. Будет вам помощь под старость. Так потом и получилось. Они до сих пор вместе.

Мама к Люде всегда ходила в детский дом. И вот эта Люда подходит ко мне и говорит: «Попова, а сейчас в классной комнате Девяшин нам всем сказал, что твоя мать лишена родительских прав». Сейчас не помню, что я ей тогда ответила. Но как много раз за эти девять лет смеха и слез, радостей и обид меня бросало в жар и холод. По всему телу озноб, и в горле ком. Главное в том, что при всех мы старались не плакать, нюни не распускать. И вот уже заканчивалась вечером уборка здания. Все младшие дети расходились в спальни, ложились спать. В коридоре Девяшин Н.Э., задев меня рукой, сказал: «Чего стоишь, спускайся вниз». Тут я повернулась от стенда и, глядя ему в лицо, говорю: «Мне надо

с вами поговорить». «Хорошо — оставайся, я сейчас проведу отбой и поднимусь в бухгалтерию». И вот мы вдвоем.

Я ему все рассказала, не называя фамилию и имя девочки. Он сидел, много курил, было ему неловко. Он несколько раз извинился. Сидели мы и разговаривали целый час.

И вот какую историю он мне поведал. А по моей ситуации он все-таки объяснил так. Он не думал, что мне все это передадут. А разговор у них в классе с детьми шел о том, почему не всех и не всегда отпускают «домой». Всегда нужно долго, часами отпрашиваться, на что нам всегда отвечали, и правильно с точки зрения взрослого человека — воспитателя. А детская душа просила, умоляла, хотела Дома! Хотела и рвалась домой! И вот он привел меня и Ольгу в пример. Вот так, просто допустим, не должны отпускать домой Ольгу и Зою Попову, так как их мать лишена родительских прав. Но вернемся к той истории, которую он мне поведал.

«Зоя, ты пойми, я не со зла сказал, привел пример, объяснил и все. А ты знаешь, у одной воспитательницы был такой случай с одним мальчиком маленьким. Она работала с детьми на даче в самой младшей группе. А всегда до этого работала с самыми старшими, и вот однажды идет построение детей этой группы, так как надо было идти в лес на речку. И только строим, за руки взявшись, чтобы никто не потерялся, не отстал, не заблудился. Так вот этот мальчик ну никак в строй не хотел становиться. Бегает, играет, прячется, смеется, но только не в строй.

Все его ждут, только его одного. Жара, комары и мошка. Воспитатель устала просить и уговаривать и даже пыталась догонять его. Тем временем все дети из строя стали уже выходить, и тоже — кто во что горазд. И вдруг она сорвалась на крик: «А ну-ка быстро в строй. Если ты сейчас не будешь в строю вместе со всеми, я тебе голову отрублю». Мальчик этот срывается с места и, как ошпаренный, побежал со всех ног, куда глаза глядят. Тогда его кое-как на Степановке отыскали.

Подняли его детское дело в городе Томске, ознакомились. Оказалось — страшная картина. В его семье между родителями произошла ссора на бытовой почве, и был взят топор — кто-то из родителей другому рубанул наотмашь». Вот такие трагедии в детских домах,

где чисто, тепло, уютно. Стараются все для детей, но жизнь есть жизнь. В ней все перемешивается, перемалывается, и судьбы детские тоже. Очень часто вспоминаю воспитательниц из детского дома.

Мария Львовна Шарапова — прекрасная, красивейшая женщина, каких повидать, умелица во всем. По призванию — это великий литератор от бога. Какие беседы проводила она — мы, дети, от нее не отходили. Прямо, как котята, мы терлись около нее всегда. Все свое свободное время проводила, рассказывая нам наизусть произведения М. Горького «Девушка и смерть», о «Танкисте». Фильм «Цыган». Уже тогда она просто изумительно рассказывала. Мы слушали ее, раскрыв рты. Бывало, и плакали.

Работала в детском доме № 9 очень добрая, трудолюбивая Зоя Петровна Кухальская. Она была и за повара, работала завхозом, на складе. Никогда не видела ее сложившей руки. Очень часто на Степановке на поля картофельные мы с ней ходили. Надо посадку заканчивать, близится непогода, а картошки для посадки не хватает. Она к трактористу бегом. В крытом помещении стоит, уговаривает: «Подвезите, пожалуйста». Она всегда с любым и каждым, с ребенком и взрослым находила общий язык. Могла в любой ситуации убедить.

И вот уже трактор в пути, картофель в наших ведрах, посадили все. С ней вместе назад, по дороге она столько нам разных жизненных ситуаций рассказывала. Рассказчиц, как она, я встречала немного. Ей сейчас 80 лет, но она до сих пор на ногах и все помнит почти о каждом из нас. Все поколения помнит «от» и «до». Ведь в детском доме № 9 она проработала 37 лет. Великолепная женщина. У нее своих шестеро детей, все, как один, очень трудолюбивы, очень бережно и внимательно относятся к своей маме. У нее много внуков и уже правнуки. Здоровья Вам, Зоя Петровна!

Уже я работала на заводе, и мне рассказывали такой случай, который произошел в детском доме № 9. Один мальчик-непоседа в чем-то ослушался воспитательницу. Так она его за ручонку так схватила, что пришлось вызывать «скорую» — перелом, гипс. И вот этот мальчик несколько недель ходил с такой рукой на глазах и всех детей, а дети знали, что руку ему сломала воспитатель. Ужасно все это, но это было в детском доме № 9.

А еще помню, был у нас кот Васька, ну до чего же умный и красивый! Мы все его очень любили. Каждый день все кормили. Он очень важно вышагивал по всему корпусу с утра до вечера. Как все коты, любил он и наш большой двор. Однажды ему очень не повезло. Работал у нас кочегаром дядя Петя, который прошел всю Великую Отечественную войну и вернулся с одной рукой.

Мы относились к нему хорошо, особенно мальчишки. Частенько часами просиживали у него в кочегарке нашей, помогали ему. Он много рассказывал о войне, случалось, выпивал. Война отложила на его судьбу свои отпечатки. И как-то попался ему наш кот Васька, после его удара наш кот сдох. Мы долго в раздевалке на кота смотрели, плакали и решили похоронить с почестями.

Света Хитрук взяла трубу, идет впереди всех с трубой и прямо дудит в нее. Труба настоящая — Света хорошо играла на ней в нашем духовом оркестре. За ней на какой-то тряпке кто-то из детей несет Ваську на руках. И следом, как и полагается, все остальные дети. Колонна получилась внушительная. Так мы все вышли на улицу Бакунина и пошли колонной под музыку трубы. Конечно, узнали об этом все, нас догнал, уже не помню, кто, но из старших. Отобрали трубу, так Ваську похоронить мы не смогли. Уже потом я видела его замерзшим.

По детскому дому № 9 помню всех, благодарна, особенно: *Ивановой Валентине Васильевне, Рюмкиной Александре Николаевне, Шараповой Марии Львовне, Кухальской Зое Петровне, Борст Конкордии Павловне. Поварам: т. Соне, т. Нине, т. Клаве, прачке т. Лизе и ночным няням т. Пане, т. Кате. Директору — Нехорошевой Полине Яковлевне* — она работала много позже, я была уже многодетной мамой, но была ею приглашена всей семьей. Она много рассказывала о детях. Почти 8 лет она проработала директором. У нее много выпускников, и каждого ей очень жалко. Знает судьбу каждого ребенка досконально. Дядя Яша работал плотником, был очень редко, такая специфика работы, но я его запомнила. Он был очень высокий, плотного телосложения, всегда с улыбкой и добрым взглядом. Когда бывал на наших праздничных концертах, всегда смеялся, раскрасневшись, громко и от души. Однажды мне дали роль Волка. Костюм я готовила

себе сама и особенно хвост. На проволоку нанизала нарезанный, крашенный, накрахмаленный бинт. До выступления всем детям мой костюм понравился. Я была высокая, худая, а у Волка хвост оказался еще длиннее. Так вот, каждый из детей подходил и крутил, и теребил. И вот мой выход. Наша сценка. В самый момент, когда мой Волк был круче крутого, этот хвост возьми и отвались на пол. Смеху тогда было в зале, успокоиться не могли уже не из-за хвоста, а из-за того, как над этим смеялся дядя Яша и как он выглядел, его лицо. Вот такие радости были у нас.

Год, другой спустя с ужасом прочла в одной из центральных газет: усыновила семья где-то за рубежом нашего российского гражданина, хорошенького мальчика. Светленький, большеглазенький, 2-годовалый карапуз. И вот его приемная мамаша оказалась психически неустойчивой дрянью, она не выдержала крика и плача этого малыша и забила его до смерти кухонной скалкой. Ужас! И как только таких уродов-мамаш земля носит. Неужели они после этого могут спать спокойно?

Кто-то сказал о правительстве — хорошее оно или плохое, судят по тому, как оно относится к детям и старикам. Так вот, сейчас постоянно по радио, телевизору, из всех источников информации узнаю, что население нашей страны — Великой России тает, исчезает, испаряется, как дым и туман. Старики умирают, погибают без лекарств, хорошего питания, от холода в квартирах, к сожалению, от полного равнодушия, издевательств, физического насилия родных детей и внуков (наркоманов). Нет рождаемости, постоянные конфликты — десятилетиями не заканчиваются. Возьмите, военные события в Афганистане, сейчас — в Чечне...

Гибнут молодые ребята, гибнет и мирное гражданское население. Точно знаю, что наша Великая Россия — наша Родина обязательно была, есть и будет мудрой, очень богатой, самой богатой, как когда-то, учеными и космонавтами. Бизнесмены и предприниматели после себя будут оставлять не особняки и виллы за рубежом, а Дома науки, как когда-то Макушин, храмы, каких нет нигде, как на Руси. Библиотеки, аллеи, сады, парки будут в память о наших мальчиках-афганцах, чернобыльцах,

ребятах, победивших бандитов в Чечне, мучивших 10-летием свой народ, уничтожая целыми семьями, улицами.

Мне бы очень хотелось, чтобы воспитанники и выпускники, воспитатели и сотрудники детских домов всей области и города Томска написали свои веселые и грустные воспоминания — главное, правдивые. Бывших воспитанников очень прошу, пожалуйста, пишите, и мы, верю, сможем как-то остановить от беды детей в детских домах. Как бы хорошо и тепло там ни было, самые добрые и умные воспитатели и няни — МАМА и ПАПА, никогда их не заменить, ведь воду, воздух никто заменить не сможет никогда.

ДЕТСКИЙ ДОМ № 9

Утро, дача, место очень красивое, но все-таки с кедром базойским не сравнить. После подъема — линейка. Все построились по звеньям. Всего шесть звеньев: 3 старших, 3 младших. Всегда летом к нам на дачу, на отдых поступало несколько детей новеньких. Поступали к нам они только на лето. Помню, попала к нам девочка-старшеклассница. Приятной внешности, высокая, русая. У нее было слабое зрение, это было заметно по тяжелым, толстым линзам. Фамилия ее была Девятова.

На каждой линейке утром (кроме выходных) давали задания каждому звену. Всегда было исключение, легкий труд для больных, ослабленных здоровьем. Это для тех, кто порезал палец, упал и очень сильно разбил колени, нарыв пятки и т. д. В эти списки на легкий труд и попала девочка по фамилии Девятова. И вот директор произносит фамилию Девятова: «Сегодня будет помогать». Вдруг кто-то очень звонко:

«Конкордия Павловна, она не Девятова, а Десятова». Тут же директор себя поправляет, извинившись. И снова начинает: «Десятова будет...» Кто-то другой из детей кричит: «Ты, что Петров, она не Десятова, а Девятова, она мне сама вчера говорила». Уже почти во всех звеньях начинается смех, кто-то из детей хватается за живот, падая на траву, начинает заходиться в веселом смехе. Шум, спорят. Директор начинает понимать, в чем дело. Стоит, ждет, очень терпеливо, когда же это веселье закончится.

По всей линейке смех, и только две фамилии: «Десятова, Девятова». Спор не прекращается, при этом кто-то, объясняя другому, крутит около виска. Вот так мы очень любили пошутить друг над другом. Доставалось в результате воспитателям, няням, директору и почти всем сотрудникам детского дома. БОРСТ Конкордия Павловна еще в 1943 году пришла работать в детдом № 9 г. Томска, первая воспитательница с высшим образованием. Вскоре ее назначили завучем детдома. В этой должности она проработала до 1961-го года. Позже назначена директором детдома, и трудилась более 40 лет до последних дней своей жизни.

Всегда, когда смотрю кинофильм «Электроник», где «Чижи-ков я, а не Рыжиков», вспоминаю детский дом № 9 и эту линейку. В такие моменты веселья, смеха, прекрасного настроения мы забывали, что у нас нет родителей, что большинство из нас те, кого предали раз и навсегда, те, от кого отказались. Где-то далеко у многих из нас были братишки и сестренки, и нам было здорово. Все из нас, кто когда-то поссорился, уже незаметно для себя помирились. Воспитатели часто для нас устраивали чудесную игру «Стрелы». Пока у нас «тихий час», они со старшими детьми пройдут несколько километров, чтобы после себя оставить сотни разных «стрел». На деревьях, кустах, земле, пнях. Это я помню по детскому дому № 9.

Есть у меня пожелания. Бывшие воспитанники, выпускники детских домов нашего города Томска, области, где бы вы ни жили, бывшие воспитатели, разные сотрудники, помогите составить летопись детского дома. Пожалуйста, пишите свои воспоминания, самые, самые: грустные, веселые, а главное, правдивые. Мы будем знакомиться с вашими рукописями-воспоминаниями. По крупницам собрав их, будем издавать брошюры, маленькие книжки и создавать книгу.

Много среди нас строителей, токарей, врачей, учителей, водителей и т. д., а вот в детском доме работать сможет не каждый. Там работают самые терпеливые и талантливые педагоги — умные и выносливые, самые ласковые и те, кто не помнит зла и обид. Те, кто увидел глаза ребенка, которого предали все и не раз, предали раз и навсегда, самым жесточайшим способом,

который только можно было придумать; предали самые близкие, самые родные, самые любимые и единственные на всей этой огромной планете. Предали родители — ПАПА и МАМА. Эти глаза надолго, почти навсегда, на всю жизнь остаются грустными, очень грустными. Всю жизнь преодолевают трудности, один на один с судьбой, бывшие воспитанники — выпускники детского дома.

Вспомнила песню «Березки» про наш пионерский лагерь в Куташево.

*Мы неплохо учились зимою,
Вот настал и дня отдыха срок.
Мы приехали дружной семьею
В наш прекрасный лесной уголок.
Наш лагерь «Березка»
Средь леса стоит.
Ты светлую память
О нем сохрани.
Рано утром спешим на зарядку,
Алый флаг наш по мачте летит.
Ждут потом нас работа на грядках
И прохладные волны реки.
Детский дом, детский дом, детский дом!
Грустно и радостно было нам в нем.
Детский дом, детский дом, детский дом!*

СПАСИБО ВАМ, ДОБРЫЕ ЛЮДИ, МЫ ВАС НЕ ЗАБУДЕМ:

1. Утьева Мария Тимофеевна — фельдшер, воспитатель Базойского детдома.
2. Утьев Александр Михайлович — воспитатель, учитель биологии и просто мастер на все руки.
3. Вайвод Надежда Григорьевна — воспитатель, директор Базойского детдома.
4. Иванова Валентина Петровна — завуч детдома № 9.
5. Рюмкина Александра Николаевна — воспитатель детдома № 9 г. Томска.

6. Шарапова Мария Львовна — воспитатель, преподаватель литературы детдома № 9.
7. Кухальская Зоя Петровна — завхоз, кладовщица, повар, няня, дежурная на вахте детдома.
8. Филлер Маргарита Борисовна — музыкальный руководитель художественной самодеятельности детдома № 9.

Она всегда с нами занималась вечерами. Красивая стройная интеллигентная женщина. Очень любила свою профессию. Прекрасно владела инструментом — пианино, баян, аккордеон. Во всех поездках всегда была с нами рядом. С детьми была всегда добра и внимательна, по своей сути знала о каждой ребенке все. Кто будет петь каким голосом, танцевать, читать стихи. Я всегда удивлялась ее спокойствию и терпению. Утром она работала в детском саду. Когда в детском доме не было руководителя по хореографии, она заменяла ее. Маргарита Борисовна всегда была в хорошем настроении, с улыбкой. Мы любовались ею. Она становилась еще красивее на всех наших праздниках. Были у нас и генеральные репетиции. Вот в такие вечера, перед самым концертом, она была строгая и очень требовательная.

9. Карлова Клара Петровна — воспитатель дет дома № 9.

Справедливая, очень требовательная, внимательная. Она всегда самой первой приходила в детский дом и делала подъем. Потом вместе с нами она поднималась в малый зал, где мы занимались утренней зарядкой. Клара Петровна очень терпеливо и мудро могла поговорить с любым из детей и с очень маленькими детьми. Постоянно рассказывала нам прочитанное о Шерлоке Холмсе. Читала очень много книг. Спасибо Вам.

10. Девяшин Николай Эммануилович — воспитатель, директор.

11. Нейфельд т. Лиза — работала прачкой.

12. т. Зина — кастелянная.

13. т. Клава — повар.

14. т. Соня Бриз — повар.

15. т. Нина — повар.

16. д. Петя — кочегар.

17. д. Яша — плотник.

18. т. Поля — кладовщик.

19. т. Катя — ночная няня.
20. Глафира Ивановна — швея.
21. Бригита Викентьевна — швея.
22. т. Пана — ночная няня.
23. Ольга Николаевна — медсестра (участница ВОВ).
24. Александра Ефремовна — хореограф, проработала 18 лет. Эвакуирована в войну из г. Ленинграда, там была балериной.
25. д. Коля Хмелевский — ответственный по доставке продуктов.
26. Григорий Александрович — инвалид ВОВ.
27. Гладков Степан Алексеевич — шофер 1 класса.
28. Таушканова Анна Викторовна — кастелянша, няня, повар.
29. т. Дуся — повар (улица Бакунина, 7).
30. Екатерина Сергеевна — медсестра.
31. Комиссарова Любовь Анатольевна — хореограф с высшим образованием.

О сотрудниках

*Есть женщины в Великой России,
Которые чужих детей
В детском доме растили,
Отдавая им любовь свою и ласку,
Ничего не требуя взамен.
20, 30 и даже 40 раз воду носили,
Поднимаясь по Бакунинской горе.
И с восходом солнца — до заката
Мыли, стирали, варили и шили.
Научили считать, писать, танцевать,
Учили нас книжки читать,
Потом о прочитанном все рассказать.
Сколько с нами они проводили время!
Сколько раз нас спасали от слез и от бед!
«На обед, на обед» — т. Нина зовет.*

*Зоя Петровна коробку конфет выдает.
Клара Петровна уроки строго проверит.
Повар с улыбкой строго объявит:
«Кто суп не доест, не получит котлет.
Кто котлеты не съест — не увидит конфет».
Всегда пообедав, мы говорили:
«Спасибо нашим поварам
За то, что вкусно варят нам».*

Сколько трепетного, дорогого хранится в груди у каждого о доме родном. И, если ты помнишь самых близких — мать и отца, — дом все равно был. Его дала тебе Родина. И ты вырос, выучился, трудишься, как все, зная, что кто-то помнит о тебе, и, как у всех, у тебя есть такой адрес, которого ты никогда не забудешь: г. Томск, детский дом № 9.

Строчки о доме — у порога

*Детский дом ты мой девятый,
Дом, ты мой родной!
Тридцать лет в душе моей ты,
Тридцать лет со мной.
Большие ворота остались за спиной,
Дом девятый, ты передо мной.
Открывая тяжелую дверь,
В твой вестибюль я вошла.
Он таким огромным показался мне
С зеркалом большим на белой стене.
Позабыла мама обо мне
И отец не вспомнит обо мне.
Три мои сестренки, где вы, где?
Детский дом — девятый, Ты — в душе моей.*

*Александр
Шурманов,
воспитанник
1929–1932 г.
г. Рига*

*Зинаида Соловьева,
воспитанница
1942–1948 г.
г. Томск*

*Зинаида Сергеева,
воспитанница
1941–1948 г.
г. Томск*

ДЕТСКИЙ ДОМ № 30 — ВОДНИКОВ — № 9 В 1921 – 1930-е ГОДЫ

Годы гражданской войны и разрухи выбрасывали на улицу большое количество детей, которых ждала голодная и холодная жизнь. Советская власть, невзирая на трудности, не могла безучастно смотреть на страдания тысяч несчастных детей: для них открывались детские дома.

В детских домах Томской губернии в это время воспитывались около 2000 детей, в городе Томске было 25 детских домов.

Детский дом № 30 был открыт 2 февраля 1921-го года по улице Коммунистической, 24. Сначала дошкольный, затем, с 1923-го года, — школьный, с преобладанием детей-татар. В 1923–1925 годах детские дома частично были переданы в ведение водного и железнодорожного транспорта. 15 октября 1924-го года детский дом № 30 ГубОНО был расформирован, и, по архивным документам Рупвода от 30 октября, идет речь об ассигнованиях на детский дом «водников» по улице Коммунистической, 24. Следовательно, детский дом «Водников» по улице Коммунистической, 24 был организован на основе детского дома № 30.

22 мая 1930-го года на заседании представителей ГорОНО, управлений железной дороги и водного транспорта стоял вопрос о передаче детских домов в ведение ГорОНО. Четырьмя днями раньше в извещении № VIII-18-4 Сибводпути указывалось о передаче ГорОНО детских домов. В 1930–1932 годах в документах по улице Коммунистической, 24 упоминается то детский дом водников, то детский дом № 9. В мае 1943-го года детский дом № 9 был переведен на улицу Бакунина, 7, где и располагается по настоящее время. Детский дом назывался «Детский дом водников № 4». В двухэтажном доме воспитывалось 35 человек. На первом этаже размещались столовая, красный уголок и зал. На втором этаже было три спальни, а в подвале находились кухня и мастерская.

Учились мы в городской школе. Дача находилась в 20 километрах от города, недалеко протекала речка. На даче мы обрабатывали свое подсобное хозяйство, отдыхали, купались...»

*Александр Константинович Шурманов,
воспитанник детского дома «Водников» в 1929–1932 гг.
Окончил школу, ФЗО, участник Великой Отечественной
войны. Живет, работает в г. Риге.*

ДЕТСКИЙ ДОМ № 9 В 1943–1971 ГОДЫ

Суровые страницы в книгу жизни нашей страны внесла война. Для детей, оставшихся без родителей, без крова, создавались новые детские дома, расширялись старые.

В нашем детском доме в 1941–1945 годах жило до 165 воспитанников. Трудно им жилось в эти годы: частично не было света, мало учебников, писали на тетрадях из серой бумаги. Все работы на большом подсобном хозяйстве выполняли сами ребята. Весной лопатами вскапывали землю, это было изнурительно, но как радовались все первым всходам... Заготовку сена, дров, ремонт здания — все своими руками. Вот как вспоминает об этих годах Зина Соловьева:

«В детском доме я жила с 1942 по 1948 годы. Это были трудные военные и послевоенные годы. Поэтому нам приходилось много работать, так как мы целиком обеспечивали себя овощами на год, принимали участие в ремонте здания. Учились мы, начиная с октября, а в сентябре занимались уборкой урожая. Помню, нужно было выкопать большое поле картофеля, к вечеру мы устали. В эти дни наши войска бились за город Орел, и мы представили, что поле — тоже для нас город, который мы должны взять. Поздно вечером, усталые, мы все же преодолели этот рубеж, и какая для нас была радость, когда на другое утро мы узнали, что г. Орел взят нашими доблестными войсками...»

Но вот кончилась война... Многие родители вернулись с фронта, и дети возвратились в семьи. В детском доме количество детей сократилось до 115 человек. У большинства воспитанников была тяга к знаниям, поэтому в детском доме было разрешено создать группу (30 человек) воспитанников, которые учились в техникумах. Они были настоящими помощниками старших. В детском доме были пионерская и комсомольская организации.

Дороги жизни развели воспитанников по всей необъятной нашей Родине. Одни живут, учатся и работают в Томске и области, другие — в Москве, Ленинграде, на Дальнем Востоке, в Крыму и Узбекистане. Они работают на заводах и лабораториях, в школах и на стройках. О многих из них идет добрая слава. Вот что нам о них пишут:

«В нашем детском саде № 302 г. Новосибирска работает воспитателем Сапогова Мария Алексеевна. В течение 11 лет (1941–1952) она являлась воспитанницей вашего детского дома. Спасибо вам за то, что ваш коллектив подарил Родине такого человека, как Мария Алексеевна. Это — чуткий товарищ, верная жена, любящая мать, мастер своего дела. Умеет хорошо шить, рисовать, петь — «золотые ручки» — так мы ее называем».

Вот так отзываются о курсанте высшего военного танкового училища г. Казани *Печкурове Владимире* (1959–1965 гг.):

«В сентябре 1969-го года Володя был назначен старшиной роты. Это — самая высокая должность, которую может занять курсант. С его помощью наша казарма стала очень уютной,

по-настоящему превратилась в дом курсанта. В апреле 1970-го года он стал кандидатом в члены КПСС. Старший сержант Печуров является гордостью нашей роты. Именно в вашем детском доме получил Володя все свои качества, стал настоящим человеком. От имени всех курсантов роты благодарим вас».

Мы гордимся *Филимоновым Юрием* — начальником изыскательской партии института «Теплоэлектропроект», *Додоновой Д.А.*, которая более 20 лет работает на Томской карандашной фабрике, выполняет норму на 150–170%; *Литвиновой Анной* — преподавателем Томского педучилища; *Валь Анной* — работницей библиотеки г. Омска; *Лысенко Галиной* — учительницей школы № 24 г. Томска; *Соловьевой Зиной* — работницей Томской студии телевидения; Коноховой Татьяной, работающей на заводе «Сибэлектромотор», выполняющей норму на 200%. И многими, многими другими...

Детский дом на протяжении 10 лет (1948–1958 гг.) беспрерывно занимал 1 место по художественной самодеятельности. В этот период был создан хороший хоровой коллектив, руководимый Бирнбаум Эдди Петровной, танцевальный коллектив под руководством Абрамовой Александры Ефимовны. В последующие годы смотры проводились реже, и воспитанники на них выступали вне конкурса.

Кружком «Умелые руки» руководила умелый воспитатель, мастер на все руки — *Татаурова Клавдия Александровна*. В 1953 и 1954 годах детский дом занимал 1 место на областных выставках. На них было представлено более 10 видов работ (выпиливание, выжигание, резьба, лепка, вышивание, работа с природными материалами, картонаж, вышивание...)

Гордостью детского дома был духовой оркестр. Его отличала отточенность исполнения, большой и разнообразный репертуар. В течении 12 лет бессменным руководителем оркестра являлся *Афраймович Исай Вениаминович*.

А в доме по улице Бакунина, 7 все идет своим чередом, как и прежде. Весной стучат в его окна листвой деревья, ветер треплет белоснежные шторы в распахнутых окнах, и несутся из них ребячьих голоса.. Сейчас в нашем детском доме живет 90 мальчиков

и девочек. Большой семьей живут ребята. У них разные характеры, привычки, способности, все они учатся, трудятся, получают много практических навыков.

Бегут годы... Улетают из родного гнезда те, кому отдано много сил, а порой и здоровья. Всякое случается, пока встанет на ноги и многое поймет иной парнишка-озорник, но обязательно встанет и почувствует себя настоящим сыном своей великой Родины-матери, вскормившей и взлелеявшей его. И навсегда сохранит он тепло в груди к людям большой души, к хорошим советским людям, заменившим ему самое дорогое на свете — родителей. Мы благодарны всем, кто помог нам стать настоящими людьми.

28 лет отдала детскому дому *Борст Конкордия Павловна*, 19 лет проработала директором *Андропова Лидия Николаевна*, по 15–20 лет работали и работают воспитатели *Воробьева Александра Петровна*, *Шарапова Мария Львовна*, *Карлова Клара Петровна*. А как не вспомнить всегда заботливую, неутомимую *Глафиру Ивановну*, нашу требовательную, но всеми любимую *тетю Пану*, строгую, но всегда справедливую *Софью Иосифовну* и еще много и много сотрудников, которые отдают все силы и знания для нас?!

Обо всех них с теплотой пишу в своих письмах бывшие воспитанники. Вот идущие от души и сердца строки из письма *Евсеева Валерия*: «Позвольте мне по русскому обычаю склонить перед вами голову и в этом поклоне благодарности сказать большое спасибо. Спасибо за ваш нелегкий, но благородный труд. Мы были лишены материнской ласки, но нам ее дал детский дом. Вы радовались с нами нашим успехам и огорчались вместе с нами. Вы привили нам любовь к труду, научили понимать и ценить прекрасное.

Большое спасибо вам за все, что вы сделали для нас и делаете для нынешнего поколения, и уж извините нас за ваши преждевременные седины и морщины. Пусть наш юбиляр, несмотря на 50-летний возраст, будет по-прежнему юн в детских радостях и смехе, молод в наших делах, чуток и отзывчив в материнских заботах».

ЛАГЕРЬ «БЕРЕЗКА»

Сколько радостных воспоминаний вызывает у каждого воспитанника слова: дача, Куташово! В этих словах таится веселое лагерное лето. Это — походы и экскурсии, дымки костров, купание с отдыхом на прогретом песке у реки, это — сбор ягод и грибов, это — игры и спорт. Жизнь летом на даче прекрасна и заманчива: главное то, что ребята не чувствуют себя праздно, занимаются большой полезной работой. Сельским хозяйством занимаются все воспитанники: младшие следят за порядком на своих грядках (лук, морковь, свекла), старшие выращивают картофель, капусту, огурцы. Самая интересная работа приходится на конец лета, когда начинается сбор урожая. Летом выпускники помогают в прополке овощей совхозу «Степановский», зарабатывают деньги на поездки. В последние годы воспитанники совершили поездки в Шушенское, Ульяновск, Ленинград, на Алтай.

Но особенно остаются в памяти незабываемые праздники: открытие лагеря, лесные карнавалы, праздники Нептуна и леса, прощальные костры. В них привлекает фантазия самих ребят, которой нет конца. Вспоминает Володя Печкуров: «Незабываемыми остаются те месяцы, когда мы жили на даче среди живописной сибирской природы. Там было все: и солнце, и воздух, и вода. Жизнь среди этих красот выработала любовь к сибирскому краю, недаром же меня постоянно влечет в мой родной город, хотя побывал я уже во многих уголках нашей страны».

*И счастлив я, что здесь я рос,
И то мне сердце радует,
Что снежный свет родных берез
На всю планету падает.
Вот собрались мы снова,
Как бывало двадцать лет назад.
И молоды, и веселы мы снова
Пусть нам тридцать—сорок лет
И виски сединой серебрят.*

*Хоть давно уже мы не видались,
Но память о детстве настолько остра,
Словно недавно с тобой мы расстались,
Словно только это было вчера...
Словно только вчера провожали
Нас до школы с тобой в первый раз,
Как торжественно в зале недавно
В ряды пионеров приняли нас...
Помнишь?! Конечно, все помнишь...
Мы не из тех, кто не знает родства.
Мы дети детдома, Родины, Партии,
А такое забыть нам просто нельзя!*

Валентина Воронова

Здравствуй, дом родной!

*Таёт снежок, чернеет земля,
Слышен трамвая звонок.
Вот тихая улица, дом на горе,
Где бегала я босиком.*

*Идут пешеходы своей стороной,
Проходят мимо меня.
А я стою, а я смотрю:
«Здравствуй, дом родной!»*

*Чуть-чуть потемнели бревна твои,
А крыша сменила наряд.
Дорожка бежит, извиваясь во двор
И прячется там за углом.*

*Тополя, как прежде, глядят на меня.
Тянут ветви ко мне.
Я прижмусь щекой, обниму рукой:
«Здравствуй, дом родной!»*

*Двери распахнуты настежь,
Слышится звонкий смех.
Ты встречаешь меня у порога,
Как в детстве, за руку ведешь.*

*Теплые, добрые руки
Успели морщины покрыть,
Седина в волосах, тот же блеск в глазах:
«Здравствуй, родная моя!»*

*Кружатся, кружатся пары,
Звенит рояля струна.
Я снова в этом зале,
Сверкают люстры в огнях.*

*Здесь прошло мое детство,
Здесь юность наша была,
Ты в моем сердце, всегда со мной:
«Здравствуй, дом мой родной!»*

Зинаида Сергеева

ВСТРЕЧИ... ВСТРЕЧИ... ВСТРЕЧИ...

1954 г., летний I Пионерский Слет воспитанников детских домов

*Сваровская Таусия Дмитриевна,
воспитанница детдома
1927–1934 гг., окончила 7 классов,
проживает в г. Калининграде*

*Додонова Дарья Александровна,
воспитанница детдома
1928–1934 гг. ветеран труда
карандашной фабрики г. Томска*

1995 г. Встреча выпускников детского дома № 9 г. Томска

1960 г. Воспитанники и воспитатели Базойского детского дома

1961 г., младшие классы детдома с. Базой с педагогом Валентиной Ивановной Грибовой-Быковской, 3 ряд слева 2 — Коля Домнин

1963 г., у входа в здание детского дома с. Базой, второй ряд, справа вторая Зоя Попова-Чуприна

*1965 г. Утьевы Мария Тимофеевна и Александр Михайлович
(участник войны) — педагоги школы и воспитатели детдома с. Базой*

*1965 г. самодеятельная группа, педагоги и воспитатели
Базойского детского дома*

1965 г. педагоги и воспитатели детского дома и школы с. Базой

ТОГУРСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ

(1933–2013 гг.)

Воспоминания воспитанника в 1943–1955 гг. Тогурского детского дома. 80-летию Тогурского детского дома и воспитанникам посвящается. Благодарю Ирину Пунгину и Вячеслава Данченко, воспитанников Тогурского детского дома, за предоставленные фотоматериалы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На первом слете Союза воспитанников детских домов и интернатов в 1990 году в Томске было принято решение о сборе материалов для издания книги воспоминаний бывших воспитанников детдомов Томской области. Через год я отправил свои воспоминания о Тогурском детдоме в Правление Союза. Прошло уже много лет, но до сих пор других воспоминаний собрано еще мало, да и финансовых средств на издание общей книги пока нет.

Учитывая, что в 2013 году планируется проведение 80-летнего юбилея Тогурского детдома, а сейчас идет подготовка и сбор материалов для юбилея, я решил издать свои воспоминания отдельной книжкой. Мои воспоминания охватывают небольшой срок из жизни детдома — всего двенадцать лет, с 1943 по 1955 гг.; возможно, они слишком кратки и незначительны или в них мало фамилий, фактов и т. п., но я все-таки стремился написать более полно о жизни в те годы и о своем отношении к происходившему. К тому же не исключено, что за оставшееся до юбилея время могут появиться и другие воспоминания бывших воспитанников Тогурского детдома. Так пусть моя книжка будет им хотя бы малым, но добрым ориентиром.

*Леонид Ефимович Устинов и Игорь Николаевич Арбузов
выпускники Тогурского и Литвинского детских домов*

10 июля 2014-го г. в Центре Союза ВДДИ Томской области

В НАЧАЛЕ ПУТИ

В августе 2013-го года Тогурскому детскому дому исполнится 80 лет. Мне, бывшему воспитаннику этого детдома, пришлось прожить здесь двенадцать лет в первую четверть его становления. Детский дом расположен в поселке Тогур, в восьми километрах от г. Колпашево. Он был организован при Колпашевской участковой комендатуре в 1933 году «...для приема малолетних детей-сирот спецпереселенцев», до 1937-го года носил имя Р.И. Эйхе, секретаря Западно-Сибирского краевого комитета партии, руководившего репрессиями в крае, за что и был потом расстрелян. Первыми директорами детдома были: Дьячков — в 1934 году; А.П. Жданов; Иван Васильевич Виноградов — в 1937 году; А. Самойлов — в 1938 году; Ф.П. Слобожанинов — с 1939 по 1941 гг.; Н.М. Ильясова — с 1941 по 1961 гг.

В первые годы становления коллектива воспитателей, сотрудников и рабочих детского дома исполнительская и трудовая дисциплина были на низком уровне, не было опытных, грамотных кадров, не хватало воспитателей. Поэтому первым директорам детдома приходилось прилагать много усилий для контроля за деятельностью большого разношерстного коллектива: тут и обмен опытом, и меры принуждения нерадивых, и поощрение добросовестных работников. Так, приказ № 1 от 18.02.1934-го года был об упорядочении питания воспитанников. А вот другой пример. При сушке матрасов возле горячих печей из-за халатности нянек в 1940 году возникали возгорания, что было чревато последствиями, так как сушка осуществлялась в спальнях либо в других комнатах, где находились дети. Приказом директора виновных наказывали.

В годы Великой Отечественной войны директором Тогурского детдома была Нина Михайловна Ильясова, сменившая ушедшего на фронт Ф.П. Слобожанинова. Работа в детдоме проводилась, как и по всей стране, под знаменитым лозунгом «Все для фронта, все для победы».

В первые дни войны был издан приказ директора о подготовке воспитателей, сотрудников и рабочих детдома к действиям

по сигналам о воздушном нападении и обеспечении безопасности воспитанников в чрезвычайных обстоятельствах. Занятия проводили опытные преподаватели, а посещение было обязательным. Другим приказом директора все воспитатели и сотрудники детдома были привлечены к подготовке детской зимней одежды, ее ремонту, чистке и сушке. Из работников и воспитателей создавались бригады по заготовке сена, леса для дров; дрова для детского дома колола еще одна бригада из воспитателей, бухгалтера и кладовщика. Также была выделена бригада из пяти человек для помощи Кетскому лесозаводу. Для работы на военных заводах Новосибирска в трудовую армию были призваны несколько сотрудников детдома.

В условиях военного времени все проступки в служебной и хозяйственной деятельности строго наказывались, вплоть до суда, например, за неполноценное питание воспитанников, недостачу белья, одежды, суровое обращение с детьми, прогулы, сон на дежурстве и т. п. До 1953-го года директор Тогурского детдома был фактически единоличным руководителем — все, что он планировал и проводил в жизнь, беспрекословно принималось всеми исполнителями. Судьба воспитанников полностью была в руках директора, который мог строго наказывать или миловать провинившихся, разрешать им учиться дальше или отправлять в ремесленное училище, поощрять хороших воспитанников или нет. Перемены наступили позднее. Конечно, был еще и педагогический совет, который обсуждал на своих совещаниях все жизненно важные вопросы, касающиеся как самого детдома, так и его воспитанников. Директор обязательно присутствовал на этих совещаниях, выслушивал мнение и предложения всех выступавших. Были и недовольные внутренней политикой директора, однако педсовет все равно принимал решение, предложенное директором.

Надо помнить, в какое время мы тогда жили, ведь инакомыслящие могли быть сурово наказаны. Воспитанников вызывали на педсовет лишь для обсуждения их плохого поведения и учебы. В помощь директору и педсовету в детдоме был избран детский совет: председатель — Юлия Трифонова, члены — Маша

Медведева, Валентин Рожков, Володя Шабанов, Юра Голещихин, Саша Ерх и другие. На заседаниях детского совета присутствовали директор и завуч. В принципе, на детский совет возлагалось много задач, решение которых могло быть интересным и увлекательным для всех воспитанников, а самое главное — были заложены основы самоуправления. Теперь совет сам выдвигал кандидатуры воспитанников на длительные походы и экскурсии, на поощрение, брал под свою опеку провинившихся или ходатайствовал о предоставлении им возможности учиться в детдоме дальше, ведь дети лучше знали друг друга. Поскольку в детский совет были избраны опытные воспитанники старших групп, то и пользовался он большим авторитетом у детей и воспитателей. Не все, но часть бывших воспитанников приезжала на лето в Тогурский детдом на период их каникул или отпуска. Это были в основном студенты техникумов, институтов либо окончившие ремесленные училища из Колпашева и Томска.

Руководство детдома весьма доброжелательно относилось к своим выпускникам; с каждым приехавшим проводили беседу, выясняя, на какой срок приехал, какие планы на это время, есть ли финансовые затруднения. Если выпускник изъявлял желание подработать, ему предлагали временно должность пионервожатого либо помощника воспитателя. При согласии выпускника на какую-то работу соответственно директор детдома мог отправить штатного работника в отпуск летом, что было весьма необходимо живущим в сельской местности. Некоторые выпускники соглашались на сдельную оплату по заготовке дров и другие работы. Бывших воспитанников селили в спальном корпусе, обычно в отдельной комнате. Это было удобно для руководства детдома, так как появлялась возможность как бы дополнительного надзора за детьми в корпусе в вечернее и ночное время. Питались бывшие воспитанники в столовой вместе с детьми, питание было бесплатным, так как наличие в детдоме своего подсобного хозяйства позволяло дополнительно выделять продукты на кухню без ущерба для всех. Бывшие воспитанницы, кроме вышеуказанных должностей, могли временно работать помощниками повара на кухне, это давало возможность одному из поваров уйти в отпуск.

А, например, бывшей воспитаннице Галине Юферовой эта профессия понравилась, и она стала постоянно работать в детдоме поваром.

В заключение отмечу, что в те годы поездки бывших воспитанников в детдом были необременительны и доступны — плавали пароходами и летали самолетами хоть через всю страну.

За двенадцать лет пребывания в Тогурском детдоме я общался со многими его воспитателями, сотрудниками и рабочими, но наибольшую память о себе оставили:

- воспитатели: Мария Михайловна Базуева (Глотова), Иван Сергеевич Воронов, Капитолина Алексеевна Доможирова, Мария Иосифовна;
- портниха Евдокия Сергеевна Воронова;
- завучи Таисия Гавриловна Трифонова, Иосиф Александрович Устинов;
- няня Мария Александровна Панова (Дудина);
- повара: Клавдия Дмитриевна Панова, Клавдия Федоровна Родикова;
- столяр Василий Григорьевич Белкин;
- музыкальные руководители: Яков Константинович Пархоменко, Георгий Михайлович Воробьев, Николай Константинович Пархоменко;
- медсестры: Антонина Степановна Анисимова, Надежда Семеновна Бычкова;
- преподаватель труда Ольга Степановна Корнева;
- завскладом Полина Ивановна Шелепова;
- завхозы: Иван Сергеевич Устинов, Николай Иванович Вовченко.

Репрессии 1930–1940 годов коснулись и коллектива Тогурского детдома. Так, по заявлению в НКВД неизвестного «доброжелателя» были арестованы и осуждены как «враги народа» и «немецкие шпионы» воспитатели Дина Борисовна и Петр Натанович. А о судьбе Надежды Семеновны Бычковой мы тогда ничего не знали, лишь через много лет я нашел в архиве сведения о ней. Оказывается, она — из Петербурга, была воспитанницей института благородных девиц. Когда началась первая мировая

война, она вместе с другими сиделками ухаживала в госпитале за ранеными фронтовиками. После революции она работала где-то в медицинском учреждении. После гибели С.М. Кирова ее вместе с другими медработниками сослали в Колпашево, а поскольку здесь не хватало медперсонала, то ее приняли на работу в Тогурский детдом медицинской сестрой. В 1937 году ей припомнили прошлое и уволили с работы, а после осуждения «ежовщины» ее восстановили в прежней должности.

ДОМ НАШЕГО ДЕТСТВА

Тогурский детский дом расположен на северной окраине поселка Тогур на небольшой возвышенности. На территории детдома в послевоенные годы были следующие объекты: главный корпус; корпус для старших девочек; жилой корпус для сотрудников детдома; столовая с кухней; медицинский корпус; контора детдома; продовольственный склад; овощехранилище; столярная мастерская; клуб; прачечная и кастилянная; баня; летняя столовая; сад; хозяйственный двор со скотобазой; огороды.

От въездных ворот к главному корпусу вела широкая дорога, слева от которой стояли корпуса и столовая, а справа — сад. Главный корпус был деревянным, двухэтажным, в нем размещались воспитанники; здесь имелись спальные помещения, рабочая комната, умывальная и туалеты на каждом этаже. Здание хорошо видно на фотоснимке. Рядом с главным корпусом стоял деревянный корпус, в котором был медицинский пункт с изолятором и квартирой для медсестры. В медпункте нам часто делали прививки, а уколов мы ужасно боялись и всячески пытались увильнуть, но бдительная Надежда Семеновна всегда была начеку. В изолятор мы попадали в основном из-за расстройства желудка или простуды. В здании конторы находились отдельные кабинеты директора детдома, завуча, бухгалтерии и воспитателей, здесь же, в приемной, стоял единственный телефон старинного образца — с батареей.

В конторе воспитанники бывали редко, да и то если вызывали их сюда за проступки. За конторой находился продовольственный склад, где заведующей много лет была Полина Ивановна

Шелепова, в ее же ведении были овощехранилище и погреб-холодильник. На краю территории детдома, за баней, находился юннатский корпус, там в рабочих комнатах занимались картофелеводы и другие мичуринцы. Это здание построили примерно в 1952 году, старшие воспитанники помогали строителям.

Помню, как мы топорами обрабатывали длинные бревна, а потом поднимали их на стены — делали сруб. Позднее в этом доме жила на пенсии бывший директор Нина Михайловна Ильясова со своей семьей. Столовая для воспитанников находилась в отдельном деревянном здании, она была большой и светлой, а в военные и послевоенные годы она являлась еще и клубом — здесь устраивали праздники для детей и прочие торжества. Возле столовой в саду была построена большая летняя веранда — здесь кормили воспитанников летом, когда в столовой делали побелку, покраску и т. п. Кухня при столовой была просторной, с несколькими подсобными помещениями; обеды готовили на больших плитах, обогреваемых дровами, поэтому часто делали уборку, побелку. Работникам кухни помогали девочки из старшей группы: чистили картофель, мыли посуду, накрывали обеденные столы и т. п. А мальчики заготавливали для кухни дрова, выносили золу, подвозили на лошади воду с водокачки, заливали ее в баки, котлы.

За детдомовским капустным огородом находился хозяйственный двор со своими строениями: конюшней, коровником, сеновалом, хомуталкой и тележной. На хоздворе работали сотрудники разных специальностей: конюх, доярка, шорник, извозчик, скотник и т. д., а управлял всеми делами завхоз.

Старшие воспитанники тоже помогали рабочим на хоздворе. Хомуталка была большой, там хранили хомуты, сбруи, чересседельники, седла и прочую упряжь, там же находились и рабочие с завхозом. Возле хомуталки стояли в ряд брочки, телеги, сани и другой инвентарь — сенокосилки, конные грабли, водовозки, плуги, бороны, пожарная помпа. Сеновал был крытым, там хранилось сено для скота и солома для подстилки; соломой мы набивали и свои матрасовки — ватных матрасов тогда еще не было, а в соломенных матрасах клопы не заводились. В коровнике находились дойные коровы с телятами и бычки-волы, на которых пахали,

заготавливали сено, возили дрова, когда не хватало для работы лошадей. Скот также шел на мясо — добавка к обеденному столу воспитанников. Больше стало и молока — его мы особенно любили есть с гречневой, пшенной и перловой кашей, а каша в нашем рационе была постоянно. Здесь же, на скотном дворе, находилось небольшое стадо овец и свиней, мы часто приходили сюда и любили смотреть на маленьких ягнят и поросят. На скотном дворе было много навоза, его вывозили на детдомовские огороды и на наши мичуринские участки для удобрения — на эту работу обычно назначали в помощь скотнику кого-нибудь из провинившихся воспитанников.

Столярная мастерская находилась в отдельном здании, там стояли несколько верстаков, токарный станок по дереву, разнообразные столярные и плотницкие инструменты и печь для сушки пиломатериала. В те годы в мастерской изготавливали мебель для детдома: табуреты, стулья, столы, тумбочки, шкафы для одежды, а также оконные рамы, двери, садовые скамьи, деревянные заборы, штaketник и т. п. С особой благодарностью вспоминают воспитанники тех лет столяра Василия Григорьевича Белкина. Это был большой мастер столярного дела, замечательный учитель и наставник. В столярке работали в основном дети старшего возраста, мы осваивали столярное и плотницкое дело с большой охотой. Здесь же нас обучали художественной резьбе по дереву, токарному ремеслу — вытачивали красивые детали для этажерок, тумбочек, стульев. Наиболее удачные изделия мы возили в Томск на областные художественные выставки, где они пользовались большим успехом, получали награды. Ребята постарше помогали рабочим детдома при строительстве новых деревянных зданий, заборов, палисадников и т. д. Все это способствовало тому, что мы достаточно хорошо осваивали столярное, плотницкое дело, и это умение очень пригодилось нам в нашей дальнейшей самостоятельной жизни, в домашнем быту. А бывшие воспитанники — Верхунов, Прокопьев, Симаев, Якутов и др. окончили РУ и ПТУ, получили специальность столяра краснодеревщика. Их изделия оригинальные художественные много лет хранились в музее при Томском облОНО. Кстати, Миша Симаев потом жил в Ленинграде и работал краснодеревщиком на мебельной фабрике.

После войны, когда воспитанники нашего детдома повзрослели, воспитатели и сотрудники стали показывать им различные спектакли. В одном из них на сцене были воспитательница Мария Михайловна и ее муж-фронтовик Андрей Васильевич; она — деревенская бабка, а он — немецкий солдат — бегал за ней и кричал: «Мамка, яйко, млеко давай!» Тут она огрела его по спине здоровенным ухватом, он упал и ногами дрыгает. То-то детям было весело! Позднее стали приобщать к участию в спектаклях и воспитанников, ставили известные тогда детские пьесы, в том числе «Удивительный подарок». Коля Романов исполнял роль морского офицера, а я — его сына. У нас были хорошие театральные костюмы — морская форма. Спектакль получился интересным, понравился детям, и мы ставили его неоднократно. Большие спектакли не ставили, чтобы не утомлять детей, показывали лишь самые интересные отрывки из пьес и кинофильмов, таких как «Дети капитана Гранта», «Тимур и его команда», «Дон Кихот» и другие. Но особенно старательно воспитанники готовили спектакль по пьесе «Двенадцать месяцев» — в нем было много ролей, сказочные костюмы и декорации, музыка. Поскольку дети выросли, то в каждый Новый год выступали новые артисты, а старые никогда не обижались.

Помимо спектаклей воспитанники готовили к праздникам различные программы: тут были хоровые песни, танцы, стихи, акробатические номера и знаменитые тогда «пирамиды» с флагами и лозунгами. Позднее, когда музыкальным руководителем стал Яков Константинович Пархоменко, с большим успехом давал концерты оркестр русских народных инструментов, в котором играли около тридцати воспитанников. Старшие девочки выступали в танцевальном ансамбле. Это были народные танцы и русские хороводы — почти как у знаменитого ансамбля «Березка» — красиво и профессионально. Аккомпанировал на баяне Николай Константинович Пархоменко.

Детдом стоял на взгорье, а главный корпус возвышался над окрестностью, поэтому возникала опасность поражения здания молнией. Чтобы избежать этого, в двадцати метрах от корпуса соорудили высокую мачту с громоотводом, она же использовалась

для поднятия пионерского флага. Мачта крепилась на двух мощных опорах, вкопанных в землю, и могла быть при необходимости опущена вниз. А грозы над детдомом были частые и сильные, при ударах грома и молнии все кругом дрожало и сверкало, но, к счастью, это не приносило беды. Однако одно происшествие все же случилось: во время грозы в корпус, где жила семья директора, молния попала в стену, обуглив большую площадь, но, так как лил дождь, пожар не возник. По мнению пожарника, это была шаровая молния. Поскольку на территории детдома жили его работники, то во время ночной грозы они приходили в спальные корпуса и успокаивали воспитанников, чтобы те не боялись.

А однажды днем переполошился весь коллектив детдома — воспитанники и воспитатели. Дело в том, что неожиданно на территорию вошли странно одетые люди. Они были в темных длинных халатах, в резиновой обуви, с капюшонами на головах.

В масках с большими защитными очками, в руках они несли какое-то оборудование со шлангами. Как выяснилось позднее, это были работники санэпидстанции, пришедшие делать полную санобработку туалетов и выгребных ям. Они их опрыскали каким-то сильно пахнущим раствором, засыпали хлорной известью, а сами помещения окуривали каким-то газом. После их ухода в обработанных помещениях еще долго стоял неприятный запах. Делалось все это во избежание какой-то эпидемии.

Об успехах большого коллектива Тогурского детдома шла добрая молва как в Колпашевском районе, так и по всей Томской области — конечно, в вопросах педагогического воспитания и юннатской работы. Среди сельских детдомов области Тогурский был лучшим во всех отношениях, о чем не раз заявляла заведующая отделом Томского облоно Муратова. Какую бы сторону жизни и деятельности детдома ни брали — всюду была видна именно работа, а не показная шумиха. Не буду повторяться обо всех занятиях воспитанников — более подробно о них рассказано в других главах книжки. В газете Колпашевского района «Советский Север» систематически печатались заметки о жизни в Тогурском детдоме, об отдыхе и учебе воспитанников, об их юннатской работе и планах на будущее.

А Новосибирская киностудия в своих киножурналах «Сибирь на экране» неоднократно показывала фрагменты из жизни нашего детдома. Вот 1951 год: воспитанники отдыхают в дни зимних школьных каникул, катаются на санках и лыжах с горок, читают книги, готовятся к концертам. Или 1953 год: воспитанники-юннаты летом занимаются на своих мичуринских участках, идет сбор богатого урожая овощей, где среди привычных помидоров и капусты видны «южане» — дыни и тыквы, они показаны на фото в этой книжке. Эти и другие киножурналы о Тогурском детдоме периодически демонстрируют ныне по телевидению на ТВ-2 в передаче «Непрошедшее время». Признаюсь, когда смотрю эти передачи, возникает какое-то неопишуемое состояние, о котором вот эти строки из моих стихов:

*«Душа воспрянет, станет чище
И с плеч падет тяжелый груз.
Прожитых лет на пепелище
В России новой...»*

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

В первые годы существования Тогурского детдома в нем воспитывались дети только дошкольного возраста. Построенная в 1940 году начальная школа в Тогуре была маленькой, детей из детдома сюда не принимали, поэтому их при достижении школьного возраста отправляли в другие детдома. После войны в связи с расширением Тогурской начальной школы в нее стали принимать и детдомовцев. Мы занимались в первую смену, ходили пешком. Вечерами мы выполняли домашнее задание в рабочей комнате под присмотром воспитателей, которые, по необходимости, помогали нам в учебе, следили за дисциплиной и порядком, проверяли наши школьные дневники и тетрадки. Неустанный контроль с их стороны воспитывал в нас самодисциплину, усидчивость, желание хорошо учиться. К тому же мы сами были свидетелями того, что плохих учеников не держали в детдоме, а отправляли в ремесленные училища. Приезжавшие оттуда на

каникулы в детдом бывшие воспитанники рассказывали нам, как им тяжело там жилось, а еще труднее им было в первые годы самостоятельной жизни где-нибудь на заводе, в артели. Все это вынуждало нас стараться быть дисциплинированными и успешными в учебе, чтобы окончить десять классов, поступить в институт и жить потом более достойно. Детдомовских легко отличали в школе: мы почти все были худенькие, бедно одеты и обуты, отставали в росте от своих деревенских сверстников. Зато нас крепила вера в светлое будущее: поскорее выучиться, получить специальность и работать, чтобы самостоятельная жизнь не напоминала нам о сиротском детстве. Наиболее популярными для нас были профессии агронома, учителя, инженера.

У директора детдома и воспитателей было много средств для поощрения дисциплинированных, активных и успешных в учебе воспитанников, а также мер для наказания «двоечников», лодырей и нарушителей дисциплины. Лучшие воспитанники могли учиться до окончания средней школы, если хотели; они ежегодно участвовали в культпоходах и поездках в Томск, Сургут, Москву; могли по желанию заниматься в любых кружках (юннаты, домоводство, оркестр); их привлекали для работы на скотном дворе лишь для ухода за животными, пасти коней на лугах в «ночном». В детдомовской конюшне было пять лошадей, их ласково называли Игреньюха, Рыжуха, Воронок, Орлик, Майка. На них пахали огороды, возили воду из реки и водокачки, дрова, сено, продукты с базы и т. д. Орлик был выездной, на нем возили летом в бричке, а зимой в кошевке детдомовское руководство. Летом, когда спадала дневная жара, вместе с конюхом три-четыре пацана садились на коней и уезжали в «ночное» — пасли их всю ночь на лугах за речкой Тарасовкой, переправившись вброд. Там мы разводили большой дымовой костер, чтобы меньше было всякого комарья, гнуса, оводов, досаждавших лошадям. С собой мы всегда брали сырую картошку и пекли ее на костре, а всю ночь напролет рассказывали по очереди разные истории. Не забывали, конечно, про лошадей, постоянно присматривая за ними. Честно скажу, что о «ночном» у меня сохранились самые добрые воспоминания. Там мы делились

сокровенными тайнами, мечтали о светлом будущем и о жизни вне детдома. Позднее об этой поре я написал в своих стихах:

*«...Мы когда-то в детдоме лесном
Над широкой сибирской рекой
У ночного костра перед сном
Все мечтали о жизни другой.
О победе, о новых вещах,
Об уютном домашнем тепле
И, конечно, о праздничных щах
С хлебом вволю и с мясом в котле.
Ах, вы долгие ночи и дни
Средь бедовых военных сирот!
Уходили, взрослея, одни,
Оставались другие на год.
Не забыл я те детские сны
И слова, что друзьям говорил.
Мы прощались до первой весны,
А встречаемся лишь у могил...»*

В детском доме была своя баня — отдельное здание возле прачечной. Баня имела предбанник, раздевалку и моечное отделение с парилкой. Посреди бани стояла большая печь, которую топили дровами, а рядом — два огромных деревянных чана, стянутых железными обручами. В чан для горячей воды из печи шла железная труба, по которой проходил горячий воздух и нагревал трубу, а от нее — холодную воду. Воду для бани подвозили на лошади и заливали ее в чаны с улицы с помощью лотков. В печи было сделано специальное углубление, так называемая парилка, куда плескали воду.

Вдоль стен в моечном отделении стояли деревянные лавки, на которые садились моющиеся. Воду из чанов в тазики наливали через большие краны самоварного типа. В бане за порядком следила банщица, а за санитарным состоянием детей — наша незабвенная Надежда Семеновна Бычкова. Она осматривала всех нас, чтобы выявлять у детей лишаи, чесотку, цыпки на ногах и руках,

татуировки и, конечно, вшей. Не скрою, что в те годы этой напасти было много, и белье осматривали тщательно, а потом прожаривали во «вшивобойке». Не помню, откуда пришла в детдом мода на татуировки, и, несмотря на строгий осмотр, мы все-таки умудрялись их делать, обычно это были свои инициалы. У кого обнаруживали «наколки», тех строго наказывали. А самым радостным было то, что иногда после бани нам выдавали новенькое белье и одежду, ведь старье мы донашивали до предела, когда оно уже было совершенно непригодным.

Позднее снабжение детдомовцев одеждой значительно улучшилось, повысилось и качество, и внешний вид, и среди деревенских детей мы выглядели совсем неплохо. Плохих воспитанников после четвертого–пятого класса отправляли учиться в ремесленные училища; их не брали в походы и на экскурсии, назначали с рабочими детдома рубить дрова, убирать от навоза скотный двор, подметать территорию и т. п.; летом для «двоечников» устраивали дополнительные занятия в то время, когда остальные воспитанники купались и отдыхали в пионерлагере.

Но всего страшнее для нерадивых воспитанников был вызов к директору детдома. Здесь на голову провинившегося сыпались угрозы: выгоним из детдома, отправим в захудалый детдом, ремесленное училище либо колхоз. Вспомнив свою прежнюю суровую жизнь и, естественно, не желая туда возврата, он клялся директору, что никогда больше не совершит проступки, и слезно умолял оставить его в детдоме. Честно говоря, почти все вызовы заканчивались тем, что виновнику давали испытательный срок, и он добросовестно выполнял свою клятву под постоянным наблюдением воспитателей.

ПРОДЕЛКИ СОРВАНЦОВ

Несмотря на строгий распорядок в жизни и деятельности детдома и бдительный присмотр за нами воспитателей, мы все-таки совершали иногда неблагоприятные поступки. В послевоенные годы нам, растущим детям, еды не хватало, а вокруг детдома были колхозные поля, на которых росли огурцы, турнепс, малина. На них

мы и совершали ночные набеги. Колхозные сторожа гоняли нас, но мы были проворнее стариков и никогда не попадались. Зато председатель колхоза жаловался директору детдома, и нам устраивали нагоняй, но так как никто не признавался, то следовало общее наказание: нас на определенный срок не водили в кинотеатр, не брали в походы и т. п. А ближе к осени мы «паслись» на картофельном поле детдома, выкапывали крупную картошку и прятали ее на чердаке двухэтажного главного корпуса, куда воспитатели никогда не поднимались. Когда начинали топить в спальнях печи, мы пекли эту картошку, насадив ее на длинный провод и опустив в трубу. Это была великолепная еда! Там же, на чердаке, мы играли в карты, устраивали кулачные бои, баловались с керосином, набрав его в рот и выдувая потом на зажженную бумагу — получался разноцветный факел. Но однажды такой фокус у хвостуна закончился трагически: один из пацанов не справился со струей керосина и огонь охватил все лицо; мы повалили его на пол и песком затушили огонь, но шрамы на лице остались навсегда. С тех пор чердак закрыли на замок, да и мы поуменьли — прекратили опасные шалости, а по мере взросления старшие дети уже сами присматривали за младшими — мы были одной большой семьей.

К сожалению, в детдоме случались и другие трагедии. Так, во время катания на большой качели воспитанник Степа Тагаев упал с высоты и сильно ударился о землю. Из-за повреждения внутренних органов он скончался, а позднее от какой-то неизлечимой болезни скончался его родной брат. Через много лет я нашел в архиве документ, в котором было сказано, что Тагаевы жили в Пудино, а их дед — зажиточный остяк — репрессирован в 1937 году. Родители умерли, дети попали в детдом. На фотографии Степа с братом сидят в левом углу. Много шума наделало из ряда вон выходящее происшествие, на которое не было похожих ни до, ни после. В обычной ссоре между пацанами один ударил другого остро заточенным гвоздем в живот. К счастью, удар был слабым и не наделал большой беды, но виновник испугался содеянного и убежал из детдома. Через несколько дней его разыскали и вернули в детдом, он покаялся, и дело закончилось примирением враждующих сторон.

Иногда мы совершали и менее значимые проступки. Например, весной от талых вод капустное поле превращалось в огромное озеро; мы строили всевозможные плоты и плавали наперегонки либо играли в «корабли» — шли на таран, при этом кое-кто оказывался в ледяной воде, а потом попадал в изолятор. Летом мы самовольно уходили в кедровый лес — он был рядом, за оградой детдома, там лазили, не боясь, на высокие деревья и сбивали молодые кедровые шишки. А в лесу постоянно дежурили колхозные объездчики на лошадях и гоняли нас, иногда ловили и приводили к директору. Не знаю, как он ладил с объездчиком, ведь за это полагался штраф, а нам был нагоняй.

Возле детдома проходит автодорога Колпашево-Тогур, а в те годы — обычная проселочная дорога, по которой ездили на лошадях, автомобили были редкостью. Случайно мы узнали, что в колхоз для скармливания скоту на машине иногда привозили жмых — корм из спрессованных отходов подсолнечника, получаемых после отжима масла. Мы поджидали эту машину на повороте и, когда она сбавляла ход, цеплялись за задний борт, хватали лежащие сверху куски жмыха и спрыгивали с машины. Потом мы раскалывали их на мелкие кусочки и сосали как леденцы — вкус неповторимый! Не забывайте, что это было давно, когда нам не хватало еды в столовой, и мы утоляли чувство голода любыми средствами.

На 1 июля 1937-го года в Тогурском детдоме было 158 малолетних детей. До начала 1942-го года все воспитанники детдома были из семей репрессированных, спецпереселенцев, а в войну сюда стали поступать и дети погибших на фронте воинов. Детей было много, и тогда тех, кто достиг школьного возраста, отправили в другие детдома. После войны в Тогуре расширили начальную школу, а потом и семилетнюю, поэтому воспитанников младших классов из тех детдомов стали возвращать в Тогурский детдом, где они имели возможность учиться до седьмого класса, а позднее и до десятого.

В годы Великой Отечественной войны в Тогурском детдоме появились и дети, эвакуированные с запада СССР. Среди них был Розлик Асоян, которого за необычность

внешности и характера любили все дети и воспитатели. Лишь через несколько лет после войны его разыскал отец — изра-
ненный фронтовик, лечившийся в разных госпиталях. При
отъезде домой им устроили торжественные проводы, и многие
детдомовцы стали верить, что и их когда-нибудь заберут вер-
нувшиеся с фронта отцы. Но, увы, больше я таких случаев не
знаю. Наоборот, в 1946–1947 годах в детдом поступило много
детей, чьи отцы — бывшие фронтовики — по разным причи-
нам не вернулись в свои семьи, а многодетные матери были
вынуждены отдавать своих младших детей в детдом. Чтобы
не быть голословным, назову их: Анисимов Иван, Аниси-
мова Людмила, Волков Гена, Кайдалов Гена, Колмаков Сергей,
Комаров Юра, Коновалова Галя, Лебедев Миша, Панов Роберт,
Рожковы Валентин и Владимир, Трифонова Юля, Трифонова
Марина, Типсина Валя, Фатеев Юра и другие. Сведения взяты
из архива Тогурского детдома. Были среди воспитанников дет-
дома и сироты из немецких семей-спецпереселенцев с Повол-
жья. Это Миллер Андрей и Фрида, Ерх Александр, Кейнер
Юра, Эккерман Мария и другие. Отношение к ним остальных
воспитанников было самым обычным, во всяком случае, за
мою бытность в детдоме каких-либо хулиганских проступков
на этой почве не наблюдалось. К тому же воспитатели постой-
нно и ненавязчиво внушали нам, что все мы — дети одной
семьи и должны жить дружно. Этот девиз мы сохранили и в
самостоятельной жизни, а Саша Ерх еще много лет был моим
хорошим другом.

За время моего пребывания в Тогурском детском доме
сюда несколько раз поступали из других детдомов дети раз-
ного возраста: дошкольники, младшие (1–4 классы) и старшие
(5–7 классы) школьники. Дошколят (3–5 лет) все воспитанники
встречали очень добродушно и даже с любовью, их опекали и как
бы вводили в нашу детдомовскую среду. Помню, как привезли
малолеток из Томска, все воспитанники сбежались, расхватили
детей на руки, заводили с ними приятные разговоры, чтобы они не
пугались и быстрее привыкли к новой жизни. Одного мальчика спра-
шивали: «Кем ты будешь?», а он все говорил: «Павел Кравченко».

Младших школьников встречали тоже неплохо, а старших — с опасением, ведь мы не знали, что это за дети и как они будут вести себя. Но недоверие проходило быстро — все были на виду, а с некоторыми даже подружились.

В начале 1950-х годов Кругловский детдом, который располагался в труднодоступном и плохо обустроенном месте, ликвидировали, большинство детей старшего школьного возраста отправили в Тогурский детдом, где почти все из них окончили среднюю школу. Директором Кругловского детдома был Иосиф Александрович Устинов, а после ликвидации детдома он до пенсии работал в Тогурском детдоме. Кстати, через много лет я узнал, что Иосиф Александрович был моим двоюродным братом, а мы думали, что просто однофамильцы. Прибывали в наш детдом также дети из Колпашевского санаторного, Новоселовского трахоматозного, Томского туберкулезного детдомов. Детей там кормили значительно лучше нашего, чтобы они быстрее выздоровели и могли учиться со своими сверстниками. Вхождение этих детей в наш коллектив прошло нормально, без всяких оскорблений, прозвищ и стычек.

Всех воспитанников по именам я, к сожалению, не помню, но известных перечислю, чтобы их вспомнили другие: Анисимова Катя, Анисимова Люда, Анисимова Галя и ее брат Юра, Анисимов Гена, Анисимов Ваня, Ащеулова Лена и ее сестра Рая, Барышев Паша, Байгулов Вася, Бардаков Толя, Верхунов Илья, Вялов Леня, Голещихин Юра, Голещихин Степа, Ерх Саша, Жданова Вера, Жданова Нэля, Жукова Дуся, Колотовкина Лида и ее брат Гена, Кайдалов Валера, Кайдалов Гена, Козырская Лида и ее сестра Гетя, Кобелькова Дина, Колошницына Тоня, Короткевич Катя, Колмаков Сергей, Корпусова Дуся, Кулик Гера, Комаров Юра, Коновалова Галя, Ларионов Юра, Лебедева Галя, Лузина Люда и ее брат Юра, Медведева Валя и ее сестра Маша, Миллер Фрида и ее брат Андрей, Неверовский Вова, Новосельцев Юра, Панов Роберт, Панов Юра, Панова Рая и ее брат Митя, Панов Гриша, Перемитин Слава, Ремешева Клава, Речкина Нюра, Романов Коля, Рожков Володя и его брат Валентин, Симаев Миша, Суворов Саша, Старикова Зина, Сухушина Нина, Стариков Юра,

Сопыряева Нина, Сопыряев Саша, Терентьева Фая, Типсина Валя, Терещенко Митя, Трифонов Петя, Трифонов Рудик, Трифонова Юля, Фатеев Юра, Холодов Витя, Шабанов Володя, Шалупинин Илья, Эккерман Маша, Якутов Гоша.

Рассказать о каждом из них нет возможности, но надо отметить, что все выучились, получили соответствующие специальности, долго работали и были достойными гражданами своей страны. Однако произошедшие в России перемены и социальная незащищенность бывших воспитанников детдомов превратили ныне многих из них на склоне лет в низший слой общества. И все-таки мы говорим: *«Здравствуй, незабываемый наш Тогурский детский дом!»*

КУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Культурному воспитанию детей в детдоме стали уделять внимание после войны, когда они достигли школьного возраста. Детей учили петь, танцевать, играть пьесы. Большие успехи имела художественная самодеятельность детдома с тех пор, как ее руководителями в начале 1950-х годов стали братья Пархоменко — Яков и Николай Константиновичи. Для детдома был приобретен полный комплект русского народного оркестра, занималось около тридцати воспитанников, причем отбирались они тщательно: есть ли музыкальный слух, хорошо ли учатся и прилежны ли в труде и дисциплине. Часть оркестрантов занималась индивидуально на инструментах: балалайки, домры, баяны, выступали соло в концертах. Особенно успешно овладевали инструментами Володя Шабанов — баян, Дмитрий Терещенко — балалайка, Леонид Устинов — домра; Дмитрий Терещенко впоследствии стал профессиональным музыкантом. Наш оркестр постоянно участвовал в областных олимпиадах, проводимых ежегодно в Томске, занимал призовые места, а солистов награждали именными инструментами, меня — мандолиной.

Воспитанники активно занимались и в других кружках — в хоровом, танцевальном, акробатическом, литературном. В новогодние праздники мы устраивали веселый маскарад, обязательно

ставили пьесу «Двенадцать месяцев». К большим праздникам готовили тематические программы. Ездили по окрестным деревням с концертами, особенно запомнились зимние поездки на лошадях в санях-розвальнях с соломой. В детском доме была своя библиотека — довольно разнообразная и обширная литература по сельским меркам тех лет. Особой популярностью у воспитанников пользовались книги из серии «ЖЗЛ», научно-приключенческие и о войне.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

После войны в Тогурский детский дом стали поступать девочки школьного возраста, подросли и свои воспитанницы. Чем их занять, чтобы не просто для времяпровождения, а с пользой и для детдома, и для самих воспитанниц в их самостоятельной жизни? Конечно, это домоводство. Ведь известно, что все силы в стране в те годы были направлены на восстановление разрушенного народного хозяйства, не хватало продуктов питания, одежды и т. д. Я помню, как мы годами донашивали латанные-перелатанные рубашки, штанишки, курточки. В детдоме были своя прачечная и кастаньянная, где кастаньянши и портнихи целыми днями трудились над нашим бельишком, приводя его в порядок. Им стали помогать старшие девочки. К нашему счастью, на складах было довольно много различного материала, из которого можно было кроить и шить воспитанникам постельное белье, рубашки, брюки, юбки, сарафаны и т. п. для повседневной носки, а школьная одежда поступала с фабрик.

В кастаньянной дополнительно поставили столы для кройки и шитья, ручные швейные машины. Позднее, в связи с ростом числа девочек-школьниц, для домоводства и других занятий построили отдельный корпус, где были рабочие комнаты. Там стала хозяйничать Ольга Степановна Корнева — замечательная женщина, отличный воспитатель и добрый наставник. Тридцать два года она бессменно руководила и проводила занятия с девочками в кружке художественного творчества, обучая их красивому шитью и вышивке. Девочки могли сами к школьным платьям готовить кружева на воротники, вышивать различные узоры на

концертных костюмах, создавать целые настенные панно с портретами знаменитых людей. Кроме того, Ольга Степановна обучала детей рисованию, лепке, фотографии. Художественных красок тогда у нас не было, учились рисовать только карандашом, значительного успеха в этом деле достиг Юра Кейнер.

Фотоаппарат в детдоме был всего один, старинного образца, на штативе, объектив с «гармошкой». Вместо фотопленки применялись стеклянные фотопластинки. Фотолаборатория была полностью укомплектована, а все расходные материалы мы берегли и экономили. Я тоже увлекся фотографией, любил снимать виды территории детдома. Это увлечение сопутствовало мне на всем моем жизненном пути, занимаюсь фотографией и теперь. Художественной лепкой увлекались немногие — занятие не очень приятное и требующее большой усидчивости, да и таланта. Глину брали где-то за Тогуром, а что лепили из нее — не помню, т. к. успехи у детей были весьма скромные. Ольга Степановна не только обучала детей умелым приемам художественного творчества, но и настойчиво прививала нам любовь к этим занятиям и практическую ценность их в нашей будущей самостоятельной жизни. А некоторые дети, занимаясь каким-то творчеством у Ольги Степановны, выйдя из детдома, продолжили свое увлечение в ином качестве. Так, Татьяна Лупынина, неплохо рисовавшая, уехала в Ленинград и там стала профессионально изготавливать в миниатюре давно исчезнувшие, но сохранившиеся в чертежах деревянные церкви. Изделий было много, часть из них хранится в музеях, часть — в учебных заведениях, и все они имеют превосходные отзывы от известных научных деятелей.

ПИОНЕРИЯ

В нашем детдоме пионерская организация появилась после Великой Отечественной войны, когда воспитанники стали ходить в начальную школу Тогура: первоклассников приняли в октябрята, а второклассников — в пионеры. Сначала они были в составе школьной дружины, но через два года, когда в Тогур вернулись школьники — воспитанники из Кругловского детдома, было решено создать здесь свою пионерскую дружину.

В дружине состояли все воспитанники, разбитые на три отряда, по три звена в каждом. Пионерской дружиной руководил Совет дружины во главе с председателем, пионервожатыми отрядов были комсомольцы.

Работа в составе дружины велась летом — с открытием в детдоме пионерского лагеря. После завтрака дружина строилась по отрядам, под звуки горна и барабана поднимали пионерский флаг на высокую мачту, ставилась задача на предстоящий день. Перед «отбоем» дружина опять строилась, подводились итоги прошедшего дня, с мачты опускали флаг. В первые пионерские годы воспитанники ходили в повседневной одежде с галстуками, позднее появилась единая пионерская форма, ее надевали при построениях дружины и в торжественных случаях. В походы ходили также в пионерской форме — так было проще контролировать участников, а по прибытии к месту отдыха дети снимали форму и играли в трусах и майках. Пионеры детдома участвовали в поселковых и общерайонных пионерских мероприятиях, причем они были всегда в числе самых активных и успешных — помогала сплоченность дружины.

КАК МЫ ОТДЫХАЛИ

Самая счастливая пора детства — лето! Воспитанников хотя и привлекали к труду на огородах, скотном дворе, в саду и на покосе, но это было не в тягость — отдыхали мы и занимались в свое удовольствие гораздо больше времени. Летом — футбол, другие подвижные игры, купание; зимой — лыжи, коньки, снежные городки. Зимой времени для отдыха у воспитанников было мало: короткие дни и школьные занятия, отнимавшие половину этих дней. И все-таки мы успевали, если была хорошая погода, покататься на лыжах, коньках или поиграть в хоккей и т. п. Лыжи в те годы были простые, не беговые, без жесткого крепления, обыкновенные ремешки. На территории детдома вокруг сада была наезженная лыжня, тут мы отрабатывали нормы ГТО. А кататься в свое удовольствие мы уходили к высокому берегу Тарасовки, скатывались вниз, где летом были огороды, а зимой все заносило

снегом. Берег крутой, мчишься, аж ветер гудит в ушах, красота! Но иногда лыжи попадали в ограждение, невидимое под снегом, в результате либо лыжи ломались, либо воспитанник получал при падении сильный удар. Все знали, что такое могло произойти и с ними, но ходили все равно сюда кататься — другие места были далеко.

Посреди территории детдома между корпусами и садом была большая площадка, на которой проходили общие построения воспитанников; здесь мы играли в футбол, волейбол, лапту, городки. В первые послевоенные годы у нас не было ни мячей хороших, ни спортивной одежды и обуви, ни инвентаря — все мастерили сами. А купались мы по утрам и вечерам в небольшой речушке, называемой Тарасовкой. До нее было около километра, и мы вместо физзарядки бежали туда, купались и загорали. Вода в речке всегда чистая и теплая, течения нет, а вокруг — камыши и кувшинки, красота! Речка неглубокая, да и воспитатели бдительно следили за нами, так что несчастных случаев не было.

Особой честью для воспитанников считалось участие летом в дальних культпоходах, например, в 1950-х годах были походы вниз по Оби на ялике под парусом либо на веслах, а возвращались на пароход. Во время похода делали остановки, готовили обеды, рыбачили, знакомились с местными достопримечательностями, посещали музеи Нарыма, Тобольска, фотографировали. Ялик детдому подарили шефы — команда знаменитого на Среднем Приобье парохода «Пролетарий» с опытным капитаном С.В. Михельсоном. Ялик — четырехвесельная парусная шлюпка, у каждого борта по два гребца, деревянная мачта, на которой поднимали прямоугольный парус. На корме у ялика был руль, а на носу — якорь. Обычно в поход ходила команда из десяти воспитанников: восемь гребцов посменно, рулевой и капитан — один из воспитателей; в длительное плавание брали повара.

Перед каждым походом всех тщательно обучали правилам поведения на воде, изучали сигнальные путевые знаки, практиковались работе с парусом и веслами, а также осваивали руление. Так как ялик — мелкосидящий в воде, то плавали в основном недалеко от берега, к тому же на середине Оби все время дуют

сильные ветры, а это опасно при работе с парусом. Впечатление от плавания на ялике у всех участников было огромное, потом долго еще вспоминали о прошедшем. А я в девятом или десятом классе написал об этом стихи — это было сочинение на вольную тему:

<i>На берегу Оби стою</i>	<i>Не видно солнца из-за туч</i>
<i>И восхищенье не таю —</i>	<i>И лишь порой дрожащий луч</i>
<i>Ее просторы многолики:</i>	<i>Волну холодную целует.</i>
<i>Сияет солнце в вышине</i>	<i>Я полюбил твои луга,</i>
<i>И на крутой обской волне</i>	<i>Твои крутые берега,</i>
<i>Мерцают радужные блики.</i>	<i>Твою суровую природу.</i>
<i>Бушуют ветры над рекой,</i>	<i>Тобой полна моя душа —</i>
<i>Сердито споря меж собой,</i>	<i>Всегда ты дивно хороша:</i>
<i>Поверхность вод ее волнуют.</i>	<i>И в ясный день, и непогоду.</i>

В течение всего лета воспитанники с воспитателями ходили в однодневные походы куда-нибудь к речке, озеру — купались и загорали, либо на острова, где было много смородины — ели и собирали впрок для заготовок на зиму.

ПОХОДЫ

Перед походом старший воспитатель строил нас, по группам составлялись списки участников, тут же назначались рабочие команды: одна должна готовить дрова для костра, вторая — носить воду для приготовления обеда, третья — готовить продукты для варки, четвертая — варить обед и т. д. Питьевую воду брали с собой, а для варки воду приносили из речки. Обед обычно состоял из вареной картошки в «мундире», хлеба, яиц, чая, конфет. Кроме того, если старшие пацаны успевали наловить рыбу, то ее поджаривали прямо на костре, насаживая на прутья. На траве расстилали три-четыре больших скатерти и на них раскладывали еду. По сигналу горна все сбегались на обед. Чай обычно заваривали листьями смородины — вкусно и полезно. Поскольку пища была простая, то и у детей расстройства желудков не было — за этим всегда следила медсестра.

В походы ходили только в ясную, солнечную и тихую погоду, чтобы у детей была возможность хорошо отдохнуть, купаться и загорать; кроме того, устраивали разные подвижные игры и соревнования. Чаще всего в однодневные походы мы ходили на реку Тарасовку к старому мосту на дороге Тогур–Колпашево, река там была чистая и неглубокая, берег ровный, песчаный, а повыше — большая лужайка, мягкая трава. Вдоль берега был лес, там собирали хворост для костра. Перед уходом в детдом мы тщательно тушили кострище, убирали всю территорию от мусора; строились, проверяли наличие, чтобы никто не потерялся. То же делали по прибытии в детдом. Здесь надо добавить, что, пока воспитанники находились в походе, в нашей столовой и на кухне проводили санитарную обработку — за этим следила медсестра.

СПОРТ

В те далекие годы ни спортивного зала, никаких тренажеров в детдоме не было, да и самого понятия спорт — не употребляли, а говорили просто — подвижные игры: футбол, волейбол, городки, лапта, хоккей. Конечно, были и простейшие снаряды: турник, стойки для прыжков в высоту, высокая перекладина с шестом и канатом для лазания, пудовая гиря. Все игры проводили на большой свободной территории между корпусами и садом. Если не играли в футбол из-за починки мяча, то тут же появлялись две команды игроков в лапту. Городошных площадок сначала не было, фигуры ставили на землю и разбивали битами, при этом от ударов поверхность площадок становилась неровной, мешая городкам. Потом построили две деревянные площадки — играть стало удобнее и результативнее.

Я был довольно умелым городошником, сбивал многие фигуры с одной биты, а лучшим из нас был Володя Арсентьев. Если надоедали городки, то мы играли в «попа-гонялу»: ставили один городок на «попа» и сбивали его каждый своей битой. Городок отлетал на несколько метров, а ведущий быстро ставил его в этом месте на «попа», и игра продолжалась, таким образом

угоняли городок далеко от исходного места. Если все игроки промахивались, то ведущий хватал городок и быстро бежал к исходному месту, а все игроки старались догнать его и постучать битой по этому месту. Игрок, подбежавший последним, становился ведущим.

Волейбольная площадка была земляной, но аккуратной, со стойками и стандартной сеткой; обособленных команд не тренировали, играли все желающие. Поскольку для волейбола нужны рослые игроки, а в те годы таковых в детдоме не было, то и результаты были невысокие, на уровне дворовой команды. Хоккей в детдоме был примитивный: сами вырезали из кривых веток клюшки, летом гоняли ими мяч по территории, а зимой надевали на валенки коньки и играли в хоккей на укатанной дороге. Ни хоккейной коробки, ни тем более катка, ни снаряжения не было. А как только замерзала река Тарасовка, мы играли там в хоккей, катаясь на «снегурочках», пока толстым слоем снега не покрывалось игровое «поле». В общем, этот хоккей был не спортивным, а просто игрой, ребячьим развлечением, хотя в то время мы радовались и этому. Состояние дел в футболе выглядело не лучше: стадиона как такового не было, гоняли футбольный мяч на свободной территории детдома; ни спортивной формы, ни обуви, ни мячей.

К нашей великой радости, когда пацанам было уже по четырнадцать–пятнадцать лет, детдомовцам позволяли пользоваться поселковым стадионом, где мы тренировались и играли с местными командами. Нам отдавали старые футбольные мячи, и мы в детдоме гоняли их до дыр, бесконечно штопая покрышки и заклеивая камеры. Мастеров футбола из нас не получилось, да мы к этому и не стремились — у нас были более приземленные мечты. Однако некоторые воспитанники достигли значительных успехов в индивидуальных видах спорта. Так, Леня Васильев под руководством школьного учителя по физкультуре имел 3-й спортивный разряд по упражнениям на гимнастических снарядах; позднее он сам стал учителем физкультуры в Кемерово. Жаль, что неизвестны его дальнейшие успехи.

Замечательной гимнасткой была Рита Пошерстникова, она с большим успехом выступала в спортивном зале и на

клубной сцене. В начале 1950-х годов старшие воспитанники стали принимать участие в общешкольных и районных мероприятиях. Одним из них была военно-спортивная игра, она проходила зимой на лыжах. Обычно Тогур выступал против Колпашева. Между населенными пунктами где-нибудь в лесу колпашевцы скрытно устраивали снежный укрепленный пункт, занимали оборону. У них были деревянные автоматы и пулеметы, трещотки, командиры были вооружены учебными винтовками.

Мы, тогурчане, в белых халатах совершали на лыжах многокилометровый поход в тыл «противника», у нас тоже было деревянное оружие, которое тщательно мастерили задолго до игры. На автоматы и пулеметы ставили трещотки, так что эффект стрельбы был впечатляющий. Командиры стреляли из винтовок холостыми патронами. Тогурчане наступали с фронта и тыла, бой длился недолго, но жарко — дело всегда доходило до рукопашной схватки.

После игры руководители беспристрастно подводили итоги, лучших за марш-бросок награждали обычно новыми лыжами. После этого проводили показательные занятия: бросали на дальность учебные гранаты, стреляли по мишеням из винтовок боевыми патронами, показывали приемы рукопашного боя с оружием и без. А потом все желающие могли посмотреть образцы стрелкового вооружения, предоставленные районным военкоматом. Такие игры проходили с пользой для дела — ведь мы все были допризывниками и готовились умело защищать Родину, а некоторые воспитанники стали кадровыми офицерами, и я в том числе.

ПОМОГАЛИ ВЗРОСЛЫМ

В первые годы после Великой Отечественной войны Колпашевский райком ВКП(б) на основании решений Томского облисполкома обязывал всех руководителей предприятий и учреждений оказывать помощь колхозам в уборке урожая. Коллектив Тогурского детского дома регулярно помогал колхозам им.

Сталина и «12 декабря», при этом использовалось и все тягло — лошади и быки. О результатах проделанной работы директор докладывал в поселковый Совет. Позднее к помощи колхозам стали привлекать школьников седьмых–десятых классов, а поскольку воспитанники тоже учились в этих классах, то и они обязаны были участвовать в составе школы. Работали школьники в основном на уборке картофеля и тереблении льна. И что характерно, уборку картофеля колхозы почему-то всегда затягивали до заморозков — надеялись, что школьники все равно убьрут? Даже теперь я с ужасом вспоминаю, как подростки голыми руками разгребали грязную, промерзшую землю, откапывая картофель. Механизмов для уборки тогда не было, все делали вручную.

А посеvy льна тогда составляли большие площади — лен в наших краях был высокого сорта и славился на всю Сибирь, даже снимали киножурнал. Из стеблей льна получали прядильное волокно, а из семян — льняное масло. Уборку льна пацаны осуществляли вручную путем выдергивания стеблей (так называемое теребление), которые складывали в рядки, а следом шли девчата и связывали стебли в снопы, которые потом ставили в копны для просушки. От этой работы ладони иногда были порезаны тонкими, но прочными стеблями, а руки вымазаны зеленью так, что долго не отмывались. Позднее, когда стали применять силосование кормов, старшие воспитанники детдома помогали колхозу им. Сталина при закладке силоса в силосную башню: трактор грузил силос в башню, а мы внутри нее разравнивали его граблями по всей площади. Работа не тяжелая, но неприятная: силос беспрерывно подавался сверху, и приходилось постоянно уворачиваться от падающей тяжелой сырой массы.

Глубокой осенью старшие воспитанники детдома помогали колхозу им. Сталина на току молотить рожь или пшеницу. Механизированный ток находился прямо за оградой детдома, там работал паровой локомобиль, приводивший через огромный ремень молотилку, веялку и зерносушилку. Нашим делом было подносить к молотилке снопы и убирать наполненные зерном мешки

в сушилку. Шум на току был сильным, а пыль и мелкие отходы мешали дышать. После работы приходилось долго очищать свою одежду и тело. Зато мы с лихвой познали все «прелести» крестьянской страды. Помогая взрослым, осваивая навыки в различных видах труда, мы в силу своего юношеского ума могли реально оценить и даже выбрать для себя будущую профессию — «все работы хороши, выбирай на вкус». И я вспоминаю воспитателя Ивана Сергеевича Воронова, который откровенно вдалбливал нам: «Учитесь, хлопцы, а не то вам, неучам, всю жизнь придется в навозе ковыряться». Как он был прав! Таким образом, Тогурский детский дом был для нас не просто временным пристанищем, но и стал настоящей школой жизни. За это мы ему благодарны и поныне.

В середине лета, когда речная вода уходила с заливных лугов и вырастала трава, начинался сенокос. Это было важное мероприятие, т. к. на скотном дворе детдома имелось целое стадо коров, быков и лошадей, для которых требовалось заготовить на долгую зиму много сена. Для работы на покосе собиралась бригада из сотрудников и рабочих детдома, а в помощь брали старших воспитанников. У детдома были свои сенокосные угодья, там стояли балаганы для жилья, инструментов, хозинвентаря и запаса продуктов, здесь же кухня и столовая.

С утра пораньше рабочие и пацаны косили траву косами два–три часа, потом до обеда отдыхали, а трава сохла. После обеда женщины и девчонки переворачивали эту траву (ворошили), а рабочие и пацаны на конных граблях сгребали высохшую траву в валки, которые потом собирали в копны. Эти копны мы подвозили на быках (волах) к местам, где рабочие метали стога. Обрато за копнами мы мчались наперегонки, сидя на широких спинах быков. Вот это были скачки! В часы отдыха мы ходили в окрестные заросли и собирали ягоды смородины и черемухи и ветками с листьями смородины заваривали вкусный чай. В итоге работа воспитанников на покосе приносила свои благодатные плоды: мы приобщались к коллективному труду, постигали премудрости крестьянской жизни и, конечно, укрепляли свое здоровье и силы.

ЮННАТСКАЯ РАБОТА

Большое воздействие на воспитание детей в Тогурском детдоме имела юннатская работа. Юные натуралисты-мичуринцы занимались в кружках картофелеводов, овощеводов, цветоводов и садоводов под руководством опытных воспитателей. В каждом кружке было по пятнадцать—двадцать мальчиков и девочек разного возраста, естественно, девочек больше привлекали цветы и сад. Для картофелеводов было выделено опытное поле, весной перед вспашкой на всей площади вручную разбрасывали навоз с добавлением древесной золы. Навоз заготавливали на скотном дворе детдома, а золу — из печей, благо отопление всех помещений детдома было дровяное, а печей — множество. После вспашки и боронования поле разбивали на участки — по одной сотке (100 кв. метров) на каждого, в том числе и мне. А за месяц до посадки семенной картофель доставали из погреба и раскладывали на стеллажах в юннатском корпусе для проращивания. Семенной картофель мы получали от Нарымской государственной селекционной станции — наших шефов. Помню, что у нас были такие высокоурожайные сорта картофеля: «эпрон», «советский», «лорх», «берлихинген», «красная роза». После посадки каждый участок обозначали дорожками и ставили таблички с указанием, чей участок, какой сорт и т. п.

В течение лета мы несколько раз рыхлили и окучивали картофельные кусты, наливали в междурядья жидкий компост из птичьего помета, обрывали соцветия с ботвы, а в жаркую погоду каждый усердно поливал свой участок. Осенью тщательно собирали урожай, учитывая его общий вес с сотки. Все проделанное в кружке картофелеводов регулярно записывали в дневник, сравнивали результаты и за наиболее высокие урожаи нас поощряли. Садоводством в Тогурском детдоме стали заниматься позднее, когда при Нарымской селекционной станции был создан плодоягодный питомник. Сначала в главном саду детдома посадили много кустарниковых деревьев черемухи, рябины, акации, боярышника и яблонь-дичков (ранетки). Летом, когда они зацветали, это было великолепное зрелище, а в саду — сплошное благоухание! Осенью собирали хороший урожай ягод, из них готовили для воспитанников варенье и компоты.

На отдельном участке садоводы посадили кусты (саженцы) малины, крыжовника и несколько культурных северных яблонь. Наставником у садоводов был один из научных сотрудников НГСС, который обучал их, консультировал и проводил практические занятия. Урожай малины и крыжовника ежегодно был высоким, а яблони через три–четыре года стали плодоносить, правда, первые яблочки были некрупные и кислые на вкус, но все же садоводы гордились ими: на севере вырастили! Конечно, уход за садом требовал многих усилий. После сбора урожая садоводы осенью тщательно готовили ягодники к зимовке, а зимой дополнительно укрывали их снегом от мороза.

Весной после долгой зимы кусты приводили в порядок, обрезали негодные побеги, убирали гусениц. Крыжовник и малина — медоносы, поэтому в пору цветения на участке было много пчел, от укусов которых кое-кто и пострадал. На мичуринский участок садоводов пацаны вылазки не совершали, зато в главном саду опустошали все до последней ягодки. К чести сказать, мы никогда не обламывали ветки — берегли деревья, а, в крайнем случае, пользовались высокой садовой лестницей. Конечно, самыми любимыми были ранетки и черемуха. Много забот требовало и овощеводство.

В те далекие годы в детдоме было свое хозяйство, большие поля, огороды, сенокосные угодья. Там работали сотрудники и рабочие. А воспитанники трудились на небольших участках внутри территории детдома. Сначала овощеводы выращивали овощи только в открытом грунте, потом построили теплицу. Весь посадочный материал овощеводы получали от шефов — в НГСС, овощи давали большой урожай, особенно много было моркови — мы называли ее «каротель»; детей кормили ею в разных видах: сырой, натертой, вареной, в щах, в пирожках и т. п., вкусна она была и в салатах, винегретах и при квашении капусты. А особенно гордились овощеводы своим урожаем помидоров, уход за которыми требовал много времени и труда, но вознаграждался сторицей. Помню, что часть зеленых помидоров на зиму укладывали в ящики, и солили в больших деревянных бочках.

Всю зиму нам давали их с картофельным пюре, вкуснота! И еще вкусные рассольники готовила повариха Клавдия Дмитриевна Панова, которую за ее доброту любили и уважали все детдомовцы, а ее сын Владимир целыми днями водился здесь с пацанами. Кстати, через много лет мы работали вместе с ним в одной организации Томска, часто вспоминали те далекие годы. Его мать была не только искусным поваром, но и умелым мастером по заготовке овощей на зиму. При ее непосредственном участии для детдома в больших количествах квасили капусту, солили огурцы и помидоры, закладывали на хранение морковь и лук. Весомый вклад в закрома детдома вносили и овощеводы со своих мичуринских участков.

Цветоводство было летом вроде визитной карточки Тогурского детдома. Людей, впервые ступивших на его территорию, неизменно восторгал большой сад, главным украшением которого было множество цветов на клумбах, цветниках и газонах. Огромные клумбы были внутри сада, цветники — перед садом и по бокам, а газоны шли по всей длине сада вдоль дорог и аллей. Здесь я выражу свое восхищение теми, кто планировал, разбивал и занимался первыми посадками деревьев, кустарников и цветов: в сельской местности появился чудесный сад! Очень жаль, что имена этих людей неизвестны.

В первые годы за садом ухаживали сотрудники детдома, а после Великой Отечественной войны стали привлекать и старших воспитанников — организовали кружок цветоводов. Я — не цветовод, но хорошо помню, что среди множества цветов были астры, гвоздики, георгины, гиацинты, ирисы, лилии, львиный зев, пупанки (ромашки), табак душистый, флоксы. А вдоль газонов и цветников, как бы обозначая фигуры, стройными рядами росли кипарисы летние — их хорошо видно на фото. Поскольку цветы были разных групп, то и цвели они в разное время, создавая прекрасный вид все лето до поздней осени, благоухая стойким ароматом. Не преувеличивая, скажу, что у цветоводов было самое кропотливое занятие. Особенно летом.

А еще, кроме садовых цветов, в детдоме было много комнатных растений — они стояли во всех спальнях, рабочих комнатах, в столовой и т. д. Особенно популярны были огромные фикусы,

росшие в больших деревянных кадках. Уход за ними и другими комнатными цветами также лежал на цветоводах. Самой лучшей наградой для всех мичуринцев была поездка в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку (ВСХВ). Тогурский детдом за успехи в мичуринской работе был награжден Бронзовой медалью ВСХВ в 1952 году. Отбор кандидатов для поездки в Москву проходил на Детском совете детдома, поехали самые лучшие воспитанники: активные, дисциплинированные, успешные в учебе и мичуринской работе. Поездку совершали поездом, впечатлений от ВСХВ и Москвы было множество. Я тоже был кандидатом, но все же меня не взяли, т. к. страдал известным многим детдомовцам недугом. Очень жаль, я сильно переживал. Тогда Надежда Семеновна научила меня делать перед сном специальную гимнастику. То ли эта гимнастика помогла, то ли мое большое желание, но я одолел недуг, причем за короткий срок. Но, увы, за мою бытность больше в Москву не ездили. А мне так хотелось побывать в мавзолее В.И. Ленина! В те годы это было пределом желаний для советских людей.

Под впечатлением поездки в Москву, где на ВСХВ увидели множество фонтанов, кто-то из детдомовского руководства решил, а чем мы хуже? Построим фонтан здесь! И закипела работа. Место определили за зданием конторы. Все лето воспитанники, от мала до велика, копали вручную огромный котлован под бассейн; землю таскали на носилках и раскидывали ее на территории вокруг котлована, так что котлован рос в глубину, а площадка — в высоту. Картина стройки была внушительная! Потом надо было заливать стенки бассейна бетоном, чтобы вода не уходила в землю. Когда подсчитали, сколько это будет стоить, то тихо, мирно стройку прекратили.

ОДНИ ИЗ МНОГИХ

Мы, братья и сестры Устиновы — Дмитрий, Лидия, Евгения, Петр и я — Леонид, родились и жили в деревне Дунаево, в тридцати километрах от Тогура, у реки Кеть. Наша мать умерла 6 июня 1941-го года, отец — Ефим Алексеевич — погиб на

фронте в 1943 году. Его мобилизовали в армию в октябре 1942-го года, и мы — все малые дети — жили одни целый год, голодные, холодные, разутые и раздетые. В конце ноября 1943-го года всех нас, кроме Дмитрия, сердобольная вдова красноармейца отвезла в Тогурский детдом. Сирот, конечно, не выгнали из детдома, помыли, переодели, накормили и определили на житье по группам. Однако вскоре старший брат Дмитрий, работавший в колхозе, которому было всего тринадцать лет, забрал сестру Лидию домой хозяйничать в избе, а ей было двенадцать лет. Позднее школьников Петра и Евгению перевели в Кругловский детдом, т. к. в Тогурском тогда жили только дошколята, в том числе и я. Так распалась наша семья.

Перенеся тяготы войны, все трудности голодного и безрадостного детства, наши старшие Дмитрий и Лидия сами встали на ноги, жили добропорядочно, благочестиво, воспитав в том же духе своих детей. Нам, жившим в детдомах, было лучше, государство в определенной мере заботилось о нас. Мы были одеты, обуты, накормлены, учились. Правда, одежду носили старую, но чистую, заштопанную и глаженную, питание тоже не очень обильное и разнообразное: хлеб, картошка, щи, каша, кисель, молоко, иногда мясо, рыба. Еды не хватало, но она была ежедневно.

В первые годы после Великой Отечественной войны хлеб воспитанникам давали по норме, мы называли этот кусок «птюшкой», пайкой. Обычно пищи было мало, и через два часа после еды снова хотелось есть. Зимой, чтобы утолить голод, мы припрятавали в карман или за пазуху утреннюю пайку хлеба, а потом замораживали ее где-нибудь в укромном месте на дереве. Мерзлый кусок хлеба можно было долго грызть, растягивая удовольствие. Тут важно отметить, что тогда даже у полуголодных детей не было мысли, чтобы отнять у кого-то хлеб. Сытнее стало после появления в детдоме больших огородов и скотного двора. Помощь оказывали шефы — Кетский лесозавод и Нарымская сплавконтора.

Окончив Тогурскую среднюю школу, выйдя из детдома, я решил поступить в техникум, чтобы быстрее получить специальность и работать, жить самостоятельно. К тому же в те времена бывшим воспитанникам детдома в техникумах предоставлялись

льготы: мы поступали вне конкурса, нам платили почти двойную стипендию и ежегодно выдавали деньги на приобретение одежды и обуви. Окончив техникум, я десять лет работал автомехаником на «великих стройках коммунизма»: на Дальнем Востоке строил автодорогу Хабаровск-Владивосток, в Якутии — на строительстве Вилуйской ГЭС и на добыче алмазов в г. Мирном, в Казахстане — на строительстве канала Иртыш–Караганда. Потом был определен в кадры вооруженных сил, служил более двадцати лет офицером в Душанбе, Семипалатинске, Целинограде.

Выйдя на пенсию, еще двенадцать лет работал на Томском ЛПК. У меня, пенсионера, появилось много свободного времени, и я занялся изучением своего рода: кто мои родители, деды и прадеды, откуда они пришли в эти края, кем были и т. д.? Годы ушли на изучение массы архивных документов, переписку с центральными архивами, просмотр церковных метрических книг в ЗАГСах северных районов Томской области и пр.

В результате этой исследовательской работы я составил родословную Устиновых и узнал, что мой предок Леонтий Устинов был казачьим десятником в Кетском остроге, лично писал челобитные царю в 1659, 1663 годах (копии хранятся у меня). Параллельно с этим я исследовал родословные еще ста пятидесяти фамилий, связанных с Устиновыми родством за четыреста лет, а также историю сел и деревень Нарымского края, церквей и школ, нравы и обычаи старожилов. По этим темам я написал и издал четыре книги, готовлю еще.

Не секрет, что многие воспитанники Тогурского детдома в первые годы после его создания были из семей репрессированных, поэтому они фактически не знали, кто их родители, дедушки и бабушки, откуда они родом, чем занимались и т. д. Поэтому я с огромным удовольствием делюсь со всеми выпускниками своими сведениями по их родословным, а также помогаю им в поисках их корней, предков через архивы.

С глубоким сожалением приходится признать, что за последние сто лет фактически разрушены все родственные связи поколений. Причины известны: революция, гражданская война, «раскулачивание», репрессии 1930-х годов, Великая Отечественная война,

миграция. Боясь расправы, старые родители скрывали от своих детей родство с богачами, купцами, священниками, царскими чиновниками и т. д. А после смерти стариков стало очень трудно, иногда даже невозможно найти какие-то родословные корни.

Например, у Валеры Кайдалова, 1941-го г. р., родители были в родстве со священником Кайдаловым, за это их сослали в Пудино. Валера ничего не знал об этом, и только с моей помощью, переписываясь со своими дальними родственниками, он узнал о судьбе и родословной своих родителей. Трагична судьба родственников Юры и Гали Анисимовых: их дед Поликарп Ефимович был зажиточным крестьянином из семьи волостного головы в Тогуре. За это его с семьей выслали на север — в Новоникольск. Отец Юры и Гали — Артемий Поликарпович — погиб на фронте в Великую Отечественную войну, а сами они так и не узнали ничего о родне.

А вот примеры другого рода. Мой одноклассник Юра Голещихин был двоюродным братом героя Советского Союза Григория Васильевича Голещихина. Когда директор Тогурского детдома узнал об этом, он запретил воспитателям говорить Юре о родстве, дабы оградить его, якобы, от бремени славы. Так он ничего и не знал до старости, пока я не сообщил ему о знаменитом родственнике.

У Раисы Александровны Пановой и ее брата Дмитрия отец погиб на фронте в Великую Отечественную войну, связь с родственниками была потеряна после отправки их в детдом. Изучая историю гражданской войны на территории Колпашевского района, я узнал, что родной брат отца Раи и Дмитрия партизанил — воевал за советскую власть в 1918–1919 годах. За это «белые» арестовали их деда — Анемподиста Александровича, и он погиб в плену, а в Великую Отечественную войну погибли за Родину два его сына. Жаль, я не смог сообщить Рае и Дмитрию об их героической родне — оба уехали в неизвестные края.

Семье нашего деда Алексея Васильевича Устинова просто повезло во время репрессий 1930-х годов. Его очень большая семья жила в двухэтажном доме-крестовике. Когда комиссия из Колпашева ехала для раскулачивания в Дунаево, то их вез в бричке

внук деда — Иосиф Александрович, комсомольский работник. Когда подъезжали к деревне, Иосиф спросил, к кому ехать? Ему ответили, мол, езжай к тому двухэтажному дому, с этих кулаков и начнем. Тогда Иосиф сказал, что там живут совсем не кулаки, а многочисленная семья его деда, в том числе и он сам. Комиссия не тронула Устиновых, а Иосиф, будущий директор Кругловского детдома, оградил нас от беды.

5 марта 1953-го года умер Иосиф Виссарионович Сталин — человек, с именем которого проходила вся жизнь и деятельность в Тогурском детдоме. Его портреты висели всюду, а лозунг «Сталин — наш учитель, Сталин — наш отец!» мы узнали раньше, чем научились читать. Как дети относились к Сталину? Как и весь народ — с восторгом и обожанием, поэтому, когда Сталин умер, его оплакивала вся страна. А в Тогуре тот день начался с прерывистого заводского гудка, мы были в школе, и вдруг всех учителей собрали у директора, где им сообщили о смерти вождя.

Помню, как наша учительница Надежда Павловна Волкова вошла в класс с заплаканными глазами и, едва не рыдая, коротко сказала: «Товарищи, умер И.В. Сталин, уроков больше не будет, идите домой». В детдоме воспитатели и сотрудники были в таком же состоянии, чувствовалось, огромное горе навалилось на всех.

Признаюсь, и я плакал. Нам тогда уже было по пятнадцать—семнадцать лет, и мы могли зрело мыслить, но поскольку нас с малых лет воспитывали в духе того времени, то и реакция была одна: как же мы будем теперь жить без Сталина, что ждет нашу страну?

Но вот прошли траурные дни, жизнь понемногу налаживалась, а портреты Иосифа Виссарионовича Сталина и лозунги так и висели повсюду еще несколько лет... Ныне у нас, пенсионеров, бывших воспитанников, к событиям тех лет неоднозначное отношение: с одной стороны, советская власть заботилась о сиротах в детдомах, а с другой, — именно от действий этой власти появилось так много сирот в 1930–1940 годах. И никого не удивляла несуразность лозунга «...Сталин — наш отец»: значит, он заседает в Москве, а его многочисленные «дети» прозябают по всем закоулкам необъятной страны в детдомах...

Общий вид территории Тогурского детского дома, 1941 г.

Воспитанники: Лева Устинов, Ерх Саша, Володя Шабанов и Юра Голещихин — выпускники 1955-го года, директор Нина Михайловна Ильсцова и завуч Таисия Гавриловна Трифонова

Коллектив воспитателей, сотрудников и рабочих Тогурского детского дома, 1941 г.

Пятилетняя группа воспитанников Тогурского детского дома, 1943 г.

Воспитанники на занятиях в игровой комнате, 1945 г.

Шефы из Тогурской средней школы в гостях у младших воспитанников

Воспитанники готовят концерт, 1948 г.

Праздник 1 мая. 1943 г.

Воспитанники на прогулке в лесу

Воспитанники Кругловского детдома в гостях тогурчан, 1948 г.

Группа воспитанников и воспитателей, 1944 г.

Проводы выпускников

Фотография на память: выпускники, воспитанники и воспитатели

На качели, 1945 г.

Группа воспитанников Тогурского детского дома на экскурсии в Нарыме, 1951 г.

*Репетируем спектакль «Удивительный подарок». Коля Романов,
Лева Устинов и завуч Таусия Гавриловна*

На пикнике

*Воспитанники в столовой. На переднем плане слева:
Юля Трифонова и Лева Устинов, 1952 г.*

Вид территории детдома от входа, 1948 г.

Цветники в саду

Беседка в саду

О БЫЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

В нынешней России многие средства массовой информации сплошь и рядом осуждают общественно-политическое устройство в Советском Союзе, якобы повсеместно насаждаемый казарменный режим: детсады, школы, пионерия, комсомол под неусыпным оком партии. Так же осуждаются порядки в детдомах, участие воспитанников в труде, однообразная форма одежды, якобы несвобода проживания и т. п. Да, возможно, в чем-то и правы критикующие, но лишь отчасти. Нельзя обойтись в детдоме, где не менее сотни детей, без строгого распорядка дня — это не только дисциплинирует воспитанников, но и прививает им чувство коллективизма, проще говоря, взаимопомощь и взаимовыручку всегда и во всем. К тому же, привыкшие к твердому распорядку и дисциплине выпускники детдомов, почти всегда были на хорошем счету в студенческих общежитиях, в армии или на производстве.

Занятие воспитанников физическим трудом необременительным было: два часа в день работы на мичуринском участке, в саду или на хозяйственном дворе проходили в духе состязательности, соперничества; не забывались и беседы о необходимости участия детей в благоустройстве детдома, улучшении питания, помощи взрослым. А более тяжелым трудом — покос, заготовка дров, строительство — занимались лишь дети старшего возраста. Мы не только приобщались к труду, но и успешно осваивали основы деревенских профессий, что очень пригодилось нам в дальнейшей самостоятельной жизни. В общем, по собственному опыту я — за участие воспитанников в физическом труде, но в определенных рамках. Что касается однообразной одежды воспитанников, то в военные и послевоенные годы у директора детдома вообще не было возможности приобретать иную одежду. Не надо забывать, какие тяжелые это были времена для страны и народа, тут уж «не до жиру, быть бы живу».

Ныне, когда товарный рынок переполнен изделиями всевозможных расцветок и фасонов, конечно, можно и нужно

обеспечивать детей модной, красивой, прочной и безопасной одеждой. При этом младшим давать наиболее яркую, но не аляпистую, средним — менее яркую, но прочную, а старшим — элегантную, современную, чтобы по одежде все видели, какого возраста воспитанник. А насчет несвободы проживания скажу так. В те годы в детдоме были в основном дети-сироты, и о существовании живых родственников они не знали, да никто им и не раскрывал историю их поступления в детдом. Все дети верили, что их родители погибли на войне. Ныне в детдоме воспитывают детей, у которых живы родители и другие родственники; похвально, что они имеют возможность общения или временного проживания у родных. Однако это чревато занесением в детдом каких-либо инфекций, ведь если в большом детском коллективе даже один чихает или кашляет, то быстро могут заразиться и другие. Так что же, заводить в детдоме санпропускник или изолятор? Не знаю, но пусть об этом помнят и воспитанники, и их родственники, и конечно, руководство детдома. Главное — здоровье детей. А, в общем-то, я за сохранение семей, ведь дети по натуре своей незлобивы, и есть надежда, что они когда-нибудь простят своих непутевых родителей.

О пионерской организации и ее воздействии на воспитание детей говорилось много — и хорошего, и плохого, но мнения бывших воспитанников при этом не спрашивали. А ведь мы не просто свидетели той поры, а непосредственные участники пионерской жизни. Там, где руководители и наставники пионерской организации были ответственными за судьбу детей, равнодушными за их будущее, там пионерская жизнь была интересной, увлекательной и ненадоедливой, во всяком случае, мы никогда не скучали и не отлынивали от пионерских мероприятий. В общем, воспитанники всегда были при деле, на виду.

А кто были наши герои, кому мы стремились подражать? Это славные воины, умелые труженики, мастера своего дела, о которых говорили по радио, писали в газетах, книгах, показывали в кино. И не беда, что впоследствии бывшие

воспитанники совсем не походили на своих идеальных героев, но в душе мы навсегда остались им верны. Как ныне обстоят дела с воспитанием детей? Пионерской организации нет и замены ей в таком масштабе тоже нет, а уж о героях, о которых мечтают дети, лучше не говорить — это беда и позор современной России.

Конечно, взирая на прошлое с высоты сегодняшних лет, можно многое критиковать: это не так и то не так, а надо было вот так. Но историю вспять не повернуть, и, к тому же, она не только хранит прошлое, но и учит, чтобы будущие поколения не совершали и не допускали ошибок. От того, как воспитан ребенок, в каком духе, на что нацелены его стремления, будет зависеть вся его дальнейшая жизнь.

СОЮЗ ВДИ

В 1990 году в Томске был проведен первый слет выпускников — бывших воспитанников детских домов Томской области, на котором присутствовали представители сорока трех детских домов, в т. ч. и Тогурского. Участники слета постановили образовать общественное объединение — Союз выпускников детских домов и интернатов, было избрано Правление Союза и утвержден Устав. Членом Правления был и тогурчанин — В.И. Холодов.

Цели и задачи Союза весьма разнообразны, но в основном они касаются всех тех проблем, с которыми сталкиваются выпускники детдомов в условиях нынешней капиталистической России. Перечислять эти проблемы не буду — они знакомы всем выпускникам, вступившим в самостоятельную жизнь. Особенно трудно выпускникам детдомов в селах, где нет ни жилья, ни работы. В 2011 году в Томской области из 850 выпускников-сирот, имеющих право на получение жилья от государства, только 111 были вселены, да и положено-то им всего по семнадцать квадратных метров жилья. А в сельской местности только 1 выпускник детдома из двадцати смог получить жилье.

Здесь уместно отметить, что в советские годы у выпускников даже и мысли не было, что в перспективе они станут бездомными или безработными. Руководство детдомов тщательно следило за судьбой своих выпускников в начале их самостоятельной жизни. К тому же обучение было бесплатным: хочешь учиться — иди в ПТУ, техникум или институт, не хочешь — иди на завод или предприятие и там бесплатно получай рабочую специальность прямо у станка с помощью наставника. А, проработав несколько лет добросовестно, он мог бесплатно получить от предприятия квартиру. Уверенно смотрели в будущее и выпускники вузов, техникумов: их государство распределяло на предприятия по всей стране, там они работали и жили — сначала в общежитиях, а потом и в квартирах, полученных бесплатно.

В общем, если выпускник был достойным гражданином, то в перспективе мог получить все блага. И хотя эти блага доставались многолетним упорным трудом, все же у выпускников была надежда и уверенность в будущем. Ныне всего этого нет. Выходя из детдома, выпускники начинают самостоятельную жизнь как бы выброшенными за борт: выплывайте сами! Но не всем это удается. Вот потому и создан областной Союз выпускников детских домов, чтобы оказывать хоть малую, но так необходимую помощь друг другу.

Кстати, в Тогурском детдоме такая работа проводилась уже давно, регулярно проходили слеты бывших воспитанников — обычно один раз в пять лет в юбилейные даты со дня образования детдома. Первый слет был в 1958 году, приехало мало выпускников, но именно с этого слета началась работа по объединению всех бывших воспитанников. Вдохновителем и организатором была Таисия Гавриловна Трифонова, а бессменным исполнителем — Виктор Холодов. Раньше выпускники Тогурского детдома разъезжались в основном по Томской области, это облегчало объединительную работу. Позднее выпускники стали уезжать в другие края, а ныне живут по всей стране. Это создает немало трудностей при проведении очередных слетов. И все-таки движение существует и крепнет, ведь для выпускников

слеты — это не только встречи и воспоминания: здесь и обмен житейским опытом, и откровенные беседы о достигнутых успехах в учебе, работе, творчестве и, конечно, в личной жизни. Завязываются и контакты с наиболее успешными выпускниками с целью оказания ими финансовой поддержки остро нуждающимся выпускникам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вся жизнь и деятельность в Тогурском детдоме проходила по строгому распорядку, который обязывал всех воспитанников выполнять его неукоснительно. А иначе и не могло быть, ведь в детдоме было тогда сто—сто двадцать детей различного возраста, характера, воспитания и дисциплины. Но все же, несмотря на жесткий распорядок, в целом это был живой и здоровый коллектив, способный на многие добрые дела под благотворным влиянием опытных воспитателей и твердым руководством директора детдома.

Быть дисциплинированным, активным и исполнительным, конечно, важно; но главное то, что у каждого из нас в те годы была возможность хорошо учиться, постигать азы сельского труда, развиваться творчески, участвовать в различных кружках, в художественной самодеятельности, заниматься спортом и читать. Не зря же большинство из детдомовцев, моих ровесников, окончили среднюю школу, затем техникумы и институты, успешно трудились в народном хозяйстве.

И мы, бывшие воспитанники Тогурского детдома, с большой теплотой и глубокой благодарностью всегда вспоминаем те нелегкие годы и наших наставников.

ИЗОСТУДИЯ «ЛУКОМОРЬЕ» И КЛУБ «СИНЕГОРЬЕ» ДЕТДОМА № 9 ТОМСКА, РАБОТА ЗА 1999–2004 гг.

Валентин Иванович ЧУПИН

Изостудия «Лукоморье» в 2002 году отметила свое десятилетие. Юбилейная выставка, организованная в Музее деревянного зодчества г. Томска, была показана по пяти программам томского телевидения. Ребята-студийцы регулярно получают дипломы на городских и областных выставках по номинациям «живопись», «лепка из глины» и «резьба по дереву».

Авторская программа руководителя «Изобразительное искусство и художественный труд» основана на «триаде красоты». Нерукотворную красоту постигали на природе и выражали свои чувства через изобразительное искусство. Каждое лето звезды «Лукоморья» отправлялись в традиционные походы за вдохновением. Выставки живописных работ, посвященных Пленительному Синегорью, постоянно выставляются в выставочных залах города. Творческие работы наших воспитанников превратились в возможность приобрести снаряжение для походов. Так возникла необходимость создать в 1999 году туристический клуб «Синегорье» руководителем В.И. Чупиным. Это не только здоровый образ жизни, расширение жизненного пространства воспитанников, но и создание специально организованного воспитательного пространства для социальной реабилитации и социальной адаптации воспитанников и выпускников через туристическую деятельность.

Приняли участие в двух проектах программы «В помощь детям сиротам России»: «Я, природа и друзья — вместе дружная семья» и «Вместе весело шагать...». К работе были привлечены специалисты инструкторы по туризму, социальные педагоги, психологи. Как результат, отметили, что девочки поступают в вузы, ребята успешно учатся в профессионально-технических учреждениях.

Выпускники, получив инструкторскую подготовку, стали нашими активными помощниками. Кроме выпускников и воспитанников других детских домов, в клубе занимаются школьные друзья воспитанников из нашего неблагополучного микрорайона и дети сотрудников детского дома. Налаживается более тесная работа с инспекцией по делам несовершеннолетних. Многих уже удалось вырвать из плена улиц.

В стадии апробации — авторская культурно-экологическая программа. Программа дает воспитанникам позитивный настрой на жизнь, ориентир на истинные ценности, на созидание и творчество. Все это осуществляется в едином непрерывном процессе воспитания, развития, обучения. За пять лет ребята посетили, Горную Шорию и Горный Алтай, Кузнецкий Алатау и Хакасию, Восточные и Западные Саяны, Прибайкалье и Забайкалье, Кузбасс. И, конечно, облазили вдоль и поперек Томскую область. 85 воспитанников и выпускников детского дома № 9 и 30 ребят детского дома № 4 получили разряды по туризму за многодневные походы.

В 2001 году мы увлеклись водным туризмом как спортом. Уже в первый год нам был вручен диплом «За волю к победе». В 2002 и 2003 годах мы уже на равных сражались с ведущими клубами города и области. Ребята получили 40 дипломов за призовые места на городских и областных соревнованиях по водному туризму, неоднократно отмечались дипломами и призами на фестивалях путешественников и конференциях водников-туристов. Были выполнены нормативы на 38 спортивных разрядов, 22 из которых — взрослые разряды. Имеем опыт выступления среди взрослых на Кубке Кузбасса, чемпионате Сибири и России. Места занимали в верхней половине турнирной таблицы. Наивысшее пока достижение — 10 место на чемпионате федерального сибирского округа среди 38 отобранных взрослых экипажей. За три года мы добрались до рек высшей категории сложности.

В этом году наши выпускники готовятся выступить в экстремальных соревнованиях «Мажой-ралли», на каскаде порогов высшей категории и посвятить свое выступление юбилею родного

города. Когда цели определены, нет границ полету фантазии по их воплощению, зато есть суровая реальность. Жалко, если все это будет не реализовано. Но хочется верить, что нашу работу поддержат, ведь мы еще только в начале нашего творческого пути. Открытие водного сезона прошло на р. Ушайка в середине апреля. На городских соревнованиях по водному туризму (туристское многоборье) среди юношей (класс «Б») из-за судейской неразберихи мы оказались на 3 месте. Но уже на следующий день нам не было равных даже среди взрослых (класс «А»). Клуб «Синегорье» занял 2 место, пропустив вперед только очень опытную команду из г. Кемерово.

В конце апреля Томским центром туризма, Томской федерацией туризма и Томской региональной ассоциацией рафтинга мы были приглашены на учебно-тренировочные сборы в Горный Алтай под руководством культовой личности для Томска — Евгения Ковалевского (адмирал Джек). Сплавились по маршруту 4-ой категории: Урсул-Катунь. Это была великолепная школа. Каждый день был насыщен интересными тренировками. Особое внимание было уделено спасательным работам. Опыт и дух водного братства ребята впитывали, как губка.

Затем мы перебрались на реку Чуя в район Мажойского каскада, 6-ой (высшей) категории сложности. Здесь впервые в истории российского водного туризма состоялись экстремальные соревнования на бурной воде. Томские профессионалы весла участвовали в этих соревнованиях. Наши ребята, как наиболее подготовленные, были приглашены в группу поддержки; заняв престижное второе место, томичи братья Чугайновы прославили Томскую водную школу. В тренировочном заезде попробовали свои силы на порогах Мажойского каскада и наши ребята, пройдя их большую часть. Три реальных переворота (оверкиля), подстрахованные опытом руководителей и более взрослых товарищей, послужили хорошей школой для будущих мастеров весла — Майкова Вити, Никитенко Паши. А Барсуков Дима в экипаже с опытным водником прошел каскад до конца, не совершив оверкиля.

Заключительным аккордом нашего посещения Горного Алтая было выступление на чемпионате России по туристскому

многоборью (водный туризм) «Чуя — ралли 2003». Было решено выставить и наш лучший, благодаря заработанному ребятами авторитету и приобретенному опыту, экипаж. И ребята не подвели. В первый день соревнований на короткой дистанции надо было сделать оверкиль и встать в нормальное положение на пороге «Бегемот». Благодаря школе на реке Урсул, Барсуков Дима и Никитенко Паша заняли 24 место среди 38 экипажей. На следующий день был слалом. Надо было пройти 20 ворот, на пороге, но это была уже родная стихия. В своей лучшей попытке ребята прошли все 20 ворот т. к. себя чувствовали как рыба в воде.

Возвращались мы домой «по уши» в долгах, но с чувством удовлетворения и творческого вдохновения. На следующий год весной нас приглашают пройти маршрут 5-ой категории сложности. Так что в течение года предстоит серьезная работа. А в мыслях мы уже были на р. Киргизке, где нам предстояло доказать, что в том году мы не случайно стали первыми. Хотя случайно можно только проиграть, выиграть случайно нельзя, особенно среди взрослых.

На соревнованиях Томской области по туристскому многоборью (водный туризм) присутствовали еще команды из Омска и Кемерово. Увлеченные борьбой с нашими основными противниками, мы вновь уступили команде из Кемерово. Но, завоевав 11 дипломов и кучу призов, выступая на катамаране и байдарке, мы вновь в области стали лучшими и среди юношей, и среди взрослых. Даже девичий экипаж среди взрослых выглядел достойно. Второй взрослый разряд получили в очередной раз Барсуков, Майков, Филиппов, Бучкинский. Подтянулись (3-й взрослый) Порваткина и Захаров. А какой у нас еще был резерв! Но мы решили обкатать молодежь. И они яростно сражались за место в команде. В итоге — достойные места и 10 юношеских разрядов.

Завершал спортивный сезон Сибирский чемпионат на р. Казыр. У нас уже есть грамота за вклад в развитие водного туризма Сибири. И место в том году мы заняли в верхней половине турнирной таблицы. Но самое главное предстоит сделать на Казыре в этом году. У ребят есть реальная возможность получить звание «мастер спорта».

КЛУБ «СИНЕГОРЬЕ»

Основная работа клуба — это социальная адаптация через туристическую деятельность или, другими словами, расширение жизненного пространства для подготовки воспитанников детского дома к выпуску. Началась эта работа в изостудии «Лукоморье». Авторская программа руководителя помогает ребенку увидеть красоту окружающего мира и выразить свои чувства через изобразительное искусство. А сама программа основана на Триаде красоты: от исследования нерукотворной красоты природы через возможность создавать произведения искусства собственными руками ребята переходят к постижению внутренней духовной красоты человека.

Воспитанник погружается в творческую атмосферу, отрешаясь от окружающего негатива. Для развития личности нужны не готовые рецепты, а условия для самостоятельного поиска. Организация процессов созерцания, созидания и общения — три вида педагогического творчества на занятиях по изобразительному искусству. А природа может выступить в роли прекрасной волшебницы, которая творит видимый человеком мир по законам красоты и гармонии.

Так возникла необходимость более полного взаимодействия с природой. И в 1997 году при поддержке администрации детского дома мы впервые оказались в Горной Шории. И каждое лето воспитанники «Лукоморья» отправлялись в традиционные походы за вдохновением. Выставки живописных работ, посвященных Синегорью, до сих пор ходят по выставочным залам города. А работы наших резчиков по дереву, благодаря «крестной маме» из Фонда мира и нашему другу из Техаса, дали возможность приобрести снаряжение для походов. Так был создан в 1999 году наш клуб. В фактах и цифрах про наших воспитанников можно сказать много. Но это всего-навсего ребяташки, лишенные семейного тепла и ласки. В нашем клубе нет вторых, есть только первые. Есть способные, есть талантливые, есть обаятельные.

Но каждый в своем роде первый. Это место, где ребенок может свободным, где его не дергают, не поучают, не унижают,

а общаются с ним. А в походе главное — общение: новые знакомства, общие беседы, обмен мнениями, споры, гитара, песни у костра. Именно такая атмосфера духовности возникла в процессе работы с городским туристическим клубом «Кедр» по проекту «Я, природа и друзья — вместе дружная семья» в рамках американской программы «Помощь детям-сиротам в России». Проект закончился, результат был виден невооруженным взглядом. Поэтому было решено продолжить работу в этом направлении, и мы занялись водным туризмом как спортом. Опять воспитанникам был предоставлен выбор, у них появился шанс проявить свои способности, укрепить здоровье, обрести четкие ориентиры в жизни; появилась возможность многих вырвать из плена улицы. И опять же мощнейший социальный фактор: у нас появились друзья в городе, в области и за ее пределами (это уже высокий уровень).

Соответственно, появились и новые задачи. В своей работе мы сделали упор на общение со сверстниками, принятыми окружающими. В детских домах среда обитания, как правило, сиротская, казарменная. Сами условия, в которых живут дети, тормозят их умственное развитие и искажают процесс формирования личности. Воспитанники уходят из детского дома в подростковом возрасте. Они еще не подготовлены к самостоятельной жизни, не в состоянии планировать свое будущее, живут только одним днем, болезненно переносят свою ненужность. Они привыкли жить по указке, многие из них плохо учатся, воруют, бродяжничают, ведут себя нарочито грубо. Но для организации такой работы надо создать определенные условия. Если участие в соревнованиях не требует финансовых затрат, то участие в походах — это уже совсем другое дело. И жалко, когда про наших ребятшек забывают по всей вертикали государственной власти.

Но не все так плохо. Мы поучаствовали в новом проекте «Вместе весело шагать...», и у нас есть возможность бесплатно на электричках съездить в удивительный храм природы — Горную Шорию. А совсем рядом — Кузнецкий Алатау с Поднебесными Зубьями и Хакасия с речкой Казыр. Это теперь наша страна Беловодья. У нас теперь есть куда вернуться. Мы пили из своих

ладоней воду фантастической чистоты, воду, заряженную мощью порогов и ласкового солнышка, из реки, светло-малохитовые потоки которой кипят на перекатах и порогах, соревнуясь с белизной цветущей черемухи.

И наш восторг перерастал в творческое вдохновение. Пороги Казыра уже есть на наших полотнах. А еще, благодаря нашей отчетной выставке, посвященной юбилею нашей изостудии, которая пройдет в Музее деревянного зодчества (филиале областного художественного музея), и работы с которой будут проданы, мы заработаем на поход в Горный Алтай с Джеком Ковалевским, покорителем Гималаев.

Походы являются главной комплексной формой практического обучения. Образ жизни ребят в походе связан с Удачей, Успехом, Приключением, Риском, Равенством, Выбором, Свободой и другими показателями «возвышенной деятельности». Научить работать головой, душой, научить обходиться без тебя — это «высший пилотаж». Поход надо наполнить духовным содержанием. И нельзя без атмосферы доброжелательности и творчества. И вообще надо учить романтике костров и песен. Такое воспитание помогает растить в детях доброту, гуманность, умение заботиться о людях, прежде всего о близких, умение сопереживать им, помогает наживать добрые качества, упражняясь в добре. Походы концентрируют импульс совершенствования, в этом их заслуги перед обществом. Походы становятся праздником для ребят, а стремление отразить увиденное, прочувствованное в творческих работах (в глине, дереве, живописи) столь сильное, что изостудия всегда переполнена. Хочется верить, что мы еще только в начале нашего творческого пути.

Основное направление деятельности клуба «Синегорье» — создать специально организованное воспитательное пространство для социальной адаптации подростков через туристическую деятельность и творчество. Общая цель — это формирование личности, способной творчески адаптироваться к жизни, ее изменениям, в том числе к ее агрессивным проявлениям.

Основными задачами клуба являются: помочь подростку формировать и использовать свой социальный опыт; адаптировать

для восприятия подростков важные, но сложные явления и давать о них представление; сглаживать проявления социального и материального неравенства в подростковой среде; ограждать подростков от асоциальных влияний, формировать навыки выживания и духовного противостояния злу.

Началась эта работа в изостудии «Лукоморье» детского дома № 9. Авторская программа руководителя помогает ребенку увидеть красоту окружающего мира и выразить свои чувства через изобразительное искусство. А сама программа основана на триаде красоты — от исследования нерукотворной красоты природы, через возможность создавать произведения искусства собственными руками, ребята переходят к постижению внутренней — духовной красоты человека. Такая триада красоты и положена в основу воспитания как особому воспитанию души и сердца ребенка всем возвышенным и утонченным, а значит, прекрасным. Воспитанник погружается в творческую атмосферу, отрешаясь от окружающего негатива.

Для развития личности нужны не готовые рецепты, а условия для самостоятельного поиска. Организация процессов созерцания, созидания и общения — три вида педагогического творчества на занятиях по изобразительному искусству. А природа может выступить в роли прекрасной волшебницы, которая творит видимый человеком мир по законам красоты и гармонии. И первое место в воспитании должно принадлежать именно красоте, раскрытию в ребенке восприятия красоты, так как высокая красота сама по себе возвышает и облагораживает человека, несет то человеческое, мудрое, доброе, что так всем нам необходимо сегодня.

Осуществление эстетического, экологического и нравственного воспитания начинается через природу. Так возникла необходимость более полного взаимодействия с природой. И в 1997 году при поддержке администрации детского дома мы впервые оказались в Горной Шории. И каждое лето воспитанники отправлялись в традиционные походы за вдохновением. Выставки живописных работ, посвященных Пленительному, Зовущему Синегорью, постоянно ходят по выставочным залам города. *А работы наших резчиков по дереву, благодаря «крестной маме» Валентине*

Васильевне Ермаченко из Томского отделения Фонда Мира и нашему другу из штата Техас Джорджу превратились в возможность приобрести снаряжение для походов. Так и был создан неофициально в 1999 году наш клуб.

Про наших воспитанников можно сказать много. Но это всего-навсего факты и цифры. А на самом деле, это ребяташки, лишённые семейного тепла и ласки. А в нашем клубе нет вторых, есть только первые. Есть способные, есть талантливые, есть обаятельные. Но каждый в своем роде первый. Это место, где ребенок может быть свободным, где его не дергают, не поучают, не унижают, а общаются с ним. Романтика дальних дорог, неожиданных встреч, острых жизненных ситуаций, романтика походного товарищества, возможность проверить себя и закалить в суровой борьбе с природными явлениями, с неожиданными явлениями в социальной среде, и в то же время ощущение полного физического и духовного здоровья в процессе мягкого вхождения ребенка в туристическо-экологическо-краеведческую деятельность создают условия для закрепления в этой деятельности ребенка, формирования его здорового образа жизни, и уже после этого начинается настоящая работа.

Понятие «практического обучения» подразумевает нестандартный подход к системе образования и воспитания. Походы являются главной комплексной формой практического обучения. Образ жизни ребят в походе связан с Удачей, Успехом, Приключением, Риском, Равенством, Выбором, Свободой и другими показателями «возвышенной деятельности».

Детский туризм — одно из приоритетных направлений в системе дополнительного образования. И действительно, эта форма работы имеет несомненные преимущества. Сразу попадаешь в мощное педагогическое силовое поле туризма. Воспитательной мудрости требуется не меньше обычного, а сама обстановка исключительно благоприятна. Парадокс путешествия состоит в том, что оно воспитывает ненароком, попутно, без нравоучений, самими обстоятельствами, радостью, лаконичными реакциями окружающих. Походы концентрируют импульсы к совершенствованию: в этом их заслуга перед педагогикой. Еще Макаренко

писал: «Я не знаю более сильного воспитательного средства, чем летние походы». Такие радости способны активизировать активную творческую жизнь в течение года.

В походе главное — общение с ребятами, новые знакомства, общие беседы, обмен мнениями, споры, гитара, песни у костра. Именно такая атмосфера духовности возникла в процессе работы с городским туристическим клубом «Кедр» по проекту «Я, природа и друзья — вместе дружная семья» в рамках американской программы «Помощь детям-сиротам России». Наши воспитанники неуютно себя чувствуют рядом с хорошо одетыми, уверенными в себе одноклассниками, у которых «все есть». В процессе подготовки к летним походам на занятиях и тренировках в совместных группах с домашними ребятами формировался коллектив, и было отрадно их видеть в походе уже как единое целое; их дружба на глазах превращалась в нечто большее, какое-то родство душ. Особенно это было заметно среди детей старшего возраста. Ребята переходного возраста больше были увлечены романтикой похода, открытием чего-то нового для себя. И генерирующий поток энергии их тоже здорово объединял. А какие трогательные минуты расставания после похода: это и обмен адресами, и приглашения друг друга в гости, в совместные путешествия. А видели бы вы, с какой радостью ребята детского дома готовятся к встрече друзей, с каким желанием стремятся показать свою студию «Лукоморье» и свои творческие работы.

Самостоятельно из отснятых видеоматериалов мы готовили фильмы о прошедших путешествиях. За свои работы мы уже были отмечены на фестивале путешественников. Проект закончился, результат был виден невооруженным взглядом. И было решено продолжить работу в этом направлении. Мы занялись водным туризмом как спортом, туризмом высших достижений. Здесь нам помог Евгений Ковалевский («адмирал Джек»), культовая личность для Томска. И мы достигли вершин: в этом году мы с ним уже прошли Мажойский каскад на реке высшей категории, подстрахованные опытом руководителей и более взрослых товарищей, а также участвовали в чемпионате России, благодаря учебно-тренировочным сборам на маршруте 4-й категории — Урсул-Катунь.

Это великолепная школа. Каждый день насыщен интересными тренировками. Особое внимание было уделено спасательным работам. Опыт и дух водного братства ребята впитывали, как губка. Возвращались мы домой «по уши» в долгах, но с чувством удовлетворения и творческого вдохновения. На следующий год весной нас приглашают пройти маршрут 5-й категории сложности, так что в течение года предстоит серьезная работа.

В мыслях мы уже были на областных соревнованиях, где нам предстояло доказать, что мы не случайно стали первыми. Случайно можно проиграть, случайно нельзя выиграть, особенно среди взрослых. Но, завоевав одиннадцать дипломов и кучу призов, мы вновь стали лучшими в области и среди юношей, и среди взрослых. Даже девичий экипаж среди взрослых выглядел достойно: шесть взрослых разрядов. А какой у нас еще был резерв! Но мы решили обкатать молодежь. И они яростно сражались за место в команде. В итоге — достойные места и десять юношеских разрядов.

Вот во что вылилась наша работа. Опять воспитанникам был предоставлен выбор, у них появился шанс проявить свои способности и укрепить здоровье, обрести четкие ориентиры в жизни; появилась возможность некоторых из них вырвать из плена улицы. Как мощнейший социальный фактор — у нас появились друзья в городе, в области и за ее пределами (это уже более высокий уровень). В своей работе мы сделали упор на общение со сверстниками, принятие окружающими. Соответственно появились и новые задачи: развить умение общаться, подтолкнуть подростков к сотрудничеству друг с другом, к сплочению коллектива. Причем мы старались экипажи перемешивать по половому признаку и таким образом развивать тактичные контакты между девочками и мальчиками. Вообще поход — хорошая мужская игра. Мальчишки на глазах вырастали, обнаруживали в себе мужчин. Туристический поход — вообще один из современных способов оказаться рыцарем.

В детских домах среда обитания, как правило, сиротская, казарменная. Сами условия, в которых живут дети, тормозят их умственное развитие и искажают процесс формирования

личности. Воспитанники уходят из детского дома в подростковом возрасте. Они не подготовлены к самостоятельной жизни, не в состоянии планировать свое будущее, живут только одним днем, болезненно переносят свою ненужность. Они привыкли жить по указке, многие плохо учатся, воруют, бродяжничают, ведут себя нарочито грубо.

Для плодотворной работы с воспитанниками надо создать определенные условия. Если участие в соревнованиях почти не требует финансовых затрат, то участие в походах — это уже совсем другое. И жалко, когда про наших ребятишек забывают по всей вертикали государственной власти. Не все так плохо. В новом проекте — «Вместе весело шагать...», мы поучаствовали, и у нас есть возможность на электричках с пересадками съездить в удивительный храм природы — Горную Шорию. Рядом Хакасия с речкой Казыр и Кузнецкий Алатау с Поднебесными Зубьями.

Это теперь наша страна Беловодья. Здесь проводится чемпионат Сибири по водному туризму. В этом году ребята реально могли завоевать звание «мастер спорта». У нас все еще впереди. И у нас есть куда вернуться. Мы пили из своих ладоней воду фантастической чистоты, воду, заряженную мощью порогов и ласкового солнышка, из реки, светло-малахитовые потоки которой кипят на перекатах и порогах, соревнуясь с белизной цветущей черемухи. И наш восторг перерастал в творческое вдохновение. Пороги Казыра уже есть на наших полотнах. И благодаря нашей отчетной выставке, посвященной юбилею нашей изостудии, в музее Деревянного Зодчества, работы которой были проданы, мы заработали на поход в Горный Алтай.

Походы становятся праздником для ребят, а стремление отразить увиденное, прочувствованное, в творческих работах (в глине и дереве, а также в живописи) столь сильное, что изостудия всегда переполнена. И хочется верить, что мы еще только в начале нашего творческого пути. А ведь на следующий год — юбилей нашего замечательного города Томска... Сейчас в студии апробации находится авторская программа руководителя по

культурно-экологическому воспитанию и развитию. За основу взята программа и руководство по культурно-экологическому воспитанию и развитию детей дошкольного возраста «Семицветик» (авторы Ашиков В.И., Ашикова С.Т., рекомендовано Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации). Культура человека есть отражение его внутреннего мира. Это понятие вмещает в себя духовность и нравственность, широкое сознание и кругозор, цивилизованность и образованность, духовную и душевную утонченность и творческую активность. Одной из главных задач культурно-экологического воспитания является задача, решение которой выразится в гармоничном сочетании практического и духовного взаимодействия человека с природой, человека с человеком, что обеспечивает его выживание и развитие.

Эта задача полностью согласуется с идеалом воспитания всесторонне развитой личности, способной жить в гармонии с окружающим миром. Особенно остро вопросы социальной адаптации встают при работе с детьми-сиротами. Еще Сухомлинский утверждал, что природа — сильнейшее средство воздействия, прекрасный метод воспитания, а мы им почти не пользуемся. Туризм сплачивает коллектив на здоровой основе общения с природной и культурно-исторической средой, стимулировании радостной перспективы будущих путешествий по родной стране и за ее пределами.

Действительно, туризм, краеведение и экология — это одно из самых могучих средств воспитания. Когда цели определены — нет границ полету фантазии по их воплощению, зато есть суровая реальность. Есть надежда, что оформление клуба как общественной организации обеспечит хоть какую-то финансовую поддержку и активизирует нашу работу. Мы должны дать ребенку позитивный настрой на жизнь, ориентир на истинные ценности, на созидание и творчество, и осуществлять это должно в едином непрерывном процессе воспитания, развития, обучения. Наша благородная задача — помочь в этом каждому воспитаннику детского дома. Создание общественной организации — клуба «Синегорье» — один из путей достижения этой высокой и гуманной цели.

ФОНД МИРА СИРОТАМ

1994–2015 гг.

ДРУЖБА БЕЗ ГРАНИЦ

По приглашению Российского Фонда Мира в Томскую область, более 20 лет подряд, по несколько раз в год приезжали друзья из Америки — прихожане — миссионеры Объединенной методистской церкви. Цель их визитов — самая благотворительная, благородная — оказание помощи больным детям и сиротам, проживающим в детских домах и школах-интернатах. Значение этой помощи переоценить невозможно.

— С 1994-го года по сей день в нашей области побывало более 700 американцев — волонтеров из штатов Техас и Западная Вирджиния. Благодаря им и на их деньги построен детский дом в Бакчаре, отремонтированы и оснащены всем необходимым Моряковская, Александровская, Шегарская школы-интернаты, а также Чердатский, городские четвертый и девятый детские дома, городской и областной дома ребенка, — рассказывает исполнительный директор Томского отделения Российского Фонда Мира Валентина Васильевна Ермаченко. — Они помогали «Орлиному Гнезду» и Басандайской санаторно-лесной школе. Нужно сказать, что ни один детский дом, школа-интернат и все другие детские учреждения области не остались без их внимания. За все годы пребывания волонтеров США по программе «Русская инициатива» от заокеанских друзей на благотворительные цели для детских учебно-воспитательных и лечебных учреждений Томска и области поступило 25 млн. рублей. Это только те средства, которые прошли через счета Томского отделения Российского Фонда Мира. Хочу особо подчеркнуть, что эти люди — не богачи. Среди них есть студенты,

домохозяйки, врачи, учителя, служители церкви, всех их объединяет стремление делать добро. А сколько душевного тепла и радости подарили они нашим детям! Это нельзя измерить никакими деньгами. Американцы стали настоящими друзьями для обездоленных вниманием и лаской детей-сирот, помогли им поверить в то, что они нужны кому-то, что о них заботятся, их любят и желают им добра. И ребятишки платят им беззаветной любовью, переписываются с ними и всякий раз с большим нетерпением ждут встречи. В справедливости этих слов мне пришлось убедиться не один раз. Бывая в детских домах вместе с Томасом Кларком, группами Алана Миллера, Джорджа Бригмана и Милиссы Уилкинс, видела, с каким восторгом дети бегут навстречу долгожданным гостям и попадают в широко открытые объятия, из которых не спешат освободиться. Тесно прижавшись друг другу, со слезами радости на глазах гости и хозяева выкрикивают дорогие сердцу имена.

— О, Коля! Сережа! Таня! Эдит! Дженни! Пол!

И вот уже они обмениваются впечатлениями и подарками, и кажется в этот момент, что нет никого счастливее их. И не важно, что говорят они на разных языках. Язык любви и дружбы не имеет ни границ, ни национальности, он понятен и близок всем людям доброй воли. Расставаясь, ни те, ни другие тоже не скрывают слез. Ребятишки долго-долго машут руками вслед уходящему автобусу, и нет сил сдержать боль, стискивающую сердце при виде этих детских фигурок.

— Чем покорили наших детей друзья из Америки? — спрашиваю у Валентины Васильевны.

— Прежде всего своей искренностью, неподдельной любовью к ним. Ведь детей обмануть невозможно, они чутко чувствуют фальшь в отношениях. Наши гости с ребятами проводят различные беседы и много играют, рассказывают о жизни в Америке, отвечают на все их вопросы. Сюда они приезжают не отдохнуть, а работать, и это тоже не остается незамеченным для детей. Вместе с воспитанниками детских домов они белят и красят, клеят обои, мастерят игрушки, и во все, что эти люди делают, они вкладывают частичку

своей души. Наверное, поэтому их и тянет сюда все время. Надеемся, что наше сотрудничество с волонтерами из Техаса и Вирджинии будет продолжаться и впредь. Для всех нас они стали родными.

Ежегодно в нашу область по приглашению Томского отделения Российского Фонда Мира приезжают волонтеры из Америки, чтобы оказать материальную помощь нашим детским домам. Эта помощь исчисляется уже сотнями тысяч долларов, собранными в основном небогатыми прихожанами методистских церквей из Техаса и Западной Вирджинии. В Томском районе в поле их внимания попали Александровская и Моряковская школы-интернаты, Малиновский и Семилуженский детские дома.

Летом 2005-го года в Семилуженском детском доме побывала группа Тома Кларка из Западной Вирджинии. Годом ранее они привезли для томских сирот 30 тысяч долларов, из которых 4 тысячи было передано этому детскому дому, а также другим детским домам Томской области и, кроме того, в медицинский фонд детских домов области на приобретение лекарств. Цель последнего визита гостей — посмотреть, как распорядились томичи благотворительными средствами.

Считаю, что заслуженно были отмечены наградами Законодательной Думы Томской области наши друзья — благотворители Алан Миллер, Джордж Бригман, Мелисса Уилкинс и Томас Кларк. Им вручили нагрудный знак Томской области «Милосердие и благотворительность».

В Семилуженском детском доме гостям показали 10 столярных верстаков, которые приобретены на американские деньги. На них ребята учатся работать и уже изготавливают для своих нужд несложные предметы обихода. На оставшуюся сумму были закуплены одежда, обувь и головные уборы для воспитанников. Увидев ручную швейную машинку, на которой здесь ремонтируют постельное белье и одежду, Том Кларк и его друзья поинтересовались, есть ли более современная, электрическая машина, выполняющая много операций, и получили отрицательный ответ.

— Убедившись, что средства израсходованы по назначению, группа Тома Кларка в последний приезд 2005-го года оставила нашим детям-сиротам 36 тысяч долларов, — сообщила исполнительный директор Томского отделения Фонда Мира В.В. Ермаченко. — Семилуженскому детскому дому, как и прежде, досталось четыре тысячи долларов, в том числе и на приобретение электрической швейной машины.

В ЛЮБВИ И РАДОСТИ!!

Летом прошлого года пребывание американских друзей на томской земле закончилось помолвкой Мелиссы Уилкинс и Джорджа Бригмана, а в ноябре у них состоялась свадьба на своей родине — штате Техас. Их знакомство произошло в Методистской церкви Техас, где они занимаются миссионерской деятельностью. Этих замечательных, доброй души людей знают во многих детских домах г. Томска и области. Поэтому известие о помолвке и свадьбе Мелиссы и Джорджа стало большой радостью для их многочисленных друзей из Сибири.

А на их свадьбе побывала в числе почти 500 приглашенных и наша томская гостья — пастор Елена Томской Методистской церкви. Как рассказывает Елена Валерьевна, торжество было необыкновенно красивым. Поздравить молодоженов пришли прихожане, многочисленные друзья, люди, которые, как и они, отдают частицу тепла своей души обездоленным детям. После венчания молодая супружеская пара сразу же отправилась в свадебное путешествие в Италию. Томские друзья в День Святого Валентина шлют привет молодоженам и от всего сердца желают Мелиссе и Джорджу большой любви и счастья!

*Нина Ганькина,
февр. 2006-го года*

В.В. Ермаченко и друзья Мелисса Уилкинс и Джордж Бригман

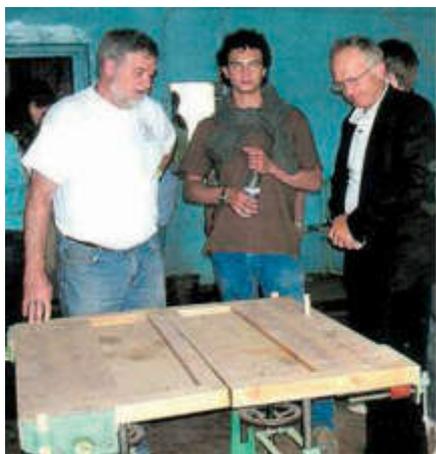
Группа Тома Кларка в Семилуженском детдоме

Алан Миллер, Сэм Дюри и дети Моряковки

Алеся Жданов и Слава Лагутин, члены сборной России по лыжным гонкам из Уртама и В.М. Кресс, губернатор Томской области. 2005 г.

Печат блины Анечка Маркевич

Вика Подставская играет на флейте

Галина Васильевна Рядовая на выставке с детьми

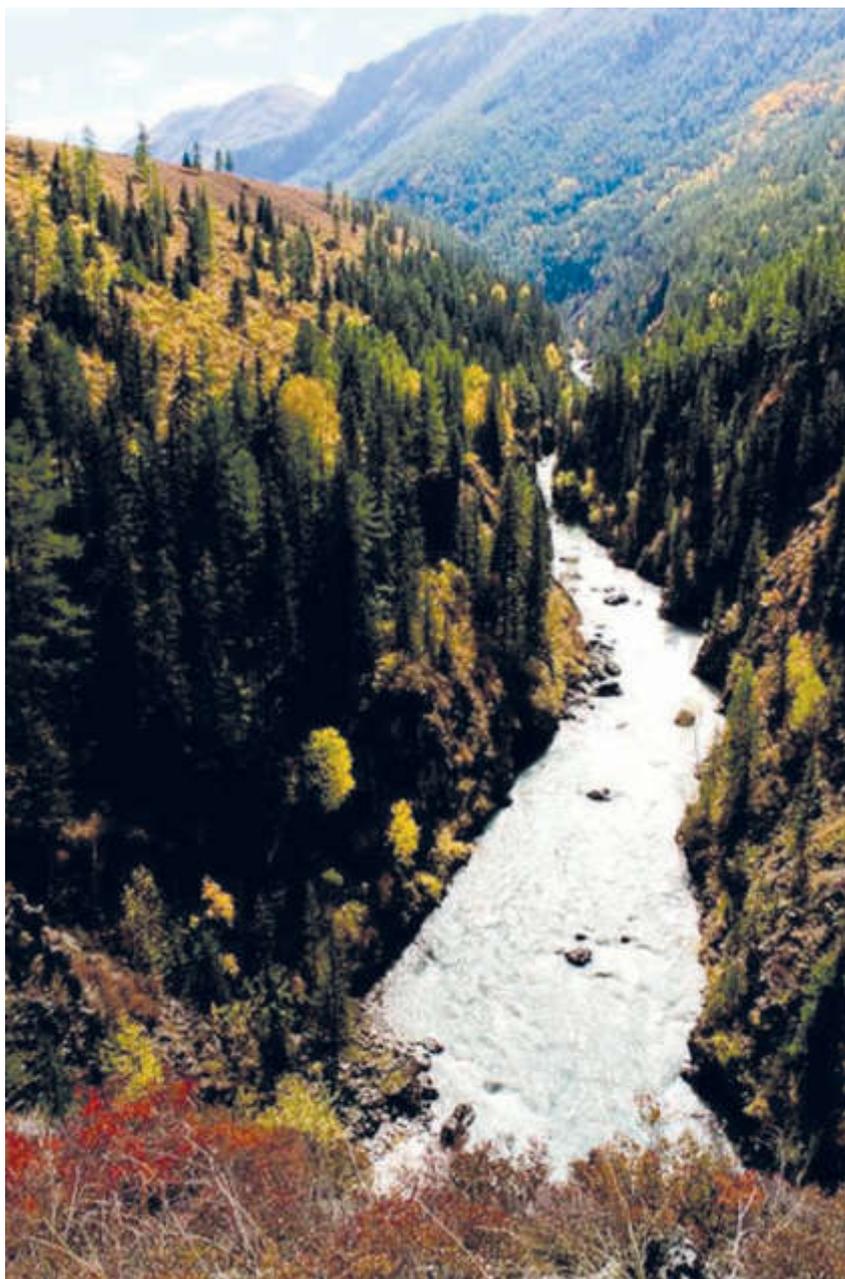
УЛЫБКА ДЕТСТВА

*Улыбка детства согревает сердце
Сильнее ярких солнечных лучей.*

*Пусть порою сумрачно и зыбко,
И небосвод опять заволкло —
Внезапно вспыхнет детская улыбка,
И на душе становится светло.*

*День озарив, улыбка детства светит,
Дает нам столько радости и сил.
И за нее мы все, весь мир в ответе.
Чтоб шквал людской ее не загасил.*

В. Мишулин

Мажойский каскад проходили воспитанники «Синегорья»

Алтай ущелье Казыр 2013 г.

Изостудия «Лукоморье» и клуб «Синегорье» воспитанников детских домов № 9 и № 4 г. Томска. Рук. Валентин Иванович Чупин

*Воспитанница 1944–1949 годов
Елена Германовна Урбан и
Сергей Алексеевич Масунов,
директор Семилуженского
детского дома*

Встреча в Семилужках с ветеранами, май 2010-го года

1 октября 2009-го года — встреча С.Е. Ильиных, зам. Губернатора, с членами Правления в день 75-летия Р.П. Авакумовой, председателя Правления Союза ВДДИ Томской области

1985–2000 гг. — уголок детского дома «Орлиное гнездо»

*Воспитанники детского дома «Орлиное гнездо»
с директором Зоей Георгиевной Барашевой*

Проводы выпускников из детского дома «Орлиное гнездо»

2000 год — воспитанники и педагоги «Орлиного гнезда»

ДИРЕКТОРА

*Директор детского дома
«Орлиное гнездо», г. Томска
Зоя Георгиевна Барашева
1991–2002 гг.*

*Директор детского дома
«Орлиное гнездо», г. Томска
Людмила Николаевна
Дударева 2002–2008 гг.*

*Директор детского дома
«Орлиное гнездо», г. Томска
Алексей Алексеевич Симуткин
2009–2014 гг.*

*Директор
школы-интерната №. 3 г. Томска
Роман Георгиевич Бичикашвили
2002–2014 гг.*

1990–2015 гг. Активисты и Правление Союза ВДДИ Томской области

*Римма Петровна
Аввакумова*

*Полина Яковлевна
Нехорошева*

*Людмила Михайловна
Дружинина*

*Олег Петрович
Колеров*

*Александр Викторович
Давыденко*

*Евгений Николаевич
Евдокимов*

*Николай Александрович
Макар, руководитель
Парабельской организации,
Николай Иванович Долдин
и Галина Петровна
Сартаикова — Председатели
Правления 1992–2002 гг.
и 2010–2015 гг. Союза ВДДИ
Томской области*

*Лидия Павловна
Пичулева*

*Зоя Валентиновна
Чуприна*

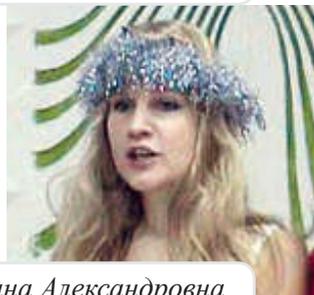
*Надежда Васильевна
Ломакина-Грачева*

*Людмила Кузьминична
Куцилло*

*Татьяна Сергеевна
Кузнецова*

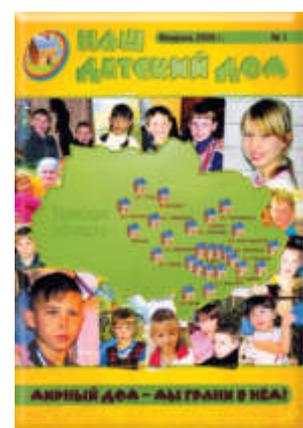
*Светлана Александровна
Черникова*

*Вера Петр. Твердохлебова
и Людмила Кузм. Куцилло*

*Вячеслав Павлович
Данченко*

Воспоминания ВДДИ из брошюр немало ждут публикации

Информация про «ТОМСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — ОБЩЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ФОНДА — РОССИЙСКИЙ ФОНД МИРА»

На ноябрьском собрании 2014-го года Законодательной Думы Томской области высокой награды была удостоена Валентина Васильевна Ермаченко, и ей вручен нагрудный знак Томской области

«Милосердие и благотворительность»

Валентина Васильевна Ермаченко более 28 лет работает исполнительным директором Томского отделения «Российского Фонда Мира», из них более 15 лет — на общественных началах. Под ее руководством в Томской области осуществлялись программы Российского Фонда Мира: «Память народная», «Забота», «Мир и согласие» и многие другие. Российским Фондом Мира ей было доверено организовать сотрудничество с добровольцами — волонтерами штата Техас и штата Западная Вирджиния из США. Более 700 волонтеров побывали в детских домах, школах-интернатах и детских медицинских учреждениях Томской области и г. Томска, оказывая благотворительную, гуманитарную и материальную помощь детям, выполняя ремонтно-строительные работы в детских учреждениях. Активом Томского отделения Российского Фонда Мира и лично Валентиной Васильевной вносится весомый вклад в проведении патриотического воспитания детей.

РАДУГА ЖИЗНИ

Истории строки

Точную дату создания детдома № 1 назвать сегодня трудно. Известно, что в 1920-е годы он работал с детьми дошкольного возраста. Из письма в Наркомпрос от 14.01.1923-го года:

«В целях организации планомерной методической работы и надлежащего руководства массовыми дошкольными учреждениями Томской губернии Губсоцвос просит зачислить в список центральных учреждений дошкольный детский дом № 1 г. Томска.

Названный детский дом — лучший по педагогической работе более отвечающий требованиям гигиены и санитарии. Обслуживает он 60 детей».

В 70-е годы при директоре Лидии Ильиничне Михеевой (с 1964 по 1991 гг.) произошло слияние детских домов № 1 и 3. Теперь это — специальный коррекционный детский дом № 1 для детей-сирот в возрасте от 3 до 7 лет с отклонениями в развитии. Сюда по решению областной психико-медико-педагогической комиссии поступают малыши с проблемами в развитии, с диагнозом ЗПР и олигофрения в степени дебильности. Сегодня в этом дошкольном учреждении проживают 75 детей. Воспитательно-образовательную работу с ними ведут логопеды и дефектологи, педагоги дополнительного образования, инструктор по физической культуре, музыкальный руководитель, психолог, 18 воспитателей.

Работа коллектива детского дома направлена на создание личностно-ориентированной модели воспитания. Взрослый в общении с детьми придерживается правила: «не рядом, не над, а вместе». Его цель — содействовать становлению ребенка как личности. Это предполагает решение следующих задач: обеспечить чувство психологической защищенности, доверие ребенка к миру, радости существования (психологическое здоровье), развитие индивидуальности ребенка, его способностей. Способы общения с детьми — понимание, признание и принятие ребенка таким, каков он есть. Тактика общения — сотрудничество.

Большое внимание уделяется здоровью детей. Здесь для этого есть все условия. Свою роль в оздоровлении детей играет и диетическое семирязовое питание. С 1991-го года директором детдома № 1 является Людмила Сергеевна Глушкова.

Небольшой и по-домашнему уютный домик располагается на ул. Льва Толстого. Здесь намного тише и спокойнее, чем в центре города. В таком же уютном дворике по всем приметам ощущается приближение Нового года. Современная спортивная и игровая площадка украшена снежными фигурами и гирляндами, а в центре ее — красавица елка.

Эту площадку подарил ребятишкам депутат областной Думы Максим Леонидович Коробов. Предпраздничные хлопоты царят и внутри здания. Ребятишки вместе с воспитателями готовят рисунки и поделки, разучивают песни и стихи. Увидев тетю с фотоаппаратом, все разом спешат запечатлеть свои мордашки.

— Наши дети любят фотографироваться, им часто приходится позировать, — улыбаясь, поясняет директор детского дома Людмила Сергеевна Глушкова. Несмотря на свое сиротство и букет серьезнейших заболеваний, в числе которых не только психические, воспитанники детского дома на первый взгляд мало чем отличаются от своих здоровых и более благополучных сверстников. Живые, подвижные, любознательные, развитые. В этом большая заслуга педагогического коллектива образовательного учреждения.

— У нас работают талантливые педагоги, которые занимаются развитием детей, — рассказывает заместитель директора по учебно-воспитательной работе Светлана Александровна Жарникова. — Марина Александровна Сазанова очень хорошо рисует, она ведет кружок рисования. Татьяна Владимировна Войтович работает с глубокими олигофренами и дебилами над развитием моторики руки и речи, усидчивости по творческой программе оригами. Их поделки постоянно участвуют в различных выставках. Вера Семеновна Просекина умело вовлекает ребят в игровую деятельность, все ее занятия проходят живо, интересно. Ребята вместе с нею учатся считать, решать несложные задачи, ориентироваться в пространстве, и все это в форме игры. Людмила Владиславовна Дегтярева с помощью развития моторики руки стимулирует у детей внимание, восприятие, память. Мельникова накопила богатый материал по теме тонально-волевой сферы детей с ограниченными возможностями. Она учит их сопереживать, понимать других, радоваться. Вместе с ребятами Елена Викторовна ведет календарь настроения. Малыши отмечают каждый день в нем определенным цветом, и педагог — уже их внутреннее состояние, знает, в каком направлении с тем или иным ребенком ей нужно работать.

В каждой группе, а их здесь семь, есть прекрасно оборудованные игровой и живой уголки, где ребята тоже приобретают определенные навыки общения и ухода за цветами, хомячками, попугаями, рыбками. Один раз в неделю воспитанники первого детского посещают школу раннего развития в Хобби-Центре, где с ними работают по программе Монтессори. Есть у детского дома друзья и помощники. В их числе — депутат областной Думы Владимир Лукьянович Пономаренко, руководитель областного департамента финансов Людмила Владимировна Смольникова, пастор Томской методистской церкви Елена Валерьевна Чудинова, которая приходит сюда с молодыми прихожанами раз в неделю. Они проводят с малышами занятия, готовят праздничные программы к Новому году и Рождеству.

— Дети ждут их с нетерпением и огромной радостью — рассказывают педагоги. Большое участие в судьбе воспитанников детского дома № 1 принимают американские друзья Джордж Бригман и Мелисса Уилкинс, которые приезжают в Томск вместе с другими прихожанами Объединенной Методистской церкви штата Техас по приглашению Томского отделения Российского Фонда мира. На их деньги сделан ремонт столовой. А импровизированные представления, в которых участвуют все, наряжаясь в костюмы любимых сказочных героев, веселые игры и совместные занятия ребяташки помнят до сих пор и надеются на скорую встречу с друзьями из Америки. Радуга жизни ребяташек этого дома красочна и ярка в любое время года!

ДОМ, ГДЕ СОГРЕВАЮТ СЕРДЦА

«— Ты хочешь, чтобы тебя удочерила какая-нибудь семья?

— Нет, не хочу. В гости к кому-нибудь ненадолго ходить можно, а жить мне и здесь нравится». . . Такой разговор состоялся в детском доме № 4 с Анечкой Маркевич, шустрой девчушкой с ясными глазами на улыбчивом лице. В день нашего знакомства уверенно хозяйничала у кухонной плиты и пекла блины к дню рождения воспитанника Сережи Вологжанина. Все в ней говорило о том, что здесь ей действительно нравится, и чувствует она

себя как дома. Городской детский дом № 4 не только для Анечки, для многих ребят, оставшихся без попечения родителей, на долгие годы стал родным. Окончив школу, получив профессию, обзаведясь собственной семьей и детьми, они продолжают приезжать сюда, потому что уверены: им здесь будут рады, их всегда ждут. Сегодня здесь проживают 90 сирот разного возраста. У них нет главного — родителей, но есть верные добрые друзья: активисты Томского отделения Российского Фонда Мира и прихожане Объединенной Методистской церкви штата Техас из Америки, студенты педагогического и политехнического университетов, и надежда, что в их жизни все будет хорошо.

— С самого начала наш детский дом стал детским домом семейного типа, — рассказывает нынешний директор этого социального учреждения Павел Кириллович Железчиков. — Нередко поступало к нам несколько малышей — родные сестры и братья из одной многодетной семьи. Например, у нас воспитывались 8 детей из семьи Шишлянниковых. Настя поступила в Томский политехнический, Татьяна учится в ТУСУРе, Сергей — в железнодорожном техникуме, в детском доме остался один Костя, он оканчивает девятый класс. Еще у нас пять человек из семьи Вороновых. Старшая, Света, уже замужем, живет и работает в пригороде, часто приезжает в гости. Таня оканчивает 11 класс, Андрей и Михаил учатся в 7 классе. Кстати, Андрей нынче побывал на Кремлевской елке.

— Павел Кириллович, бытует мнение, что детдомовцы во многом уступают домашним детям, у них большие проблемы с поведением и обучением.

— Проблемы, конечно, есть, и серьезные. И с поведением, и со здоровьем, и с социальной адаптацией во взрослую жизнь. Но разве не бывает таких проблем у домашних детей? Да сколько угодно. Не зря ведь говорят: в семье не без урода, хотя там, как правило, два или три ребенка, а у нас их девяносто. Среди них много одаренных, трудолюбивых, просто замечательных детей.

С гордостью родного отца Павел Кириллович рассказывает о своих ребятах. Например, Женя Курятников окончил училище, отслужил на Тихоокеанском флоте на атомоходе

«Томск». Командир корабля, выступая на телевидении, очень хорошо отозвался об этом пареньке. Аня Юлдашева успешно работает в инфекционном отделении 3-й горбольницы и пользуется большим уважением в коллективе. Надя Быданцева учится в коммунально-строительном техникуме, откуда в детский дом пришло благодарственное письмо за воспитание девушки. Лена Алексеева — студентка музыкального училища. В числе немногих она получила приглашение на концерт Спивакова, это тоже своего рода высокая оценка способной ученице. Многие ребята получают высшее образование или мечтают учиться в вузе. Кроме того, они прекрасно поют, танцуют, играют на различных музыкальных инструментах, рисуют, играют в кукольном театре, мастерят красивые вещи из подручного материала.

— Где ваши ребята научились тому, что умеют? — спрашиваю у него, разглядывая выставку детских работ.

— Не секрет, что именно условия жизни и люди, которые находятся рядом и занимаются воспитанием, влияют на формирование личности ребенка, развитие его талантов и способностей, отношение к себе, окружающему миру и учебе. Поэтому в 1998 году, приступив к работе в качестве директора этого детского 1 начал с обновления материальной базы и формирования педагогического коллектива. Перед всеми работниками поставил задачу: умеешь сам — научи детей. Инструктор по труду Галина Васильевна Рядовая, — можно сказать, мастер на все руки, и детей научила шить и вязать. Воспитатель Оксана Федоровна Вялова вместе с ребятами шьет куклы и создала кукольный театр. Музыкальным образованием руководит Людмила Васильевна Диденко. На базе детского дома работает музыкальная школа, где есть возможность заниматься на баяне, фортепиано, флейте, домре, различные кружки и спортивные секции. Ребята активно участвуют в соревнованиях, выставках и концертах, выступают на сцене, им это очень нравится.

Теперь о материальной базе. Начинали с того, что отремонтировали гараж, списали и вывезли со склада старые галоши и валенки. Потом у нас появился американец Билл.

Он работал в российско-американской фирме и опекал детские дома. Этот человек ежемесячно дарил нам по 20–30 тысяч рублей, и наши воспитанники стали одеваться по вкусу, носить модельную обувь и шубы. Ремонт помещений и актового зала, где проходят все мероприятия, удалось провести благодаря поддержке спикера областной Думы Бориса Алексеевича Мальцева и директора Центральных нефтепроводов Рафика Ахметовича Бикбавова, который выделил 30 миллионов неденоминированных рублей.

А потом в детский дом пришла исполнительный директор Томского отделения Российского Фонда мира Валентина Васильевна Ермаченко и, вместе с нею, миссионеры из американского штата Техас Джордж Бригман и Мелисса Уилкинс. Они приезжали сюда три года подряд. Благодаря им здесь теперь есть хорошо оборудованный пищеблок, столовая, душевые комнаты. Они же собрали у себя на родине деньги и подарили детскому дому микроавтобус «Соболь».

— На их деньги лечим детей, — продолжает Павел Кириллович, — пятеро воспитанников прошли лечение в стоматологической клинике «Тверстом», еще несколько детей — дорогостоящее лечение гормональных заболеваний у эндокринолога.

Третья проблема, которую пытается решить директор детского дома № 4 — социальная адаптация воспитанников в обществе, дальнейшее сопровождение выпускников, которые, выйдя из детского дома, остаются один на один со своими взрослыми проблемами, чаще всего не имеют даже крыши над головой.

— Считаю, что наши дети нуждаются в патронировании, в дальнейшем сопровождении в течение некоторого времени, пока они не освоятся в новых жизненных условиях, — говорит Павел Кириллович. — Для тех, у кого нет жилья, необходимо создать социальную гостиницу.

Пока же несколько выпускников продолжают каждый день приходить в свой детский дом, потому что больше некуда, здесь у них есть койко-место, а главное — дети и взрослые, которые стали для них родной семьей.

Истории строки

В 1961 году в г. Томске на ул. Тверской, 74, была открыта школа-интернат № 4, а в 1989 году она была реорганизована в два самостоятельных учреждения: детский дом № 94 и среднюю общеобразовательную школу № 41.

Основателем и первым его директором был Валерий Павлович Мананников. О нем здесь остались самые добрые воспоминания. Он много сделал для становления детского дома и для его воспитанников, стал им добрым другом и советчиком, всегда и везде был вместе с ними. С 1970 по 1998 год детским домом № 94 руководила Елена Михайловна Андриянова. В настоящее время его директором является Павел Кириллович Железчиков.

С самого начала детский дом № 4 стал функционировать как детский дом семейного типа. Из общего числа воспитанников около 50% — дети из многодетных семей и дети-сироты. Выпускники этого социального учреждения получают профессии в системе профобразования, средне-специальных и высших учебных заведениях.

НАШЕЙ ШКОЛЕ — 75 лет!

День вчерашний

До 1930-го года в Томске не было школы для слепых, а таких детей было много не только в городе, но и в крае (тогда был Новосибирский край). В то время попросту не получали никакого образования, главной причиной, которая затягивала открытие школы, было отсутствие специалистов по обучению слепых детей. Тогдашний председатель союзного общества слепых (ВОС) Владимир Дмитриевич Листов попросил директора школы глухонемых (а такая школа уже была в Томске) А.Я. Ляпустину передать ходатайство ВОС в Наркомпрос об открытии школы для слепых детей и командировать в Томск специалиста дефектолога, который бы возглавил это дело. В Томск согласилась поехать сокурсница А.Я. Ляпустиной — Красноперова Августа Сергеевна, которая всю организацию новой школы взяла на себя. Первые занятия

начались в здании ВОС, в маленьком деревянном доме, что находился по переулку Нечевского. Первое время директору пришлось взять на себя обязанности не только заведующей по учебной работе, но и няни, завхоза, кладовщика и кастелянши. Она же занималась подготовкой педагогических кадров. Школа занимала 3 комнаты: в одной был учебный класс, в двух других — спальни мальчиков и девочек. Первой учительницей школы была Евдокия Яковлевна Артемьева. Оповестили население об открытии школы для слепых детей, и к 1 сентября 1930-го года их набралось десять человек. К 1932 году в школе училось уже 30 учеников. Штат школы состоял из двух учителей и двух воспитателей, учителя музыки, няни, уборщицы. А школу возглавила К.М. Орлюкова. Школа была в те годы маленькой, с печным отоплением, ребята самостоятельно пилили дрова и носили уголь. Учащиеся сами обслуживали себя: выдавали продукты, готовили обеды, мыли пол, посуду. Девочки учились шить, а мальчики — слесарить. Первыми учениками школы стали Коновалов Гриша, Бурлицкая Ася, Лепнева Стеша, Мальцева Аня. После школы ребята шли на производство (трикотажная мастерская, вязание) — теперь фабрика ВОС.

30 лет школа занимала помещение на ул. Фрунзе, 26, а затем получила новую прописку на улице Ленина, 147. За 30 лет существования школа пережила много хорошего и трудного. В начале 30-х годов были особенно тяжелые времена, особенно с питанием, хлеба получали 550 граммов в день. В спальнях стояли скрипучие деревянные кровати, из которых ночью вылетали доски, матрасы были набиты соломой. В столовой стояли длинные столы и по бокам скамейки, посуда была металлической. Не было бумаги, тетрадей, всего несколько затертых букварей, а читать нужно было по Брайлю. Это все вспоминает бывшая учительница школы Валентина Александровна Майкова. За бумагой ходили в архив, там давали старые книги, на них писали по Брайлю.

Шли годы, богаче становилась страна. Школа стала получать больше средств. В 1937 году директором школы стала Галина Францевна Лелюхина. Это была энергичная, жизнерадостная,

душевная женщина. Проработала она директором 20 лет. Школа при ней преобразилась: появились новая мебель, посуда, школу подключили к теплотрассе.

Бывший ученик Иван Егорович Гебгардт (сейчас преподаватель музыкальной школы № 2 г. Томска) тепло вспоминает кружок баянистов, художественную самодеятельность, которая была в то время и которая вплоть до сегодняшнего дня остается на высоте. Многие мальчики поступали в музыкальное училище, оканчивали его и работали в музыкальных школах и училищах города. Бывший ученик Борис Галлеев окончил Новосибирскую консерваторию.

День сегодняшний

Для многих незрячих наша школа стала настоящим домом.

Сейчас эта школа-интернат находится на улице Сибирской, 81, в красивом просторном четырехэтажном здании, похожем на театр. Здесь обучаются 160 детей и работают порядка 80 человек персонала. Мы пережили все катаклизмы вместе со страной. Перестройка со своим безденежьем не миновала и нашу школу. В 2000 году школа-интернат находилась буквально на грани закрытия, потолочные перекрытия не выдерживали груза лет — провалились, денег на ремонт не было. Вероятно, коллективу школы-интерната № 33 слабовидящих и слепых детей просто очень повезло, когда вместо опытного, уходящего на заслуженный отдых директора Н.П. Струковой дал согласие возглавить школу Алексей Яковлевич Мударисов. Какие слова он нашел, какие сердечные струны Зии Бажаева он затронул, но группа «Альянс», крупнейший холдинг в нефтегазовом комплексе, выделила деньги на ремонт. Школа превратилась в красивый уютный дом для больных детей. Но здание — это только фасад, школа крепка своим коллективом, специалистами, которые знают как и умеют воспитывать талантливых детей.

Наши девчонки и мальчишки участвуют в областных, окружных, городских мероприятиях, таких как конкурсы «Познай себя», художественного творчества детей-инвалидов в рамках

реализации программы «Одаренные дети», программы «Дети Томской области», летних и зимних спортивных играх, в военно-патриотической конференции «Хроника Победы», Кирилло-Мефодьевском чтении, конкурсе «Томск и томичи на карте мира», Декаде инвалидов, в конкурсе детского творчества «Телефон спасения «01», во II фестивале «Шире круг», в выставке художественного творчества «Мир глазами детей» и многих других. Почетными грамотами, различными подарками были заслуженно награждены ребята школы-интерната. Они — наша гордость и надежда!

ДЕТСКИЙ ДОМ «ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО»

Воспоминания Зои Георгиевны БАРАШЕВОЙ

Кому он нужен? Детям, которые оказались в сложнейшей жизненной ситуации, без попечения родителей. Они были разными, и дети, и дома, на разных этапах жизни общества. До революции в г. Томске были приюты, содержавшиеся на пожертвования купцов Кухтериных, Асташевых, Цыбульских и других благотворителей. А Королев Е.А. за организацию приюта получил орден Святого Святослава II степени. Здесь дети-сироты и беспризорники получали начальное образование, обучались ремеслу, трудились.

В годы Гражданской войны количество детей-сирот и беспризорников выросло кратно, их надо было спасать от голода, преступности. Были организованы дома разного типа, в том числе детские колонии, в которых такие педагоги, как Макаренко, создавали методику работы с трудными подростками.

В годы Великой Отечественной войны детские дома заполнили сироты и эвакуированные дети. Детские дома № № 2, 5, 9, Ягодный, Зырянский, Верти-Кос приняли детей из блокадного Ленинграда. Изможденные, перепуганные, с недетскими глазами дети требовали невероятных усилий директоров

и воспитателей, медиков и нянечек, чтобы вернуться к жизни. Рассказы детей о налетах самолетов, бомбивших детей, о потере матерей в пути леденили душу взрослых. И они делали все, чтобы обогреть и накормить, дать душевный покой детям. Это был их вклад в Победу. В одном из писем отец пишет: «Завтра иду в бой. Не знаю, вернусь ли. Спасибо Вам за сына, помогите ему».

Таких писем было много. Потом с радостью провожали детей, за которыми приезжали родные, но большая часть их осела здесь, в Томской области. Их учили, устраивали на работу, помогали определиться в жизни. Эти дети знали цену жизни, старательны были в учебе, трудолюбивы. У детских домов были подсобные хозяйства, дачи в красивейших местах Томской области. Из их числа вышли директора школ (Калинов А.В.), учителя, врачи, хорошие рабочие и специалисты.

После войны многие детские дома были закрыты: сокращалась потребность в них. Но в последующие годы жителями детских домов стали в основном социальные сироты, то есть оставшиеся без попечения родителей при живых родителях. Это наиболее сложные дети. Я работала заведующей ГорОНО, зам. Заведующей отделом науки и учебных заведений Обкома КПСС, заведующей ОблУНО с 1964 по январь 1991 года. Хочу поделиться воспоминаниями, связанными с жизнью детских домов в эти годы.

Прежде всего, вспоминаю удивительных людей, директоров детских домов № 2 и № 9 Галахарь Нину Иннокентьевну и Андронову Лидию Николаевну. Интеллигентность, образованность и задушевность они вносили в образ жизни детских домов. Чистота и уют, домашняя обстановка с накрахмаленными салфетками и красивыми вазами, чистым бельем, цветами и книгами. В детском доме № 5 работала завучем Ксения Евгеньевна. Я застала ее в пожилом возрасте.

Человек высокой культуры, образованная и душевная, она очень любила детей, и ей платили тем же. Она очень любила театр, и в детском доме все участвовали в домашних спектаклях. Вместе с директором начальной школы № 18 Леухиной

Галиной Афанасьевной, в которой учились дети детского дома, ставили оперы. Дети шили и вышивали, работали на своем подсобном хозяйстве и отдыхали на даче на Басандайке в чудесном месте с видом на реку Томь (сейчас дача снесена, и место заросло). Ксения Евгеньевна, можно сказать, жила в детском доме, уходя иногда к себе домой. Однажды я пришла к ним на новогоднюю елку с маленькой дочкой Мариной. Праздник был чудесный, дети приветливы и веселы. Пора уходить домой, но моя дочь говорит: «Я останусь здесь, здесь так хорошо!»

Много сделали для детей директора Конкордия Павловна Борст и Полина Яковлевна Нехорошева (9 детский дом), Лидия Васильевна Шилова (2 детский дом), Лидия Васильевна Михеева (1 детский дом), Елена Михайловна Андриянова (4 детский дом), Лидия Николаевна Авдюшова (Первомайский детский дом). Радует, что в детские дома после 1991-го года пришли чиновники: Л.С. Лужкова, инструктор Обкома КПСС, Т.И. Шайдо, заведующая Зырянским РайОНО, и создавала Зырянский детский дом, П.К. Железчиков, заведующий Советским РайОНО. Они успешно организовали работу педагогических коллективов и жизнь детей в детских домах. Многие годы отцом и другом, заботливым хозяином был М.И. Никульшин в Тогурском детском доме, который занесен в Российскую книгу Почета как победитель в смотре детских домов.

Время требует постоянного совершенствования форм организации жизни и деятельности детей, оставшихся без попечения родителей. И мы, педагоги, искали их. Идея семейного детского дома была воплощена в 4 детском доме Е.М. Андрияновой и ее коллективом. Дети с радостью восприняли эти перемены. Большие квартиры (не группы, а квартиры, это очень импонировало детям). Мягкая мебель, учебная комната, а главное — жили в них родственники. Затем 9 детский дом был преобразован в семейный, Зырянский сразу при открытии готовился как семейный. Идея патронатного воспитания мне очень близка. Она дает большие возможности подготовить приемных родителей и защитить ребенка, переданного в чужую семью.

В детском доме «Орлиное гнездо» эта идея апробирована успешно, но требует дальнейшего развития.

В Томской области детским домам всегда уделялось немало внимания. Прежде всего сами органы народного образования считали их очень важной составной частью своей работы. М.Д. Шипулин, будучи заместителем заведующего ОблУНО, затем Г.А. Моисеев, А.А. Эфтимович, зам. заведующего ОблУНО, Р.К. Ларичев, заведующий Томским ГорОНО и я сама постоянно бывали в детских домах и знали положение дел в учебно-воспитательном процессе, организовывали областные и городские мероприятия с детьми детских домов, помогали им решать жизненные вопросы, в том числе в укреплении материальной базы. По инициативе ГорОНО в 1960-е и 1970-е годы Томский Горисполком принимает решение о переселении из деревянных зданий детских домов № № 1, 2, 3, 9 в строящиеся здания детских садов на 280 мест и на 140 мест, а детский дом № 9 переезжает в кирпичное здание — крыло школы № 15, переехавшей в новое здание. Отремонтированы дачи детских домов № 1 № 2 на Басандайке, которые расположены в кедраче. Условия для детей значительно улучшились, но проблем еще было много, особенно в питании и материальном обеспечении детей в детских домах.

О существующих проблемах детских домов был проинформирован первый секретарь обкома КПСС Егор Кузьмич Лигачев. Однажды, побывав в школе-интернате № 33 (а проблемы те же, что и в детских домах), он сказал: «Будем писать записку в ЦК КПСС». Я тогда работала зам. заведующего отдела науки и учебных заведений Обкома и получила задание: проанализировать, как обеспечиваются дети школ-интернатов и детских домов на протяжении всех лет Советской власти, и подготовить записку в ЦК КПСС и Совет министров СССР. Подняли мы архивы за все годы — это горы документов. Узнали, что расходы на содержание детей очень мало менялись, хотя цены на продукты, товары и услуги все время росли, что очень много запретов, не позволяющих создать домашнюю обстановку в этих учреждениях. С этой запиской Е.К. Лигачев обратился в ЦК КПСС и нашел там поддержку. Очень скоро было принято постановление ЦК КПСС

и Совмина СССР «о мерах по улучшению содержания и воспитания детей в детских домах и школах-интернатах».

Оно резко улучшило положение детей. Были увеличены нормы питания: разрешалось покупать колбасы, рыбу любую и даже красную икру. Разрешалось покупать мягкую мебель, ковровые изделия и многое другое. Сразу Облисполком целевым назначением выделил деньги на мягкую мебель и ковры. Я вспоминаю, как Анатолий Емельянович Высоцкий, председатель Облисполкома, говорил нередко мне, уже заведующей ОблУНО: «Мы здесь нашли немного денег для детских домов и интернатов». А Лунголу А.И., начальнику управления снабжения Томской области, давал поручения: выделить белую краску в необходимом количестве и другие материалы. И при всем этом оставались нерешенными многие вопросы. Нередко эти вопросы зависели от директора детского дома, от его активной жизненной позиции, его ответственности и инициативы.

Лицо детского учреждения, его проблемы и их решение определяет его руководитель. И главным, определяющим качеством руководителя является отношение его к детям-сиротам, умение организовать их быт и деятельность, умение проживать совместно с ними трудности и радости жизни. Видеть и говорить с ними в рабочие и выходные дни, утром и вечером, уметь слушать и слышать детей, их реальные и придуманные про пап и мам истории.

После ухода в отставку с должности начальник Управления народного образования области в 1991 году я решила организовать Учреждение для спасения выброшенных из нормальной жизни детей. Обком партии и Облисполком отдали базу отдыха для партийных и советских работников на Басандайке «Орлиное гнездо» для такого детского учреждения. Мне надо было реализовать то, что я пропагандировала. И я рада, что именно в детский дом пришла после 26 лет руководящей работы в органах власти и образования. Работа под началом таких руководителей, как Е.К. Лигачев, А.М. Высоцкий, Н.Г. Черкашин, Н.П. Кириллов, научила меня главному — отвечать за свое дело, работать с кадрами и никогда не говорить: не успела сделать.

Эти качества помогли и пригодилось мне в «Орлином гнезде». В феврале 1991-го года на Басандайке, в сказочном месте, на территории 10 га, где когда-то купец Кухтерин основал свою заимку, мы начали создавать свою маленькую страну — детский социально-оздоровительный центр (ДОЦ) для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Сразу нагрянули пожарники и санэпидстанция — надо было менять все, чтобы принимать детей. Электрические провода шли по деревьям — их уложили в землю (на площади 10 га!), ремонтировали помещения, переделывали обстановку...

А новые депутаты-демократы 1990-х годов тоже часто нас навещали: интересно им было посмотреть базу отдыха высоких партийных и госчиновников. Удивлялись: это и есть дачи обкома КПСС и Облесполкома?! Да, они и есть: два кирпичных здания и около 20 деревянных, еще Кухтеринских, домика, в которых только летом отдыхали наши дети. И еще эти домики летом сдавали отдыхающим. Это помогало нам здорово, потому что, наверное, все помнят 1990-е годы, когда не было денег на одежду и продукты, нечем было кормить детей и не во что было их одевать. В эти сложные годы особенно важно было найти помощников, людей, чувствующих боль других. Их у нас было много: и руководители разного уровня, и простые люди, которые везли и несли одежду, картошку и овощи, варенье и соленья и т. д. Попечительский совет, который возглавлял Н.П. Кириллов, сыграл большую роль в становлении этого уникального детского учреждения.

Решая трудные хозяйственные дела по созданию базы, надо было сформировать коллектив с обостренным чувством сострадания к обездоленным детям. Верными моими помощниками были З.Г. Незнамова, а потом Л.В. Рязанова. Нам удалось создать хорошие условия для детей: оборудовать квартиры, медицинский блок, стоматологический кабинет, швейную мастерскую с японскими машинами, построили гараж и небольшой автопарк. И в это дело большой вклад внесли ротарианцы — через Томский Ротари-клуб начиналась дружба с Кэролин Джонс, лидером международного ротарианского движения. Это особая страница

в истории нашего Центра беспризорников, а впоследствии — санаторного детского дома. Не представляю себе «Орлиное гнездо» без А.М. Татаркина, который работал со дня основания. Он был грамотным инженером, по штатному расписанию числился рабочим по обслуживанию электроэнергетического хозяйства, в котором 5 электростанций, 4 скважины и все внутренние сети электроснабжения и водообеспечения. Это он обеспечивал бесперебойную работу всех систем и создавал комфортные условия жизни и деятельности для воспитанников.

Без заместителя директора по АХР В.А. Котовой, которая знала размеры обуви и одежды всех детей и одевала каждого ребенка индивидуально. Умные и добрые воспитатели создавали главное в детском коллективе — атмосферу добра и взаимного доверия между взрослыми и детьми. Кто этого не мог делать — тот уходил.

Здесь я погрузилась в такую пучину детских страданий! Мы работали первые годы в режиме детприемника. К нам приводили детей и днем и ночью, без направлений. Мы здесь их мыли, сжигали их одежду вместе с паразитами, мазали и лечили головы (понятно почему). И после изолятора они уходили в семьи «Орлиного гнезда». Однажды ночью привезли трех мальчишек. Мать их оставила на остановке автобуса в с. Мельниково в 40-градусный мороз. Один из мальчиков долго ловил волос, который ему мерещился. Трех детей привезли из Тегульдета, которых мать кормила комбикормом и держала в подполье. Один, уже старшенький, мальчик рассказывал мне, как они воровали — как поэму читал! Мы понимали, что это таким был мир многих обездоленных детей. И погружали их в этот мир родители, потому что требовали приносить домой ворованное. А не приносили — тогда их били. Об этих детях можно рассказывать долго. Сколько же мы видели искалеченных судеб! И если бы им вовремя мы не помогли, то многие из них погибли бы. И у самих детей родилась идея — назвать наше место обитания «Островом спасения». В ДОЦе «Орлиное гнездо» было до 100 детей. Нам надо было определить педагогические и медицинские постулаты, найти особые подходы к общежитию детей.

Лучшим помощником нашим стала Природа, она сама по себе успокаивала детей и лечила их недуги. Часто можно было видеть ребенка, сидящего у большой сосны, особенно в первое время его пребывания в Центре. Видно, обдумывал свои проблемы. Поэтому для нас стало важным научить ребенка ценить и беречь природу. Родился первый закон ДОЦа: «Не ломай деревья, не рви цветы, не разорь гнезда птиц, не убивай птиц и животных». Экологическое воспитание детей для нас стало одним из главных направлений и давало хорошие результаты. Как-то приехали к нам дети одной из школ и начали рвать цветы на поляне, а наши дети уже кричат: «Они что? Дикие?!» Второй закон: «Не обижай ребенка!» требовал ежедневной и ежечасной работы от педагогов. Нам удалось вселить в детей уверенность в их безопасности на территории «Орлиного гнезда». Любая попытка решить вопрос силой встречала отпор всего детского и педагогического коллектива. Дети учились проживать вместе с родственниками и заботиться о младших детях. Вспоминаю наши выходы в театр, когда взрослые парни несли на руках и плечах малышей.

Очень важно в детском доме создать позитивное настроение, потому что оно лечит души и сердца детей. Мы нашли свой «конек» — ПРАЗДНИКИ. Это они помогали нам в каждом ребенке открыть свою возможность влиться в общее дело, раскрыть свои душевные качества и выполнять хоть маленькую роль в коллективе. Каких только праздников мы ни проводили! Праздник Берендея, Лучшая Баба Яга, День Нептуна, День Юмора и День Сказок, Дни Высоцкого и Есенина, Юбилей Томска в костюмированном спектакле и песни у костра, Ансамбль русской народной песни и т. п. Фантазия ребятишек нас радовала. Мы, педагоги и работники Центра, проживали события эти вместе с детьми: читали стихи и танцевали, купались и загорали на пляже, ходили на лыжах по нашей лыжне и ходили в гости друг ко другу, а дети учились накрывать стол и принимать гостей. Я любила приглашать детей на чай и проводить разговоры по душам после ужина. И еще мы все много пели. Был культ песни. А еще нас сближал ремонт квартир, когда дети и воспитатели наводили порядок, создавали

красоту и уют, неповторимость разных комнат. Совместная деятельность формировала особый микроклимат, который не могли изменить вновь поступающие подростки, а осваивали его и начинали жить по нашим правилам.

Для меня как для директора очень важно было создать в «Орлином гнезде» условия для самовыражения воспитателя и его творческих возможностей. Этому способствовали творческие отчеты педагогов и педсоветы — диспуты, открытые дни групп и семинары по психологии с участием ученых, конкурсы «Воспитатель детского дома». А как болели за своих воспитателей дети, как переживали, это надо было видеть!

Каждый воспитатель руководил либо кружком, либо клубом для всех желающих заниматься интересным делом детей. Так, Е.Б. Коровина и Т.А. Котенева вели театр и «Пресс-центр», газету «Калейдоскоп», Л.Е. Узolina и Н.И. Кукушкина вели клубы по интересам. Потрясающие картины вышивать научили девочек В.С. Вшивкова и Л.М. Изосимова, Т.Л. Харитonenko поражала ребят знаниями о городе Томске и прививала любовь к нему. Т.В. Перевалова учила девочек не только навыкам шитья, но и формировала вкус красиво одевать себя. С.В. Коломина учила искусству, как быть хорошей хозяйкой. А.К. Пичугина, И.В. Еремкина и Е.Ю. Сартова со своими малышами — дошколятами формировали семейную атмосферу в ДОЦе путем участия их в бесконечных разнообразных спектаклях, шуточных выступлениях, которые любимы жителями «Орлиного гнезда».

У нас была главная педагогическая цель:

«СОЗДАТЬ УСЛОВИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ, СПОСОБНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНО СТРОИТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ ВНЕ ДЕТСКОГО ДОМА»

Мы к ней шли совместно с нашими детьми. Перед ними ставились вопросы: что надо уметь и иметь, чтобы стать успешным, чтобы не попасть в число 80% (по статистике — столько несостоявшихся выпускников детских домов). Во-первых, нужны знания и документ об образовании. Значит, надо учиться в школе как можно лучше. Мы старались дать им среднее образование.

И пусть далеко не все пошли поступать в ВУЗы и Сузы, но учебные заведения и профессию выбирали более осознанно. Далее, говорили мы, надо получить специальность или профессию, и для этого предлагали занятия в клубе «Выбор», который помогал им ознакомиться с профессиями.

Многое в жизни детей зависит от умения общаться с другими детьми и взрослыми, значит, надо этому их научить. Поэтому были созданы клубы «Учись общению» и «Этикет». Чтобы готовить законопослушного ребенка, обучить его правовой грамоте, мы создали клубы «Человек и закон» и «Самоопределение». Что такое семейный бюджет, как построить семью благополучную, как обустроить свое жилье и многие другие вопросы, обсуждаемые нами, помогали выстроить у ребенка систему ценностей, смоделировать его поведение вне детского дома. Такая система воспитания и образования, благоприятный климат в коллективе и многие общения с детьми давали положительные результаты. Дети были отзывчивы, гостеприимны и свободно общались.

Это позволило нам расширить круг общения детей и сотрудничать с «Домом природы», с клубом «Кедр» и городской библиотекой, с театрами и спортшколами, с «Хобби-центром» и другими организациями, которые неравнодушно относятся к ребятам из детского дома. Ребята были дружны и надежны в походах и поездках, которых было у них множество: Байкал и Хакасия, Тянь-Шань и Саяны, города Москва и Петербург, лагеря «Океан» и «Орленок». Руслан рассказывает, что, когда показывает друзьям свой альбом с фотографиями (каждому ребенку дарили альбом и наполняли его на протяжении всех лет до выхода из детского дома), то они удивляются, говоря, сколько вы повидали всего! Во многих походах с ребятами была наша неутомимая путешественница Валентина Никитична.

Трудом наши дети не были обижены, так как огромная территория «Орлиного гнезда» не позволяла расслабляться, ее уборкой занимались дети летом и зимой, трудились на огороде и на прополке кедровника по договору. С интересом девочки занимались пошивом постельного белья, а ребята — ремонтом не только

своих квартир, но и все вместе выполняли с охотой работу на кухне и многое другое. В трудовых книжках ребятам отмечали результаты их труда, иногда платили зарплату. Конечно, маленькие деньги, но учились тратить их с умом. Это для ребят было важным событием: все обсуждали, кто получил, что и за сколько купил.

Большое внимание мы уделяли здоровью детей. Для этого был организован физиокабинет с современным оборудованием, стоматологический кабинет, баня и лыжи для всех, массажист и психолог для недужных. Лечение и оздоровление, профилактика заболеваний и закаливание, просветительская работа, и все это делали на протяжении 15 лет врачи М.Ю. Барашева и В.Н. Бофт со своими помощниками.

Совсем недавно педагоги снова собрались и встретились с выпускниками «Орлиного гнезда». Встреча была незабываемая, много говорили о жизни и судьбе выпускников. Радует, что почти все ребята определились в жизни, карабкаются и цепляются за жизнь, хотя и много трудностей встречают на своем пути. Трое из выпускников уже работают в школах области после окончания пединститута, двое еще учатся в вузах, многие окончили фармацевтиче и педагогический колледж, техникумы и училища. Работают на предприятиях и в организациях, снимают жилье, многие создали семьи и имеют, воспитывают детей. Коля построил свой дом.

Все это говорит о том, что не зря живет этот детский «Остров спасения», жил и продолжает жить. Выпускники тянутся к этому дому и со многими воспитателями поддерживают теплые отношения. Им сейчас нужна наша поддержка, наша заинтересованность в их судьбе, наш опытный совет или просто понимание их состояния в нашей сложной перестроенной жизни.

О жизни детского дома «Орлиное гнездо» могут рассказать альбомы и видеокассеты, выполненные воспитанниками. А главными операторами съемки событий нашего коллектива были я и Коля, наш выпускник, и теперь сотрудник и хранитель всех тайн «Орлиного гнезда».

ПИТОМЦЫ ДОБРОГО ДОМА

Таисия Гавриловна ТРИФОНОВА,

завуч детского дома

Тогурскому детскому дому исполнилось 80 лет 7 августа 2013-го года — Большой Юбилей родного дома многих сотен ребят! Сначала это был дошкольный детский дом, в тяжелые годы войны он стал смешанным, а впоследствии — только школьным. В канун юбилея территория детдома выглядит необычно: ее заполнили солидные мужчины и женщины, которым далеко уже за сорок лет. С ними дети и внуки, которых они привезли посмотреть, где прошло военное детство их отцов и матерей, дедушек и бабушек.

Вот что пишет Валентина Тимофеевна Исакова, педагог: «Я благодарна своему детскому дому за то, что он вернул нам детство, которое хотели уничтожить фашистские захватчики. Мы никогда не забудем праздники, дни рождения, которые организовывали в нашу честь, встречи Нового года и Деда Мороза с его вместительным мешком с подарками, шефов — женщин Тогура — спасибо им всем за материнскую заботу и теплоту».

Таких писем приходит в эти дни немало. На юбилей приезжают со всех концов страны. Приедут и сестры Медведевы, Валентина Михайловна и Мария Михайловна. Война разлучила их на долгие годы. Благодаря случайности и похожести друг на друга девочки теперь вместе и не мыслят жизни порознь, как и их дети.

На празднике — самые первые (выпуска 1939-го года) питомцы Тогурского детского дома Виктор Михайлович Маркелов, инженер из Абакана, Надежда Федоровна Куликова-Трифонова, доярка колхоза «Искра Ильича», Мария Николаевна Дорофеева-Жданова, рабочая Кетского лесосплавного участка.

Приехали в свой родной дом и наши серебряные юбиляры: 25 лет назад они окончили 10 классов Тогурской средней школы и вышли из детского дома на большую дорогу жизни. Их было

14 человек, самый большой выпуск детского дома за послевоенные годы. Раньше всех из них приехала и помогала готовиться к празднику Юлия Ивановна Трифонова-Поросятникова, методист дошкольного воспитания в г. Москве. Юлю привезли в детдом из деревни Тискино в годы войны. Дома остались большая семья и больная мать, кормильца лишились — отец погиб. Братья и сестры несовершеннолетние должны были зарабатывать себе на хлеб в колхозе и ухаживать за больной мамой. На семейном совете было решено, что маленькой Юле в детдоме будет лучше. И не ошиблись. На протяжении всех лет Юлия хорошо училась, много лет была председателем детского Совета, пионервожатой и лучшей юннаткой. После десятилетки она окончила педагогический институт, сейчас сама воспитывает детей и растит дочь Оленьку.

Приехал и Володя Березин, юрист из г. Волоколамска Московской области. В начале войны у него умерла мать. Отец Артемий Данилович Березин добровольцем ушел на фронт. В детский дом он привез троих детей, двух мальчиков и девочку. Самому маленькому, Володе, было 3 года. И вот сейчас Владимир Артемьевич привез всю свою семью — сына, дочь и жену. Тепло встретил их детский дом. У детей Володи впереди будет много впечатлений. Так, они увидят своего папу шестилетним, исполняющим композицию «Коробейники» в фильме о детском доме 1947-го года.

Все, что вы увидите из художественного оформления в музее и на территории детдома, создано руками нашего художника Юрия Алесандровича Кейнера. Нелегкое детство было у Юры, да и в годы после детдома жизнь его не баловала. Но с помощью хороших людей Юра стал настоящим человеком. Он стал художником-архитектором, под его руководством работает большая группа художников. Юрий — хороший семьянин, живет в г. Перми.

Приехал и Виктор Петрович Холодов, партийный работник из г. Новомосковска Тульской области. Витя вырос в детском доме и всегда был в курсе всех мероприятий. Когда был воспитанником, то возглавлял звено овощеводов, был лучшим юннатом

и участником ВДНХ. Это Витя создавал богатую библиотеку в детском доме и вел ее на протяжении многих лет. Участник художественной самодеятельности, вожак комсомольцев — таков был всегда деятельный Витя Холодов. Вот и сейчас всю ответственность подготовки к юбилею детдома он взял на себя. Составил программу и сценарий Слета выпускников, установил связь с бывшими воспитанниками, ведает деловой документацией и оформлением территории музея.

Вот мы и дождались праздника!

С большим волнением мы, все бывшие и настоящие работники, воспитанники и сотрудники детдома, встречаем своих бывших детей. Приятной и теплой встречи вам, дорогие питомцы Тогурского детского дома!

И ТРУД БЫЛ В РАДОСТЬ...

Мария Михайловна БАЗУЕВА,

педагог-воспитатель Тогурского детского дома 1942–1968 гг.

В разгар войны я пришла работать в детский дом. Дали мне группу детей в возрасте 3–4 лет, у которых отцы были на фронте, а матери умерли или тяжело болели. Очень жаль было нам, воспитателям, этих малышек. Вспоминаю, как в банный день мы с няней Ольгой Мурзиной заворачивали детишек в одеяла, носили в баню и мыли, потом снова укутывали и уносили в кровати.

Зимой ходили на заготовку дров для детского дома. Иногда нам привозили из тайги нераспиленные сухие лесины, и мы их пилили, кололи, а дети помаленьку носили дрова к печкам. На такую работу-прогулку ребятишки шли с большой охотой. Но не всей группой ходили, так как валенок давали 3–4 пары на группу. Пока те, кто в валенках, помогали взрослым, то остальные по очереди смотрели за ними в окно.

Воспитателям, конечно, было легче выполнять хозяйственные работы самим, без помощи детей (а детдом с 1933 по 1943 годы был дошкольным). Но мы понимали, что, проявляя

жалость к сиротам и всяческую заботу о них, необходимо постоянно приучать их к труду. Вот и придумывали разные игры, помогающие детям усваивать трудовые навыки. К примеру, ребяташки любили «собирать грибы». Вот как это было. Выходили они летом на прогулку. Делились на группы по 5–7 человек. Каждая группа получала легкую, плетеную из осиновых прутьев корзиночку и собирала в нее «грибы»: щепочки, веточки, камушки и прочий мусор на территории детдома. Затем вместе со мной дети пересчитывали собранные «грибы», перекладывали в большую общую корзину, которую я затем уносила. Каждый ребенок старался собрать побольше «грибов», и, таким образом, территория у нас всегда была чистой.

Когда в детском доме появились ребята повзрослее, то назрела необходимость менять систему трудового воспитания. От игр перешли к серьезному труду. Педагогический коллектив договорился с Нарымской селекционной станцией о проведении различных опытов с овощами и картофелем с участием детского дома. Вскоре мы подружились и с работниками Томского Ботанического сада. Каждый воспитатель стал руководить определенным направлением растениеводства. Ребята со 2 по 10 классы разделились на звенья овощеводов и цветоводов, садоводов и зерноводов, картофелеводов. Позднее появилось и звено животноводов. Все это было делом новым. Конечно, на своем домашнем огороде мне приходилось выращивать овощи. Но чтобы увлечь детей не просто огородничеством, а еще и опытной работой, нужно было многое знать. И я, как и мои коллеги по детдому, принялась изучать специальную литературу. Я выбрала овощеводство. Мы с ребятами подготовили участок земли, разметили его по соткам, определили, кто какую культуру будет выращивать. Для ребят я провела несколько занятий по технологии выращивания овощей. Только потом мы приступили к подготовке семян для посева (элитные семена нам дали на селекционной станции).

С какой заинтересованностью трудились ребята на своих участках! Каждый старался, чтобы его участок был самым ухоженным — ведь на делянках стояли указатели с именами

«хозяев». Ставили опыты: влияние прищипок на урожай огурцов, пикировки рассады на урожай томатов и тому подобное. Ребята увлеченно занимались всей этой работой, и их старания быстро дали отличные результаты. Специальная группа нарымских и томских агрономов приезжала в Тогур, чтобы на месте убедиться в достоверности полученных плодов. Завесили урожай с одного куста томатов — 12 килограммов! Один рекордный помидор «потянул» на 980 граммов — редкий случай для нарымских северных условий земледелия. Такой урожай вырастил учащийся 3 класса Витя Холодов (поэтому потом он окончил биологический факультет Томского пединститута). Юра Голещихин вырастил высокий урожай огурцов. Алеша Долгов добился, чтобы у него на участке созрели арбузы, хоть и маленькие они были, но вкусные, и сколько вызвали восторгов у ребят. Гена Волков собрал на плодовом участке 100 килограммов крупных яблок «белый налив».

Овощи и ягоды, фрукты и цветы, выращенные воспитанниками детского дома, удивляли посетителей на выставках в Тогуре, Колпашеве и Томске. А в 1954 году юные мичуринцы нашего детдома за свои достижения были приглашены в Москву на открытие Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, ВДНХ. И все ее 18 участников были награждены медалями. Тогурский детский дом еще 5 лет участвовал в этой выставке.

Работа на сельскохозяйственных участках детдома стала главным направлением в трудовом воспитании детей. Но не только это было важным. Выращенные овощи и фрукты, ягоды и картофель разнообразили питание детей, особенно в праздничные дни. А море красивых цветов радовало глаз, создавало чудесное настроение и эстетически воспитывало ребят. Творческий труд и его результаты для нас и для детей были в радость!

НАШ ДОБРЫЙ ДЕТСКИЙ ДОМ

Полина Яковлевна Нехорошева — директор детского дома № 9 г. Томска и выпускница послевоенных лет О.В. Нелюбина

«Нет в жизни задачи более благородной и благодарной, чем забота о подрастающем поколении, о судьбах маленьких людей, когда речь идет о судьбах трудных, трагических, кого судьба привела в детский дом».

Из телеграммы писателя Альберта Лиханова, председателя оргкомитета Всесоюзного детского фонда имени В.И. Ленина.

Директором детского дома № 9 г. Томска с 1 сентября 1982-го г. назначили меня, и я приняла детский дом от Борст Конкордии Павловны, которая проработала в нем 38 лет с 1944-го г. Трудилась здесь я до 26 июня 1989-го г. Завучем был Девяшин Н.Э., пионерской вожатой была Пурина-Савельева И.Г. Впоследствии она стала завучем, а пионерской вожатой — Хисаметина В.В. (теперь Типсина и живет в Колпашево, работает в школе № 1).

Работа директора — круглосуточная, беспокойная, мало оплачиваемая, трудно управляемая. Но все это окупается, когда видишь веселые лица ребят. В детском доме было 152 человека, из них 15 человек (10%) — дети-сироты, а остальные — дети, родители которых лишены родительских прав. Детский дом № 9 — разновозрастной, смешанного типа. Дети приняли меня

хорошо, много и откровенно рассказывали о своем трудном детстве. И начались у меня бессонные ночи и беспокойные дни... За все годы работы директором мне не удалось выспаться.

Тусклые страницы детства, режим замкнутости педагогических чиновников убивали самостоятельность воспитанников и воспитателей, способности к творческим взлетам. Дети убегали домой к родителям, И все-таки я была уверена, что, если получится единая, дружная семья детей и работников детского дома, мы все одолеем. И начались шаги к самостоятельности, к саморазвитию детей. Ведь ребенок не может развивать свои способности при режиме замкнутости. Были и огород, закрытая под сургуч дача в д. Куташово, уроки труда, музыки, доброта людей, духовные контакты со взрослыми, общение с шефами.

Начали с ремонта дачи. Надо было оштукатурить более 1000 кв. м, т. е. стены и потолки, заменить полы. В этом помогли шефы: ДСК привозил раствор, манометровый завод обеспечивал инструментами (для нас ими сделано 100 железных молотков разных размеров). Старшие дети (6–8 классы) оббивали дранкой все стены и потолки. Студенты строительного отряда «Венсеремос» штукатурили. Случалось, правда, что раствор привезут — студентов нет, студенты пришли — раствор застыл, но мы выходили из этих трудностей, размешивали раствор ногами с Волковым Мишей. Хотя к концу ремонта штукатурки (раствора), наверное, больше было на полу, чем на потолке, но за июнь–июль ремонт был сделан, и уже в августе дети отдыхали на своей даче, а в сентябре пользовались ею, т. к. в д. Куташово у нас было подсобное хозяйство. Когда убирали урожай овощей и картофеля, то отдыхали и питались на даче. Каждый день приезжали на автобусе с песнями. Вспоминаются такие песни:

*«Ты да я, да мы с тобой,
Здорово, когда на свете есть друзья,
Если б жили в одиночку,
То уже давно бы на кусочки
Развалилась бы, наверное, земля».*

*«Родной детский дом. Начало начал
И в жизни моей Надежный причал...»
(переделанная песня «Родительский дом»).*

Очень дети любили песню «Снежанка»:

*«Что такое снежанка? Что такое снежанка?
Я ответить вам смогу. Это ягода такая,
Это ягода такая, Это ягода такая,
Что искрится на снегу...» и песню «Дуба дам».*

Урожай был на славу, поэтому настроение у всех было хорошее. Ребята полностью обеспечивали себя овощами до лета (до нового урожая). Засаливали капусту, засыпали полные закрома в овощехранилище картофеля, свеклы, моркови. Учителя школы № 15, где учились наши дети, отпускали их на 4 дня с 6 класса на уборку урожая. Природа на даче чудесная: шепчутся белоствольные березки (хотя их было мало), в 100 метрах — речка Ушайка и могучие сибирские красавцы кедры, по которым дети любили лазать, собирать лакомство — шишки. Любили дети собирать и ягоды, и грибы. Иногда выезжали за границы дачи и привозили фляги с ягодой: смородиной, малиной, черемухой. Сколько было радости!

В детском доме хорошо была поставлена пионерская работа. Часто девизом пионерских сборов и заседаний детсовета были слова из песни «С голубого ручейка начинается река, ну, а дружба начинается с улыбки». Дети часто пели эту песню. Много проводилось бесед, сборов, встреч с людьми разных профессий, чтобы дети могли выбрать свой путь после выхода из детского дома, путь, который им нравится, который они сами выбрали.

Хорошую здоровую жизнь в детском доме нам помогали налаживать шефы: ДСК (начальник Лебедев Леонид Николаевич), манометровый завод, ПАТП-1 (начальник Старовойтов Иван Иванович), студенты пединститута, строительный отряд «Венсеремос» (командир Гусев Миша, теперь он глава администрации д. Вертикос Каргасокского района), Попечительский совет детского дома (председатель Малащук В.Н., заместитель Околелов В.Ф.) и Управление КГБ по Томской области.

*1987 г. На встрече школьников детдома № 9
с художником Кондратьевым А.П.*

На даче в д. Куташиово

С Днем Победы поздравляет хор детдома

В фойе здания детдома

На лыжах: готовы к старту!

К шефам собирались в гости

Гости на празднике Нового года в детском доме № 1 г. Томска

День старшего поколения в Союзе ВДДИ Томской области. 1 окт. 2009-го г.

Шефы не только помогли отремонтировать дачу, но и заасфальтировали дорогу на дачу, установили спортивные снаряды, провели электричество, телефон, построили игровые площадки. В городе по ул. Сибирской, 81а, где находится детдом № 9, они помогли построить чудесную детскую игровую площадку «Детский городок», где и дошкольники, и школьники играли в футбол, баскетбол, волейбол, теннис и другие игры. Хорошо была оборудована трибуна для болельщиков, а их всегда было много, даже дети из соседних домов приходили к нам играть и «болеть».

А сколько было встреч детей с работниками предприятий и учреждений! Помогали они одевать детей, учить их вести подсобное хозяйство, воспитывать всесторонне развитых, активных строителей своего Отечества. Большое им спасибо! Низкий наш поклон от всех воспитателей и детей, всех работников детского дома.

В ответ на всю эту заботу, теплоту, добро дети «оттаивали», становились добрее. С большим желанием дети «закладывали» сад. Посадили 10 соток виктории, 30 соток смородины и малины, 20 кустов облепихи вокруг виктории, мечтали о яблонях. Всего земли было 9 га.

В городе, в детдоме, тоже делали ремонт: перестроили спальни, на первом этаже оформили стенды, сделали пол из мраморной крошки, оформили столовую. Во всем и всегда помогали дети. В коридоре на стендах были написаны обязанности и права воспитанников, обязанности дежурного по детскому дому, состав детсовета, план его работы на месяц и выполнение плана, разное: поздравления, благодарности, замечания. А какие чудесные стенгазеты дети выпускали вместе со студентами!

Наши законы:

- Учеба — главный труд.
- Будь честен и справедлив.
- Не обижай младших, защищай слабых.
- Трудись на совесть, будь опрятен.
- Будь активен в жизни детского дома.
- Научись сам, научи других.
- Детсовет — всему голова.

Наши традиции:

- Раз в год проводить День самоуправления.
- Каждую последнюю субботу каждого месяца проводить День именинника.
- Старшие шефствуют над младшими.
- Лучшие воспитанники-старшеклассники дежурят на вахте и по детскому дому.
- Каждый год переизбирать детсовет; детсовет заседает два раза в месяц.
- Поздравлять шефов к знаменательным датам.
- На сборы, беседы приглашать воспитателей, работников — ветеранов детдома № 9 и бывших воспитанников детдома.
- Ежегодно 2 июня работники детдома разбирают детей по домам.
- Под Новый год варить пельмени, их делают сами дети.

Решения детсовета выполнялись беспрекословно. Например, чтобы меньше было побегов из детдома, решили, что письма, которые присылают родители, друзья, знакомые (часто призывавшие к побегу), сначала будут прочитаны директором и лишь потом выданы детям после соответствующей беседы (гарантируя тайну). И никто не спорил с таким решением, хотя, возможно, и не все были с ним согласны. Дети часто советовались со мной, как поступить, какой дать ответ на письма. Всю работу под руководством завуча детский совет направлял на борьбу с второгодниками, на улучшение учебы и дисциплины среди воспитанников.

По традиции, в первую неделю августа (пятницу или субботу) в честь Дня строителя поздравляли своих шефов — ДСК. Иногда собственным сочинением. Строительные частушки:

*Строим дом-малосемейку,
Встало девять этажей.
Если счастлив — то надейся
Получить квартиру в ней.
Завершится скоро стройка.
Набирает цвет сирень.*

*Порывался ветер бойкий
Разъяснить рабочий день.
Много внутренней работы,
Разгулялся мастерок.
Строим дружно дом добротный,
Хорошо бы сделать в срок!..*

Гордились дети и музеями имени Ф.Э. Дзержинского и В.И. Ленина. Кроме материалов о Ф.Э. Дзержинском и В.И. Ленине, в музеях хранились работы воспитанников прошлых лет, проходили выставки творческих работ детей, которые жили в детдоме. Проблем было много в детском доме. Главная из них — как сделать, чтобы дети не убежали из детского дома?

Каждый из детей — своеобразный, неповторимый, уникальный, каждый растет, развивается, меняется, влияет на других и находится под их влиянием. Большое значение в воспитании детей имел детский совет. Через детский совет прошли: Кузьмины Лена и Наташа, Трофимовы Валя, Клара, Коля, Жукова Ира, Трифоновы Лариса и Наташа, Мензоровы Владимир и Ирина, Денисенко Виталий, Данилова Ольга, Бортвины Светлана и Галина, Сытик Наташа и Женя, Плисовских Толя, Аня, Кононова Лена, Смолковы Владимир и Надежда, Аулова Галя, Кулагины Игорь и Наташа, Вавилова Марина, Никитина Тамара, Кулеева Света, Чубис Лена, Задорожные Сергей и Андрей, Полещук Наталья, Севостьянова Татьяна.

Почти в каждом селе Томской области мы побывали с шефами из КГБ, т. е. в тех селах, куда убежали наши дети, беседовали с родителями, с их соседями, привозили (возвращали) детей в детский дом. Иногда и оставляли детей на день—два, а потом они возвращались сами, убедившись в том, что родители ведут неправильный образ жизни, в доме грязно, есть нечего.

Однажды на детсовете, а затем и на линейке я объяснила, что не имею права отпускать их домой к родителям. Зачитала приказ заведующего ГорОНО Ларичева Роберта Капитоновича (очень грамотный, добрый человек, требовательный и заботливый; он часто бывал у нас в гостях, беседовал с ребятами), объяснила детям, что может случиться с ними и со мной. Дети стали подбрасывать

мне записки под дверь, где писали, что они убежали к родителям или к родственникам, указывали цель, адрес, когда вернуться. Потом стали подписывать, что правила дорожного движения знают и будут их выполнять. Почти все сдерживали свое слово и возвращались в детдом сами своевременно. Уже в 1987–1989 гг. у нас не было детей, состоящих на учете в милиции и в инспекции по делам несовершеннолетних. И никто не курил дома, и даже вне его курили единицы, за компанию. Я доверяла им, верила в каждого воспитанника, не выделяла любимчиков. Помнила всегда, что сделай сто раз добро, и он, самый ледяной, оттает, станет добрее. Драма в том, что не можешь уделить достаточно внимания каждому воспитаннику, хотя каждую неделю по понедельникам была планерка работников детского дома при директоре, где воспитатели рассказывали о жизни ребят в их группах, и где заслушивали ребят из детсовета, а иногда и рядовых ребят.

Огни былого в душе детей гасить нельзя. Были встречи со старшим поколением из детского дома: Кухальской Зоей Петровной, Борст Конкордией Павловной, Ивановой Валентиной Васильевной, Озембловским Станиславом Болиславовичем, бывшими воспитанниками Трифановым Виктором, который служил в Афганистане, с Агафоновой Машей, Шленкиной Наташей, Иванченко Наташей, Карамышевой Людмилой, с Трухачевыми Людмилой и Татьяной, Залевской Валею. Ребята ждали этих встреч.

Я часто вспоминала пушкинские строки: *«Что делать нам? Искать пути к сердцам людей. Общаться».*

В детдоме часто бывали гости. Дети умели и любили встречать гостей. Мы встречались с шефами, с председателем Попечительского совета Малащукон В.Н., с художниками, с томским поэтом Александром Казанцевым, с писателем, воспитанником Тогурского детского дома Вениамином Анисимовичем Колыхаловым, с артистами Владимиром Пресняковым-младшим, с солистом группы «Ласковый май» Юрием Шатуновым, бывшим воспитанником детдома.

Труд, учеба, игра, встречи — это самые важные виды деятельности, которые помогали нам в воспитании. «Зарница», «Найди клад», «Нептун», «Магазин» — любимые игры детей.

Лучших из лучших детей каждое лето отправляли в пионерские лагеря «Артек» и «Орленок». В них побывали: Трофимова Валя, Трофимов Коля, Лыров Андрей, Сараев Игорь, Севостьянова Таня, Акулова Галя, Кузьмина Лена, Кузьмина Наташа, Юдина Света, Жукова Ира.

Вся наша жизнь в детском доме — это ожидание. Ожидание чуда. Этого чуда мы все и ждали, и радовались. Сделали ограду — радость! Отремонтировали дачу — радость! Перестроили спальни — радость! Обсудили чудо-проект новой дачи (вид самолета; принесли нам этот проект, предложили и рассказали о нем шефы, ДСК, Н. Суровая). А сколько было разговоров о перестройке дома в семейный детский дом! Мечтали дети, что будут жить все братья и сестры в одной квартире, ухаживать друг за другом. Бегали ко мне в кабинет с большими удивленными глазами и спрашивали, где какая будет жить семья? Выбирали себе воспитателей. Дети жили в разных группах, иногда брат и сестра не виделись по неделе. В доме все дети делились по возрастным группам: две дошкольные (младшая и средняя), старшая, подготовительная группы и группы 1–2, 3–4 и 5–8 классов. Радовались, когда купили мотоблок, трактор. А сколько было радостных разговоров, когда шефы стройотряда «Венсеремос» подарили нам новенький автобус!

Сколько детских жизней и душ спасли воспитатели, имена которых, к сожалению, известны мало или совсем не известны. У детей они останутся в памяти на всю жизнь.

В основном, воспитатели были опытные, были молодые специалисты. Это Дудаш Елена Степановна, которая работает и сейчас, теперь опытная, трудолюбивая, требовательная воспитательница. Вологина Людмила Алексеевна — очень любила детей, всегда могла убедить ребенка. Занятия с детьми проводила всегда интересно. Много беседовала с ними о прочитанных книгах. Людмила Алексеевна — впечатлительная, внимательная, трудолюбивая, ответственная во всех делах. Она с детьми солила капусту — самую вкусную! Ее дети жили активной жизнью.

Карлова Клара Петровна — справедливая, внимательная и требовательная. Она чаще других приходила на подъем и делала зарядку с детьми. Можно было быть спокойной: порядок будет

во всем. Много рассказывала детям о прочитанных книгах. Сама она очень много читала исторических книг. Клара Петровна — терпелива и умна. У нее всегда все дети выполняли домашние задания. Особенно интересно проходили занятия на исторические темы. Иванова Валентина Васильевна и Рюмина Александра Николаевна — опытные и мудрые воспитатели. С детьми всегда спокойные, настойчивые, требовательные, терпеливые. Они были совместителями. Это были наши «палочки-выручалочки».

Дорошенко Зинаида Ивановна — добрая, отзывчивая воспитательница, эмоциональная, шустрая, любила детей, а это главное! Интересно проводила пионерские сборы, беседы, особенно о профессиях. Больше и лучше других ей удавалась работа с шефами. Несколько лет она была председателем профсоюзного комитета и много делала хорошего для большой семьи. Всегда вовремя поздравляла с праздниками и Днем рождения каждого ребенка и сотрудника нашего дома,

Церех Татьяна Борисовна — молодой воспитатель, с детьми детского дома встретилась впервые, очень требовательная, эмоциональная. С детьми всегда старалась найти общий язык.

Мударисова Нелли Эльвировна — ответственная, требовательная, любила ребят, и они ей платили взаимностью. Она мало проработала в детдоме, т. к. однажды, когда она возвращалась с работы, ее встретили молодые люди, избили, отобрали деньги, и она почти год не работала. Сейчас работает в школе № 12 учителем английского языка, но и по сей день ее мучают головные боли.

Шабанова Антонида Алексеевна, очень требовательная к себе и к детям. В ее группе всегда был порядок. Дети были очень аккуратно и чисто одеты, дружны между собой, всегда выполняли домашние задания, тоже аккуратно. Только в ее группе была отличница Никитина Тамара.

Хисаметинова-Типсина Вера Валентиновна — пионерская вожатая, молодой специалист. Очень любила детей, внимательна и добра, требовательна и справедлива. Она вела в детском доме интересную пионерскую работу. Много проводила интересных пионерских сборов, пионерских костров, игр, таких как «Проводы Нептуна», «Зарница», «Найди клад» и др. Дети с большим удовольствием,

с радостью и желанием участвовали во всех мероприятиях. Они очень любили ее и выполняли все требования вожатой.

Девяшин Николай Эммануилович — завуч, воспитанник детского дома № 9, ответственный, кропотливый в делах, требовательный, умело руководил воспитательной работой в детском доме. Особенно ему удавалась игра «Магазин», как у дошкольников, так и у школьников.

Савельева-Пурина Ирина Георгиевна — окончила пединститут г. Томска и пришла работать в детский дом пионерской вожатой, а потом работала завучем. Ирина — спокойная, терпеливая, ответственная, хотя ей было трудно работать как с воспитанниками, так и с воспитателями после опытного завуча Н.Э. Девяшина. Она любила детей, а дети отвечали ей взаимностью и во многом подражали ей,

Феллер Маргарита Борисовна приехала в Томск молодой девушкой, Назначили ее вести уроки пения в школе № 5, где учились дети детдома № 9, и по совместительству — в нашем детдоме. Новая учительница играла на рояле, баяне, аккордеоне, умело руководила хором, учила детей танцевать. Этот ее удивительный талант особенно пригодился детям детского дома. Хор и танцевальный ансамбль много раз занимали призовые места на городских и областных смотрах художественной самодеятельности среди детских домов. В детском доме № 9 она проработала 32 года, до 1987-го года, потом с семьей уехала в Израиль. За многолетнюю плодотворную работу по музыкальному воспитанию детей Маргарита Борисовна награждена знаком «Отличник народного просвещения» и медалью «Ветеран труда».

Молодой, красивой, стройной пришла к нам в детский дом молодым специалистом медсестра Марина Владимировна Максимова. Ее дети сразу полюбили. Каждую свободную минуту она старалась быть с детьми. Марина Владимировна часто задерживалась в изоляторе, где лежали больные дети. Она рассказывала им о заболевании, о том, как нужно лечиться, чтобы быстрее выздороветь. Марина Владимировна вела кружок, где учила оказывать первую помощь при травме, обмороживании, солнечном ударе, объясняла, как накладывать повязку на рану и т. д. Дети с удовольствием

посещали этот кружок и помогали Марине Владимировне. С врачами нам не везло. Они очень часто менялись, не выдерживали трудностей. Всю работу вела Марина Владимировна. Она — настоящая сестра милосердия. Знала каждого ребенка, его малейшие отклонения в здоровье. Всегда своевременно организовывала осмотр детей узкими специалистами, ходила с детьми с передачами в больницы к воспитанникам. Проработала в детском доме она 22 года до 2003-го года. Замужем, воспитывает дочь.

Воспитательная работа в многодетной семье, какой является детский дом, сложна и многообразна. В детском доме каждый работник должен выступать одновременно в роли отца и матери и подготовить воспитанников к самостоятельной жизни. В детском доме мы проводили День самоуправления, когда директором детдома, завучем и воспитателями (всеми работниками детдома, кроме поваров, прачки и шоферов) были воспитанники. Этот день был как праздник. Все вопросы решали сами дети, иногда только консультировались, если привозили новых детей или приезжали гости. В нашем доме часто бывали гости. Дети наши — гостеприимные. Кем быть на этом празднике — специальность дети выбирали себе сами, только директора и завуча назначал (выбирал) детский совет из самых заслуженных, добрых, но требовательных и смелых. Детям нравилась эта игра. Труднее всего приходилось воспитателям-воспитанникам, хотя эти дети были самыми серьезными и ответственными. После такой игры дети выросли. В этой игре они учились самостоятельно принимать решения, выходить из трудных ситуаций, советовали друг другу, как поступить в том или ином случае. Особенно трудно было при самоподготовке. В этих случаях часто просматривалось, как воспитатели способствуют становлению личности воспитанника. Как старались дети походить на своих воспитателей! Это помогало создавать атмосферу нашего дома, в которой дети могут чувствовать себя, как в родной семье. Приятно было смотреть, что дети понимают друг друга и слушают внимательно задания товарища.

Приятно было слушать, что дети говорили: «Пойду домой!», «Забыл ручку или книгу дома», «По радио (по телевизору) говорили о нашем доме, о нашей семье». Среди детских домов Томской

области в летнее время в г. Томске проводили спортивные праздники. С гордостью дети говорили: «Наши заняли II-ое место», «Наш дом образцовый».

О нашем доме бабушка Володи написала в газету «Красное Знамя» от 05.02.1987-го г.: «Спасибо доброму дому. Всякий раз, когда приезжаю в детский дом № 9, чувствую, что детям живется там хорошо. Моим внукам в детдоме по-домашнему уютно. О них заботятся, случается иногда, что приходится воспитателям провожать их ко мне на зимние каникулы.

Хочется поблагодарить директора Полину Яковлевну Нехорошеву, инструктора по спорту Виктора Григорьевича Смирнова и весь коллектив детского дома за их заботу о детях, за их чуткость и внимательность. Виктор Григорьевич много свободного времени уделяет детям, по субботам ходит с ними в походы, обучает их фотоделу. Все ребята в нем души не чают, часто ходят к нему домой в гости. Спасибо всем работникам детского дома! г. Прокопьевск, Н. Сизинцева»

1 июня 1988-го года провели праздник «День защиты детей», а 2 июня закрыли детский дом на один день и всех детей разобрали работники детского дома. Все сделано по желанию детей и с согласия работников детского дома. Дети и работники сами выбирали друг друга. Распределили продукты по семьям, в зависимости от того, сколько человек пошло в семью. 3 июня вместе с детьми пришли в детский дом. Сколько было разговоров! Всем детям очень понравилось. Всю неделю только и говорили об этом: кто ездил на дачу, что там делали; кто пек блины; как ходили всей семьей в кино, гуляли по городу. Не забывали рассказывать друг другу и о том, какая обстановка в семье: как разговаривали между собой взрослые, как уютно в семье, где и как спали. Это очень сблизило детей с работниками детдома. *Работа с детьми — одна из труднейших, сколько надо иметь терпения, выдержки, энергии и, главное, любви к детям, чтобы постоянно быть авторитетом в их глазах. Умение быть в меру строгим и добрым, найти ключик к сердцу каждого ребенка дается не многим!*

Труд — непрерывный спутник жизни нашего воспитанника. Самообслуживание — главный принцип. Мыли полы, дежурили

в столовой, стирали носки, воротнички, платочки, ленточки, пришивали пуговицы — обычное дело. Все вместе озеленяли ограду (сажали деревья, цветы), подметали, убрали зимой снег.

О НАШЕЙ БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ

Все было в жизни детей: и хорошее, и плохое.

Я еще и года не проработала в детском доме, когда случилось несчастье. Мальчик, дошкольник, полез на железную горку, которая не была установлена, и куда не разрешалось ходить. Валера залез почти наверх, горка перевернулась, ударила его по виску, и мальчик умер. Хоронили из детского дома. Все: и дети, и взрослые очень переживали. Мама мальчика даже на похороны приехала пьяной, а позже, перепутав, приехала на 30-й день вместо 40-го. Цветы на могилу так и не унесла. Мы с группой, где жил старший брат Сергей, на 40 дней ездили на кладбище. Сергея через год отправили в Васюганский детдом, где произошел несчастный случай, и Сергей погиб.

Второй случай. Девочке 6 лет сделали операцию на сердце (диагноз не помню). После операции она умерла. Много было слез. Девочку любили в детском доме. Приехали родители и увезли свою дочь в гробу с куклой и цветами хоронить в родную деревню, где обитали родственники.

Было и еще горе в нашей большой семье. После выхода из детского дома Владимир Смоллов работал в родной деревне, где родился, женился, но женился неудачно — не нужен был теще. Повесился. Можно ли уберечь от страха жизни, толкнувшего его на крайний шаг? Можно, если был бы рядом добрый родной человек, внушил бы ему, что надо самому держать себя в руках, надеяться на себя.

В детском доме жил Волков Миша. Учиться не хотел, часто убегал из дому, брал чужое. Его осудили условно на три года. Мы взяли на поруки. Прошел год. Однажды в 4 часа ночи стук в дверь: «Милиция». Я ночевала в детском доме очень часто. Открываю дверь. «Где ваш Волков Миша?» Отвечаю: «Спит». «Неправда, он из Гормолзавода украл коробку мороженого».

Пришлось пойти в спальню и показать спящего Мишу, доказать, что он весь вечер был дома, что в 10 вечера я проходила по всем спальням, и он в спальне был, а до 10 часов вечера он был у меня в кабинете и ремонтировал стулья. Миша был хорошим помощником, но в школу почти не ходил, кое-как окончил 7 классов. Миша был хорошим лыжником. Защищал честь школы. Во время ремонта дачи в д. Куташово он был незаменимым помощником. До приезда студентов мы с ним должны были размешать схватившийся цемент, привезенный вчера. Миша носил воду из ручейка, и вдвоем с ним мы в резиновых сапогах размешивали эту машину цемента. Он всегда был около меня, все три года. После выхода из детского дома он уехал в район, где жил его дядя, родной брат отца. Вскоре женился, воспитывает двоих детей. Имеет свой дом и хозяйство.

Ответственным за мелкий ремонт в доме стал Кулагин Игорь. В детском доме жили его старший брат Владимир и младшая сестра Наташа. Мать умерла. Отец часто навещал детей. Владимир не окончил 8 классов, убежал из детдома и жил на даче у сторожа. Наташа — очень хорошая, ответственная девочка, училась хорошо, без троек, всегда беспокоилась о братьях. Когда Наташа училась уже в 6 классе, ее взял отец, а Игорь и Владимир остались в детском доме. У Владимира так и не сложилась хорошая жизнь. Игорь работает шофером, до сих пор связан с детским домом № 9, т. к. женился на медсестре Елене Ивановне, которая пришла в детдом молодым специалистом. Они воспитывают сына и дочь.

Были случаи, когда в детский дом приходили дети по собственному желанию. Из них одна девочка (не помню фамилию) окончила 10 классов хорошо, уехала в Асино к тете. Жукова Ира по собственному желанию пришла в детдом, хорошо окончила 8 классов. Мензоров Владимир и Кунгурова Ольга поженились, работают и живут в Томске, воспитывают 2 дочерей.

Однажды я ушла из детского дома в 12 часов ночи. Ночь была звездной. На улице светло, тепло, был май. Сараев Игорь решил похвалиться своей изобретательностью, тем, какую он сделал бомбочку. Сторож баба Оля не пустила его на улицу в дверь. Он вылез через форточку изолятора, где больные дети уже крепко спали. Игорь встал на дороге перед окнами спален,

крикнул: «Смотрите!» Бомбочка взорвалась в руках, и мальчугану-взрывнику оторвало два пальца правой руки. Вызвали скорую, увезли в больницу. Ребята утром, когда я вошла в детдом, мне об этом рассказали. Я сразу же пошла в больницу. Зашла в палату к Игорю, он увидел меня, заплакал и сказал сквозь слезы: «Извините меня, я не успел выбросить бомбочку из рук, она взорвалась». Так и ходит теперь парень помеченным. Окончил училище, работает газосварщиком.

Помню, привезли к нам в семью девочку трех лет, Ирину. Диагноз — дистрофия. Мать посадили в тюрьму. Девочка милая, красивая, добрая, ласковая. Целую неделю жила у меня в кабинете, только сонную уносили в спальню. Потом привыкла и жила, как все. И эта «Дюймовочка» рассказывала: «Мне мама давала денежку на булочку и молоко. Я сама ходила через дорогу в магазин и покупала. Когда приходил дядя Коля, он загонял меня под кровать. Я там сидела, боялась, а потом он меня выгонял оттуда шваброй или веником».

Первые три месяца она была рада, ей нравилось в детдоме. Воспитатели ограничивали ее в еде: она не могла наесться. Ела жадно, не отрываясь, пока не съест все, что ей дадут. Потом со слезами просила увезти ее к маме: «Ехать, ехать, ехать на трамвайчике — и приедем к маме!» Она очень тосковала о маме. Но мама о себе не сообщала больше года. Девочка забыла такую маму. На нее уже заканчивали оформлять документы на опеку, Ирочка каждую неделю на выходные дни ездила к новой маме, в гости, пока пройдет суд. И вот все готово! В этот день и появилась родная пьяная мама. Меня у ворот встретили старшие девочки, которые рассказали, как эта пьяная женщина ищет Ирину, ходит по детдому, хотя ей не разрешают и просят подождать директора. При встрече я рассказала все. Переводят из одного детского дома в другой, не считаясь с детьми, а они переносят это очень болезненно. Встреча же с братьями и сестрами не только придает жизненные силы и возвращает детство, дает возможность вспомнить о пройденном пути, дать советы друг другу. Хорошо идти по жизненному пути и в стенах детского дома, но с родными братьями и сестрами, с друзьями!

В обычные трудовые дни мы работали и веселились. Так, 20 человек проходили медосмотр и помогали в столовой мыть посуду. Один из старшекласников был оформлен техничкой, а мыли все по очереди, чтобы заработать деньги для возмещения вещей, которые были потеряны или сломаны. Покупали и красивые напольные вазы. Если кто-то ломал их при беготне, то восстанавливали из этих же денег. Все записывалось и обговаривалось на заседании детского совета, где были свой секретарь и бухгалтер. Лучшие старшекласники по очереди не ходили один день в школу, работали на вахте и отвечали за порядок во всем доме.

В последнюю субботу каждого месяца в нашей семье отмечали дни рождения воспитанников и работников нашего дома. Был праздничный стол для всех воспитанников. Выступали дети с концертами. Я как директор тоже выступала и дарила воспитанникам подарки. Работникам подарки дарила председатель профкома Зинаида Ивановна. Работники собирали деньги и покупали подарки друг другу. А был случай в первую неделю моей работы. Я с шофером и парнями уехали за саженцами-цветами ко мне на дачу, чтобы украсить двор детского дома. Пришли бывшие воспитанники детского дома.

Среди них был Лекаторчук Слава. Он избил воспитательницу, т. к. она не ответила на его любовь. Этот воспитанник был на учете в психиатрической больнице. Его боялись в доме все и особенно завуч Н.Э. Девяшин. Успокоить его могли либо я, либо Зоя Петровна Кухальская, душа всех детей. Она с детьми с 8 часов утра до 9 часов вечера. Продукты получать и разгружать тоже ездила с детьми. Учила детей хозяйственной работе. Многим она спасла душу.

Вот как о ней вспоминают воспитатели и дети.

О ЗОЕ ПЕТРОВНЕ КУХАЛЬСКОЙ

Зоя Петровна родилась в 1920 году в деревне Дегтяревке Шегарского района Томской области пятым ребенком. Всего в ее большой семье — одиннадцать детей. В 12 лет окончила начальную школу в Дегтяревке и ушла работать в няньки, так как нужно

было и самой себя прокормить, и семье помочь. В 16 лет получила трехмесячный паспорт. Сшила себе из мешковины обувь, сходила в Шегарку пешком за 60 км за паспортом и уехала на Северный Урал на работу с тремя рублями в кармане. Остановилась в шахтерском городе Карабаше Челябинской области Кыштымского района. Здесь получила долговременный паспорт и устроилась на работу на рудник сортировщицей медной руды. Для девочки в шестнадцать лет труд был неопиcуемо тяжелым. Безденежье и голод обессилили и без того худенькую маленькую девочку. И только благодаря сердечности людей, находившихся в это время рядом с ней, их желанию помочь этой провинциальной девочке, она смогла выстоять. Ей дали денег, научили, что на них купить из продуктов и как распорядиться этими продуктами.

Однажды она увидела объявление о наборе в горный техникум. И большое желание учиться победило необходимость зарабатывать деньги для себя и своей семьи в далекой Дегтяревке. Только серьезная проблема встала перед ней. В техникум принимали с образованием не ниже 7 классов. Однако при собеседовании с ней приемная комиссия приняла решение о зачислении в техникум. В дипломе техникума отметки только «4» и «5». После техникума ее приняли на шахту Центральная сигнальником на рудоподъемную машину, на глубину 750 м.

В 1937 году репрессировали отца, в 1939 году наступил жуткий голод. Из Карабаша от голода бежали шахтеры, все поезда были забиты народом. Зоя Петровна тоже уехала в Томскую область, куда еще голод не дошел. В деревне нужны были молодые грамотные кадры. И Зою Петровну направляют учиться в г. Новосибирск в сельскохозяйственный техникум. Окончив техникум с отличием по специальности «товаровед по заготовке и закупу скота», она направляется на работу в Туганский откормсовхоз, пос. Заречный. В сельском хозяйстве она проработала 12 лет. Трудности, которые встречались в ее жизни, она всегда успешно преодолевала. Семья (муж, дети — 3 сына и 3 дочери, старенькая мама), теплый семейный уют, любимая работа. Кажется, все рухнуло со смертью мужа в 1962 году. Выйти из создавшегося положения помог младший брат Вениамин Петрович.

Он купил в городе Томске домик и перевез сестру с детьми 2, 4, 5, 7, 14 и 16-ти лет. Город помог дать образование детям, работу самой Зое Петровне, а дом стал домом школьников и студентов.

Чтобы как-то прокормить такую большую семью, Зоя Петровна принимает решение идти работать в детский дом и устроить туда своих четырех младших. И так случилось, что дети детского дома № 9 стали ее родными детьми. Она их учила трудолюбию: вывозила в тайгу на заготовку красной и черной смородины, малины, черемухи, на болота — за брусникой и клюквой. Учила работать на земле: сажать и ухаживать за овощами, ягодой, картофелем, собирать урожай, солить капусту. Все это было большой прибавкой к столу не очень богатого в те времена пищевого рациона детей. Вместе с Зоей Петровной дети содержали животных и заготавливали сено на зиму.

Организаторские способности, педагогический талант делали свое дело. Дети в детских домах во все времена были не из легких. И кто знает, какая бы сложилась у них судьба, если бы не материнское участие в их жизни Зои Петровны. Печкуров Володя, Желтковский Валера, Евсеев Валера, Бурков Борис, братья Незнамовы Сережа и Саша (всех нет смысла перечислять) — мальчики из семей, лишенных родительских прав, с нарушенной психикой, неуправляемые, педагогически запущенные, с заледеневшими сердечками, агрессивные, жестокие. Сейчас это успешные люди, определившиеся в жизни — офицеры, художники, переводчики, шоферы, летчики. Пишут письма, поздравления, при случае приходят в гости, приезжают в Томск из Санкт-Петербурга, Москвы, Северска.

Хотя Зоя Петровна сейчас на заслуженном отдыхе, она по-прежнему деятельна. Сейчас она — один из активных членов Партии пенсионеров. Помогает репрессированным, безродным, бедным, больным людям преклонного возраста, добивается для них льгот, жилья, лечения, повышения пенсии, устраивает их в дома и интернаты для престарелых.

У Зои Петровны 6 детей, 16 внуков и 8 правнуков. Это — самая любимая мама, бабушка и прабабушка. Младшее поколение гордится ею, в своих сочинениях в школе, при поступлении в институты пишут о ней, как о герое, с восхищением. С нее берут

пример доброты, внимания, любви к людям, трудолюбия, у нее учатся не отступать перед трудностями.

Характеристика сотрудницы детского дома № 9 Кухальской Зои Петровны

Кухальская Зоя Петровна родилась в 1920 году. Начала работать с 16 лет. Ее трудовой стаж — 52 года. В детдоме работает 23 года, из них 21 год работала заместителем директора по АХЧ, третий год работает кладовщиком. Все эти годы ее отличает неизменное добросовестное отношение к труду, неутомимая энергия, преданность детскому дому, любовь к детям. Она пользуется большим уважением в коллективе, она отзывчива, скромна, доброжелательна. С ней легко работать, ее отличает истинная народная мудрость, доброта, она готова всегда помочь дельным советом. Внимание к людям, понимание их, стремление помочь — отличительные черты Зои Петровны.

За все эти годы работы в детдоме Зоя Петровна отлично справляется со своими обязанностями. При ее непосредственном участии проведена закладка сада и ягодного участка. Всегда вовремя и с хорошим качеством проводился ремонт детдома и дачи. Нет срывов в обеспечение детей детдома необходимыми продуктами. Она старается разнообразить питание детей: они всегда получают соки, овощи, фрукты в достаточном количестве.

Кухальская З.П. всегда окружена детьми. Она организует детей на уборку картофеля, на засолку капусты. Дети тянутся к ней, охотно помогают во всем. Она всегда в курсе всех детских дел, забот, проблем. Дети охотно делятся с ней самым сокровенным. Используя свой богатый жизненный опыт, Зоя Петровна ненавязчиво, исподволь, деликатно воспитывает их. Выйдя из детдома, дети часто навещают ее, считают ее близким, родным человеком. Вырастив своих 14 детей, она делится теплом доброго материнского сердца с воспитанниками детдома.

Как Почетный пионер детдома, она на пионерских сборах — желанный гость. За долгий добросовестный труд награждена медалью «Ветеран труда», Почетными грамотами горкома

Есть такие люди, которые свои неудачи объясняют, ссылаясь на трудности, ищут в своих неудачах виновников. Зоя Петровна никогда не жаловалась и не жалуется на свою судьбу. Со своими трудностями, проблемами она привыкла справляться сама. В пятидесятые годы находится для Зои Петровны самый трудный участок. Ее посылают на два года в город Новосибирск, где она учится на товароведа животноводства и оканчивает сельскохозяйственный техникум с красным дипломом. А когда возвращается домой, ее посылают на практику в дальний край Томской области — Туганский район, пос. Заречный.

Первое задание, которое получили от директора совхоза 12 человек (из них одна женщина — Зоя Петровна) — заготовить скот для Томского мясокомбината к 1 Мая. Из 12 заготовителей только она выполнила задание, показав с первых дней своей работы, что значит работать по-настоящему. От деревни к деревне по бездорожью она ходила и принимала скот, а потом сопровождала его к месту назначения. О таких женщинах писал Некрасов «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

Трудно представить всю сложность этой работы в дальнем сибирском районе. Постоянные командировки. Приходилось ехать и в ночь, и в любую погоду. Жара и гнус, снег и дождь, ночь и день, а эта женщина на коне сопровождает скот. Четкое выполнение планов, графиков, советских пятилеток. Она со своей высокой ответственностью не могла себе позволить не выполнить план, график поставок. И такая жизнь продолжалась изо дня в день. А ведь она была не только труженицей, но матерью и женой. Она не забывала никогда об этом. Главное для нее было — накормить своих детей, свою старушку мать, которую очень любила сама и воспитала уважение и любовь к ней у своих детей. Это удается не каждому. А вот ей удалось. Труд ее мало кто видит и слышит. Она трудилась охотно, скромно, привычно. А за труд свой получала грамоты, грамоты, грамоты, и оставалась хлебосольной хозяйкой, хранительницей домашнего очага. В это время она не знала, что ждет ее впереди. Она не знала, что это подготовка к основной работе.

Этой работой стал детский дом № 9 г. Томска. Ведь именно в детском доме проявился ее талант, раскрылись ее педагогические способности. Это главное дело ее жизни, которому она отдала 37 лет. Я преклоняюсь перед такими людьми, как Кухальская Зоя Петровна. Мне случайно пришлось поработать в детском доме неделю, и этого для меня было достаточно, чтобы понять, что это для меня адский труд. А ведь я проработала в школе 40 лет. Я не буду на этом останавливаться, так как наша задача в другом. В центре внимания у нас Зоя Петровна и детский дом № 9, то, как они работали, чем жили, что им помогало в их труде, что их радовало, а самое главное — их поддерживало и давало силы.

Вглядитесь в лицо этой женщины, и вы поймете, почему наша дружба продолжается так долго, почему к ней тянутся люди. Им всем одинаково интересно с ней. Она никогда не читает нотаций, воспитывая. Прежде всего она Вам скажет: «Проходите и попейте чаю». И не думайте отказываться. Она только тогда заведет с вами разговор, когда поймет, что вы сыты. А потом и успокоительное слово и улыбка голубых глаз у нее для вас найдется. Для нее нет неприятных людей, для нее есть несчастные люди. И если вы к ней пришли, значит, получите поддержку, совет, доброе слово. Впервые Зоя Петровна переступила порог детского дома № 9 на ул. Бакунина. Ее назначили на должность заместителя директора по хозяйственной части, и в этой должности она проработала 37 лет. Это выдержит не каждый, а она выдержала.

Что же ей помогло? Она полюбила этот Дом, свою работу, а главное — детей. Работать в этом детском доме было очень трудно. Отапливался он углем. Дети перебирали уголь, отбрасывая камни. На кухню в день выдавалось три полена дров только на растопку. А ведь надо было вовремя приготовить обед. Хоть и трудно, но выпечка была каждый день. И в центре всего этого была Зоя Петровна. Одни работники не выдерживали и уходили, а она оставалась. Казалось, что ее в этой работе привлекали именно трудности. Главным девизом ее были слова: «Если не я, то кто же?». Только хорошее и доброе слово можно сказать об этой женщине. А ведь это обычная простая русская женщина. Именно такие женщины помогали и помогают выдерживать житейские невзгоды,

именно они помогают нам, когда трудно и когда кажется, что жить не стоит. А увидишь эту женщину, поговорит она с тобой — и на мир смотришь другими глазами. В 1972 году детский дом переехал в новое здание на улице Сибирской. Трудности, неурядицы и неустроенность преследовали нас по пятам: подвал залит нечистотами, овощехранилище оказалось без крыши. Подходит ноябрь, а с ним и первые морозы. Зоя Петровна вместе со своим сыном Борисом едут в летний лагерь за одеялами, чтобы спасти овощи от мороза.

Вскоре у очередного директора — Полины Яковлевны, возникает идея обеспечить детский дом своими овощами, ягодами. Идея хороша. Но на участке земли надо полоть, сажать, копать, собирать урожай. А ведь не все работники детского дома готовы к такой работе. Инициативу в свои руки взяла Зоя Петровна. Здесь проявились ее организаторские способности, умение увлечь делом и педагогов, и детей. Правда, к этому времени у Зои Петровны появилась надежная помощница в лице начальника летнего лагеря Вологиной Людмилы Алексеевны, учителя биологии и химии. Для нее не было невозможного, как и для Зои Петровны. Они обе умели организовать детей, заинтересовать их работой, сделать ее интересной и содержательной. И работа на земле для детей не была в тягость. А в награду ежедневно на столах стояли плоды их труда, собранные на участке.

Лето дети проводили в райском уголке, на природе, где все было создано для нормального труда и отдыха. Сюда приезжали бывшие воспитанники детского дома. Теперь этого уголка нет. Его уничтожили взрослые в своих личных интересах. Им не хотелось видеть здесь детдомовцев, хотелось самим наслаждаться этими красотами. Теперь здесь дачные участки работников образования.

Зоя Петровна относится к тем людям, которым до всего есть дело. Она никогда не ограничивается тем, что входит в круг ее должностных обязанностей. Закончит свою работу, а ее уже поджидают воспитанники, которые жили у нее дома. Обычно их было 5–6 человек: или парни, пришедшие из армии и не успевшие устроиться, или воспитанники-выпускники, не нашедшие пока себе места в жизни. Все вместе они лепили пельмени, пекли пирожки. Всегда здесь для них были наварены щи, кастрюля

компота. Когда я к ней приходила, то всегда удивлялась, неужели ей не хочется спокойно посидеть, отдохнуть. Но потом поняла, что такая жизнь ее вполне устраивает. Иначе жить она не может, так она никогда не мерила работу «от сих до сих».

Вот этому пример. Был в детском доме воспитанник Дима Лямкин, у которого из родственников была одна бабушка в деревне Сарафановка. Обещала Зоя Петровна его свозить к бабушке. Два года ждал Дима этого дня. Зоя Петровна понимала, что слово надо держать, но не понимал этого директор детского дома. Благодаря настоянию Зои Петровны, Дима поехал к бабушке. Вся деревня сначала встречала, а потом и провожала Диму с Зоей Петровной. Для Димы это было неизгладимое впечатление. А через некоторое время нам пришло письмо:

«Привет из Сарафановки! Здравствуй, мой родненький, любимый внучек Димочка и моя маленькая Людочка! Дима, передай ей от меня большой привет и поцелуй ее за меня, скажи, что баба велела. Дима, а ты рассказал ей, что был у нас в гостях? Гостинцы ей носил от бабы? Дима, как я скучаю по вас. Мне все еще кажется, что я видела во сне, как вы с Зоей Петровной приезжали к нам в гости. Большое спасибо Зое Петровне. Дай бог ей здоровья на долгие годы ее дальнейшей жизни за то, что она не покидает тебя и не дает в обиду. Было бы побольше таких женщин, как Зоя Петровна. Дима, я прошу тебя очень, как родная твоя бабушка, слушайся и уважай свою Зою Петровну. Учиться старайся без троек и слушайся Зою Петровну, учителей и воспитателей, чтобы Зое Петровне перед директором детского дома было не стыдно за тебя, чтобы он на следующие каникулы отпустил вас опять в гости к нам без разговора. Мы вас очень ждем. Я очень благодарна вашему директору, что он разрешил вам поехать к нам. Большое ему спасибо. Димочка, сильно не скучай, учись хорошо, слушайся всех старших. Я к вам обязательно приеду 15–16 февраля. Ждите. Дима, мы все работаем. Андрей и Галя ходят в школу. Лариса ходит в детский сад. Вова сидит дома. Все-все передают вам с Зоей Петровной большой горячий привет». Писем много от разных людей, но сколько в них тепла, радости, благодарности за материнское тепло, участие в их жизни, поддержку и помощь в трудные дни.

Иванова Валентина ВАСИЛЬЕВНА,
завуч детского дома № 9 в 1967–1979 гг.

С воспитанниками детского дома № 9 г. Томска я познакомилась в школе № 5, где начала работать с 12 января 1948-го года в начальных классах. Количество учащихся в классах было по 40 и более человек. Воспитанников было по 10 человек и более. За годы работы с этими детьми было много хорошего и много трудностей. Приходилось обучать индивидуально каждого ребенка, осваивать программу обучения в школе.

С 1966-го года, 16 июня, по настоянию ОблОНО меня перевели работать в детский дом заместителем директора по учебно-воспитательной работе. Директором детского дома много лет работала Лидия Николаевна Андропова. Ее трудами и заботами детский дом стал лучшим в области. В нем воспитывались дети, эвакуированные из Ленинграда, дети погибших родителей. Многие воспитанники учились хорошо, были одаренными.

В памяти до сих пор такие дети: Фатева Света, Попова Лина, Щетинина Тамара, Шмакова Вера, Семушкин Женя и другие. Работая завучем и зная, как мало было средств на обеспечение детей школьными принадлежностями, я стремилась добывать дополнительные средства у шефов. Шефы помогали нам материально и в воспитании трудных воспитанников. Шефствовали над группами бригады женщин с завода резиновой обуви. Обком профсоюза химической промышленности организовал поездку группы детей в строящийся г. Стрежевой в 1970 году. 30 воспитанников и 2 старших (воспитатель Н.Э. Девяшин и завуч) на теплоходе «Мария Ульянова» поплыли по рекам Томь и Обь до с. Александровское, а потом на катере по р. Пасол до Стрежевого. Город строился, там было много студентов и строителей, с которыми дети встречались. Возили нас на вертолете, на вездеходе по тайге, по 11 человек, на нефтеперекачивающую станцию. Впечатлений уйма! На станции — чистота идеальная, новенькие моторы постукивают. У ребят горят глаза от увиденного. Эта поездка у детей осталась в памяти на долгие годы.

С нашими воспитанниками ездить на разные экскурсии было легко. Дисциплина отличная, приучены к самообслуживанию. Каждое лето обязательно группа воспитанников совершала поездку по различным местам. Ездили по Ленинским местам, в Минск, в Ленинград, в Новосибирск на фестиваль и др.

В детском доме были созданы и оборудованы Ленинская комната и комната Дзержинского. Было собрано и сделано руками воспитанников много экспонатов. Сами воспитанники-экскурсоводы рассказывали обо всем.

Зимой дети учились, летом выезжали на дачу в с. Куташово. На даче был большой огород. Сажали 2 га картофеля, выращивали капусту, огурцы, разные овощи. Обеспечивали себя овощами и картофелем на зиму. Старшие воспитанники помогали во всем младшим (шефствовали), как старшие братья и сестры в семье. Жили одной большой семьей.

На даче отдыхали по правилам пионерского лагеря «Березка». Работали не более 2 часов на всех работах: прополка, уборка территории, дежурство по спальням и на кухне. После работы бежали на реку купаться и чистенькие шли в столовую обедать. После дневного отдыха — различные игры. Вечером собирался детский совет. Подводили итоги дня и назначали дела на следующий день. Зимой — учеба, занятия по интересам в различных кружках (хоровой, духовой оркестр, швейная мастерская, столярная мастерская). Всем хватало дел. Учились всему, что им пригодится в самостоятельной жизни.

Дети к нам поступали из неблагополучных семей по различным причинам, поступали целыми семьями, по 3–5 человек. Многие были трудновоспитуемыми, неуправляемыми, больными. Таких были единицы, но были.

Поступил к нам Саша — мальчик лет 12 из Томска. В характеристике было написано, что родители хотели от него избавиться еще в младенческом возрасте. Маленькую крошку зимой клали на подоконник, открывали окно, чтобы он простудился. Мальчик рос в ужасных условиях у пьяниц-родителей. Вырос неуправляемым, с большой психикой. Занимался воровством. Пока он был у нас, с улиц, окружающих детский дом, много потерялось

велосипедов, даже мопед. Многие наши мальчики попали под его влияние. Вызвали милицию, увезли все ворованное, велосипеды и мопед. Саша пришел из школы, узнал о случившемся и обвинил во всем воспитательницу. Он встретил ее, всячески оскорбил нецензурными словами, и так возбудился, что пришлось обращаться к детскому психиатру. Сашу увезли лечить в детское психиатрическое отделение. К нам он больше не вернулся.

Был такой случай. Зайнутдинову Раю усыновили из дошкольного детского дома. Увезли в Среднюю Азию. Приемная мать не смогла справиться с девочкой. Тайно от мужа увезла ее обратно в Томск и оставила на вокзале. Раю привезли в наш дом. Приемный отец (грек по национальности) разыскивал дочь полгода. Нашел через Москву. Удочерить Раю ему не разрешили, т. к. он был не нашего подданства. Отец добился разрешения перевести ее в школу-интернат поближе к его месту жительства. Пока он хлопотал о ее переводе, он часто приезжал к нам, привозил большие чемоданы фруктов детям. Были случаи, когда усыновленных детей возвращали обратно в детский дом. А некоторые дети не соглашались уходить из детского дома в семьи.

Встреча со многими бывшими воспитанниками (и особенно в дни юбилеев) доказала, что труд работников детского дома по воспитанию детей, оказавшихся в трудных жизненных условиях, не пропал даром. Многие из них стали достойными людьми. Стали взрослыми, обзавелись своими семьями, вырастили детей и внуков. Но хочется сказать, как бы ни было хорошо в детских домах и приютах, дети скучают о своих мамах и папах, ждут их и надеются на возвращение в родную семью. Помню слова Жени Семушкина: «Мама построит дом и приедет за мной».

Матери, которые бросают своих детей из-за пьянства, разгульной жизни, одумайтесь! Неужели вам дороже рюмка водки, чем родное дитя? Одумайтесь, возьмитесь за ум, вспомните книги или фильмы, в которых рассказывалось, как в годы Великой Отечественной войны матери, оставшиеся без мужей, старших сыновей, брали сирот в свои семьи на воспитание. Таких женщин было множество.

Воспитанники военных лет не знали о своих родителях. Воспитанники последних лет знают своих родителей. Иногда после выхода из детского дома они уезжают к родителям, где вместе с родителями увлекаются хмельными напитками и, чтобы поить и кормить их, начинают воровать и попадают в тюрьмы. Детский дом № 9 — семейный, поэтому, когда ребенок остается один (без брата или сестры, если они выпустились из детского дома), то его переводят в другие детские дома. Как тяжело переживают дети эти переводы!

Вспоминаются Оля и Наташа, которые с 5 лет до 3 класса жили в детдоме № 9, потом пришлось перевести их в Асиновский детский дом. Они говорят: «Будто с кровью отрывали нас от ставших родными друзей-детей». Горечь такого разделения обожгла память так, что рана осталась навсегда, хотя я, директор, подолгу переписывалась с этими детьми. Выходит, педагоги-начальники чего-то не учитывают, наивно полагают, что дети ничего не понимают, и с ними можно делать все, что угодно.

После выпуска из детского дома в мгновение дети взлетают из детства во взрослую жизнь, а к жизни еще не приспособлены, поэтому мои пожелания — детей надо воспитывать в детском доме до совершеннолетия, т. е. до 18 лет.

«Кто рано женится и рано встает, тому везет» — гласит армянская пословица. Но как трудно берут в семьи наших «невест» и «женихов»! Сколько еще взрослых, не понимая, разрушают счастливые семьи и еще глубже делают раны в душах детдомовских детей. Эти дети еще раз встречаются с предательством взрослых. И это калечит судьбы многих ребят, превращая их в перекасти-поле... И пойдут ребята по рукам, когда останутся — неизвестно, и остановятся ли? И так кочуют дети по жизненному полю, ветер делает их колючими и легкими на подъем, на взлеты и падения, и чаще — последнее. Куда же занесут их дороги? И смогут ли они мыслить по-новому даже тогда, когда наступит осень их жизни?

Счастливы дети, родившиеся в крепкой семье и выросшие под доброй рукой матери и отца. В отличие от таких детей, государственные дети преданы родителями. У этих детей есть

родители, но родители потеряли человеческое достоинство, потому что пьянствовали, развратничали. Дети расплачиваются за своих родителей. В течение 3–5 лет принимают прививки (профилактику), т. к. родители бывают заражены венерическими болезнями.

Если какая-либо семья думала усыновить ребенка, я, чтобы еще раз не ранить души детей, разрешала в течение года брать ребенка в семью на выходные дни, чтобы дети привыкли к этой семье. Если в семье доброжелательный климат, то ребенок сам спрашивает: «Когда же Вы отпустите меня домой?» А у будущих родителей спрашивают: «Когда вы возьмете меня домой?» Получалось, не взрослые выбирали себе приемных детей, а дети «усыновляли» своих приемных родителей. Риск ошибиться? Конечно, есть! Но при таком подходе ошибок меньше.

ДЕТСКОМУ ДОМУ 80 ЛЕТ!

А он по-прежнему юный! Впервые наши воспитанники были как гости на празднике 80-летия детского дома № 9. Только и слышно: «А помнишь? А помнишь? А помнишь? Конечно! Конечно!» Веселые лица, рассказы о себе друг другу, о своих радостях и огорчениях. Вспоминали про огород, вечера, игры, танцы. «Я эту ночь не спала, все вспоминала, вспоминала... И я!.. И я!» Некоторые все-таки грустили. Я задумалась: «Как же замазать раны воспитаннику, человеку замкнутому и ранимому, у которого в душе окна и двери закрыты? Как помочь им? На каком компьютере решить эту задачу?» Смотрю я на них и все думаю и думаю...

И все-таки одно из сильнейших средств лечения — дорога в страну детства. Эта дорога делает человека распахнутым, сильным, уверенным, помогает очищаться от ржавчины лени и равнодушия, заставляет думать, мечтать, надеяться. Душа детства: как она чиста! Она дает силу жизни всему организму. Не случайно пожилые люди так любят «впадать в детство». А какое детство было у воспитанников детского дома? И все же от общения, от соприкосновения с памятными детскими тропинками в душе рождаются новые силы. Встречи с братьями не только дают жизненные силы, но и возвращают молодость, дают возможность

рассказать о пройденном пути, услышать советы. Надо чаще встречаться и встречи проводить в детских домах.

Как воспитывать? Каким должен быть наш воспитанник, воспитатель? Эти вопросы волновали всех, в том числе и меня, директора детского дома № 9 г. Томска.

1. Основным фактором воспитания в детском доме, как я уже писала, являлись труд, который воспитывает личность, работа на общую пользу, общение с природой. Поэтому мы большое внимание уделяли сельскохозяйственным работам, помощи завхозу Валентине Филипповне, кладовщику Зое Петровне, прачке бабе Оле, кастелянше Людмиле Ананьевне, сами шили себе покрывала, наволочки, юбки, кофты.
2. Не меньшее значение придавали личному примеру воспитателей, их материнскому чувству к детям. Вместе работали на огороде, наводили порядок в группе, во дворе, садили цветы и деревья, солили капусту, смотрели телевизор, читали книги и беседовали о прочитанном и просмотренном. Всегда вместе!
3. Доброжелательная атмосфера в коллективе. Старались разговаривать, убеждать спокойным, добрым тоном. Просили извинения не только воспитанники у воспитателей и старших, но и старшие у младших, воспитатели у воспитанников. Слова «спасибо», «извините», «пожалуйста», «разрешите» можно было часто слышать в доме.
4. Уважение человеческого достоинства воспитанников. Мы всегда помнили об этом. Воспитатели советовались с детьми, куда сходить, какое кино посмотреть, какую книгу почитать, кого наградить, поблагодарить. Детсовет — всему голова.
5. Приобщение к миру искусства через кружки «Сделай сам», «Вязание», «Швейная мастерская», фотокружок, туристический кружок, ИЗО, хор, театральный кружок и т. д.
6. Борьба против всего, что уродует человеческую жизнь, борьба с теми людьми, взрослыми и детьми, кто сеет зло.

Правда, нормы человеческого общения воспитанники усваивают через труд, общение, разнообразную творческую деятельность.

ВОСПОМИНАНИЯ СВЕТЛАНЫ ЮДИНОЙ

... Порой говорят, да и в литературе пишут, что у нас, воспитанников детдомов, «...могут быть отклонения в физическом и психическом развитии, нередко выявляется задержка умственного развития, искажение развития личности (от эмоциональной сферы до жизненной перспективы), нарушение половой идентификации и др. Зачастую у этих детей появляется склонность к наркотизации и криминогенности. Ребенок, растущий в условиях учреждений интернатного типа, помимо прочих дефектов, не умеет общаться. Его контакты поверхностны, нервозны и поспешны — он одновременно домогается внимания и отторгает его, переходя на агрессию или пассивное отчуждение...» (стр. 3–4 Хрестоматии «Лишенные родительского попечительства», Москва, «Просвещение», 1991). Вот так!

И это всего лишь капля из того, что о нас говорят и пишут. Сказать «обидно»? Да нет, не можем мы обижаться, не можем себя жалеть, не в нашем это духе. Конечно, есть в этом правда. К примеру — задержка умственного развития, т. к. в университет я пошла учиться только в 24 года, но до этого успела выйти замуж, появилась дочь, а во время заочной учебы появился сын. И знаю, что все-таки мы умеем выживать в любых условиях, приспосабливаться к любым ситуациям и выходить из них с достоинством, выдерживая любые неприятности. Бывает, что за ошибки взрослых расплачиваются дети.

Из-за того, что есть такие взрослые, которые не могут дать детям заботу, любовь, приходится другим людям, а точнее, нашим дорогим воспитателям делить себя на своих родных детей и на нас, ребяташек из детских домов. Им очень тяжело нести такую нагрузку, но они справляются и справляются хорошо. Они ответственны за нас, а мы порой этого не понимали. Куда-нибудь сбегали, зачастую туда, где наши родные родители. Очень часто они встречали нас в не очень трезвом уме и здравом рассудке, но нас туда тянуло. А в это время воспитатели сбивались с ног, ища нас. Иногда мы любили просто побродить по чужим огородам, хотя у самих были целые плантации. Да и голодными-то не были. Помню, как-то в школе преподаватель с иронией сказал: «Их там красной и черной икрой кормят». И это было так. Конечно, нечестно, но было, когда на завтрак в праздник давали бутерброды с такой вот икрой.

Вообще добрые люди старались как могли, чтобы улучшить нам жизнь. А какие у нас были огороды при директоре Нехорошевой Полине Яковлевне! Они приучали нас к труду на земле. Был у нас большой огород с клубникой. Мы на нем усердно работали вместе с воспитателями и директором. Зато на полдник у нас всегда в сезон ягоды стояла на столе на 4-х человек тарелка с ароматной красивой красной викторией. Мы умудрялись еще и вечером или рано утром, втихушку, лазить в тот огород и еще лакомиться этой ягодой. Если заметят, то гоняли нас оттуда, а это еще больше подзадоривало, ведь недоступный плод, ох, как сладок! Особенно Кухальская Зоя Петровна была всегда рядом и ругала за незаконное проникновение на огород.

Да и сколько всего было, не описать, но все наши взрослые, которые делали из нас людей, заслуживают огромного уважения, благодарности. Никто у нас в стране из вышестоящего начальства не может увидеть этого и как-то вознаградить педагогов за их труд, наоборот, самая низкая зарплата у них. Они вынуждены перебиваться, как могут, даря любовь чужим детям, обделяя в какой-то мере своих родных детей. Это несправедливо, а мы ничего не можем сделать для них, разве что чтить их. А те, которые сейчас воспитываются в детских домах, должны понимать

это и относиться с уважением, прислушиваться ко всему, чему их учат. Любить своих воспитателей, которые заменили родных родителей. Мы — дети, не познавшие, либо познавшие, но потерявшие самую важную, первую материнскую любовь. Мы — детдомовцы! Как я не любила, ненавидела это слово. Наши воспитатели и директор знали это и старались не употреблять это слово, но в школе мы часто это слышали как от учителей, так и от ребят.

Меня с пеленок воспитывала бабушка. Помню, что именно папа меня отводил к бабушке, потом он попал в места заключения под стражу. С бабушкой и дедушкой я прожила до 8 лет. Конечно, не было все благополучно; частые пьянки были нормой их жизни. Я была очень замкнутым ребенком, серьезным, и мало улыбалась. Мой братик, в основном, жил с мамой, и если я была у нее, то всегда возилась с ним. Часто мы оставались одни, он плакал, а я не знала, что придумать, чтобы успокоить его.

Вот однажды я сидела, рисовала. Постучалась женщина. Бабушка открыла дверь. С этой женщиной я села в машину, а моя бабушка осталась дома в каком-то испуге. Мы (т. е. я, эта женщина и шофер) поехали к моей маме за братиком; ему было 4 года, мне — 8 лет. Их не оказалось дома. Меня повезли куда-то дальше. Я все время плакала и спрашивала, вернут ли меня домой. Мне отвечали, что вернут, но я чувствовала, что это обман, продолжала плакать и просила, чтобы меня отпустили домой. Это было что-то вроде наказания за то, что у меня такие родственники, и срок мне за это дали немаленький, на всю жизнь (это я так интерпретировала, связывала с тюрьмой). Меня привезли туда, где на окнах решетки, а вокруг все обнесено большим высоким забором, завели в столовую. Был завтрак, помню, что пахло маргарином. За столом сидели дети, обритые наголо. Потом меня повели к женщине в милицейской форме. Она задавала мне вопросы и записывала мои ответы. Меня очень оскорбил, хоть я и была ребенком, вопрос: «Как твое отчество? Или у тебя отца не было?» Мне было 8 лет, но я почувствовала тогда, как могут быть невежливы взрослые люди. Слова «деликатность», «педагогический такт», «психология», «воспитанность» мне, конечно, были тогда неизвестны. На следующий день меня обрили наголо...

Как-то я смотрела в щелку забора и видела только поле зеленой травы, а вдали где-то слышалось, как идет поезд. И я думала о том, как бы сбежать, хотя дороги домой я не знала, да и сбежать, понимала, было невозможно. Через несколько дней нас, нескольких ребят, развозили, как я потом поняла, по детским домам и интернатам. Подъезжали к одному из них, выходили из машины, там что-то узнавали, возвращались и ехали дальше. Так и привезли меня в детский дом № 9. Как потом выяснилось, недалеко был дом моей мамы, а чуть дальше — бабушки.

Это было счастьем! В тот день, когда я приехала в детский дом, к вечеру произошла ужасная трагедия: погиб ребенок, которого на детской площадке придавило железной горкой, куда нельзя было лазать. Он умер в машине скорой помощи. На меня это подействовало ужасающе. Страшней ничего нельзя себе представить. Это была трагедия для всего детского дома, даже для всего города. На следующий день меня увезли в санаторно-лесную школу. Вот где я натерпелась сполна из-за своей «прически»! На меня все дети показывали пальцем, хихикали, смотрели на меня, как на прокаженную. Один раз была радость, когда бабушка с дедушкой пришли ко мне. Я стала ходить в косынке. Ходила так долго, что уже и волосы подросли, а я все не снимала косынку. Однажды в школе с меня сорвала Галя косынку. Я очень плакала, навзрыд, а все дети с сочувствием успокаивали меня. Шло время. Я взрослела. Несмотря на замкнутость, меня никто никогда не мог запугать. Если обижалась, то никому не показывала своих слез, плакала тихо, и чтоб никто не видел. Никогда ничего не просила, но почему-то всегда все все давали (делились). Если же что-то просили у меня, могла отдать последнее. Лидером особо не была, но в кругу своих подруг мое мнение имело значение. Порой могла неосторожно высказать свое мнение в отношении более взрослых воспитанников, чем накликала на себя неприятности. Однажды сказала, что вот такая-то уж сильно «борзая», а там присутствовала сестра этой девочки. Она побежала и рассказала сестре. Меня вскоре вызвали на «беседу». Она училась в 7-ом классе, а я в 3-ем. Захожу в спальню. Она лежит на кровати. «Иди сюда», — очень грубо позвала. Я подошла, стою. Спрашивает: «Что ты

там про меня сказала?» Я молчу. Она меня пнула ногой в живот и опять: «Что ты говорила, повтори». Я молчу, опустив глаза, стараюсь не заплакать. Молчу. Она еще попытала меня и отпустила. Когда я вошла в фойе, то увидела, что все на меня смотрят вопросительно, в том числе и ее сестра. Наверное, для них оказалось странным, что я не плачу и даже как будто ничего не произошло. Эта девочка была уж очень, как бы сказать, «злой».

Чем старше я становилась, тем легче было мне в детдоме. Самое лучшее было — когда я была направлена в лучший лагерь Родины — «Орленок». Просто рай для детей! Я там пробыла два месяца. А обычно на лето мы уезжали на свою дачу с огородом. Каждое утро на огороде мы усердно работали, а после обеда играли, отдыхали. Наша Полина Яковлевна (директор детдома) приобщала нас к труду. На линейках награждали тех, кто в лучшем состоянии держал свои грядки, тех, кто хорошо работал. Это подзадоривало нас. Награждали нас шоколадками, конфетами, игрушками, разными приятными сюрпризами. Награждали нас и за хорошую учебу, в праздники и в день рождения, который проводили каждый месяц. Добрым словом вспоминаю всех воспитателей, особенно Зинаиду Ивановну Дорошенко и Зинаиду Григорьевну. Я всегда говорю: «Меня воспитывали люди с высшим образованием, люди, которые любили нас, и мы им платили взаимностью, но не всегда. Я жила в большой семье, в большом доме с мраморными лестницами, с красивыми шторами и большими картинами». И тогда меня спрашивают: «Это где? Во дворце, что ли? Или в институте благородных девиц?» Я с гордостью отвечаю: «В детском доме № 9!» Я помню, где-то с 5 класса нам преподавали аэробику. Думаю, что благодаря этому у меня складная фигура. Ходили мы в бассейн, пели в хоре. Может, это помогло мне поступить в педагогический колледж на учителя музыки и начальных классов, т. к. надо было спеть что-нибудь, а голос мне поставили в хоре детского дома № 9. Здесь же я научилась шить, вязать и очень хорошо рисовать. Все, чему я научилась в детском доме, в жизни пригодилось.

Стою лет в 16 у зеркала и говорю: «Бабушка, почему у меня нос какой-то не такой?» Отвечает бабушка: «Все у тебя будет

хорошо». В детстве я просила бабушку, чтобы она купила мне парик. Бабушка только улыбалась. После 20 лет у меня выросли красивые длинные волосы. Вспомнила бабушкино «израстешься, и все будет у тебя красивое: и нос, и все-все-все!» Как она была права! И замкнутость исчезла. Теперь я много улыбаюсь, несмотря на невзгоды. У меня растут двое чудесных детишек: дочь Ангелина (учится в 1 классе) и сын Сашенька (ходит в детский сад). У меня прекрасный муж, любящий отец. Да, бывают порой проблемы. У кого их не бывает? Мы вместе 10 лет. Главное — верить, что то, что пишут о нас в книгах — это не про нас. Мы — умные, вполне успевающие, развитые, красивые, умеем строить отношения и свою семью.

Нашим воспитателям

Юдина Светлана

<i>Надломлены судьбы У самого корня. Росточки загублены. Взрастить их так сложно! Любви материнской Лишенные дети, Как эти росточки Дрожат на рассвете. И те, кто лелеял, Растил их до цвета,</i>	<i>Всегда были рядом, Закрыли от ветра. Спасали в ненастье, Теплом обогрели, И веру в счастье, В любовь подарили. Но мало тех слов, Что сказать мы могли бы За эту любовь Вам Большое Спасибо!</i>
---	--

Учителям-воспитателям

*Василий Бортник,
воспитанник детского дома № 9*

*9-й детский дом — Дом нашего спасения,
Который очень в жизни нам помог.
В нем мы познали радость воскрешения.
Волнуясь, мы всегда вступали на порог.*

*Печали были здесь и радости.
Остались детство, юность позади.
Прощались нам любые шалости.
Гадали мы — что ждет нас впереди?
Мы не забыли наших воспитателей,
Тех, кто учил нас разуму, добру.
Всю жизнь мы — ваши почитатели
И помним все, чему учили детвору.
Учили нас быть очень терпеливыми
И откликаться на добро добром.
По жизни быть предельно справедливыми.
Мы в жизни все это учили потом.
И претворяли в жизнь напутствия
Держаться гордо, не склоняя головы,
Как жаль! Не все сейчас присутствуют.
Всех, дорогие наши, помним мы.
Ведь этот Дом дал в жизни главное
— Он научил людей любить,
Беречь традиции детдома славные.
Так и должно ведь в жизни быть.
И каждый, кто покинул его стены,
Вернулся мысленно в него не раз.
Так будьте ж Вы благословенны,
Учителя, что воспитали нас!*

ДОБРОЕ ВРЕМЯ

Валентина Владимировна ТРОФИМОВА,
12.10.1971 г. р.

В детском доме была с февраля 1983 г. по 1987 г. Училась в школе № 15. После 8 класса поступила в училище № 34 при заводе резиновой обуви. Окончив, получила образование среднее специальное по профессии «прессовщица-вулканизаторщица» III разряда. Работала вахтером, сейчас продавцом в магазине.

Мои воспоминания о детском доме самые разные, больше хорошие. По мере того, как мы выросли, мы все больше любили свой детский дом. Жили весело, интересно. Когда же я только поступила, то меня шокировал режим дня. По расписанию вставать, гулять, есть. Для меня это было большим кошмаром. Каждый день был расписан. Ты точно знал, что будешь делать в любой день недели. Но и в этом распорядке дня мы всегда находили лазейку — самостоятельно погулять.

В детском доме мы замечательно проводили свободное время. У нас были шефы из строительного отряда «Венсеремос» пединститута. Помню, однажды зимой они сделали нам сюрприз: надули много шаров и собрали нас в детском доме, рассказали правила игры, и мы все пошли в рощу, где устроили игру «Зарница». Конечно, каждая из команд хотела выиграть, но даже у проигравших не было обид. Все весело провели время на улице. Наигрались, напрыгались в сугробах, нагуляли аппетит. Здорово!

В старших классах с шефами из ДСК мы ездили помогать на объекты убирать мусор. Помню, когда построили большой концертный зал в г. Томске, мы там убирали мусор, мыли сцену. Нам было интересно, мы гордились, что нам доверили взрослые работы, что мы участвовали в сдаче объекта. В детском доме при нашем любимом директоре Нехорошевой Полине Яковлевне с каждым годом появлялось что-то новое, интересное. Начали отмечать каждый месяц дни рождения воспитанников. Дарили памятные подарки и всем коллективом пили чай, пели песни, рассказывали стихи. Это было трогательно. Ты понимал, что о тебе помнят.

Когда открыли кружок шитья, то первое, что мы шили — это были покрывало и наволочка. Каждый шил для себя, т. е. на свою койку, и для младшего брата или сестры. Покрывала получились яркие, блестящие, с рюшечками. Загляденье! Мы гордились спальнями. Там было очень красиво. Затем выдавали ткань, и каждый, кто хотел, шил себе игрушку, юбку, кофту и т. д. Было очень интересно, т. к. шили для себя, и при том это была первая работа, которую ты сделал сам, по своему вкусу и умению.

Было много восторгов, когда нам разрешили участвовать в демонстрации. Нам сшили всем ярко-голубую форму. Мы сами сделали транспаранты, цветы, надули шары. Мы шли своей колонной с цветами, шарами. Было тепло. Светило яркое солнце. На улицах играла музыка. Все улыбались, и это было так прекрасно! Здорово! Запоминаемо!

Летом отдыхали на своей даче. Это райский уголок! В лесу, рядом огород, речка Ушайка. Весело было! Выращивали все: картофель, огурцы, морковь, свеклу, смородину, малину и удивительно вкусную красную викторию. Правда, иногда и ленились полоть и поливать, но нас воодушевляли воспитатели и Полина Яковлевна. Когда же начинала зреть виктория, про все трудности забывали. Не всегда мы были примерными. Бывало, когда стемнеет, собирались кучками, бегали жечь костры. Нас ругали, наказывали, но мы не обижались.

Коллектив в детском доме был очень дружный, и это передавалось нам. Если веселились, то дружно, задорно. Жили один за всех и все за одного. Когда нам дали путевку в пионерский лагерь «Артек», то все вместе решали, кто лучший. Лучшие из лучших побеждали и ездили в лучшие лагеря страны «Артек» и «Орленок».

Как и все дети, мы любили каникулы. У нас была другая программа: мы почти каждый день ходили в кино, театр или гуляли по городу с шефами-студентами, устраивали разные игры в нашем детском доме. Можно вспоминать долго, а с возрастом обиды и неприятности забываются, остаются теплые, нежные чувства о прожитом времени в детском доме.

Мы всегда любили и уважали воспитателей и особенно нашего директора Полину Яковлевну. Благодаря ей у нас было много перемен в лучшую сторону, и в детдоме, и у нас, в нашем характере. Мы были откровенны с ней. Она нам верила. Это нас воодушевляло. Мы с уважением, с любовью вспоминаем жизнь в детском доме. Я очень благодарна воспитателям и всему коллективу: врачам, поварам, сторожам и всем-всем-всем!

Это было хорошее, доброе время.

ВОСПОМИНАНИЯ ТРИФАНОВОЙ НАТАШИ

«Летом обычно проводили праздник «Детство», олимпиады, смотри. К этим мероприятиям мы готовились весь год: шили костюмы, и сами, и заказывали в ателье; в хоре разучивали новые песни с Барашевым Анатолием Анатольевичем, а с Феллер Маргаритой Борисовной разучивали танцы и стихи. Придумывали эмблемы, тренировались в ловкости, прыжках в длину и высоту. Этим руководила директор Полина Яковлевна и Виктор Григорьевич. Нам все это нравилось, было весело, хотя и уставали, а иногда и не являлись на тренировки. Приезжали все детские дома из области. У нас всегда поселялся на эти дни Тогурский детский дом. Мы подружились с ребятами из этого детского дома. Вместе с гостями мы сажали деревья в нашей ограде. Когда расставались, плакали. Писали друг другу письма.

Летом мы любили проводить отдых вместе в пионерском лагере «Березка» на своей даче в д. Куташово. Это — наш райский уголок. Очень всегда ждали студентов строительного отряда «Венсеремос». Когда они были в городе, то приезжали к нам на дачу, где проводили различные игры. Особенно мы любили игры «Найди клад», «День Нептуна», пионерские костры, где пели песни, читали стихи, рассказывали сказки-ужастики, танцевали, отгадывали загадки, шутили. Все это проводили после обеда, а до обеда работали на огороде, пололи грядки с морковью, свеклой, луком, горохом, бобами, окучивали картофель. У каждого было свое задание. После работы купались в речке Ушайке. У нас на даче чудесное место. Обедали, спали (отдыхали), потом шли на веселые мероприятия или в лес. Как хорошо каждый день есть свежую морковь, горох, бобы, лазать по деревьям, собирать ягоды, шишки — это любимое лакомство.

Зинаида Ивановна ДОРОШЕНКО,
воспитатель 2–4 классов 1982–1990 гг.

Семь лет я работала в детском доме № 9 воспитателем. Директором была Нехорошева Полина Яковлевна. Шефами нашей группы была бригада Ивлева Виталия Андреевича от КПД домостроительного комбината. Длилась шефская работа по 1992 год. 7 ноября 1982 года была первая встреча с шефами, мы заключили социалистическое соревнование. Условия были следующими: рабочие должны были перевыполнять план и работать без прогулов. А дети должны учиться без двоек и пропусков занятий. Итоги подводили 1 раз в четверть на пионерских сборах. Победителей соревнований шефы награждали подарками. В 4 классе председателем Совета отряда была Наташа Сытик, в 6-м классе — Света Юдина.

В шестом классе мы проводили конкурсное сочинение на тему «Что мне дает соревнование с шефами?» Пять лучших сочинений были у Нины Логутиной, Лены Чубис, Натальи Сытик, Тайлашевой Раи, Натальи Кулагиной, Светы Юдиной. Света Юдина писала в сочинении, это соревнование обязывает ее к лучшей учебе, что она с особым настроением встречает бригаду Ивлева В.А., что для нее бригадир Виталий Андреевич — словно родной человек.

Встреча с шефами была радостным событием для всех, а для Светы — особенно. Светлана полюбила Виталия Андреевича, как отца, за его доброту и чуткое отношение ко всем детям. При встрече с Ивлевым В.А. Света сообщала о пионерских делах в группе. При каждой встрече детям вручались подарки. Шефы подарили нам проигрыватель с пластинками, волейбольные мячи, альбомы для рисования, простые и цветные карандаши, 50 шариковых ручек, шахматы и шахматный столик, шашки, скакалки, новые пионерские галстуки, художественные книги, деньги для похода в кино, поездку в город Кемерово на каникулы в Дом отдыха. На пионерских сборах ленту «Победитель соревнования» вручали лучшим детям. На одном из пионерских сборов Виталий Андреевич Ивлев был принят Почетным

пионером. При каждой встрече детей с шефами мы фотографировались для нашего классного альбома. Много было походов в кинотеатр «Пионер» вместе с лучшими представителями шефской бригады. Деньги на билеты всегда выделял Ивлев В.А. Однажды была незабываемая встреча в кафе, где он угощал нас мороженым.

Летом к нам на дачу часто приезжали шефы с подарками (книги, мячи, игры) и устраивали игры в волейбол. Летом мы также работали на полях, обрабатывали овощи, пололи картошку. У каждого была трудовая книжка, куда ставились оценки за участие в труде. Раз в неделю подводились итоги, лучших по труду шефы приглашали к себе в бригаду. Там мы помогали взрослым в уборке территории, после чего дети с некоторыми рабочими посещали кафе, где нас шефы угощали сладостями.

Были случаи, когда Виталий Андреевич лично беседовал с мальчиками о их неправильном поведении, так, были беседы с Женей Легчаковым и Женей Сытик. В жизни нашей группы однажды был такой случай: пришлось всю осень убирать листья в горсаду. И за хорошую работу нам дали денежную премию. На нее мы решили купить подарки Ивлеву В.И. и Зое Петровне Кухальской, она тоже была нашим шефом и почетным пионером. Чайный сервиз мы решили подарить Виталию Андреевичу, а вазу для цветов — Зое Петровне. К сервизу смогли купить еще яблок. Встреча на пионерском сборе была незабываемой. Дети радовались, что они хоть немного смогли отблагодарить этих добрых людей. Виталий Андреевич и Зоя Петровна были для нас самыми близкими и самыми родными людьми. Зоя Петровна много лет работала завхозом в детском доме № 9, и мы ее все очень любили за доброту и заботу к детям. Дети тянулись к ней, как к родной матери, Даже сейчас к Зое Петровне приходят наши воспитанники за добрым советом, и она всех встречает чаем с вареньем. Зоя Петровна — это большой души человек.

Так шли дни за днями. В овощехранилище к Зое Петровне дети с трудовыми книжками приходили поработать. За труд были оценки в трудовых книжках. Когда привозили продукты в детский

дом на склад, то мальчики помогали разгружать коробки. Были случаи, когда некоторые мальчишки тайно брали пачку печенья или пряник, но потом тайное становилось явным, Вот тогда Зоя Петровна, как добрая мать, воспитывала своим методом: брала расписку о том, что этот проступок был последний раз в жизни, а после задавала задание вымыть пол в подвале, т. е. трудом исправить поведение. Пословица гласит: «В семье не без урода». Так и в нашей группе было: некоторые писали расписки, но слова не держали.

Радостные минуты у нас были тогда, когда за хороший труд дети получали по шоколадке, а рядом были наши шефы. Особенно в памяти остался тот пионерский сбор, когда Света Юдина вручила подарки Ивлеву В.А. и Кухальской З.П. Они даже немного растерялись от подарков и благодарили нас, когда узнали, что мы трудились для этой встречи в городском саду. Эта добрая встреча с шефами оставила глубокий след в детских душах. И опять, как всегда, было чаепитие и фотографии на добрую память. Год за годом продолжалось социалистическое соревнование с шефами, и незабываемые встречи радовали все больше и больше. Мы благодарны судьбе, что встретились с такими людьми, как Виталий Андреевич и Зоя Петровна, за их доброту, внимание, ласку к детям. Они, словно солнце, грели детские души.

Чаепитие всегда было в столовой, где столы помогала накрывать повар детского дома — Чернова Зоя Михайловна. Зоя Михайловна — это тоже наша заботливая мама. О ней можно написать, пожалуй, целую книгу. Написать о том, что сама она — воспитанница детского дома в г. Владивостоке, что детдомовцев она любила, как родная мать, и еще очень и очень многое. Наша Зоя Михайловна даже свадьбу справила бывшей воспитаннице нашего дома. К ней в любое время дня и ночи можно было прийти за советом. Двери ее дома открыты для всех. Любили в гости приходить к Зоеньке семья Кулагиных: Наташа, Владимир, Игорь, а также Женя Легчанов, Наташа Сытик. К ней и сейчас приходят наши воспитанники в гости. Зоя Михайловна также приветлива ко всем. Хотя Зоя Михайловна

работает поваром сейчас в другом предприятии, но к ней дети приходят в гости в праздничные дни, особенно 8-го марта. 8 марта — это особый день для нее, это день ее рождения. И воспитанники идут поздравить нашу Зоеньку с Днем рождения. Каждой встрече она очень рада. Спасибо вам, Зоя Михайловна, за доброту и ласку. Вот такие хорошие, добрые люди были всегда рядом.

Сейчас наши дети стали взрослыми людьми. Наташа Сытик вышла замуж и живет в деревне с мужем. Света Юдина тоже замужем, живет в городе Томске, воспитывает двоих детей. Галя Логутина не захотела жить в Томске, живет в деревне. Виталий Андреевич Ивлев предлагал Гале учиться на курсах при КПД и потом жить, работать в Томске, но Галя все же решила уехать в деревню к старшей сестре. Витя Чайковский живет и работает в Томске, воспитывает 3 детей.

Многие воспитанники приходят на встречу в детский дом № 9. Всем им хочется пожелать всего хорошего, всего доброго в жизни. Счастья Вам, наши дети!

ДЕТСКИЙ ДОМ

*Полине Яковлевне Нехорошевой,
директору детского дома № 9 г. Томска*

*Тили-тили-тили-бом!
Дом печали, детский дом.
Часто с болью и стыдом
Вспоминаю детский дом.
Светят люстры в доме том,
И паркет коврами устлан.
Даже в лучшем доме том
Все равно темно и грустно.
Так и слышу за спиной
Крик девчушки кареглазой:
«Папа, папа! Ты за мной?
Я тебя узнала сразу!..»
Слезы горькие потом.
Дом печали, детский дом.
Солнце в небе голубом
Я набатом раскачаю,
Расскажу про детский дом,
Дом тоски и дом печали.
Тили-тили-тили-бом!
Солнце в небе голубом.
Почему в краю родном
Дом печали, детский дом?
Век на выдохе густом,
Не гремит военный гром,
Даже в космосе пустом
Космонавты строят дом.
Но стоит подобьем стона
Дом детей, лишенных дома!
Не грозит сухим перстом
Голод в солнечном сегодня.*

*Почему же детский дом
Не один, а сотни, сотни?
В мире нашем развитом
Дом сиротства, детский дом.
Солнце в небе голубом
Я, набатом раскачав,
Расскажу про детский дом,
Дом тоски и дом печали.
Смуту каждому уму
Брошу гулом: «Почему?»»*

*Мой детский дом — дом детства моего,
Бульдозер разровнял свои руины,
И нынче не осталось ничего...
Как все-таки мы к прошлому ревнивы!
Мне видится он прежним, детства дом:
Два этажа, на крыше клочья толя,
И выжжено оптическим стеклом
Левой окна одно лишь имя: «Оля».
Настроен на мажор скрипучий пол,
В одном углу сухой помет мышиный...
По памяти бульдозер не прошел.
Стоит в ней дом, как прежде, нерушимый.
Все так же манит сумрак чердака,
Где паутина свесилась узорно,
Где оборвать чужого чебака
Завяленного — вовсе не позорно.
Чужого?.. Все родное для меня.
Стоит мой дом, единственный на свете,
И все соседи здесь — моя родня,
Хотя порой и ссорились соседи.
Вот эту память можно ли — на слом?!
Стоит мой дом, бессильна злая воля.
И выжжено оптическим стеклом
Левой окна одно лишь имя: «Оля».
О доме том ночами вижу сон,*

Который повторяется упрямо:
Из окон патефонный Мендельсон
Плывет во двор, и мама моет раму.
«Мама мыла раму» —
Словно соль на рану,
Давнего учебника первые слова.
Помню: раму мыла.
Солнце в стекла било,
Мама улыбалась и была жива.
Даже что-то пела, И кипело дело,
Распахнулись окна в счастье и в весну.
Столько было света! Так и вижу это,
Да ничем теперь уж это не верну.
Лишь теперь хорошо мне знакомо,
Что такое: ни мамы, ни дома.
Чуть скрипит ночью Дальняя койка,
Хлюпает носом Мезенцев Колька:
«На белом свете Одни обманы:
В капусте — дети, А где же мамы?
Найти скорей бы Родную самую,
Пуускай без хлеба, Но только б — с мамою!
Она — хорошая, Она — не вредина.
Меня не бросила, А так ... на время». —
На дальней койке При свете месяца
Не спится Кольке, Николке Мезенцеву.
Ему мерещится, Как из тумана
К Николке Мезенцеву Выходит мама.
В семь лет — бессонница, А время сонное.
Слезами солится Белье казенное.
Ай да Юлька! Не Юлька — юла!
Да она королева катка!
И не руки у ней — два крыла!
Вон как мчится, стройна и легка.
В ритме танца мелькают коньки,
Оставляя на льду «вензеля».
Восхищенно следят пареньки,

*Шевелюры свои шевеля.
А за хлипкой оградкою, где
Перебиты зрачки фонарей,
Из-за Юльки бурлит в темноте
Еженощная драка парней.
Ай да Юлька! Не Юлька — юла!
Зажигает круженьем сердца.
Лишь полгода назад родила
И сдала под расписку мальчика...
Без печалей на выпуклом лбу
Кружит Юлька у всех на виду,
Словно вправду однажды судьбу
перепишет коньками по льду.*

*Мать многих сотен — Полина Яковлевна,
Хозяйка славная в большом доме.
А сколько плакано и переплакано,
Сказать кому!..
Она в работе едва не сутками.
Хоть вой, директор, а воз тяни!
А из поездов привозит сумками
Конфет московских для ребятни.
Мы в самолете. Летим с победою,
С того настрой наш отменно бодр:
Не зря по ГУМу вдвоем побегали,
В детдоме будет пять звонких домр!
Смеется, шутит Полина Яковлевна.
Не только грустью живет детдом.
Пусть много плакано и переплакано —
Звенит в ней радость, как струны домр!
Остановилась «Волжанка» ветхая.
Полина Яковлевна, ну, вот и дом.
Вдруг слышим крики: «Ура! Приехала!»
Ее питомцы бегут гуртом!
Ко всем добра она, ко всем внимательна,
Да всех не может она обнять,*

За недостойных назваться матерью,
Стократно женщина, стократно мать.
«Мой нагуленный, брошенный мной,
Где мне, стерве, тебя искать?
Никому не была женой,
Никому я теперь не мать.
Дочь шалавы и алкаша,
Тупиков и проулков дочь,
Далеко от них не ушла,
Повторила почти точь-в-точь.
Вся узлами пошла моя нить,
Закружила меня кутерьма...
Никого не хочу винить,
Виновата во всем сама.
Даже сука не бросит щенка,
Вспомнит, выходит под кустом.
Ну, а я своего сынка —
В том подъезде... чужом, пустом...
Не успела назвать никак,
Убежала, не чуя ног.
А теперь — в беспросветный мрак
Безымянно зову: «СЫНОК!»
Таёт пена разгульных лет,
Остается лишь грязный след.
Ни друзей, ни любимых нет,
Жизни нет, если сына нет.
Где искать мне, в каком окне?
Как же сына теперь узнать?
Ведь не скажет он «мама» мне,
Да и верно: какая мать?
Мир мой черным окован льдом,
Под уклон по нему скольжу...
Вот он — тот ли, не тот? — детдом.
У ограды его кружу.

Александр Казанцев,
5–12 ноября 1988-го года

«Сон разума рождает чудовищ»

Ф. Гойя

Солнце в небе голубом
Я с набатом раскачаю.
Расскажу про детский дом,
Дом тоски и дом печали.
Смуту каждому уму
Брошу гулом: «Почему?!»

Тили-тили-тили-бом!
Дым невидимый — столбом!
Дом горит, наш Общий Дом,
Что ж мы спим, чего мы ждем?
Дом горит средь бела дня —
Вам не слышен рев огня?

А услышать вы смогли б
Кольки Мезенцева всхлип?
По ночам во всхлипе том —
Дом горит, наш Общий дом!
В смехе Юльки надо льдом
Дом горит, наш Общий дом!
Что ж мы спим, чего мы ждем?

Если разум скован сном —
Явь чудовищна. В одном
Нам спасение от зол,
Чтобы сон скорей прошел.
Пусть набата медный стон
Рушит, Рушит, Рушит сон,
Чтобы стал вчерашним сном
Дом печали, Детский дом!..

ВО ВРЕМЕНАХ ЖИЗНИ...

Евгений Иванович ДЬЯЧКОВ

Здравствуй, брат по интернату! Бесконечно рад встрече с первым моим однокашником и гимназистом. Ищу давно земляков. И вот она первая удача... С 1949 по 1952 год учился в начальной школе, с 52 по 55 учился в русской гимназии в Кульдже и жил в интернате. Сейчас мне 75 лет, почти ослеп, стараюсь работать с помощниками и друзьями на тему Русская эмиграция в Кульдже. Ты поступил в гимназию немного позже меня. Но в коридорах гимназии и в классах наши пути пересекались. Я же начальные 4 класса окончил в городе Тогызтарау и в селе Мухур-Джергалан. 5 класс гимназии проживал у материной сестры на углу трассы Кульджа Харгос: перед мостом через речку Пиличинка, около клуба генерала Исхакбека. На время учебы в 6 классе жил в ста пятидесяти метрах от гимназии в комнатке с бабушкой и сестрой, квартиру снимали у уйгуров.

В интернате Кульджи мы с сестрой жили недолгое время. Позже сестра уехала домой, а я учился в гимназии до 1 июня 1955-го года. Из интерната я погрузился в машину колонны, которая везла кульджинцев на целинные земли. В Харгосе нас всех погрузили на две баржи «Каркаралинск» и «Казалинск». В этом ржавом железе с мутной водой, которая плескалась под дощатым настилом, мы доплыли до железной дороги. На станции Капчагай нас погрузили в телячьи вагоны, и мы полмесяца, в июньскую жару, добирались до целины. Выгрузили нас на станции Казахстан, не доезжая 120 км до Уральска.

Больше года прожили на четвертом отделении совхоза «Бурлинский». Седьмой класс окончил в райцентре Бурли, жил в интернате. Потом семье разрешили выехать к родственникам по месту раскулачивания, и мы вернулись в Киргизию, к дяде моего отца Григорию Васильевичу Дьячкову — он вернулся с германского фронта без левой руки и полным Георгиевским кавалером...

...Пути наших предков по многим известным нам причинам действительно неисповедимы, а часто и тщательно скрываются: лишняя информация в те времена могла обернуться бедой.

Историю предков приходится собирать по крохам, в ней много белых пятен и закрытых тайн.

Вот что я мог выяснить о своей семье — дед по материнской линии, Иван Иванович Пшеничный, был станичным атаманом в городе Жаркенте (Панфилове). Он запечатлен на фотографии 1913-го года в групповом снимке Семиреченского Казачьего правительства во главе с губернатором, членами правления среди других 12 станичных атаманов. Фотография была сделана по поводу празднования трехсотлетия Дома Романовых. В германскую войну 1914-го года в составе второй отдельной сотни Семереченских казаков дед был отправлен на фронт в Карпаты. Года через полтора вернулся в Жаркент, где опять стал станичным атаманом. Его отец, видимо, в Семиречье попал со вторым казачьим полком сибирского казачьего войска 1867 году после указа императора Александра II о создании Семиреченского казачьего войска.

В конце 1920-го года Жаркент заняла армия атамана Дутова — все окрестные села и город были определены на фуражировку и построй казачьих станиц. Дед, который жил в С. Башкунчи, собирал продовольствия и фураж для армии атамана. После того, как красные выбили Дутова из Жаркента, он увел свое войско в Суйдун в Синьцзян. Здесь его казаки были расквартированы в Китайской крепости-цитадели, им оставили по одной винтовке на десять человек. Красные, установившие советскую власть в Жаркенте, стали таскать его в ЧК как пособника белогвардейцам. Дед аргументировал свою помощь как исполнения служебного долга станичного атамана. Говорил, что только недавно закончил аналогичную фуражировку для Красной Армии. Дважды его отпускали, после третьего ареста держали больше месяца.

Держали одного в амбаре из-под зерна: хлеб, вода, часовой за дверью. Однажды ночью услышал стук в окно, прислушался. Ему потихоньку проговорили, что утром его собираются расстрелять. Говоривший предложил попроситься у солдата в туалет, сказав, что он в туалете оторвал две доски в задней стенке, что внизу в овраге, его ждет оседланный конь. Посоветовал мчаться домой вооружиться и на своем коне уходить в Китай. Коня разрешил бросить, сказав, что он придет домой сам. Он так и сделал.

Но погоня из пяти красноармейцев уже на рассвете стала настигать его уже на китайской стороне. Пятеро стреляли по нему и его коню. Исход был бы предрешен, но дед уходил на своем боевом коне, который был приучен по команде ложиться. Дед залег за него и стал отстреливаться из карабина, скорее всего, подстрелил одного—двух коней. Тогда погоня отстала, и он уехал к атаману Дутову, где полгода жил с тремя его казаками в одном каземате. Я не удержался и спросил мать, что стало с преследователями. Она сказала: — А зачем тебе знать об этом?

Даже через полсотни с лишним лет страх не отпускал наших родителей из боязни навлечь беду на детей. Думаю, что казаку, прошедшему войну, ничего не стоило перестрелять их. Но он знал, что ждало его семью из девяти детей в отместку за это.

Через полгода он сумел забрать семью в Китай, где в поселке Чимпанзе обосновался на несколько лет. Был деловым партнером богатого уйгура, и семья быстро стала на ноги. Дед был одним из первых вольных русских поселенцев в Синцзяни. После убийства Дутова чекистами в 1921 году его армия из крепости ушла, и долгое время солдаты и казаки бедовали как наемная рабочая сила у уйгуров.

Узнал об этой истории я от матери, уже будучи журналистом и кинорежиссером, случайно. Его спасителем стал многолетний уйгур, бывший у него много лет работником. И я пообещал матери, что постараюсь обязательно написать и снять об этом фильм. Фильм о судьбах других людей, бежавших в Синцзян и в двадцатых, и в тридцатых годах после раскулачивания. Дед уже был известной личностью в Китае, его разыскивали как поручителя перед местными властями во время раскулачивания и бегства из России людей в 1930–1933 годах...

По отцовской линии — семью отчима, бабушку и моего отца, раскулачили в 31 году и отправили отчима на Беломорканал. Через год он бежал, забрал бабушку и отца и 14 марта 1933-го года они ушли в Китай. Далее — бедность, мытарство, служба на стороне уйгуров в дунганскую войну, женитьба и медленное обретение благополучия. Во время уйгурской республики Уйгуристан (1944–1949),

в числе других русских был призван уйгурами на китайскую войну, был ранен, как и твой отец, при штурме китайских казарм в Аренбаке, в Кульдже. В Союз вернулись в 1955 году эшелонами в телячьих вагонах на целинные земли Уральской области...

...Год учебы в гидромелиоративном техникуме мне не понравился, и я его бросил. Лето и осень был в бегах от семьи, потому что отец пообещал отвернуть голову. С лета до глубокой осени работал сначала в геологоразведке, потом помощником конюха в цирке в группе знаменитого наездника — осетина Алибека Кантимирова. Однажды он засек меня около коней, их было 7 штук. Все белые и серые, я чистил, кормил и вываживал их после выступления на арене. Алибек сам уже не выступал, ему было около 70 лет, работали 3 его сына. Он очень удивился, увидев меня и узнав, что я с 7 лет уже ездил на коне. Предложил мне войти в группу молодых наездников-учеников, которую он выбирал по всей Средней Азии. Я согласился.

Больше 2 месяцев спал на сиденьях амфитеатра цирка, подстелив под себя красную ковровую дорожку, которая покрывала арену цирка, концом ее укрывался, как одеялом. Питался, приворачивая картошку, морковку, свеклу у яков, верблюдов и прочих парнокопытных. В конце гастролей старик нашел меня и сказал, чтоб я собирался ехать с группой в другой город, где начал бы уже обучаться верховой езде на конях и джигитовке. Я сказал ему, что мать плачет, потеряв меня. Он сказал: «Ну, это святое...» Возвращаться домой я не стал, а поступил в ремесленное училище, на кузнечное отделение. У меня диплом кузнеца 5-го разряда и опыт работы в кузне...

Потом — курсы шоферов при ДОСААФе и служба шофером в армии. Учился на факультете журналистики в Алма-Ате и пять лет работы в разных газетах. Затем — учеба на очном отделении режиссерского факультета ВГИКа. Окончил с успехом.

К журналистскому диплому добавился диплом режиссера научно-популярного кино. 10 лет пробыл в Москве, женился, родил сына. Работал сценаристом и режиссером на студиях «Союзвздуфильм», «Центрнаучфильм» и «Леннаучфильм». На «Мосфильме» на двух картинах работал вторым режиссером.

К хорошей режиссерской работе пробиться не удалось. Семья распалась, вернулся один в Алма-Ату к родне. Работал в газетах и на отцовской пасеке, ну, и здесь была безработица. На 5 лет уезжал в Приморье, тоже безуспешно. Опять вернулся в Алма-Ату, снова газетные журнальные работы. После распада СССР все бросил и переехал к родителям в Маловодное, 70 км от Алматы. Далее и везде — пенсионер...

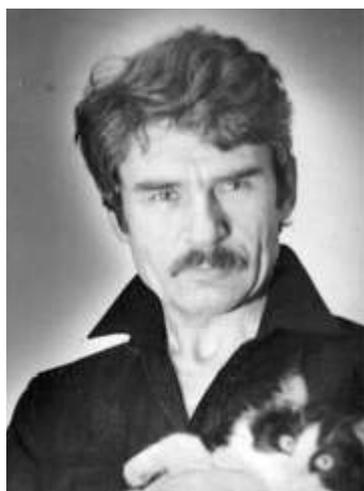
...Говорят, судьбы у людей разные. Как видно, у нас судьба, во многом, общая: жили в одном городе, учились в одной гимназии, боролись за горбушки хлеба в одном и том же интернате, к тому же — и в одно время: ведь меня на одной из машин колонны будущих целинников забрали прямо из интерната. Похоже, и в баржах, и вагонах телячьих ехали на целину, могли быть рядом...

Учеба в гимназии была одной из самых ярких страниц в моей жизни. Отец из села Мухур до Кульджи отвозил меня на пароконной бричке. Добирались трое суток, первый день заканчивали в городе Тогыз-тарау, второй — после переправы на пароме, через реку Или в караван-сарай уйгурского поселка Ямату. К концу третьего дня добирались до Кульджи. После решения отца обучать меня в русской гимназии я считал дни и ночи до отъезда... Это было праздничное путешествие в город-мечту, поездки ни в Москву, ни в Ленинград не шли ни в какое сравнение с Кульджой...

За год учебы Кульджа немного надоедала, и я с нетерпением ждал обратной дороги в свое горное село и далее на пасеку, на Джайляу. За лето это опять приедалось и опять нетерпение — скорее в Кульджу. И так было 3 года. Еще до поступления в гимназию в селе, (отрезанном от всего мира большими снегами, в селе, где не было электричества, где из музыки была лишь одна гармошка и одна балалайка) долгими зимними вечерами у нас собирались две или три семейные пары из числа друзей отца. Лепили пельмени и выбрасывали на мороз или лузгали семечки, и все это — под рассказы наших дедов и бабушек, отцов и матерей. О тех невзгодах и радостях, которые они переживали в детстве и юности в Казахстане, о том как разбогатели в период НЭПа, о раскулачивании и тайном бегстве в Сынцзян.

*Евгений сын Ивана из рода Дьячкова, Семиреченского Казачьего Войска
станичного атамана. 15.02.75 г. с. Маловодное, Алма-Атинская обл.,
Казахстан*

Мой отец родился в 1912 году, с 1934 по 1938 год служил и воевал с дунганями, которые хотели захватить Кульджу, Илийскую долину и грозились вырезать уйгуров. Уйгуры призвали в армию русских, в числе которых были и наши деды и отцы. Вот обо всем этом, о службе и боях шли разговоры в зимние вечера. Эти их воспоминания во многом и определили мою творческую судьбу: журналистику и кинорежиссуру. Я бы давно мог стать известным писателем, даже раньше, чем Володя Уразовский. Но были трудные времена, безработица, потом — многолетний уход за больными родителями. И только вот сейчас, на последнем рубеже, пытаюсь, хотя бы немного, рассказать потомкам нашим, о том, что пережили наши деды, отцы и мы, их внуки, на чужбине — в Казахстане, в Китае, и опять в Казахстане и ближнем зарубежье.

Вот почему, друже, ищу похожие судьбы, чтобы рассказать о них нашим детям, каков русский человек в бедах, на войне и в других всяких суровых обстоятельствах. Вот почему во время учебы кинематографии в Москве я снимался у своих друзей в их дипломных фильмах, в том числе и в роли казака из отряда, который преследовал, якобы, двух убежавших революционеров. Вот почему я, 33-летний студент очного отделения, с уже одним дипломом и высшим образованием в кармане полез «в артисты». Мне вновь, как в детстве и юности, захотелось себя почувствовать в седле, да еще и в форме моего деда, станичного атамана, в конной группе.

Нас было человек 15, кони для фильма. Моему другу Сереже Шутову дали коня из мосфильмовского конного полка. Кони были боевые, повидавшие на своем веку самые разные передраги. У моего коня была кличка Друг, он был старый, но надежный. Его дважды, в фильмах, сбрасывали с моста в реку — дескать, если и погибнет, то потеря небольшая... А он брал да и выплывал целым, здоровым и невредимым!!! Тоже ведь — судьба, даже у скотины... Я стрелял на ходу с него из седла, холостыми патронами, а он даже ушами не реагировал на выстрелы...

...Друг дорогой, вот уж поистине царский подарок — куча впечатлений, море радости и ностальгии. Громаднейшая

благодарность, особенно за снимки до боли знакомых мест... Взять хотя бы паромную переправу — на пароме я с троюродными братьями Васей и Мишей Алексеенко ездил через Малый и Большой Чокур, через притоки или за арбузами, где у них были бахчи. В Чокурах была прозрачная вода, в отличии от илийской, в большом количестве водились чебаки, которых мы ловили на самодельные крючки и коноплянную леску...

Особое волнение испытываю при слове Аримбак. Ведь в боях за него был ранен и чуть не погиб мой отец, Иван Андреевич Дьячков. Не осталось ли у кого фотографии русской гимназии, гимназистов в форме? Мне, к сожалению, не приходилось фотографироваться, не было денег. Единственная фотография 3x4 не сохранилась, фотографироваться и фотографировать я начал только в Союзе. Нет ли у кого фото церкви? Мы, гимназисты, часто ходили туда на богослужение и стреляли из рогатки по колокольне, надеясь таким варварским образом извлечь долгий и чарующий малиновый звон. Может быть, в числе друзей есть люди, которые учились в гимназии с 1952–1955 год? Хотелось бы связаться с ними. Пока что я связался с земляками Уразовским, директором гимназии и школы имени И.В. Сталина, В.В. Чечелевым и тобой. На днях попытаюсь связаться с В.И. Казанцевым и еще кое с кем...

Читаю твое послание, из последних зрительных сил разглядываю снимки: ведь мой дед знал атамана Дутова, будучи станичным атаманом, многократно, и в России, и в Синьцзяне, общался с ним. Незадолго до гибели Дутова дед посылал своего сына Прокофия к нему в крепость. Позже, в 1970-х годах, я спросил у него, зачем ездил? На что он ответил — «А зачем тебе знать?..» Ну, я же журналист, мне надо. Он опять ответил отказом. И мать, и ее братья, дядья, и отец с бабушкой многое скрывали от нас, боясь за нашу жизнь и свободу. Вот почему сейчас, когда об этом стало возможно говорить, я пытаюсь по крупицам собрать хотя бы что-то из истории нашего рода. Позже постараюсь выслать несколько фотографий отца периода Дунганской войны и войны за создание республики Уйгурстан, восточный Туркестан ...

Напиши хотя бы немного о себе. Где учился в Союзе, что делал после учебы в интернате — мне все интересно. До сердечного спазма взволновала судьба вашей семьи: какая высокая трагедия отцов, пожертвовавших своей жизнью ради детей и семьи!..

*Какой несправедливой бывает судьба —
бросает отцов и дедов в такие жесточайшие испытания...*

БЕСПРИЗОРНИКИ СЕЛА СЕМИЛУЖКИ

Нина Петровна ПРУШИНСКАЯ (Абраменко)

1935 г. р.

Беспризорников в Сибири было много после Мировой войны 1914-го г. и после Революции 1917-го г. Колония малолетних беспризорников и преступников в Томской губернии была организована Приказом Наркомпроса РСФСР. Колония создана по образцу учреждения Макаренко, известного педагога того времени, в кирпичном здании по улице Красноармейской.

Здесь в настоящее время находится зубопротезная поликлиника. Воспитанники здесь учились и работали — выпускали фотоаппараты. В связи с началом Великой Отечественной войны здание колонии срочно понадобилось под госпиталь для раненых на фронте. Многие старшие воспитанники колонии ушли на фронт, а малолетние сироты (и скрывавшиеся от фронта 18–20-летние воспитанники) были вывезены в село Семилужки. Их поселили в большой поповский дом возле церкви, которая была одной из крупных на территории Нарымского края. Церковь и поповский дом были богаты украшениями и позолотой.

Эвакуированная колония из Томска по тем временам имела струнные и духовые инструменты в оркестре и считалась наиболее обеспеченной в сравнении с другими детдомами. Я с другими беспризорниками оказалась в детдоме летом 1942-го года, когда

мне было семь лет (14 марта 1935-го г. р.) Пока меня оформляли в конторе, я видела, как валялись на полу струнные и духовые инструменты, которые в то время никого не интересовали. Церковь была закрыта, а потом приезжали какие-то люди, снимали позолоту по стенам и потолку комнат, а здание церкви взорвали. Около церкви находилось кладбище святых угодников, могилы были без крестов, но покрыты металлическими плитами с изображениями святых. Купола церкви были с позолотой, ее сдирали и вывозили вместе с иконами и кирпичом, более целым после взрыва здания. Могилы святых засыпали всяческим хламом и строительным мусором. Мы там лазили и с любопытством очищали металлические надгробия, чтобы знать имена святых людей. Здесь все было порушено и погребено разрухой, оградка около церкви исчезла благодаря местным жителям.

Шло военное лето 1942-го года. Сначала Семилуженский детдом располагался только в поповском доме, но детей из числа беспризорников все везли и привозили, и пришлось селить их в другой большой двухэтажный дом, расположенный в 500-х метрах от бывшей церкви. Тот год зима была необычно холодной и голодной, часто не давали хлеба (привозили хлеб в сельповский магазинчик), директора детдома часто менялись. Так, в 1944 году приехали молодые педагоги после педучилища. В это время директором назначен был Гаевой Федор Георгиевич, после ранения на фронте его комиссовали.

Он нам рассказывал, как они попали в окружение немцев, были загнаны в Пинские болота. В зимних условиях и по болотам у него, как и у многих солдат, болели ноги. Он ходил с тросточкой, в сапогах, и часто постукивал ею по ногам. С приходом Ф.Г. Гаевого у нас появились молодые воспитатели Норкина Валентина Николаевна, завуч Карпова Евдокия Филимоновна. А также врач, который был единственным на четыре деревни. Жизнь в детдоме стала налаживаться. Всех старших ребят, скрывавшихся от призыва в армию, директор направил в военкомат. Вскоре Ф.Г. Гаевой был переведен в г. Томск директором детдома № 5 по ул. Горького. Когда мы окончили школу, 7 классов, то взял нас из Семилуженского в свой детдом.

Про выпускников детдома могу упомянуть, что Дмитрий Вострецов стал военным. После окончания педучилища он окончил еще Томское военное училище, принимал участие в событиях в Германии и дослужился до звания полковника, проживает в Омске. Прошлым летом приезжал с семьей в Семилуженский детдом на встречу с выпускниками детского дома. Одна из выпускниц детдома, Елена Германовна Урбан, была из репрессированной семьи, сосланной в Сибирь. В настоящее время проживает в Семилужках, так как была «невъездной», работала в детдоме. После смерти И.В. Сталина была реабилитирована ее семья, но она осталась и живет в Семилужках. Она бодрa и оптимистична, хоть ей уже 81 год. Мы с ней поддерживаем связь и друг друга в трудных жизненных ситуациях. Ее брат окончил университет, но по состоянию здоровья был слаб и рано умер. Элла, младшая сестра Елены, после школы работала продавцом, и подруги ее «подставили», обвинили в воровстве, из-за чего она повесилась, нашли дома мертвой. Моя любимая подруга Маша Лукина живет на Украине, к сожалению, связь с ней прервалась из-за военных событий там.

Мне в этой жизни повезло... После учебы в педучилище (воспользовалась правом сразу поступать в институт) поступила на факультет физического воспитания Педагогического института. Имею педагогический стаж 52 года: 16 лет в Политехническом, остальное время в ТИАСУРЕ, на кафедре физического воспитания и спорта. Являюсь кандидатом в мастера спорта по лыжным гонкам. В семье муж — мастер спорта по лыжным гонкам, сын Александр работает шофером-профессионалом, внучка Катя — штукатур и маляр, и отделочник, правнук Димочка шести лет. В настоящее время, с сентября 2012-го года, нахожусь на заслуженном отдыхе, член домового комитета дома из 10 подъездов.

Сохранились в памяти имена сотрудников и воспитателей Семилуженского детского дома и детского дома № 5 г. Томска. Среди них: директор Федор Георгиевич Гаевой, завуч Евдокия Филимоновна Карпова, воспитательница Валентина Николаевна

Норкина, пионервожатый Василий Ерофеев, воспитательница Валентина Алексеевна Гаевая, воспитательница Антонина Николаевна Григорьева, руководитель художественной самодеятельности Ксения Евгеньевна (первое место занимали среди коллективов сельских детдомов), повара столовой детского дома тетя Нина и тетя Шура, воспитательница Зинаида Степановна Соловьева. Спасибо им всем!!!

ГЛАЗАМИ ВОСПИТАНИЦЫ...

Историей о нашем детском доме поделилась Урбан Елена Германовна, которая воспитывалась в нем с 1944 по 1949 год.

«Хорошие были времена, дружно мы жили» — говорит Елена Германовна. Она живет по соседству с детским домом, а точнее, в одной ограде и работала здесь кладовщиком с 1949 по 1997 год. На фото с директором — Масуновым Сергеем Алексеевичем.

«С момента основания детского дома много сменилось директоров, человек 8–9, первым директором стал Гаевой Федор Георгиевич, примерно в 1943 году, который задержался во главе и у меня в памяти. Да он был в военное время» — говорит Елена Германовна. «Затем пришел Гореликов Андрей Васильевич с 1950-го года. С 1955-го — Родченко Анатолий Михайлович, и был очень ответственным человеком. Бывало, уезжает на два часа и пишет приказ на замещение. А Попов Николай Дементьевич — с 1959-го года. Дети его слушались. Как-то у меня дети приноровились картошку покапывать, я пожаловалась директору. Николай Дементьевич их выстроил в ряд и говорит: «Вы каждый по кусту копаете, а она что зимой будет есть?» Больше картошку не трогали. Хорошие были времена — люди друг друга понимали. Было свое хозяйство в детском доме, пасека».

Пашовкин Степан Гаврилович работал в должности директора детского дома с 1975 по 1989 год. Работники детского дома вспоминают его добрым словом, он стремился делать все на благо детского дома: построил второй корпус, столовую, гараж-мастерскую...

«СЕМИЛУЖЕНСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ»

В ноябре 1941-го года из города Томска восьмой детский дом был переведен в село Семилужки. В то время с. Семилужки относилось к Туганскому району Новосибирской области. В 1955 году детей из Семилуженского детского дома расформировали в другие детские дома. А в Семилужки перевели Ягодный детский дом Асиновского района, в котором находились дети, привезенные из блокадного Ленинграда, и, находясь в Семилужках, детский дом продолжал называться Ягодным, по приказу Томского областного отдела народного образования № 84.

Решением Томского облисполкома № 230 от 24.09.1980-го года Ягодный детский дом переименован во вспомогательную школу-интернат для детей с дефектами умственного и физического развития с. Семилужки. Решением Управления образования Администрации Томской области от 20.04.1994-го года за № 196/0 Семилуженская школа-интернат реорганизована в семейный детский дом для детей-сирот и детей, лишенных попечения родителей, дошкольно-школьного возраста. В июле 2002 года ГОУ «Семилуженский детский дом» переименовано в Областное государственное образовательное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Семилуженский детский дом» (Приказ № 180/7 от 30.07.2002).

В апреле 2007-го года ОГОУ «Семилуженский детский дом» передано в ведение вновь созданного Департамента по вопросам семьи и детей Томской области (Распоряжение Администрации Томской области № 169-ра от 28.04.2007).

Основные направления в работе:

Социально-правовое; духовно-нравственное; педагогическое; социально-психологическое; трудовое; коррекционно-развивающее; патриотическое; медико-социальное; сопровождение детей в замещающих семьях.

Директора:

- с 1989 по 1991 г. — Бедин Владимир Николаевич,
- с 1991 по 1993 г. — Вуколов Владимир Владимирович,
- с 1993 по 1995 г. — Османова Тамара Григорьевна,
- с 1995-го по настоящее время — Масунов Сергей Алексеевич.

ВСТРЕЧИ В «ЗОЛОТОЙ ОСЕНИ»!

Каждый месяц ветераны Союза воспитанников детских домов и школ-интернатов Томской области (Союз ВДДИ) собираются в своем офисе на площади Ленина, чтобы посетить полюбившуюся встречу в клубе пожилых людей «Золотая осень». Этот клуб работает здесь уже более трех лет, он был основан в октябре 2006-го года по инициативе председателя Правления Союза ВДДИ Р.П. Аввакумовой совместно с ОГУ «Центр социальной поддержки населения Советского района г. Томска».

Сегодня, в наше трудное время выживания, многим не хватает круга общения, особенно это затрагивает пожилых людей. Ведь старость нельзя отодвинуть, но зато можно сделать ее более активной, интересной и наполненной новым жизнеутверждающим содержанием. Вот почему для каждого ветерана Союза ВДДИ встречи в клубе «Золотая осень» становятся поистине самым теплым и родным мероприятием. Они сближают людей, скрашивают их горькое одиночество.

С порога в офисе Союза каждого участника очередного заседания любезно встречает давний и верный друг клуба «Золотая осень» психолог Елена Владимировна Морозова, которая трудится в Центре социальной поддержки населения Советского района пятый год. Именно на ее долю выпадает самая ответственная и интересная часть встреч — проведение познавательных лекций и бесед. Их темы — самые разнообразные и увлекательные. Например, такие: «Как лечиться травмами?», «Как победить бессонницу?», «Возраст — не диагноз» и другие.

Прекрасным дополнением к лекциям стали регулярные праздничные мероприятия в честь Дня пожилого человека в форме игровой программы «Поле чудес». Этот вечер сопровождают улыбки, добрая светлая атмосфера, которая останется надолго в памяти каждого. Также многие получали благотворительные билеты на концерты и танцевальный бал в драмтеатр.

Встречи в клубе проходят в дружной семейной обстановке за большим столом, над которым вьются дымок от вкусного горячего чая и ароматные запахи от красивого торта. Особую торжественность приобретают встречи в клубе в дни рождения, юбилеев его участников, а также накануне знаменательных и праздничных дат. Последнее время Елена Морозова стала больше уделять внимания психологической работе с молодым поколением — выпускниками детских домов, так как эта группа ребят, не имеющая родителей, особенно нуждается в социальной и психологической поддержке.

От имени Правления Союза ВДДИ Томской области выражаем искреннюю признательность и благодарность за помощь и замечательную организацию работы клуба «Золотая осень» начальнику психолого-педагогической и правовой помощи Центра социальной поддержки населения Советского района Н.А. Котенко, психологу Е.В. Морозовой. Желаем успехов в их благородной работе, а всем участникам клуба «Золотая осень» — доброго здоровья и душевной радости!

Ветераны Союза ВДДИ: *О.В. Нелюбина, В.П. Твердохлебова, О.В. Марченко, Н.И. Долдин, П.Я. Нехорошева, З.В. Чуприна, Л.М. Дружинина и др.*

ПОМНИМ АСИНОВСКУЮ ШКОЛУ-ИНТЕРНАТ

Евгений ЕВДОКИМОВ

1969 г. р., выпускник 1-го детдома г. Томска и школы-интерната г. Асино 1985-го года

Вспоминаю старшие классы. Захотелось нам провести себе в спальню радио. Залезли на чердак нашего спального здания. Скинули оттуда двухжильный тоненький провод, который протянули на другую сторону улицы Партизанская. Подсоединили к клеммам на столб, стоящий там. Потом развели по форточкам в спальные комнаты. Какое было сладостное чувство подсоединять концы проводов к маленькому моно-наушнику (тогда стерео не было) и слушать, закутавшись в одеяло. В этот момент казалось, что тебя переносят в другой мир. И все шумы посторонние отключались.

Мгновенно засыпалось. Радио помогало вставать в 6 утра — гимн включали, и радио начинало трансляцию. Заиграет под подушкой. Потянешься, послушаешь мало новости и выходишь. Кого-нибудь разбудишь (а кого и нет), кто просил пробежаться с тобой. Не спеша наденешь спортивный костюм, кроссовки, перчатки. Во всем корпусе тишина. Все спят.

И ночная няня тоже на первом этаже. Пройдешь мимо нее тихонько, дверь входную откроешь. Выйдешь из корпуса по искристому, сверкающему снегу. Фонари освещают это таинство. Красотища. Пробежишься через площадь Ленина, вдоль горкома, по стадиону несколько кругов. Потом на перекладине

подергаешься. Прибегаешь весь распаренный, разгоряченный. Откроешь полностью окно в умывальной комнате. Обоьешься холодной водой по пояс. Оботрешься. И получаешь кайф... Тут уже приходят воспитатели — делать подъем. Постель заправишь и идешь через подвал в столовую. *Все же запоминается только хорошее и светлое...*

Рита УСОЛЬЦЕВА (Бершауэр)

1956 г. р. выпускница 1975-го года

С годами память стала тревожить все больше. Встречи с одноклассниками, пусть даже и в виртуальном мире, будоражат и приводят к новым и новым, и новым воспоминаниям. Ах, детство, детство! Вспомнилось, как я оказалась в школе-интернате. Меня забрали у неродной матери, за плохое отношение ко мне и отправили в Томский приемник-распределитель. Провожала меня вся деревня, жалели люди сироту. Кто-то подарил мне платье из крепжоржета, уже давно вышедшего из моды, кто-то отдал газовый платок, который потом очень пригодился, потому что в приемнике меня остригли налысо, и еще был деревянный чемоданчик.

Я оказалась в интернате в начале июня 1966-го года. Мне как раз исполнилось 10 лет. 7 лет я проучилась в интернате, с 4 по 10 класс. Вот в таком виде я и предстала перед директором интерната Педураровым Григорием Ивановичем. Хотя в его глазах было сострадание, он просто не смог сдержать улыбку. Да это и понятно. Картина умопомрачительная. Маленькая худенькая девочка, в платочке, подвязанном, как у старушки, в крепжорже-товом платье до пят и с деревянным чемоданчиком в руках. Меня почему-то сразу же окрестили головастиком. Может быть, моя голова действительно казалась очень большой пропорционально моему худенькому тельцу.

История интерната тогда-только начиналась, и все было, почти как в кинофильме «Республика Шкид». Старшие держали «шишку» над младшими, и мы жили в постоянном страхе. Среди всех была одна девочка, которую я боялась до ужаса. Наташа Трушникова, по кличке Труфа. Моя неродная мать хотела

вернуть меня назад. Однажды она прислала мне переводом 1 рубль. Труфа заставила меня подписать 0, в надежде получить 10 рублей. Сколько я тогда пережила из-за этого. 10 рублей были тогда большими деньгами. Началось дознание. Но я не могла сказать правду. «Сексотам» играли темную, накрывали ночью одеялом и били всем скопом, жестоко били. Эта Труфа, как я узнала через много лет, умерла в одной из тюрем, из которых она не вылезала. Городские нас не любили и называли «инкубаторскими». Мы были тогда для всех изгоями. Но время шло и, благодаря нашим учителям и воспитателям, действительно работающих с детьми по призванию, жизнь в интернате постепенно налаживалась. Старшие брали шефство над младшими, стирали и гладили одежду, плели косички и защищали от обидчиков. Мы стали намного дружнее.

Помню, построили зимой за интернатом деревянную горку и залили водой. Мы катались до одури. Вечером там собиралась вся молодежь, а у нас отбой в 9. Мы ложились, притворялись спящими, а потом через окно в подвале убежали на горку. Нас раскусила ночная няня т. Дуся по кличке «Заутра» и стала закрывать окно, чтобы мы не смогли таким «макаром» вернуться назад. Но и тут мы нашли выход. Наш песенник Базуев Валерий Андреевич снимал комнату в интернате. По нашей просьбе он открывал нам окно снова, и мы благополучно возвращались назад. 9–10 классы были для меня лучшим временем в интернате. У нас в классе было очень много городских ребят, и они приняли нас на равных. Многие приглашали нас в гости, и мы получали ту частичку тепла, в которой так нуждались. Началась пора чудесной юности. Помню, мы устраивали ночные танцы в школе. После отбоя мы пробирались по подвалу в темноте в здание школы. Юра Павловский остался у нас работать, до армии, лаборантом. У него были ключи и от школы и от физиокабинета. И он, можно так сказать, был заводилой. Однажды выловил нас Григорий Иванович. Многие убежали, а часть спрятались в лаборантской. Юрку заставили отдать ключи, открыли дверь. Григорий Иванович говорит: «Ну, выходите по одному». Но лишь темнота и тишина в ответ. Внутри оказалось пусто. Стены школы снаружи

были с выступлениями. Вот по этим выступлениям ребята спустились со второго этажа и через окно в подвале убежали в спальный корпус. Юрку забрали в милицию, но он никого не сдал. Позже вызвал нас Григорий Иванович на откровенный разговор, я думаю, просто ради интереса, и так заразительно смеялся, когда узнал, что у него кличка ШЕФ.

Галина РОМАШОВА (Елькова),
1959 г. р. выпускница 1976-го года

В нашем классе училась Таня Токарева. Она обожала индийские фильмы, хотя в те годы редко кто их не любил. Но она просто была ими пропитана. Татьяна собирала красивые вырезки любимых героев индийских фильмов, пела нам в палате какие-то мелодии. Была просто фанатом этого жанра. А еще я помню, как мы любили ходить в кино. Всем интернатом нас водили каждый выходной в кинотеатр «Восток». Но нам, девчонкам 8 класса, этого было мало. Мы ходили «втихаря» от воспитателя на вечерние сеансы. А билеты там дороже. Так мы просто подделывали их: цену 10 копеек подрисовывали в 40 коп. Из ластика делали печать, в этом нам хорошо помогала девочка из 9 класса, а звали ее Лариса Чирик. И выходило у нас это очень ловко. Нас ни разу не поймали на подделке. Ходили в основном на индийские фильмы в каком-то маленьком зальчике.

Мне так хотелось быть комсомолкой, что, как только в сентябре исполнилось 14 лет, я сразу же написала заявление о желании вступить в члены Ленинского комсомола. Помню, как мне подписывали рекомендацию, проводили собеседование в райкоме комсомола. Так все было волнительно. А уж вручали сам билет в интернате. Был вечер, посвященный Дню Ленинского Комсомола. Билет вручили на сцене. Все торжественно. У меня в душе все просто ликовало от счастья. У нас в интернате, между прочим, умели очень хорошо проводить праздники. Преподаватели и воспитатели принимали активное участие. Когда мы сдали экзамены за 8 класс, то мы классом решили втихую от воспитателей и учителей организовать, так сказать, «выпускной вечер».

Своих личных сбережений, конечно, у нас не было, поэтому пришлось нам собирать бутылки и сдавать их. А как мы за ними «охотились», так это целая хохма. Мы с ними один раз чуть не попались на улице нашей классной — Соловей Н.Ф. И в магазине иногда «забывали» оплачивать пакеты с конфетами. Сейчас вспомнишь, так целый криминал за нами. Прошел наш самодеятельный вечер на «отлично». У Вити Бухаркина были ключи от комнаты с народными музыкальными инструментами.

В нашем интернате был превосходный ансамбль. Там играли и Наташа Емельянова, и Тома Янковская. В этой комнате мы и собрались. Было очень весело. Музыка у нас, танцы, застолье. Потом все пошли гулять по ночному городу. Гуляли до рассвета. Было здорово. И все бы ничего, но нам захотелось еще раз провести такой вечер, что мы и сделали: опять было весело, дружно и гуляние до утра. Но тут кто-то нас заложил: на следующий день нас вызывали на «допрос». Помню, как Надежда Федоровна пыталась меня: кто был на вечере этом, какое мы имели право и т. д. Конечно, я все отрицала: нигде не была, нигде не участвовала. На что она мне сказала: «Не хочешь сознаваться, ставим тебе за это «удовлетворительно» за поведение в свидетельстве об образовании». Так в моем документе оказалась единственная тройка. Такое запомнилось мое свидетельство!

Milana Milana,

1958 г. р., выпускница 1977-го года

Помню, что в первые годы существования интерната мальчишки, привезенные из разных детских домов, адаптировались с трудом. Утаскивали матрацы из спален куда-нибудь в укромные места, тащили туда из столовой ложки, какую-нибудь утварь и там проводили свое время, пока их не обнаруживали и не возвращали в спальни интерната. Помню, что им даже было обещано вознаграждение в виде банок сгущенки за то, что они принесут назад матрацы, ложки. Мне как-то пришлось найти такое укромное место, и я сразу пошла к директору Григорию Ивановичу, все рассказала, потому и знаю про это. Как-то постепенно проделки ребят

поутихли, жизнь в школе-интернате потекла в нужном русле и на фоне городской жизни мало чем стала отличаться от жизни других школ в городе. Других ребят не привозили, а воспитанники получали аттестаты и прощались навсегда со школой-интернатом.

Однажды, в 6 или 7 классе, моя мама уезжала в санаторий и на месяц меня устроила в интернат, чтобы я не была одна дома, была сыта и под присмотром. Так я узнала жизнь девочек в интернате после уроков. Я попала в мир, не свойственный мне, выдержать смогла только неделю, потом после уроков стала уходить домой и оставшиеся дни до приезда мамы я жила одна. Я сейчас не могу сказать, почему я не смогла жить в интернате даже короткий период времени. Меня никто не обижал, девочки все меня знали, относились ко мне всегда хорошо, меня не надо было «принимать» как новенькую. Причина была во мне самой, я не смогла переселиться из домашнего уюта в комнату — спальню своих одноклассниц. Ведь в спальне были только койки, даже стола (кажется) не было. «Строем» ходить в столовую, на уроки, на мероприятия, шумные коридоры, был чужой для меня мир.

У каждой девочки был свой маленький ограниченный пространством мир — кровать и тумбочка. Никто не знал, что потеряно в жизни этих девочек, взамен чего они приобрели такой маленький свой уголок. Знали только они сами, каждая о себе. Надломленное детство, надломленная судьба. Многие из моих одноклассниц увлекались рисованием и очень хорошо рисовали. В рисунках выражались красота и доброта. Тогда мне девочки (Щепелева Валя, Черноскулова Люда, Аверьянова Нина, Романова Люда) подарили несколько своих рисунков, сделанных цветными карандашами. Я до сих пор (вот уже 42 года!) бережно храню эти рисунки. Надо сказать, что я относилась к числу «городских» ребят, так как приходила в школу только на уроки.

Городских ребят было мало. На себе я не чувствовала враждебного отношения интернатовских ребят, я не наблюдала такого в нашем классе. Конфликтных ситуаций у нас в классе не было никогда. И ребята не делились на два лагеря. Училась я в школе-интернате с 6 по 9 класс, эта школа была территориально ближе других к моему дому. В нашем классе не было хулиганистых ребят.

Девочки тоже были хорошими, не злобными. Учились ровно, многие даже с какой-то особенной ответственностью относились к учебе. Но вот характер каждой девочки формировался на фоне жизни и учебы в те годы. Заметны были различия в каждой девочке, прежде всего обостренностью восприятия общения. *Очень сильно было развито чувство коллективности и поддержки.*

ПРОКУРАТУРА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ ПРОВЕРИЛА ИСПОЛНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ 23 МАЯ 2014-ГО ГОДА

Меры, принимаемые органами прокуратуры Томской области по защите прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, способствовали положительным сдвигам в решении ряда ключевых вопросов в этой сфере. В первую очередь, это касается увеличения финансирования на обеспечение детей жильем с 11,3 млн. руб. в 2011 году до 611 млн. руб. в 2013 году и формирования в регионе соответствующей нормативно-правовой базы.

Тем не менее, проверка выявила нарушения, ущемляющие права таких детей. Так, в 7 районах области установлены факты несоблюдения порядка формирования списка лиц указанной категории, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями в 2013 году.

В Томском и Чаинском районах имели место случаи необоснованного закрепления жилого помещения, что лишало детей возможности претендовать на льготное получение жилья. В Советском и Зырянском районах сироты незаконно были сняты с учета в качестве нуждающихся в предоставлении жилья. В Советском и Тегульдетском районах выявлены факты значительного нарушения сроков принятия решения о постановке нуждающихся в жилье сирот на учет, несоблюдения процедуры принятия требуемых документов.

Органами опеки и попечительства не налажен надлежащий контроль за сохранностью жилых помещений, закрепленных за

детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. В Верхнекетском районе обследование жилых помещений, закрепленных за ними, проводились специалистами сельских поселений самостоятельно. В связи с этим местный отдел опеки и попечительства не располагал информацией о наличии задолженности по коммунальным платежам на сумму свыше 250 тыс. руб. и необходимости проведения капитального ремонта квартир 12 детей, меры к восстановлению нарушенных прав не принимались.

Установлены нарушения, допускаемые учреждениями для детей-сирот, при исполнении обязанностей опекунов, которыми они являются в отношении воспитанников. Выявлены случаи непринятия мер к предоставлению необходимого медицинского обслуживания и оперативного лечения (ТОГКОУ «Детский дом № 1 г. Томска, ОГОУ «Уртамская специальная (коррекционная) школа-интернат»), санаторно-курортного лечения инвалидов (ТОГКОУ «Детский дом № 4 г. Томска»), по защите жилищных прав воспитанников и выпускников (ОГКОУ «Семилуженский детский дом», ОГКОУ «Моряковская специальная (коррекционная) школа-интернат 8 вида»), по профилактике побегов воспитанников (ОГКОУ «Чердатский детский дом», ОГКОУ «Зырянский детский дом»), по взысканию алиментов и привлечению к ответственности лиц, не исполняющих решения суда о выплате алиментов (ОГОУ «Уртамская специальная (коррекционная) школа-интернат», ОГКУЗ «Дом ребенка специализированный для детей с органическим поражением центральной нервной системы с нарушением психики» и др.).

Всего по итогам проведенной проверки для устранения выявленных нарушений прокурорами внесено 44 представления, опротестовано 11 незаконных нормативных правовых актов, заявлено 26 исков.

Следует отметить, что исковая работа, направленная на обеспечение этой категории детей социальным жильем, ведется постоянно. В текущем году по искам прокуроров квартиры предоставлены 144 гражданам.

Работа на указанном направлении продолжается.

Детские дома Томской области по состоянию на 2014 год

Наименование учреждения	Координаты
ОГКОУ для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей детский дом «Орлиное гнездо»	634016, Томская область, г. Томск, ул. Басандайская, 11 42-47-04 42-77-79 факс sandd@family.tomsk.gov.ru http://dd-orlinoegnezdo.com
ТОГКОУ «Специальный (коррекционный) детский дом № 1 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с ограниченными возможностями здоровья»	634021, Томская область, г. Томск, ул. Л. Толстого, 47 45-25-99 45-26-01 факс ddom1@mail.tomsknet.ru http://detdom1.tomsk.ru
ТОГКОУ для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, «Детский дом № 4»	634041, Томская область, г. Томск, ул. Тверская, 74 52-11-16, 52-11-76 факс deddom4tomsk@yandex.ru http://detskiydom4.tomsk.ru
ОГКОУ для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, «Семилуженский детский дом»	634530, Томская область, Томский район, с. Семилужки, ул. Иркутский тракт, 78 94-61-78, 94-61-84 факс 94-61-65 semdetdom@mail.ru http://ddsem.family.tomsk.gov.ru

<p>ОГКОУ для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Асиновский детский дом»</p>	<p>636840, Томская область, г. Асино, ул. Дзержинского, 1а (8-382-41) 2-84-24 факс asinodd@mail.ru http://ddasino.family.tomsk.gov.ru</p>
<p>ОГКОУ для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Бакчарский детский дом»</p>	<p>636200, Томская область, с. Бакчар, ул. Хомутского, 48 (8-382-49) 2-13-72 bakdd@family.tomsk.gov.ru http://bakdd.ru</p>
<p>ОГКОУ для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, «Тогурский детский дом имени М.И. Никульшина»</p>	<p>636450, Томская область, Колпашевский район, с. Тогур, ул. Советская, 84 (8-382-54) 5-51-65 5-78-62 факс deti@kolpashevo.tomsknet.ru http://togur-dd.ru</p>
<p>ОГКОУ для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Чердатский детский дом»</p>	<p>636859, Томская область, Зырянский район, с. Чердаты, пер. Мира, 2а (8-382-43) 3-22-66 3-22-33 факс ddth@mail.ru http://чердатыРФ.ru</p>
<p>ОГКОУ для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Зырянский детский дом»</p>	<p>636850, Томская область, с. Зырянское, пер. Гоголя, 2 (8-382-43) 2-17-81 zirdd@mail.ru http://zirdd.ru</p>

Информация о деятельности комиссий по делам и защите прав несовершеннолетних на территории Томской области

Деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДН и ЗП) на территории Томской области регламентирована Федеральным законом от 24.06.1999-го № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних», утвержденном Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.06.1967-го, Законом Томской области от 09.11.2007-го № 249-ОЗ «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Томской области» и Законом Томской области от 29.12.2005-го № 241-ОЗ «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по созданию и обеспечению деятельности Комиссий по делам и защите прав несовершеннолетних».

Основными задачами КДН и ЗП являются:

1. осуществление мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, выявлению и устранению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних;
2. осуществление мер, предусмотренных законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов РФ, по координации вопросов, связанных с соблюдением условий воспитания, обучения, содержания несовершеннолетних, а также с обращением с несовершеннолетними в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
3. осуществление мер, предусмотренных законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов РФ, по координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

4. подготовку совместно с соответствующими органами или учреждениями материалов, представляемых в суд, по вопросам, связанным с содержанием несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа, а также по иным вопросам, предусмотренным законодательством РФ;
5. рассмотрение представлений органа управления об исключении несовершеннолетних, не получивших общего образования, из образовательного учреждения и по другим вопросам их обучения в случаях, предусмотренных Законом РФ «Об образовании»;
6. оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве несовершеннолетних, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы либо вернувшихся из специальных учебно-воспитательных учреждений, содействие в определении форм устройства других несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, а также осуществление иных функций по социальной реабилитации несовершеннолетних, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов РФ;
7. применение мер воздействия в отношении несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей в случаях и порядке, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов РФ.

В Томской области сложилась определенная система обеспечения согласованных действий органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, включающая в себя законодательную базу, равноуровневую структуру субъектов системы профилактики, интеллектуальные, коммуникативные, инновационные, кадровые, организационные, научные ресурсы, технологии межведомственного взаимодействия.

Областной КДН и ЗП разработаны технологии межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы

профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, позволяющие оказывать своевременную помощь детям, попавшим в социально опасное положение:

- «Порядок взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в организации индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении»;
- «Порядок организации учета несовершеннолетних в районных (городских) Комиссиях по делам и защите прав несовершеннолетних»;
- «Положение о порядке межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти Томской области, местного самоуправления и подразделений Управления ФСИН России по Томской области по социальному сопровождению и ресоциализации несовершеннолетних осужденных и детей, воспитываемых матерями с отсрочкой отбывание наказания»;
- «Регламент межведомственного взаимодействия при организации работы с несовершеннолетними, употребляющими психоактивные вещества»;
- «Порядок взаимодействия подразделений по делам несовершеннолетних отделов внутренних дел и органов службы занятости населения по вопросам занятости несовершеннолетних граждан, состоящих на учете за совершение правонарушений»;
- «Рекомендации для специалистов органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросу защиты детей от жестокого обращения»;
- «Положение о порядке межведомственного взаимодействия в Томской области по социальному сопровождению и ресоциализации несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, осужденных, вернувшихся из воспитательных колоний».

В настоящее время на территории Томской области постоянно проживают 197987 (2011 год — 193067) несовершеннолетних. На учете в КДН и ЗП за совершение различных правонарушений состоит 4425 несовершеннолетних (2011 год — 5364), их них 2120 — безнадзорных детей (2011 г. — 1982).

В 2012 году проведено 666 заседаний КДН и ЗП (2011 г. — 681), на которых было рассмотрено 4385 дел в отношении несовершеннолетних (2011 г. — 5730) и 4345 дел на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних (2011 г. — 4964).

Рассмотрено 3355 административных протоколов о неисполнении обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних (2011 г. — 3615), материалы на 218 родителей переданы в суд на лишение родительских прав (2011 г. — 298), на 24 родителей — на ограничение родительских прав (2011 г. — 35).

В 2012 году КДН и ЗП Томской области вынесено 25 постановлений о помещении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (2011 г. — 15),

47 несовершеннолетних помещены по ходатайству КДН и ЗП в Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей УМВД по Томской области (2011 г. — 21), 56 направлены в ОГСУ «Александровская образовательная школа для детей и подростков с девиантным поведением» (2011 г. — 49).

КДН и ЗП в 2012 году трудоустроено 516 несовершеннолетних из числа состоящих на учете, оказана помощь в бытовом устройстве в отношении 135 несовершеннолетних, возвращено в учебные заведения 297 учащихся.

В 2012 году КДН и ЗП Томской области в целях защиты прав несовершеннолетних осуществлено 154 проверки, по результатам которых вынесено 69 представлений. Проведено 1118 мероприятий по вопросам координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Принимаемые меры приводят к заметному снижению уровня подростковой преступности. На территории Томской области наблюдается снижение подростковой преступности на 22,4% (с 513 до 398). Удельный вес подростковой преступности составил

4,3% (2011 г. — 7,7%). Уровень групповой преступности среди несовершеннолетних снизился на 36,3% (с 113 до 72 преступлений), повторной преступности — на 34% (со 159 до 105).

Для муниципального образования «город Томск» следует предусмотреть следующий расчет штатных работников КДН и ЗП: один специалист, работающий на постоянной основе на 6 тысяч несовершеннолетнего населения. Т. е. для муниципального образования «город Томск» потребуется выделение дополнительной субвенции на обеспечение деятельности 7 штатных сотрудников КДН и ЗП.

Всего по Томской области необходимо увеличение численности специалистов комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, работающих на постоянной основе на 10 единиц.

№	Муниципальное образование, (район г. Томска)	Количество несовершеннолетних, проживающих в районе (городе)	Количество специалистов КДН	
			до увеличения	после увеличения
1.	Кировский район г. Томска	21460	2	4
2.	Ленинский район г. Томска	24356	2	4
3.	Октябрьский район г. Томска	31513	2	4
4.	Советский район г. Томска	19518	2	4
5.	Всего по г. Томску:	96847	9	16
6.	Александровский район	1913	1	1
7.	Асиновский район	7341	1,5	2
8.	Бакчарский район	3012	1	1
9.	Верхнекетский район	3512	1	1
10.	ЗАТО Северск	19353	2	3
11.	г. Кедровый	968	1	1

12.	г. Стрежевой	9415	2	2
13.	Зырянский район	2935	1	1
14.	Каргасокский район	4907	1	1
15.	Кожевниковский район	4395	1	1
16.	Колпашевский район	8715	1,5	2
17.	Кривошеинский район	2684	1	1
18.	Молчановский район	2853	1	1
19.	Парабельский район	2698	1	1
20.	Первомайский район	3995	1	1
21.	Томский район	14026	2	3
22.	Тегульдетский район	1657	1	1
23.	Чаинский район	2697	1	1
24.	Шегарский район	3796	1	1
ВСЕГО в муниципальных образованиях		197987	32	42

Ответственный секретарь Комиссии по делам и защите прав несовершеннолетних по Томской области *В.С. Хмельницкий*

О РАБОТЕ УЧРЕЖДЕНИЙ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ ДЕПАРТАМЕНТУ ПО ВОПРОСАМ СЕМЬИ И ДЕТЕЙ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В Томской области действуют 13 учреждений социального обслуживания семьи и детей, 9 образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и 4 учреждения социального обслуживания для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья.

С 2009 года, в целях профилактики социального сиротства, безнадзорности и семейного неблагополучия, в каждом из 13 учреждений социального обслуживания семьи и детей Томской области действуют службы помощи семье и детям. В состав данных служб введены специалисты-кураторы «случая», которые работают с семьями по месту их жительства. Благодаря их работе с 2009 по 2014 годы улучшилось положение дел в 4057 семьях, что составляет 68,6% от общего количества семей, находящихся на обслуживании в учреждениях.

Данная работа является частью реализации в Томской области современной системы профилактики социального сиротства, с помощью которой значительно снижена первичное выявление детей сирот (за 2010 г. — выявлено 951 сирот, 2014 г. — 513) и доля детей-сирот от детского населения области (2010 г. — 2,88%, 2014 г. — 2,58%).

Большое значение уделяется развитию семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. С 2010 года на базе 8 детских домов и 12 социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних действуют школы приемных родителей, что позволяет осуществлять подготовку граждан, желающих взять на воспитание в свои семьи детей данной категории. С 2009 по 2014 годы в школах приемных родителей прошли обучение 2714 граждан.

С целью профилактики возвратов детей из замещающих семей, в учреждениях действуют службы сопровождения таких семей. В результате принимаемых мер число детей, воспитывающихся в замещающих семьях на территории Томской области, выросло с 4374 человек в 2010 году до 4592 человек в 2014 году, что составляет 87,6% от общего числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В Томской области действуют 2 реабилитационных центра для детей и подростков с ограниченными возможностями на 115 мест и отделения в 3 Центрах социальной помощи семье и детям, что позволяет обслуживать ежегодно не менее 60% детей-инвалидов от общей численности детей данной категории, проживающих в Томской области.

7 янв. 2014 г. Встреча Нового года и проводы доброго 2013-го года

*Пикулева Лидия Павловна, Карева Валентина Григорьевна,
Чуприна Зоя Валентиновна, Прушинская Нина Петровна,
Уварова Тамара Владимировна во время встречи 2015-го года*

5 янв. 2015 г. Семья Союза ВДДИ Томской области

«Мы из рода-племени ВДДИ СИБИРИ»

ПО СОБСТВЕННЫМ СЛЕЗАМ, ПО СОБСТВЕННЫМ СЛЕДАМ...

Вадим МАКШЕЕВ,
1926 г. р.

...Зашел к Марье. Сидит она возле печи, уставшая от огорода. Худая, заветренная, в линялом платишке. Затянула потуже на затылке узел ситцевого платочка, начала рассказывать:

— Слышь, вчера гость ко мне приходил — Ваня. Да ты, поди, знаешь его. *Он и в детдоме Красноярки вроде такой был, малость не в себе. Я же там двадцать лет кастеляншей проработала — многих деток помню...*

— А я всех их, как провожали на войну, помню. Пароход «Тара» тогда шибко гудел. Сколь раз протяжно гудит и гудит, за душу берет. Уж не видать за поворотом, а все кричит: «Прощайте, прощайте навсегда...»

— Ты почему сейчас про это?

— Да на речку глядела. Расчистить бы тут омуток — чистая бы речка была. Ох, господи!.. Вспомнила, какие пароходы у нас дома по Иртышу ходили, какие красавцы! Большие, белые. Бывалоча, еще только где-то от Большеречья за поворотом загудит, весь мир на берег встречать высыпает. «Карла Маркс» пароход был большущий. Помню, куда-то на нем девчонкой ехала: от берега отчалили, а на реке какой-то катеришко с баржей — в ту же сторону, и вроде быстрее нас, а капитан на пароходе как крикнет че-то вниз машинисту, ух как сразу зашлепали по воде пароходные колеса, позади за пароходом дым стелется, волны разбегаются. Куда там тому катеришке с баржей! Как хорошо у нас было, как просторно! Никогда уже не увижу этого. Ни село свое, ни Иртыш...

...Старуха умирала. Она томительно вспоминала прожитую жизнь, вспоминала, как работала, как все надеялась на что-то светлое, которое будет, но светлого не было — настала старость, и надвинулась смерть...

Подумала, что хорошо, что умрет раньше своих детей, но душа ее еще держалась в сухоньком, исхудавшем теле. Она закрыла глаза и уснула. Пробудилась и тихо окликнула сидевшую у ее изголовья дочь:

— Маруся, слышь, че я видела сейчас? — Че, мамонька? — спросила дочь.

— Будто иду по покосу, а трава выросла така висока-высока! А я литовку беру и кошу ее, и така я сильна, могутна! И че это теперь со мной сталось? Пошто я така стала, куды че подевалось?

Дочь ничего не ответила. Старуха смежила глаза, снова увидела зеленый луг, увидела, как ложится под взмахами косы росистая трава, как высоко-высоко вверху синее небо, а она, молодая и сильная, идет по широкому прокоосу к маячащим вдали тальникам, за которыми течет еще невидимая отсюда, знакомая ей река...

И неведомо ей было, что в бревенчатом домишке на окраине деревни над ее уже бездыханным телом заголосила дочь...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Выписка из материалов Союза ВДДИ Томской области	4
А что за порогом?.. (В.А. Колыхалов)	7
Детдомовцы в годы войны (Справка)	9
Ленинградский Зырянский детский дом (Е.А. Мамонтова)	11
Мы сражались за ваше будущее (Ф.Т. Бондаренко)	17
Приходите в наш дом (В. Аникина)	22
Обретение Кашаева (В.А. Колыхалов)	25
Детдомовское братство (З. Куницына)	30
Воспитательные дома (И.Р. Ряценко)	32
Жилье для детей-сирот (В.М. Кресс)	45
Сведения о приюте в Томске 1920-го года	46
Тепло сердец детского дома № 2 (Н.И. Галахарь)	48
В боях за Родину выпускники детских домов (А.Я. Пшеничкин)	57
Отца забрали у меня... (Р.П. Аввакумова)	60
Кругловский детский дом (А.Я. Пшеничкин)	74
Судьба Мошкиной Ольги (О.В. Нелюбина)	79
Добро делать спешите (В.А. Воронова)	82

Часть вторая

Простите нас, потомки (В.А. Колыхалов)	147
Сын Нарыма (Л.Ф. Пичурин)	151
Братья Колыхаловы из Томска (А. Шелудяков, О. Маслов, Н. Волокитин, С. Заплавный, В. Колыхалов)	160
Далекие годы (Н.В. Сочихин)	170
Писать надо для памяти (В.Г. Морозов)	175
Память сердца (Н.В. Ломакина (Кокорина))	204
Земные пути (А.Г. Серикова (Долдина))	233
Неутомимое сердце (Н.А. Вяткин)	243
Бакчарский детский дом (О.А. Галанцева)	284
Детский дом традициям верен (З. Баскончина)	286
Защита прав детей-сирот в Томской области	289

Часть третья

Враги народа?.. За что?! (Г.И. Манакова)	302
Где же вы, мои девчонки? (Н.Я. Бочков)	305
Базойский детский дом (З.В. Чуприна)	314
Пережитое. Детский дом № 9 (З.В. Чуприна)	320
Детский дом № 30, № 9 (А.К. Шурманов, З.С. Соловьева) ..	353
Тогурский детский дом (Л.Е. Устинов)	370
«Лукоморье» и «Синегорье» (В.И. Чупин)	424

Часть четвертая

Фонд Мира сиротам (В.В. Ермаченко)	437
Детский дом «Орлиное Гнездо» (З.Г. Барашева)	475
Наш добрый детский дом (П.Я. Нехорошева)	491
Детский дом (А. Казанцев)	539
Во временах жизни... (Е.И. Дьячков)	545
Беспризорники села Семилужки (Н.П. Прушинская)	554
Встречи в «Золотой осени» (О.В. Нелюбина, В.П. Твердохлебова, О.В. Марченко, Н.И. Долдин, П.Я. Нехорошева, З.В. Чуприна, Л.М. Дружинина и др.) ..	559
Помним Асиновскую школу-интернат (Е. Евдокимов, Р. Усольцева (Бершауэр), Г. Ромашова (Елькова), Milana Milana)	561
Проверка исполнения законодательства о защите прав детей-сирот Прокуратурой Томской области	567
По собственным слезам, по собственным следам (В. Макшеев)	580

СИРОТА СИБИРИ

Редакционная коллегия:

Аввакумова Римма Петровна,	Барашева Зоя Георгиевна,
Бондаренко Федор Тимофеевич,	Вяткин Николай Александрович,
Ермаченко Валентина Васильевна,	Долдин Николай Иванович,
Колыхалов Вениамин Анисимович,	Кресс Виктор Мельхиорович,
Ломакина Надежда Васильевна,	Морозов Владимир Гаврилович,
Данченко Вячеслав Павлович,	Кочева Валентина Александровна,
Нехорошева Полина Яковлевна,	Пшеничкин Анатолий Яковлевич,
Рященко Ираида Романовна,	Сочихин Никон Васильевич,
Чуприна Зоя Валентиновна,	Устинов Леонид Ефимович

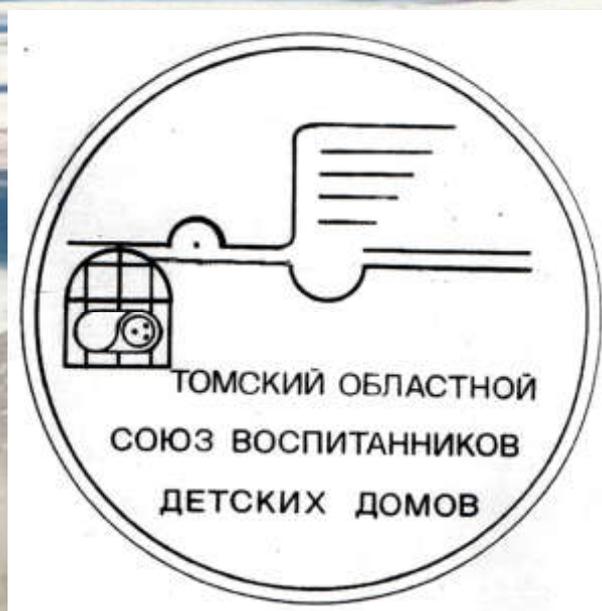
Авторы составители:

Долдин Н.И., Колыхалов В.А.

Компьютерный набор Долдин Н.И.
Верстка Худякова Н.И., Аржановская И.А.
Корректоры Светлакова Л.А., Небаракoвская Г.В.
Технический редактор Пшеничкин А.Я.
Дизайн обложки Долдин Н.И.

Отпечатано в типографии издательства «Ветер».
634003, г. Томск, Иркутский проезд, 11а.
Тел./факс (3822) 65-00-13, vetertomsk@yandex.ru.
Подписано в печать 25.03.2015 г. Заказ № 6791.
Формат 62×84/16. Гарнитура «Times New Roman».
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 31.
Тираж 200 экз.

1990 - 2015

НЕГАСИМОЕ ПЛАМЯ ВОЙНЫ В ПАМЯТИ СИРОТ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Мы помним Мы помним Мы помним